

ПУТЬ В НАУКУ

Юридические науки

Выпуск 52(122)

Текстовое электронное
издание

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»

ПУТЬ В НАУКУ

Юридические науки

Электронный сборник научных трудов

Выпуск 52(122)

Текстовое электронное издание

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: доц., к.физ.-мат.н. Ю. Я. Романовский

Заместитель председателя: к.пед.н. И. В. Бурая

Главный редактор доц., к.ю.н. П. В. Соловьев

Зам. главного редактора А. В. Валевко

Теория и история права.

Конституционное право.

Международное право:

доц., к.ю.н. И. В. Шахновская

Гражданское право.

Право интеллектуальной собственности.

Трудовое право:

доц., к.ю.н. Е. Н. Кудряшова

Уголовное право:

доц., к.ю.н. И. В. Шахновская

Путь в науку. Юридические науки [Электронный ресурс] : электрон. сб. науч. тр. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. – Вып. 52(122). – URL: https://journals.psu.by/specialists_legal_sciences.

ISBN 978-985-531-892-8

Издается с 2014 года (в печатном виде – с 2004 г.) Обновляется 1 раз в год.

Переименован с 2024 г. (прежнее название «Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Юридические науки»).

В сборнике представлены публикации студентов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой по направлениям юридических исследований, проводимых в университете: теория и история права, конституционное право, международное право, гражданское право, право интеллектуальной собственности, трудовое право, уголовное право.

Предназначен для работников науки, образования и производства, будет полезен студентам, магистрантам и аспирантам университетов юридических специальностей.

Сборник включен в Государственный регистр информационного ресурса.

Регистрационное свидетельство № 3101404560 от 30.11.2014 г.

Учредитель: учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»

211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, Беларусь

тел. 8 (0214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. Е. Рясовой.*

Компьютерный дизайн: *Отдел по связям с общественностью.*

Подписано к использованию 04.11.2024. Объем издания: 3,02 Мб. Заказ 397.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 27.05.2004.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 342

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ КАК ВИДА НАКАЗАНИЯ

Т. А. ГРЕЦКАЯ

(Представлено: А. В. ВАЛЕВКО)

В статье рассматривается смертная казнь, которая является одним из самых древних и противоречивых видов наказания. Также её цели, исторические корни, эволюция и современное применение.

Изучение исторических корней современных видов наказания в Беларуси является важным инструментом для:

- Оценки современного состояния системы наказаний;
- Формирования общественного мнения;
- Развития более гуманной и эффективной системы наказаний.

Наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осуждённому за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осуждённого[2].

Наказание применяется в целях исправления виновного, а также предупреждения совершения новых преступлений как осуждённым (частная превенция), так и другими лицами (общая превенция).

В качестве исключительной меры наказания допускается применение смертной казни – расстрела (до отмены смертной казни) за преступления, предусмотренные частью 2 статьи 124, частью 3 статьи 126, частью 3 статьи 289, частью 2 статьи 356 и частью 2 статьи 359 настоящего Кодекса, либо за сопряжённые с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах некоторые иные особо тяжкие преступления [2].

Существуют два основных взгляда на сущность и цели смертной казни. Согласно одному из них, смертная казнь – это прежде всего средство предупреждения новых тяжких преступлений как со стороны преступника путём его физического устранения, так и со стороны потенциальных преступников путём их устрашения реальной угрозой смерти. Признание необходимости смертной казни здесь является относительным, т.к. обусловлено успехом в предотвращении тяжких преступлений. Согласно другому взгляду, смертная казнь – это прежде всего возмездие за совершённое преступление, которое должно последовать независимо от каких-либо соображений целесообразности. Смертная казнь сохраняет две цели наказания: предупреждение совершения преступлений и восстановление социальной справедливости, цель которой исправление осуждённого выпадает из этого ряда.

Сущность любого наказания – кара. Кара представляет собой лишение человека его прав или интересов, уменьшение их объёма либо введение особого порядка их осуществления, установление обязанностей, которые обусловлены наказанием и на других граждан обычно не возлагаются. В смертной казни кара проявляется в максимальной степени. У осуждённого отнимается самое дорогое, что есть у человека, – жизнь. Естественно, что одновременно он лишается и других прав и интересов. Однако это происходит только после приведения приговора в исполнение.

История наказания смертной казнью берёт свое начало с древних времен, когда основным источником права был обычай. Устрашение как одно из целей наказания впервые было закреплено на территории феодальной Беларуси в Судебнике Казимира 1468 г. Так, если в соответствии с обычным правом преступник, осуждённый к смертной казни, мог от неё откупиться либо быть «отдан в неволю тому, кто потерпел», либо его близким, то Судебник запрещал освобождать преступника от кары. В нём впервые получило законодательное закрепление и применение смертной казни, которая предусматривалась в шести случаях, в основном, за кражу.

В XVI в. такое наказание как смертная казнь получает ещё большее распространение и развитие. Так, если в Статуте 1529 г. применение смертной казни ограничивается случаями наиболее тяжких преступлений (например, государственных, квалифицированных убийств) и, в основном, речь идет об «утрате горла», то в Статуте 1566 г. количество случаев смертной казни увеличивается почти втрое, а Статуте 1588 г. – почти в пять раз. В Статуте 1588 г. кроме повешения и сожжения, уже говорится о таких видах смертной казни, как четвертование, посадение на кол, отсечение головы и т.д. Статут 1588 г. предусматривал

смертную казнь за наиболее тяжкие преступления против религии и церкви, против порядка управления и правосудия, против личности, за целый ряд государственных, воинских и имущественных преступлений.

После февральской революции, созданное в Петрограде Временное правительство 12 марта 1917 г. отменило смертную казнь, однако уже 12 июля этого же года смертная казнь была восстановлена на фронте за убийство, разбой, измену, побег к неприятелю, сдачу в плен и другие воинские преступления.

После Октябрьской революции наступил новый период в истории смертной казни на территории Беларуси. Начиная с 1917 г. смертная казнь отменялась трижды: в 1917 г., в 1920 г. и в 1947 г. Однако каждый раз через некоторое время после принятия актов об отмене смертной казни её применение восстанавливалось, что в определённых исторических условиях объяснялось необходимостью усиления борьбы с особо опасными преступлениями.

Начиная с 90-х годов XX в. началось сужение сферы применения смертной казни, исключив её из санкций статей Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за преступления не сопряжённые с умышленным посягательством на жизнь человека. Однако, учитывая мнение большинства граждан Республики Беларусь, высказанное на республиканском референдуме 1996 г., законодатель сохранил смертную казнь как исключительную меру наказания, существенно ограничив пределы её применения и предусмотрел альтернативный вид наказания – пожизненное лишение свободы. Смертная казнь сейчас допускается лишь за некоторые особо тяжкие преступления, сопряжённые с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах.

Применение смертной казни закреплено в статье 24 Конституции Республики Беларусь. Она допускает эту меру наказания в отношении лиц, которые совершили особо тяжкие насильственные действия, в том числе убийства с особой жестокостью.

Вывод: смертная казнь в Беларуси – это спорный вопрос, имеющий длинную историю и разные взгляды на её целесообразность. В настоящее время она сохраняется как исключительная мера наказания за наиболее тяжкие преступления, при этом наблюдается тенденция к ограничению её применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовное право: курс лекций / Г. В. Назаренко. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва: Ось-89, 2008. – 189, [1] с.; 20 см. – (Ius est ars boni et aequi) (Серия "Juris prudentia"); ISBN 978-5-98534-782-1.
2. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г. № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 09.03.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.
3. Кистяковский, А. Ф. Исследование о смертной казни : Монография / А. Ф. Кистяковский. – Москва : Директ-Медиа, 2010. – 270 с. – ISBN 978-5-9989-4719-3. – EDN SUPOMZ.
4. Довнар, Т.И., Шелкопляс, В.А. Уголовное право феодальной Беларуси / Т.И. Довнар, В.А. Шелкопляс. – Минск : Академия МВД РБ, 1995. – 96 с.

УДК 342

**ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВКЛ****Т. А. ГРЕЦКАЯ****(Представлено: А. В. ВАЛЕВКО)**

В статье исследуется история и современное применение штрафов как распространённых видов наказания. Также рассматривается эволюция этого наказания и изменяющиеся его социальные и правовые нормы.

Изучение исторических корней современных видов наказания в Беларуси является важным инструментом для:

понимания эволюции и трансформации системы наказаний:

– можно проследить, как менялись виды наказаний, их цели и принципы применения на протяжении истории.

– можно увидеть, как на систему наказаний влияли политические, социальные и экономические изменения в обществе.

– мы должны понять, почему определённые виды наказаний оказались более эффективными или, наоборот, менее успешными.

Наказание – это мера государственного принуждения, применяемая к лицу, совершившему преступление, с целью предупреждения совершения им новых преступлений, а также восстановления нарушенного правопорядка и воспитания у осуждённого чувства ответственности за свои действия.

Наказание должно быть справедливым, соразмерным тяжести совершённого преступления, а также иметь цель исправления осуждённого.

Штраф – денежное взыскание, назначаемое судом в случаях, установленных Уголовным кодексом Республики Беларусь[4].

Целью штрафа как наказания в уголовном праве выступает восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений.

Карательная функция, которая выражается в различных мерах наказания виновного лица посредством возложения на правонарушителя личных, организационных или имущественных последствий неблагоприятного (отрицательного) характера (штраф, лишение специального права, звания, чина, награды, неустойка, обязательные и принудительные работы, лишение свободы и др.).

Уголовно-правовые нормы, регламентирующие штраф и конфискацию, предусмотрены в разделах 1, 2, 4, 9–14 Статута 1588 г. Статут не устанавливал новых видов имущественных взысканий, но вносил ряд изменений в порядок их назначения и исполнения. По Статутам ВКЛ получило законодательное закрепление «устрашение», на которое должны были работать значительные имущественные взыскания и штрафы. Система штрафов была разнообразной и весьма сложной. В Статуте 1529 г. прослеживается четкая структура системы наказаний. Он предусматривал как штраф, так и конфискацию имущества. Как указывает Г. В. Демченко[1], в первом Статуте наказание является ещё средством удовлетворения потерпевшего и только отчасти имеет значение возмездия за совершённое зло и известного воздействия на волю преступника; цель устрашения почти совершенно отсутствует. В связи с этим, господствующей формой наказания были имущественные наказания, в первую очередь те, которые шли в пользу потерпевшего, и, лишь отчасти – в пользу общественной власти.

Штраф по Статуту 1588 г. был одним из самых распространённых видов наказания. Головщина, по меткому выражению В. Кульчицкого[2], это денежный штраф «за голову убитого», то есть за убийство, который выплачивался, кроме основного наказания, семье и родственникам убитого. Исходя из этого, с уверенностью можно утверждать, что головщина является исключительно дополнительным наказанием. Размер головщины зависел не только от тяжести совершённого преступления, но и от сословия и должности убитого. Влияло на размер головщины и социальное положение убитого. Повышался уровень головщины и за убийство ремесленников, «даже, если кто-нибудь из этих ремесленников тяглый или несвободный».

Навязками назывались штрафы за причинение телесных повреждений, захват крестьян и челяди, а также захват лошадей, птиц и иных животных. На размер навязок влияли характер совершённого преступления и социальная принадлежность преступника и потерпевшего.

Своеобразным видом штрафа, имущественным наказанием являлось возмещение ущерба «Шкоду оправити».

Штраф за насильственные действия именовался «гвалт», его можно встретить, например, в разделе 11 Статута 1588 г.

Штраф мог применяться в виде как основного, так и дополнительного наказания. За преступления против личности и имущественных прав основным наказанием являлся штраф в пользу потерпевшего и великого князя.

В уголовном праве при определении наказаний четко проявлялся классовый характер. Так, если шляхтич поранил другого шляхтича, то мог быть осуждён к такому же увечью. А если шляхтич причинил увечье простому человеку, то приговаривался к выплате штрафа – навязке. Все платежи были направлены на оборону интересов панов и шляхты.

По Статуту 1588 г. дифференцировалась ответственность за причинение тяжкого телесного повреждения в зависимости от формы вины. Так, штраф предусматривался за причинение тяжкого телесного повреждения по неосторожности, а за причинение тяжкого телесного повреждения с «умыслом злым» назначалось членовредительство и в дополнение к нему штраф. В зависимости от степени тяжести телесных повреждений штраф мог быть назначен за менее тяжкое и легкое телесное повреждение.

Среди наказаний, связанных с имущественными ограничениями или лишениями, по Статуту 1588 г. предусматривались штраф, конфискация имущества и специальная конфискация. Штраф, как один из видов имущественных наказаний был весьма распространен, разнообразен и, несомненно, являлся неотъемлемым элементом карательной системы. На размеры штрафов влияли ярко выраженные сословные неравенства. По Статуту 1588 г. штраф чаще устанавливался в дополнение к иным наказаниям. Также предусматривались две разные по содержанию основные группы штрафа: штраф в пользу потерпевшего и штраф в пользу великого князя.

Вывод: институт штрафа в уголовном праве подвергается реформированию с учетом требований современной жизни. Он является одним из распространенных видов наказания, не связанных с лишением свободы. Применение штрафа в численном отношении растет, так как в условиях рыночной экономики данный вид уголовно-правовой меры и наказания является предпочтительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демченко Г. Наказаніє по Литовському Статуту вь его трех редакціях (1529, 1566 и 1588 гг.) / Г. Демченко. – Киев: Типографія Императорскаго Университета св. Владимира, 1894. – 276 с.
2. Кульчицкий В., Тищик Б. Історія держави і права України / В. Кульчицкий, Б. Тищик. – Львів: ЛНУ, 2000. – 402 с.
3. Уголовное право: курс лекций / Г. В. Назаренко. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва: Ось-89, 2008. – 189, [1] с.; 20 см. – (Ius est ars boni et aequi) (Серия "Juris prudentia"); ISBN 978-5-98534-782-1.
4. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г. № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 09.03.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. : Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Бел. сав. энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989.

УДК 342

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

П. А. ДУБРОВСКИЙ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье анализируются научные подходы в области определения сущности и значения конституционных ценностей, предлагается авторское понимание данной правовой категории. Проводится анализ норм Конституции Республики Беларусь на предмет определения перечня государственно значимых конституционных ценностей. Автором предлагается классификация конституционных ценностей исходя из сферы их закрепления и реализации.

Конституция – главный нормативный правовой акт (далее – НПА) в Республике Беларусь, имеющий высшую юридическую силу, который закладывает основы конституционного строя, существования государства и общества. Поскольку Конституция находится на самой вершине иерархии НПА, следовательно, и указанные в ней идеи и ценности имеют наибольшее значение, а значит – защита этих основ в любое время является главной задачей государства и общества. Актуальным для исследования является анализ Конституции Республики Беларусь и других нормативных правовых актов с целью определения конституционных ценностей, выделения их видов, а также анализ научных подходов, предметом исследования которых выступают конституционные ценности.

По мнению И.А. Карасевой конституционными ценностями признаются основополагающие правовые принципы и иные нормы общего характера, определяющие приоритеты развития и защиты общественных отношений в различных сферах жизни, закрепленные в Конституции и (или) выводимые из ее содержания путем официального толкования [1, с. 75]. На наш взгляд, указанный автор понимает под конституционными ценностями только те, что закреплены Конституцией или выводятся из толкования ее текста. В то же время отдельные конституционные ценности имеют только начало в Конституции и закрепляются в дальнейшем в других нормативных правовых актах.

Согласно подходу С.С. Олесько, под конституционными ценностями государства подразумевается социальное и правовое явление, единовременно подразумевающее некие блага, их оценку и соотношение между собой [3, с. 61]. Не можем в полной мере согласиться с такой позицией, поскольку в данной трактовке автор исключает нормативное закрепление в принципе. Ю.А. Рудт, в свою очередь, понимает конституционные ценности как публичные и частные интересы, защищаемые Конституцией (в случае данной исследовательницы - Российской Федерации) [4, с. 77]. Такая позиция сходна с подходом И.А. Карасевой, в рамках которых нивелируется роль законодательных актов в сфере определения перечня конституционных ценностей, юридическое значение определяется лишь текстом Конституции.

На основании проведенного научного анализа под конституционными ценностями следует понимать основы государства и общества, имеющие начало в Конституции и различных международных договорах, а также имеющие дальнейшее нормативное закрепление в других нормативных правовых актах государства и охраняемые государством. Данное понятие видится целостным и наиболее полным и отражающим природу конституционных ценностей.

Отметим, что в Конституцию Республики Беларусь не единожды были внесены изменения и дополнения, как на республиканских референдумах (1996 г., 2004 г., 2022 г.), так и Парламентом Республики Беларусь (2021 г.). Вследствие проведенных конституционных реформ принципы и ценности так или иначе претерпевали изменения, однако их фундаментальный и базовый характер сохранил свою историческую преемственность.

Так, согласно ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Беларусь определено, что Республика Беларусь защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок, что свидетельствует о том, что наиболее значимыми ценностями для нашей страны являются: независимость, территориальная целостность, действующий конституционный строй, а также законность и правопорядок. Следующей конституционной ценностью в Республике Беларусь является демократия, приверженность к демократическим принципам (ст. 3 и ст. 4 Конституции), ст. 6 Конституции (Государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную), ст. 7 Конституции (В Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права) [2]. Конституционные ценности демократии находят также свое правовое закрепление в следующих нормативных правовых актах – Избирательном кодексе Республики Беларусь, Законе Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», Указе Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах местного управления и самоуправления» и другие.

Особую ценность для государства имеет государственная символика: Государственный герб, Государственный флаг, Государственный гимн. На важность и значимость данных символов направлено регулирование нормы в ст. 19 Конституции (Символами Республики Беларусь как суверенного государства являются ее Государственный флаг, Государственный герб и Государственный гимн) [2]. Таким образом конституционные ценности Республики Беларусь имеют широкое правовое закрепление, не только в Конституции нашей страны, но и также в законах, кодексах и нормативных правовых актах Президента Республики Беларусь.

Конституционные ценности подразделяются на несколько видов: политические, социальные, культурные и социально-экономические. Политическими являются те ценности, которые связаны с государственной властью, государственными органами и отношениями между ними и обществом. Как пример таких ценностей можно привести ценности демократических выборов, ценности демократического управления и разделения властей. Социальные ценности это те, которые затрагивают права и свободы личности в сфере проведения социальной политики. К таковым можно отнести проявление особой заботы о социально уязвимых категориях населения, ценность получения образования, здоровье населения и др. К культурным конституционным ценностям относятся те, реализация которых удовлетворяют культурные потребности людей. Данные ценности перечислены во 2-ом разделе Конституции, а также в нормативных правовых актах о культуре (Кодекс Республики Беларусь о культуре). Конституционными ценностями экономического характера признаются те, что определены в разделе 6-м Конституции, в законодательстве о труде (в частности, Трудовом кодексе Республики Беларусь).

Таким образом, под конституционными ценностями следует понимать основы государства и общества, имеющие начало в Конституции и различных международных договорах, а также имеющие дальнейшее нормативное закрепление в других нормативных правовых актах государства и охраняемые государством. Классификация конституционных ценностей возможна исходя из сферы их регулирования и реализации: политические, социальные, культурные и социально-экономические.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасева, И. А. Конкуренция конституционных ценностей в правоприменительной практике России и зарубежных государств / И. А. Карасева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 4(10). – С. 75–85.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. – Дата доступа: 12.10.2024.
3. Олесько, С. С. Понятие, признаки и правовая природа баланса конституционных ценностей / С.С. Олесько // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2024. – № 1 (66). – С. 60–68.
4. Рудт, Ю. А. Влияние универсальных конституционных ценностей на национальные конституционные ценности в России / Ю.А. Рудт // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2013. – № 10. – С. 76–79.

УДК 342

**НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
ИДЕОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ****П. А. ДУБРОВСКИЙ****(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)**

В статье рассматриваются перспективные направления внедрения технологий искусственного интеллекта в избирательный процесс Республики Беларусь. Проводится анализ норм Избирательного кодекса Республики Беларусь, отмечается пробельность а правовом регулировании технологий использования искусственного интеллекта. Отдельное внимание уделяется различным аспектам воздействия искусственного интеллекта на реализацию идеологической функции государства.

Цифровизация общества с каждым годом все более и более влияет на жизнь людей, на развитие общественных отношений. Кроме того, повсеместное внедрение цифровых технологий влияет и на государство и его функционирование. Особое значение оказывает воздействие цифровых технологий на избирательный процесс, поскольку выборы – наиважнейший этап для становления государственной власти.

Цифровые технологии могут как упрощать электоральные процедуры, так и в некоторых моментах усложнять. Особое место в системе «цифры» занимает искусственный интеллект (далее – ИИ), темпы развития которого в последние годы сильно возросли, как и возможности для его использования. В процессе выборов ИИ может использоваться представителями государственной власти, избирателями, оппозиционными структурами.

Актуальным видится проанализировать нормы Избирательного кодекса Республики Беларусь, выявить возможные пробелы в законодательстве в связи с использованием ИИ, определить возможности его использования разными субъектами, а также определить его влияние на электоральные ценности граждан и весь избирательный процесс.

Особую значимость имеет определение стадий избирательного процесса, на которых возможно внедрение технологий ИИ. Главной задачей искусственного интеллекта в данной сфере будет являться автоматизация и упрощение имеющихся процессов. В Республике Беларусь избирательный процесс состоит из следующих этапов:

- 1) назначение даты выборов;
- 2) образование избирательных комиссий;
- 3) образование избирательных округов;
- 4) составление списка избирателей;
- 5) выдвижение и регистрация кандидатов;
- 6) предвыборная агитация;
- 7) голосование;
- 8) подсчёт и объявление результатов выборов [2].

В частности, при назначении даты выборов искусственный интеллект может быть использован для подбора наиболее «выгодной» даты на основе статистики явки в те или иные дни на предыдущих выборах, а также с помощью имеющихся баз данных и машинного обучения выбирать даты с наименьшей занятостью граждан с избирательным правом. Во время образования избирательных комиссий и избирательных округов ИИ может быть использован для наиболее возможной автоматизации процесса, а также для упрощения бюрократического аспекта. В свою очередь при составлении списка избирателей искусственный интеллект может полностью вытеснить человека на этом этапе, поскольку все что требуется для успешного выполнения поставленных задач – актуальный список граждан, а последующие процессы будут целиком предоставлены ему.

На стадии выдвижения и регистрации кандидатов ИИ так же, как и во время образования комиссий и округов может быть использован для автоматизации и упрощения процесса приема и одобрения заявок, также, данную технологию можно использовать кандидатам для помощи в выдвижении своих кандидатур. Во время предвыборной агитации имеется наибольший простор для использования искусственного интеллекта – ИИ может делать всю работу (кроме физической) за кандидата: «придумывать» лозунги и агитационные плакаты (особую роль в данных процессах могут играть генеративные нейронные сети типа ChatGPT и Midjourney), планы мероприятий, темы для выступлений перед электоратом и даже осуществить подбор мест, которые стоит посетить во время проведения избирательной кампании. Таким образом, на данном этапе ИИ способен заменить для кандидата как простого помощника, так и целую команду, взяв всю творческую работу на себя.

На стадии голосования искусственный интеллект благодаря своей непредвзятости и аполитичности способен стать эталонным наблюдателем с помощью системы видеонаблюдения, также на этапе голосования он способен заменить работу человека на избирательных участках. При помощи ИИ подсчет голосов может быть полностью автоматизирован, таким образом полностью исключив человека из этого процесса.

Стоит отметить, что во время выборов, власть при помощи искусственного интеллекта способна влиять на повышение явки, продвигая нужные идеи. Smart Estet в своей публикации предполагают, что нейросети и чат-боты, в частности, могут быть использованы кандидатами в качестве ответчиков на вопросы избирателей, что сильно упростит работу с ними, а также что ИИ-элементы могут быть использованы для таргетированной рекламы и продвижения собственных нарративов [3].

Примечательным является то, что при анализе действующего избирательного законодательства было выявлено, что использование ИИ в данной сфере не регламентировано. Отсутствие правового регулирования в электоральном процессе сказано отсутствием практического использования ИИ в нем. В связи с вышесказанным последующий анализ законодательных пробелов в сфере искусственного интеллекта будет носить теоретический характер.

Как было отмечено выше, предвыборная агитация и создание материалов – это этап, когда ИИ может играть наиболее важную роль. Однако, в ст. 45 Избирательного кодекса Республики Беларусь (далее – ИК), ИИ не указан в качестве технологии, с помощью которой возможно проведение предвыборной агитации. В соответствии с ч. 11 ст. 45 ИК все агитационные материалы должны создаваться на территории Республики Беларусь, однако большинство серверов различных ИИ находятся за пределами нашей страны, что позволяет говорить о том, что материал фактически произведен вне страны, создавая таким образом пробел.

Отметим, что в ст. 49 ИК не определен порядок привлечения к ответственности в случае нарушения требований ИК искусственным интеллектом, который может генерировать недостоверную информацию и так называемые «дипфейки» (в данный момент эта проблема имеет как никогда актуальный характер).

В числе изменений и дополнений представляется возможным в ст.55 ИК предусмотреть возможность использования ИИ при подсчете голосов. Как итог анализа ИК необходимо отметить, что действующая редакция не имеет никаких норм, касающихся контроля за искусственным интеллектом во время электоральных компаний, что показывает необходимость в их наличии из-за возможности неконтролируемого использования ИИ.

Следующим аспектом использования ИИ во время выборов, требующим изучения, является идеологический. Стоит понять, каким образом искусственный интеллект способен повлиять на идеологию государства и на электоральные ценности граждан. Как было сказано ранее, использование ИИ в выборах сопряжено с различными негативными последствиями – не только недостоверная информация и высококачественные дипфейки, но и кибератаки с участием искусственного интеллекта [1], все перечисленное будет понижать уровень доверия людей к ИИ, к государству и прочим субъектам общественно-политической системы. Однако, не смотря на увеличение количества «фейков», будет увеличиваться также и уровень критического мышления населения, людям придется больше искать правдивую информацию и анализировать имеющуюся. Также благодаря чат-ботам люди смогут получать актуальную информацию о всей необходимой информации [1], что повысит уровень доверия государству и уровень открытости последних. С точки зрения государства ИИ может быть полезен как помощник в процессе идеологизации, а именно: повышать уровень образованности населения, повышать уровень доверия к власти, а также повышать политическое значение выборов как конституционно-правового института. Тем не менее, все ранее перечисленное возможно реализовать только при наличии отечественного ИИ (что как говорилось повысит значимость его самого и государства), поэтому необходимо развивать данную отрасль информационных технологий. Таким образом, роль ИИ может носить как положительный, так и отрицательный характер в контексте развития идеологической функции государства и формирования электоральных ценностей граждан.

Таким образом, белорусское избирательное законодательство в настоящий момент никак не регулирует отношения, которые могут возникать в связи с применением ИИ. Тем не менее возможности для его использования в избирательном процессе очень большие, а значит и возможности правового регулирования тоже. В числе возможных направлений для использования ИИ может стать его внедрение на стадии голосования, подсчета голосов, проведения предвыборной агитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Can artificial intelligence (AI) influence elections? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unric.org/en/can-artificial-intelligence-ai-influence-elections/>. – Дата доступа: 14.09.2024.
2. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 февраля 2000г №370-3: в ред. Закона от 16 февраля 2023 № 252-3. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0000370>. – Дата доступа: 13.09.2024.
3. Искусственный интеллект и демократия. Как современные технологии используют во время выборов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smart--estet-ru.turbopages.org/smart-estet.ru/s/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-demokratiya-kak-sovremennye-tehnologii-ispolzuyut-vo-vremya-vyborov>. – Дата доступа: 13.09.2024.

УДК 342

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ**А. А. ДЫБЕВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются различные научные подходы к определению понятия соматических прав личности, выделяются особенности и признаки соматических прав. Предлагается авторское понимание прав данной категории. Автор рассматривает вопросы соотношения и взаимосвязи соматических прав и свобод с иными категориями прав человека.

В последнее время всё больше исследователей обращает внимание на относительно новую, стремительно развивающуюся категорию прав личности, которую современные правоведы относят к новому поколению прав человека – соматическим правам. Во многих государствах на настоящий момент нет законодательного определения и регламентации таких прав. В то же время, в обществе растёт потребность в нормативном регулировании общественных отношений в сфере реализации соматических прав и свобод. Открывается широкое поле для развития научной мысли, безусловно, с целью последующего применения полученных знаний и выработанных подходов законодателем при разработке и принятии нормативных правовых актов.

В юридической науке имеется довольно много подходов к определению понятия соматических прав. Первым в рамках российской юридической науки свой подход сформулировал В. И. Крусс ещё в 2000 году. К соматическим правам были отнесены правопритязания в отношении распоряжения человеком собственным телом путём модернизации, реставрации и даже фундаментальной реконструкции, изменения функциональных возможностей организма в том числе агрегатным или медикаментозным способами. Конкретно были приведены следующие соматические права: право на смерть, изменение пола, трансплантацию органов, употребление наркотиков и психотропных средств, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, право на клонирование, на виртуальное моделирование с целью дублирования себя в нематериальной форме объективного существования [1, с. 43]. С таким перечнем соматических прав и свобод солидарен Д. Г. Василевич, включая в перечень соматических прав те же права и свободы, за исключением прав на употребление наркотических средств и на виртуальное моделирование [2, с. 107]. А. И. Ковлеру удалось сформулировать понятие по существу лаконично – права на манипуляции с собственным телом [3, с. 425]. Е. М. Нестерова рассуждает о соматических правах как о правах распоряжения телом как объектом собственности [4, с. 222]. Следовательно, отмечается разность подходов к соотношению соматических прав человека с правами человека в общем смысле. Д. Г. Василевич [2, с. 107], О. Э. Старовойтова [5, с. 12] заявляют о том, что соматические права представляют собой часть естественных прав. А. И. Ковлер в свою очередь делает вывод о том, что соматические права не входят категориально ни в естественные, ни в позитивные права человека [3, с. 426].

Принимая во внимание вышеизложенные научные подходы правоведов, считаем, что соматические права – новое поколение прав человека, представляющее собой совокупность правомочий личности в отношении распоряжения своей телесной субстанцией путём не определенного конкретно на данный момент перечня манипуляций специфически личностного характера, об отнесении которых к соматически-правовым ведутся споры в научной среде. Выражая солидарность научной позиции А. И. Ковлера, соматические права также не поддаются традиционной юридической классификации в силу своего специфического характера [3, с. 426].

Кроме того, предметом дискуссии в научной среде являются и признаки соматических прав и свобод личности. Опираясь на различные ввиду особенностей и новизны соматических прав подходы, представляется возможным предложить выделение следующих признаков прав этой категории:

Исходя из сугубо личностного характера правопритязаний, выявляются границы действия и осуществления соматических прав отдельной личности – физически соматические права действительны и реализуемы строго в границах телесной субстанции человека, то есть человек соматически правоспособен только в отношении собственной телесной субстанции, за исключением некоторых случаев, когда такую правоспособность получают законные представители или иные лица в соответствии с законодательством. Соматические права реализуются в отношении тела человека. Из личностного и телесного характера также следует то, что в сфере соматических прав фикции типа юридического лица не имеют правосубъектности и также не могут являться объектами. Да, юридические лица могут участвовать в соматических правоотношениях, но только в качестве своеобразного средства правореализации (например, тату-салон или клиника пластической хирургии). Резюмируем первый признак – субъективность (личностность и телесность).

В силу телесности соматических прав, их связи со здоровьем человека, а в некоторых проявлениях и с брачно-семейными отношениями, в большинстве государств, где предпринимаются попытки

законодательного закрепления соматических прав, возникает соприкосновение и переплетение с нормами медицинского и семейного права.

Вследствие субъективности соматических прав, каждый человек волен сам определять (в рамках дозволенного законодательством) объем своего соматического права. Занимательно то, что в данном случае, объем права может быть ограничен ввиду неправовых факторов (религиозные убеждения, нормы морали, мировоззренческие установки, общественное давление). К слову о неправовых факторах: развитие соматических прав зависит от уровня развития науки, техники, медицины в государстве.

Несмотря на споры правоведов о естественном или позитивном характере соматических прав, считаем, что соматические права в силу своей телесности и неотчуждаемости всё-таки имеют больший уклон в сторону естественности. Очевидно, что права на распоряжение телом появляются одновременно с рождением, то есть с появлением самого тела.

Некоторые исследователи усматривают подобные гражданско-правовым отношения собственности к телу человека. Следует упомянуть о том, что вопрос вещного права в отношении тела человека рассматривается, он очень спорный в правовой доктрине [6, с. 160]. С другой стороны, соматические права по своей сущности неимущественные, они имеют схожие с гражданскими личными неимущественными правами черты, такие как: неотчуждаемость, невозможность точной денежной оценки. Эта связь с гражданским правом дает возможность предложить такой признак, как неимущественность.

Стоит отметить также и конституционность этих прав. Соматические права связаны с основными личными правами человека, то есть определяются основы правового статуса личности, что, в свою очередь является предметом регулирования конституционного права.

Таким образом, соматические права личности представляют собой новое поколение прав человека, содержащее совокупность правомочий личности в отношении распоряжения своей телесной субстанцией путём не определенного конкретно на данный момент перечня манипуляций специфически личностного характера, об отнесении которых к соматически-правовым ведутся споры в научной среде. В правовой доктрине есть множество подходов к определению и классификации соматических прав, а также к их соотношению с правами человека в целом. Спорной в среде правоведов темой является не только понятие соматических прав, но и присущие этой категории прав признаки. Таким образом, выделим следующие признаки соматических прав и свобод личности:

- 1) Субъективность (личностность и телесность).
- 2) Юридические фикции (такие как юридические лица) могут выступать в соматических правоотношениях только в качестве субъектов по реализации человеком его правомочий.
- 3) Связь соматических прав с медицинским и семейным правом.
- 4) Выражение воли личности в определении объема своих соматических прав.
- 5) Зависимость соматических прав от неправовых регуляторов.
- 6) Естественность соматических прав. Рождение (т.е. появление тела) приводит к появлению соматических прав.
- 7) Неимущественный характер соматических прав.
- 8) Производный характер от конституционных прав и свобод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крусс, В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В. И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.
2. Василевич, Д. Г. Соматические права человека и гражданина / Д. Г. Василевич // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук – 2017. – №1. – С. 106–112.
3. Ковлер, А. И. Антропология права / А. И. Ковлер. – М.: Норма, 2002. – 467 с.
4. Нестерова, Е. М. Понятие и юридико-социальная сущность соматических прав человека / Е. М. Нестерова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – №7. – С. 222–226.
5. Старовойтова, О. Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. Э. Старовойтова. – СПб., 2006. – 42 с.
6. Старовойтова, О. Э. Защита соматических прав в развитии российского законодательства / О. Э. Старовойтова // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 158–160.

УДК 342

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**А. А. ДЫБЕВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы развития правового регулирования соматических прав личности в Республике Беларусь. Автор выделяет этапы законодательной регламентации таких соматических прав, как право на трансплантацию органов и тканей, на стерилизацию, на прерывание беременности, на донорство и др. Отдельное внимание уделяется перспективам развития соматических прав личности в связи с развитием и внедрением цифровых технологий.

Республика Беларусь – правовое государство. Права человека – высшая ценность общества и государства; в Конституции Республики Беларусь закреплён принцип верховенства права [1]. Современные правоведы выделяют новое поколение прав человека – соматические права личности, представляющие собой совокупность возможностей человека в отношении личностно-физической самоидентификации как автономной биосоциальной субстанции [2, с. 253]. Стремительные темпы развития науки и техники обуславливают острую необходимость качественной правовой регламентации, соответствующей потребностям общества и государства. В Республике Беларусь поэтапно происходит становление новой категории прав. Стоит отметить, что законодатель действует осторожно, давая волю интересам личности не в ущерб интересам государства [3].

Начало правовой регламентации соматических прав личности в Республике Беларусь было положено в 1993 году принятием Закона «О здравоохранении» (далее – Закон) [4]. Это определило вектор развития категории соматических прав в тесном переплетении с нормами медицинского права. В исходном тексте Закона уже закреплялись и регламентировались такие возможности распоряжения своим телом, как участие в экспериментах, протезирование, донорство и трансплантация. Нормы были краткими, простыми, содержали основополагающие принципы регламентации соматических прав в Республике Беларусь. Более детально данные правовые нормы получили правовое регулирование на уровне постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и иных актов законодательства. К примеру, норма о вспомогательных репродуктивных технологиях содержалась в одной главе с правовыми нормами о донорстве и трансплантации. Была закреплена «презумпция согласия» при заборе органов умершего человека для трансплантации. Для искусственного оплодотворения, при нахождении в браке, необходимо согласие обоих супругов (понятно, что сугубо личностный характер соматических прав в данном случае нарушен в целях соблюдения здравого смысла и установления равноправия в семье). Также имеется обязанность бережно относиться к своему здоровью, в случае умышленного причинения вреда своему здоровью наступает ответственность в соответствии с законодательством. Соматическая свобода ограничена в интересах общества и государства, как пример, для предотвращения членовредительства с целью уклонения от воинской обязанности.

На основе Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» впоследствии стали приниматься специальные законы по более конкретным сферам правового регулирования. В частности, в 1995 году был принят Закон «О донорстве крови и её компонентов», в настоящее время утративший силу одноименным Законом 2010 года принятия.

В 1997 году был принят Закон Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» [5], где детально установлен порядок распоряжения человеком собственными органами и тканями, а в определенных законодательством случаях, порядок распоряжения органами и тканями умершего человека. Закон был обеспечен положениями о запрете возмездных гражданско-правовых сделок в сфере распоряжения органами и тканями человека. На наш взгляд, полнота распоряжения сокращена в целях недопущения расцвета преступности, коммерциализации системы здравоохранения и для обеспечения безопасности личности и общества в целом.

Важный этап становления соматических прав личности в Республике Беларусь происходит в 2002 г. В Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» добавлены положения о стерилизации, прерывании беременности, смене половой принадлежности, эвтаназии, а также об анатомическом даре. Стерилизацию на тот момент можно провести по достижении совершеннолетнего возраста, эвтаназия запрещена. Порядок изменения и коррекции половой принадлежности определяется Министерством здравоохранения Республики Беларусь соответствующим постановлением [6]. Введение в правовое поле этих соматических правомочий, на наш взгляд, способствует сокращению фактов нелегального врачевания.

В 2012 был принят Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [7]. Законом чётко определяются возрастные границы, которые в процессе изменения и дополнения «сдвигались». Появились новые условия для стерилизации (наличие детей, возраст 35+, медицинские показания). Выбор пола будущего ребенка запрещается, за исключением случаев возможного наследования заболеваний, связанных с полом. Сфера правового регулирования многосторонне регулируется развёрнутыми формулировками Закона. Отражено многообразие вспомогательных репродуктивных технологий.

Стоит упомянуть о том, что некоторые правоведа относят к соматическим правам право на употребление наркотиков [8, с. 43]. В 2012 году был принят Закон Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» [9], статьёй 18 которого предоставляется право использования наркотических средств и психотропных веществ в медицинских целях. Это одновременное управомочивание и ограничение – ещё один яркий пример «тонкого правового регулирования» на грани между интересами личности, общества и государства.

Считаем, что для процесса регламентации соматических прав личности в Республике Беларусь есть перспективы развития. Исходя из пункта 15 Плана подготовки законодательных актов на 2024 год, к декабрю должен быть готов проект Кодекса Республики Беларусь о здравоохранении [10]. Учитывая связь норм сферы здравоохранения с соматическими правами, можно предположить о трансформации уже закреплённых или закреплении новых соматических прав.

Виртуальное моделирование как соматическое право – перспективная тема исследования последних лет. Метабеленные постепенно получают правовое регулирование, как пример, следует отметить Указ Президента Республики Беларусь «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» от 14 февраля 2022 г. № 48 [11]. Можно прогнозировать дальнейшее развитие правового регулирования моделей личности в виртуальном пространстве.

Таким образом, развитие прав человека, в том числе, соматических – приоритет Республики Беларусь. На протяжении последних десятилетий было несколько этапов становления соматических прав в Беларуси. Законодатель с целью качественного правового регулирования действует, сочетая интересы личности, общества и государства. Соматические права в Республике Беларусь получили законодательную регламентацию в тесном переплетении с нормами медицинского права ввиду их телесного характера. Началом становления соматических прав в Беларуси можно считать 1993 год, когда был принят Закон Республики Беларусь «О здравоохранении». В дальнейшем правовая регламентация становилась точнее и качественнее. Важный этап становления пришёлся на 2002 год, когда были внесены масштабные изменения в Закон Республики Беларусь «О здравоохранении». На настоящий момент в Республике Беларусь законодательную регламентацию получили такие соматические права, как эвтаназия, право на участие в экспериментах, анатомический дар, право на донорство и трансплантацию органов и тканей, стерилизация, право на прерывание беременности, право на применение вспомогательных репродуктивных технологий. Также есть множество прав, относимых к соматическим, которые пока не получили нормативного закрепления в Республике Беларусь, например, соматические права, связанные с геной инженерией и клонированием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с.
2. Нестерова, Е. М. Личностные (соматические) права человека как предмет междисциплинарного исследования / Е. М. Нестерова // Государственно-правовые исследования. – 2020. – №3. – С. 252–255.
3. Дыев, А. А. Пределы осуществления соматических прав личности / А. А. Дыев // Флагман науки: Научный журнал. – 2024. – № 7(18).
4. О здравоохранении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2345-ХП : в ред. Закона Республики Беларусь от 25.10.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 марта 1997 г., № 28-3 : в ред. Закона Республики Беларусь от 15.07.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. Об изменении и коррекции половой принадлежности [Электронный ресурс]: Постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 9 декабря 2010 г. № 163 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 7 января 2012 г., № 341-3 : в ред. Закона Республики Беларусь от 28.12.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
8. Крусс, В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В. И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.
9. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-3 : в ред. Закона Республики Беларусь от 14.10.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

10. О плане подготовки проектов законодательных актов на 2024 год [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь от 28 ноября 2023 № 380 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300380>. – Дата доступа: 14.09.2024.
11. О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 14 февраля 2022 г. № 48: в ред. Указа от 12 апреля 2023 г. № 102 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 342

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ****У. И. ЗЕНОВИЧ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы определения содержания представительской функции законодательных органов. Анализируется партийная представленность Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, на основании чего формулируются идеи о развитии идеологической направленности Парламента. Автором исследуются различные формы реализации представительной функции Национального собрания Республики Беларусь.

Как считает О.В. Друзенок, важнейшим фактом является то, что в парламенте должны быть представлены все группы населения, для отстаивания своих интересов в принимаемых законах и других нормативных правовых актах [2]. В.А. Тюльпанов, в свою очередь, акцентировал внимание на высказываниях Д. В. Малкина о том, что представительная функция парламента преобладает над другими его функциями и проявляется в той или иной степени через все направления деятельности парламента [4]. С помощью исследования А.Т. Карасёв, А.В. Савоськин и А.С. Морозова я пришла к выводу о том, что представительная власть представляет собой совокупность полномочий, которые делегированы народом или его частью через своих выборных представителей, объединенных в коллегиальном органе на конкретный период времени [1].

Из анализа научных работ можно сделать вывод, что представительная функция парламента – это роль площадки для выражения и обсуждения важных местных и национальных вопросов и обращения по этим вопросам к государственной власти. Е.В. Абраменко рассматривает парламента как представительный орган народа, выполняющий свою представительную функцию, реальный источник власти и связывает суверенитет народа с государственной властью [3].

По данным ЦИК, партийное представительство в Национальном собрании выглядит следующим образом: из общего числа избранных депутатов, 70 – являются членами политических партий, из которых 51 состоят в партии «Белая Русь», семь членов Коммунистической партии Беларуси, четыре члена Либерально-демократической партии Беларуси и восемь членов Республиканской партии труда и справедливости.

Партия «Белая Русь» играет определенную роль в белорусской политической ситуации и может рассматриваться как один из инструментов реализации идеологической функции парламента [6]. О важности этой функции свидетельствуют:

Поддержка инициатив правительства: «Белая Русь» часто поддерживает действия и инициативы правительства, способствуя закреплению ключевых идей и концепций, заложенных в государственной политике. Таким образом, среди населения насаждаются определенные идеологические нормы.

Партия активно занимается продвижением и распространением идеологии по официальной линии. Это включает в себя укрепление патриотизма, поддержку традиционных ценностей и подчеркивание стабильности и социальной сплоченности.

Представительство интересов различных слоев населения: «Белая Русь» может представлять интересы различных социальных групп, создавать иллюзию политического плюрализма и вовлекать население в политическую жизнь страны.

В условиях политической конкуренции партия может противостоять альтернативным идеологиям, что важно для сохранения доминирующей политической и идеологической позиции действующей власти.

Белая Русь играет важную роль в идеологическом функционировании парламента, поддерживая стабильность и единство общества и способствует распространению официальной идеологии.

В целом, реализация парламентариями своих контрольных полномочий способствует конструктивному сотрудничеству Парламента с обществом, созданию условий для совместной работы всех государственных органов по реализации в жизнь выработанной Главой государства и поддержанной народом политической стратегии страны.

Основными идеологическими элементами партии «Белая Русь» являются поддержка традиционных ценностей, патриотизма, социальной стабильности и экономического развития. Депутаты осуществлять поддержку реализации программ, направленных на улучшение жизни граждан и развитие местного самоуправления, с акцентом на национальную идентичность, укрепление семьи и социальную защиту населения.

Учитывая, что 72,86% от общего количества, по данным ЦИК – члены партии «Белая Русь», – подчеркивается ее влияние на принятие парламентских решений и формирование государственной политики [5]. Высокая доля депутатов от этой партии может свидетельствовать о расширении приоритетов в законотворческой деятельности. Это свидетельствует о политическом направлении, которое они представляют,

становится все более значимым для большинства населения, а значит, может оказывать существенное влияние на дальнейшее развитие общественно-политических процессов.

Детализация важнейших вопросов жизни страны производится посредством проведения парламентских слушаний, которые позволяют шире проанализировать актуальные проблемы, пробуждают развитие экономики и социально-культурной сферы. Процедура слушаний носит открытый характер, привлекает большое количество экспертов в сферах, решающих проблемы, поэтому, слушания – важнейшая составляющая развития демократических принципов парламентаризма в Беларуси.

Парламентские слушания – это демократический процесс, делающий исполнительную власть подотчетной и ответственной путем проверки законодательным органом эффективности, способностей и честности лиц и должностных лиц, предложенных исполнительной властью для назначения на государственную должность. Слушания используются как способ получения доказательств для обоснования своей работы, а также в роли общественного форума для предоставления гражданам доступа к информации по важным вопросам.

Идеологические функции парламента Республики Беларусь играют важную роль в формировании областей жизнедеятельности страны, так как создают причины для реализации парламентских слушаний. К таким функциям можно отнести:

1. Репрезентативная функция, то есть представительная функция, подразумевающая отражение интересов разного рода социальных групп и слоев населения. Для осуществления функции требуется учет мнений и предложений граждан при разработке законодательства, что создает необходимость для парламентских слушаний как платформ для обсуждения актуальных вопросов.

2. Выработка идеологии государства посредством Парламента: Национальное собрание может способствовать распространению и укоренению определенной идеологии, отстаиваемой государственными институтами. Это обеспечивает форум для дебатов и слушаний с целью укрепления официальной линии государственной власти.

3. Просветительская функция, направленная на информирование общественности о законодательных инициативах. Парламентские общественные слушания служат способом вовлечения граждан в процесс обсуждения предлагаемых законов и важных социальных вопросов.

4. Интегрирующая функция. Парламент своеобразная площадка для обсуждения и решения волнующих общество вопросов, что способствует укреплению общественного согласия и стабильности. Слушания организуются для обсуждения волнующих граждан проблем, что актуализирует идею о единстве и сплоченности.

5. Надзорная функция: Парламент вправе контролировать действия исполнительной власти и оценивать, отвечают ли они общественным интересам. Публичные слушания являются необходимым инструментом для анализа и обсуждения работы государственных институтов и придают легитимность парламентаризму.

Данные идеологические функции парламента в условиях Республики Беларусь не только создают предпосылки для проведения парламентских слушаний и позволяют вырабатывать более взвешенные и требовательные решения, но и укрепляют взаимодействие власти и общества.

Таким образом, представительная функция парламента играет ключевую роль в демократическом обществе. Парламент представляет интересы населения, обеспечивая возможность гражданам иметь своих представителей, которые будут голосовать и принимать решения от их имени. Это способствует более широкому учету мнений и потребностей разных социальных групп. Представительная функция позволяет гражданам участвовать в политической жизни страны, даже если они не могут заниматься политикой напрямую. Выборы депутатов, которые будут представлять их интересы, обеспечивают легитимность системы. Парламент, представляя народ, осуществляет важную функцию контроля над действиями исполнительной власти, что помогает предотвратить коррупцию, обеспечивая баланс власти. Эффективное представительство интересов различных групп способствует социальной гармонии и стабильности, уменьшая риск конфликтов и недовольства общества

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасев, А.Т. Представительная власть как вид публичной власти / А.Т. Карасев, А.В. Савоськин, А.С. Морозова // Вестник московского университета МВД России. – 2009. – №6. – С. 135–140.
2. Друзенко, О.В. Роль парламента в системе государственного управления / О.В. Друзенко // – 2024. – С. 80–83.
3. Парламентаризм в государственном управлении: практика государственного управления: направления и управленческие стратегии / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е.Г. Абраменко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 8–12.
4. Тюльпанов, В.А. Контрольная функция в системе функций законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации / В.А. Тюльпанов // Журнал российского права. – 2011. – № 11. – С. 58–64.
5. Sputnik.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik.by/20240226/tsik-deputatami-palaty-predstaviteley-stali-70-predstaviteley-partiy-1083987463.html>. – Дата доступа: 05.09.2024.

6. Устав политической партии «Белая Русь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partiya.by/charter>. – Дата доступа: 25.09.2024.
7. О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 нояб. 1998 г., № 196-3 : принят палатой представителей 8 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 22 окт. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2023 г. № 281-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 342

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****У. И. ЗЕНОВИЧ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются различные аспекты реализации идеологической функции Парламента Республики Беларусь. На основе анализа законов автором формулируются основные идеологические принципы и установки в сфере культуры, сохранения исторической политики, в области избирательного процесса. Проводится анализ изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь 2022 года, явившихся правовой основой для трансформации идеологических ценностей государства.

Функции государства являются основными направлениями его деятельности, в рамках которых реализуются основные задачи данного общественно-политического института. Как отмечает Ж. А. Шугулбаев, идеология реализуется через функции государства [4, с. 5–14]. В своей научной статье, С. А. Комаров обращает внимание на то, что в правоведении под функциями государства понимаются как основные направления его деятельности, так и непосредственная практика, имеющая политический и социальный характер, включая социальные аспекты как внутри государства, так и за его пределами [9]. Идеологическая функция государства заключается в его деятельности по формированию, поддержанию, распространению и укреплению определённой идеологии.

Таким образом, под идеологической функцией понимается реализация разнообразной деятельности государства в духовной сфере, включая развитие культуры, воспитательные мероприятия, образование и другие сферы жизнедеятельности граждан.

Применительно к законодательной деятельности идеологическая функция реализуется посредством разработки и принятия законодательных актов, содержание которых направлено на закрепление и поддержание на официальном уровне идеологических установок государства, ценностных ориентиров как для общества в целом, так и для конкретной личности и др.

Система ценностей белорусского государства обширна и представлена в различных сферах общественных отношений. В числе наиболее значимых на современном этапе находятся культурные, исторические, а также электоральные ценности белорусского государства и общества.

Национальным собранием Республики Беларусь принимается достаточно большое количество законов, в рамках которых определены основные идеологические установки в государстве. Отметим, что особенно важным стало исследование данной функции белорусского Парламента в связи с установлением идеологии белорусского государства на уровне Основного Закона в результате конституционного референдума 2022 года (ст. 4 Конституции Республики Беларусь) [10].

Значение культурных ценностей заключается в способности индивида воспринимать культуру не только посредством ее очевидных аспектов, но и осознавать подлинное значение. Культура функционирует как важный фактор взаимосвязи граждан.

Анализ ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о культуре (далее – Кодекс) определяет идеологические культурные установки, определенные на основе сформулированных в статье принципов. К таковым относятся следующие [6]:

- важность сохранения и передачи культурных традиций и ценностей будущим поколениям;
- запрет культурной дискриминации;
- «признание белорусской мовы» - поддержание народного наследия как важный аспект сохранения национальной принадлежности;
- соблюдение отношений, возникающих в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства (авторское право), исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного или кабельного вещания (смежные права) [5];
- доступность культуры – поддержка культурных инициатив и мероприятий;
- инновационность и международное сотрудничество.
- социальная функция культуры – признание роли культуры в социальном развитии, включая её влияние на образование, воспитание и формирование гражданского общества.

Анализ Кодекса позволяет рассмотреть ключевые установки белорусского народа и государства в культурной сфере. Сохранение национальной идентичности производится через культурное наследие, при этом продвигаются идеи доступности, что говорит о стремлении к социальному равенству и взаимодействию различных культурных групп. Исходя из этого, идеологические установки, сформулированные в данной статье, направлены на создание устойчивого и многообразного культурного пространства в Республике Беларусь, где уважение к традициям и открытость к новациям сочетаются с идеей социальной справедливости и доступности.

Важность сохранения историко-культурных традиций и ценностей прослеживается в проведении различных мероприятий на территории всей страны, например, праздник, приуроченный ко Дню Независимости; День Победы. Духовное богатство народа отражается в его обычаях и культуре. Сохраняя наследие прошлого, суверенная Беларусь закладывает новые традиции в жизнь будущего поколения, что немало важно для продвижения целостности.

Решением республиканского референдума от 27 февраля 2022 года в Конституцию Республики Беларусь были внесены изменения, касающиеся культурных ценностей [7]:

В частности, ст. 15 дополнена следующей правовой нормой: «Государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны»;

Ст. 54 Основного закона дополнена частью следующего содержания: «Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь».

Примером участия Национального собрания Республики Беларусь в сохранении исторической политики является Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа». Субъектом реализации права законодательной инициативы выступила депутат Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Целью принятия данного закона стало сохранение исторической памяти, укрепление национальной безопасности и борьбы с фальсификацией событий и результатов Второй мировой войны» [8].

В данном случае сформулирована ценность белорусского закона, важность его сохранения и предотвращение его исчезновения. Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» предоставляет белорусским органам государственной власти полномочия на интерпретацию истории и дает государству возможность дополнительно осуществлять правосудие в виде уголовной ответственности за выражение мнений, порочащих истинную трактовку истории. Таким образом, он выступает в качестве вспомогательного инструмента в сохранении исторической памяти

16 февраля 2023 г. были внесены изменения и дополнения в Избирательный кодекс Республики Беларусь с учетом изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь и правоприменительной практики.

Данные изменения и дополнения касаются:

оптимизации системы избирательных комиссий и порядка образования избирательных округов; введения дополнительных требований к кандидатам в депутаты (отсутствие гражданства (подданства) другого государства, документов от иностранных государств, предоставляющих права на льготы и преимущества);

уточнения порядка формирования Центральной избирательной комиссии, а также ее компетенций; исключения нормы о пороге явки избирателей для признания выборов в Палату представителей состоявшимися;

введения запрета на фото- и видеосъемку заполненного бюллетеня; корректировки времени досрочного голосования – будет проходить с 12:00 до 19:00 без перерыва (до внесения изменений было с 10:00 до 14:00 и с 16:00 до 19:00) [3].

На основании анализа данных изменений и дополнений были сформулированы следующие «электоральные ценности» в Республике Беларусь:

1. Электоральный суверенитет. В основе электорального суверенитета как важнейшей категории национальной безопасности лежит право народа выступать источником власти [1].

2. Сохранение культурного наследия. Осуществляется посредством процесса проведения различных историко-сохраняющих событий.

3. Доступность для человека, то есть обеспечение равными правами на доступ к искусству и культуре разным слоям населения, в том числе государственная поддержка в области образования.

4. Языковая идентичность – сохранение традиционного народного языка.

5. Запрет дискриминации.

Таким образом, идеологическая функция Национального собрания Республики Беларусь реализуется посредством разработки и принятия законов в сфере определения основных культурных, исторических и электоральных ценностей. Правовой основой для трансформации идеологических ценностей в Республике Беларусь явилось внесение изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь в 2022 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шахновская, И.В. Становление концепции электорального суверенитета в Республике Беларусь / И.В. Шахновская // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 5. – С. 20–22.
2. Об изменении Избирательного кодекса Республики Беларусь Принят Палатой представителей 25 января 2023 г. Одобрен Советом Республики 30 января 2023 г.: Закон Респ. Беларусь от 16 февраля 2023 г. № 252-З: – Минск: Амалфея, 2013. – 59 с.

3. Шугулбаев, Ж. А. Идеологическая функция государства / Ж. А. Шугулбаев // Вестник Омского университета. Серия «Право» / Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 5–14.
4. Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. Кодекс Республики Беларусь о культуре [Электронный ресурс] : 20 июля 2016 г., № 413-З: принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. О принятии изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь [Электронный ресурс]: решение республиканского референдума от 27 февраля 2022 года // ЭТАЛОН. Решения Президента Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. О геноциде белорусского народа : Закон Респ. Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З – Минск : Амалфея, 2013.
8. Комаров, С. А. Общая теория государства и права : учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 528 с.
9. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 1996 г., 2004 г. и 2022 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 342

**ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ
КАК СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ****А. В. КЛЕБАНОВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы определения цифрового следа личности, исследуются имеющиеся научные подходы в юридических науках по данной проблематике. Автор проводит анализ международного и национального законодательства, являющегося основой для определения цифрового следа как элемента структуры цифровой личности в целом. В статье предлагается классификация цифровых следов на активные и пассивные, а также обосновывается «криминалистическое» и «комплексное» понимание данной правовой категории.

С возникновением и распространением глобальной сети человечество вступило в новую эру информационных технологий. Интернет значительно упростил нашу жизнь, предоставив беспрецедентные возможности для обмена информацией, общения, обучения и ведения бизнеса. Однако с его развитием возникли и новые проблемы, связанные с защитой личных данных, конфиденциальности и прав пользователей в цифровом пространстве. В связи с этим, в современной юриспруденции всё чаще фигурирует такое понятие как «цифровой след» личности. В основном этот термин используется в криминалистике при выявлении преступлений, связанных с киберпространством. Само определение «цифрового следа» имеет многогранное значение и различные трактовки, зависящие от подхода к рассмотрению искомого термина. В контексте данной статьи автор будет использовать «комплексный» подход, рассматривая цифровой след как структурный элемент цифровой личности человека.

Данный подход предполагает, что цифровым следом называется совокупность информации, оставляемой субъектом в виртуальном пространстве при совершении им каких-либо действий в интернет-среде [1, с. 19]. Существует несколько по своему характеру видов цифрового следа: активный цифровой след (пользователь сам оставляет информацию о себе и осознаёт это) и пассивный (данные о пользователе собираются и сохраняются непреднамеренно без воли субъекта, например, его история поиска) [2, с. 393]. Активный цифровой след формируется в результате осознанных действий пользователя, таких как публикации в социальных сетях, заполнение форм, отправка сообщений или оставление комментариев. Пользователь в этом случае осознаёт, что предоставляет определённую информацию о себе, и может частично контролировать её содержание и объем. Пассивный цифровой след, напротив, создаётся без прямого участия пользователя и зачастую без его ведома. Это могут быть данные о посещённых веб-сайтах, истории поиска, файлы cookie, данные о местоположении, IP-адрес и другая информация, автоматически собираемая и обрабатываемая различными сервисами и платформами. Важным аспектом пассивного цифрового следа является то, что пользователь не всегда может осознавать весь объём данных, которые собираются о нем, и тем более влиять на их последующее использование. Обе эти формы цифрового следа имеют правовые последствия, поскольку могут быть использованы для профилирования, анализа поведения или даже нарушения прав на конфиденциальность и частную жизнь. Ввиду этого цифровой след является одним из основополагающих элементов современной криминалистики в сфере киберпреступлений. Криминалистическая трактовка понятия «цифрового следа» представляет из себя следующее: «любая криминалистически значимая компьютерная информация, сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [3, с. 172]. Данное определение ставит вопрос о новом понимании цифрового следа: учитывая, что цифровой след может существовать не только в цифровом пространстве, но и на материальном носителе, такой подход создаёт неопределённости во взаимодействии с цифровым следом. Некоторые авторы даже разделяют термин на две составных части: сам цифровой след (существующий на материальном носителе), а также его составная часть виртуальный след (существующий исключительно в виртуальном пространстве). Такое разграничение позволяет достаточно точно определить природу цифрового следа и способы взаимодействия с ним. Цифровой след, существующий на материальном носителе, содержит в себе данные, которые могут быть извлечены с физических устройств, таких как жесткие диски, флеш-накопители, серверы или другие виды носителей информации. Эти данные фиксируются и хранятся в виде файлов, логов и других структурированных записей, и их можно изучить с помощью традиционных методов компьютерной криминалистики. Виртуальный след, напротив, существует исключительно в онлайн-пространстве и включает в себя действия, которые происходят в реальном времени в сети: взаимодействия в социальных медиа, электронная переписка, веб-трафик, облачные хранилища и другие формы цифровой активности. Виртуальные

следы труднее поддаются фиксации и восстановлению, так как они могут быть быстро изменены или удалены, а доступ к ним часто требует специальных разрешений или сотрудничества с интернет-сервисами.

Вышеуказанное свидетельствует о сложностях правового регулирования взаимодействия с цифровыми следами, о необходимости в углубленном изучении и анализе правовых норм, связанных с деятельностью субъектов, направленной на получение информации о цифровых следах, ставит вопрос о некоей черте, которая существует между безопасностью общества и правами человека, существующем в этом обществе. «Криминалистическая» трактовка цифрового следа является наиболее развитой в научном плане, а также распространённой как на бытовом, так и на юридическом уровне. Цифровой след играет важную роль при расследовании киберпреступлений. Получаемая при его рассмотрении информация может использоваться для доказательства в суде, а также для профилактики и пресечения преступной деятельности в виртуальном пространстве. Что немаловажно, сбор и агрегация цифрового следа человека должна быть строго регламентирована законодательством, дабы (вспоминая о правах цифровой личности)³ компенсировать урон правам и свободам человека в киберпространстве.

Правовая регулировка цифрового следа в законодательстве многих в первую очередь связана в первую очередь с персональными данными пользователя. Термин «цифровой след» в нормативных правовых актах не употребляется. Одним из наиболее известных нормативных правовых актов, который затрагивает процесс сбора информации о цифровых следах человека является Общий регламент о защите персональных данных, внедрённый в Европейском Союзе в 2018 году (далее – Регламент) [4]. Нормы Регламента устанавливают ограничения для субъектов-держателей веб-сайтов, а также иных лиц при сборе и обработке персональных данных пользователей. Наиболее примечательным в контексте данной работы моментом является статья 22 Регламента [4]. Норма регулирует автоматизированный сбор информации, и принятие решений на её основе, включая профилирование субъекта (любая форма автоматической обработки персональных данных, заключающаяся в использовании персональных данных для оценки определенных личных аспектов физического лица, в частности, для анализа или предугадывания аспектов его результативности в работе, его экономического положения, здоровья, личных предпочтений, интересов, надежности, поведения и перемещений) [5], устанавливает ограничения на использование пассивного цифрового следа, в частности, требование на согласие субъекта (пункт (С) части искомой статьи), возможность субъекта вмешиваться в процесс использования (часть 2 данной статьи). В случае нарушения прав и свобод, субъект может возразить против дальнейшей обработки своих персональных данных (статья 21 регламента), или воспользоваться указанным в данном акте «правом на забвение». Данное право регулируется статьёй 17 акта, оно заключается в возможности субъекта запросить удаления своих персональных данных у «контролёра» данных, при этом в статье указываются основания, при которых запрос обязан быть удовлетворён, например, незаконная обработка данных, исполнения целей, для которых эти данные обрабатывались и т.д. Вышеописанные нормы позволяют сделать вывод о стремлении законодателя сохранить баланс между обработкой данных для определённых целей и защитой прав и свобод субъектов. В определённом виде данные нормы повсеместно введены в информационные законодательства разных стран. Так, приводя более близкое к нашим странам законодательство, можно взять как пример Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных». Данный закон также устанавливает права субъекта при обработке его персональных данных, имеет перечень мер, при которых возможна автоматизированная обработка данных без согласия субъекта (статья 6), регулирует право на отзыв своих персональных данных и их возможное удаление (статья 13) [5].

Таким образом, в эпоху стремительного развития информационных технологий и повсеместного использования глобальной сети Интернет цифровой след стал неотъемлемой частью жизни человека в цифровом пространстве. Исходя из анализа научных подходов можно выделить два типа цифровых следов – криминалистический и комплексный (которого и придерживается автор). Оба из них уникальны, хотя и имеют свои особенные черты. На наш взгляд, данные подходы могут быть интегрированы между собой, сохраняя как криминалистическую ценность цифрового следа, так и рассматривая его как составную часть цифровой личности человека. Современное правовое регулирование направлено на поддержание баланса, позволяя «контролёрам» информации собирать и агрегировать персональные данные пользователя (включая анализ его цифровых следов), но и предоставляя субъектам правовые возможности влиять на обработку этих данных. Законодательные нормы должны обеспечивать как безопасность общества в целом, так и защиту прав личности, формируя в то же время правовые рамки, которые бы позволяли эффективно использовать цифровые технологии при соблюдении интересов каждого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, О.А., Степанов, М.М. Правовое регулирование генезиса цифровой личности [Электронный ресурс] / О.А. Степанов, М.М. Степанов // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия. – 2022. – С. 19–32.

2. Осанова, А.С. О проблемах обеспечения безопасности цифровой личности / А.С. Осанова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики: в 3 томах. Том 2; Под общей редакцией Ю. Ю. Логинова. Красноярск, 2021. – С. 393–395.
3. Переверзева Е. С., Комов А. В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 172–178.
4. Рассолов И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. – Москва: Норма, 2009. – 383 с.
5. Общий регламент по защите данных (GDPR) [Электронный ресурс]: Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном обращении таких данных. – Режим доступа: <https://gdpr-text.com/ru/>. – Дата доступа: 06.10.2024.
6. О персональных данных [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 с изм. и доп. от 1 июня 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100099>. – Дата доступа: 14.10.2024.

УДК 342

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ЦИФРОВОГО ОБРАЗА ЛИЧНОСТИ**А. В. КЛЕБАНОВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы определения цифрового образа личности, исследуются имеющиеся научные подходы в юридических науках по данной проблематике. Автор проводит анализ международного и зарубежного законодательства, являющегося основой для определения цифрового образа как элемента структуры цифровой личности в целом. Выдвигается научная идея о разделении цифрового образа на «самостоятельно создаваемый» и «пассивно создаваемый» в зависимости, что является новым подходом в науке конституционного права.

В современное время общество переживает расцвет информационных технологий. Ежедневно человек создаёт и распространяет огромное количество информации в сети-Интернет: комментарии в социальных сетях, электронные письма, финансовые операции, информация о передвижениях и т.д. Сегодня практически каждый аспект нашей деятельности так или иначе связан с цифровой средой, что и обуславливает важность этого явления для правовой науки, необходимость в своевременном реагировании на изменяющиеся общественные отношения, разработку норм правового регулирования внедрения цифровых технологий. В связи с этим в юриспруденции возникает необходимость в классификации общественных отношений, возникающих в сети-Интернет, определение роли человека в этих отношениях, его влияние на эти отношения, разграничение прав и свобод, которыми он обладает в цифровом пространстве.

Деятельность человека в сети-Интернет дало начало образованию такого понятия как «цифровая личность». Её можно представить как совокупность кодированной информации о субъекте в цифровой среде (персональные данные, индивидуальные потребности, результаты деятельности, отношения, биография, личностные особенности и привычки). Существует множество подходов к рассмотрению цифровой личности, так, О.А. Степанов и М.М. Степанов, рассматривают цифровую личность как целостную структуру, которую условно можно разделить на три элемента – цифровой профиль, цифровой образ, и цифровой след [1, с. 20]. Отметим свою приверженность данному подходу, характеризующемуся комплексным характером, и по мнению автора, наиболее полному описывающему деятельность цифровой личности. В контексте данной статьи будет рассматриваться именно цифровой образ личности в сети-Интернет.

В современной юридической науке, существует множество подходов к определению термина «цифровой образ» личности, в том числе, урегулированный правовыми нормами. Согласно «комплексному» подходу, цифровой образ представляет из себя конструкт, самостоятельно создаваемый индивидом в виртуальной среде, содержащий информацию о собственном образе, имидже, самопрезентации и пр., также данная трактовка может подразумеваться и для другого понятия – «аватар» [2]. В обоих данных определениях в основе лежит именно инициативность и самостоятельность индивида при создании своего цифрового образа. Однако современные цифровые технологии позволяют создавать цифровой образ личности вне зависимости от его волеизъявления.

Параллельно с научным определением цифрового образа, существует также и нормативное. Стоит отметить, что среди элементов цифровой личности, цифровой образ, пожалуй, один из наиболее урегулированных законодательно. Для примера, отметим Модельный Закон Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) «О цифровых правах» от 14 апреля 2023 года, принятый Межпарламентской ассамблеей государств – стран участников СНГ. В статье 3 данного нормативного правового акта прямо закреплён термин «цифровой образ» личности, что обозначает «закодированную с помощью средств цифрового шифрования совокупность объемного изображения физического лица в информационной системе и информации о таком физическом лице, включая биометрические, психоэмоциональные, физиогномические и другие данные о нем, позволяющая с помощью технологии искусственного интеллекта имитировать поведение субъекта в виртуальной среде» [3]. Данная трактовка понятия интересна тем, что в ней описывается возможность искусственного интеллекта «имитировать поведение субъекта в виртуальной среде».

На наш взгляд, возможное появление законодательной трактовки, связано с развитием определённой технологии, более известной как «дипфейк» [4, с. 54]. (методика синтеза изображений, основанной на искусственном интеллекте). Данная технология позволяет сфальсифицировать видеоматериалы, изображения, аудиофайлы, на которых присутствует субъект. Причём качество фальсификации получается настолько высоким, что, зачастую, не вызывает сомнений в ее правдоподобности. Ввиду этого, данные фальсификации часто становятся поводом для скандалов с нарушением права человека на личную жизнь. Услугу по созданию «дипфейк» изображения уже возможно приобрести на запрещённых законодательством сайтах за относительно небольшую сумму. В конечном итоге, чем же интересна данная информация в контексте

рассуждения о цифровом образе личности? Исходя из «комплексного» подхода к определению цифровой личности, цифровой образ (как ее структурный элемент) создаётся субъектом самостоятельно. В ситуации же описанной выше, цифровой образ человека способен изменяться несамостоятельно, под воздействием третьих лиц, что существенно влияет не только на репутацию лица в виртуальном пространстве, но также и на его репутацию в реальном мире. В случае фальсификации информации, лицу потребуется долгое время, чтобы справиться с последствиями возникшего явления. Опасения о данной ситуации описал в своей работе М.А. Желудков, с точки зрения которого, «подобные технологии в условиях удаленного доступа могут быть использованы для оформления подложных товарно-денежных операций, изменения доказательств по реальным уголовным делам [5, с. 66]. Это ставит вопрос о необходимости разработки новых мер защиты прав и свобод человека в сфере сбора и распространения информации в цифровой среде, регулирования деятельности искусственного интеллекта во взаимодействии с субъектом.

Тенденция к использованию искусственного интеллекта для автоматизации сбора и агрегации данных пользователей возникла достаточно давно. Путём имплементации технологий искусственного интеллекта в большинство веб-сайтов, была автоматизирована система сбора данных о деятельности пользователя, параллельно с системой подбора схожей информации. Примером подобных систем служат так называемые «алгоритмы рекомендаций». Они собирают данные о посещениях, покупках пользователя, поставленных реакциях в социальных сетях и пр., формируя свой цифровой образ личности. Впоследствии, сайты начинают подбирать информацию в соответствии с составленными ими образами, что приводит к нарушению права лица на свободный доступ к информации, так как ввиду подбора ограниченного количества информации, поступления другой не происходит. Также возникает и возможность манипулирования субъектами информационными источниками для достижения ими определённых целей. Примером данной ситуации служит кейс Facebook и Cambridge Analytica, имевший место в 2018 году. Используя простую викторину, которую проходили пользователи, алгоритмы, применявшиеся в Cambridge Analytica собирали данные о каждом субъекте, а потом применяли эту информацию для показа таргетированной политической рекламы, связанной с проведением выборов в США. Также в качестве примера ограничения возможной информации можно привести маркетплейс Amazon, который активно использует системы рекомендаций для персонализации покупок. Алгоритмы анализируют историю покупок, просмотров и поиск, чтобы предлагать товары, которые могут заинтересовать пользователя. Однако в некоторых случаях это приводило к этическим проблемам. Например, Amazon обвинялся в том, что его алгоритмы рекомендаций продвигают товары, которые могут быть связаны с опасной деятельностью, такой как продажа товаров, связанных с оружием или запрещёнными веществами.

Приведенные выше примеры демонстрируют необходимость в правовом регулировании деятельности интернет-ресурсов и их деятельности при автоматизированном сборе данных пользователей. Кроме приведенного выше Модельного Закона, существуют и иные примеры законодательного регулирования, связанные с цифровыми образами личности, и их взаимодействия с веб-сайтами. Так, в качестве примера можно привести Общий регламент по защите данных (далее – Регламент), устанавливающий права пользователя, в условиях автоматизированного сбора данных. Согласно статье 5 данного документа, «персональные данные» субъекта т.е любые данные о лице, по которым его можно идентифицировать (соответственно, цифровой образ в том числе), «должны обрабатываться законно, справедливо, прозрачно для субъекта», «должны собираться для конкретных, отчётливых и законных целей, и не обрабатываться в последствии для иных целей» [6]. Так, согласно статье 6 Регламента «обработка данных является законной, когда субъект дал согласие на обработку своих персональных данных, для одной или нескольких конкретных целей» [6]. Также, в соответствии со ст. 7 Регламента «субъект данных имеет право в любое время отозвать свое согласие на обработку данных» [6]. Следовательно, Регламентом закрепляются, во-первых, гарантии пользователя на сохранность своих данных, а также гарантии на осведомлённость субъекта об использовании его персональных данных. Аналогичные акты в настоящее время широко распространены во многих странах. Одним из наиболее интересных примеров подобных документов служит Федеральный закон Российской Федерации «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, в статье 16 которого закреплено требование разъяснения оператором не только действий, совершаемых оператором с персональными данными субъекта, но и юридических последствий принятия решения о предоставлении субъектом его персональных данных [7]. Это позволяет обезопасить персональные данные субъекта в случае автоматизированного сбора его персональных данных, а, соответственно, и его цифровой образ.

Таким образом, в ходе проведения исследования было определено, что цифровой образ способен формироваться не только исходя из волеизъявления самого субъекта, но и независимо от его воли, в частности, с помощью технологий искусственного интеллекта. Ввиду того, что создаваемый алгоритмами цифровой образ прямо не доступен ко взаимодействию и наблюдению со стороны субъекта, можно предложить следующие пути формирования цифрового образа: «самостоятельно создаваемый» и «пассивно создаваемый» цифровые образы. Такой подход позволяет более точно определить правовые и этические аспекты взаимодействия человека с цифровой средой. Так, самостоятельно создаваемый цифровой образ требует защиты

с точки зрения контроля над персональными данными и самопрезентацией субъекта, в то время как пассивно создаваемый образ требует более строгого регулирования в части прозрачности алгоритмов, их влияния на права и свободы человека, а также возможности субъекта контролировать или оспаривать формируемую о нём информацию. Имеющееся в настоящий момент правовое регулирование устанавливает правила обработки персональных данных, включая цифровые образы. Они обеспечивают пользователям право на информированность о том, как их данные собираются и используются, а также возможность контролировать и ограничивать обработку данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, О.А., Степанов, М.М. Правовое регулирование генезиса цифровой личности [Электронный ресурс] / О.А. Степанов, М.М. Степанов // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия. – 2022. – С. 19–32.
2. Четвергов, Д.С. Правовой режим аватара: регулирование оборота цифрового образа личности в метавселенной [Электронный ресурс] / Д.С. Четвергов // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. – 2023. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-avatara-regulirovanie-oborota-tsifrovogo-obraza-lichnosti-v-metavselennoy/viewer>. – Дата доступа: 06.10.2024.
3. О цифровых правах [Электронный ресурс]: Модельный закон: Принят на пятьдесят пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Постановление № 55-12 от 14.04.2023. – Режим доступа: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/10. – Дата доступа: 06.10.2024.
4. Киселев, А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности / А.С. Киселев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 54–64.
5. Желудков, М.А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды / М.А. Желудков // Lex russica (Русский закон). – 2021. – № 4. – С. 66–67.
6. Общий регламент по защите данных (GDPR) [Электронный ресурс]: Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном обращении таких данных. – Режим доступа: <https://gdpr-text.com/ru/>. – Дата доступа: 06.10.2024.
7. О персональных данных [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г.: в ред. ФЗ от 08.08.2024 N 233-ФЗ // М. – КонсультантПлюс, 2024.

УДК 342

**К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ
КАК СУБЪЕКТА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ****А. В. КЛЕБАНОВ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются вопросы понимания цифровой личности как субъекта конституционно-правовых отношений, определения структуры цифровой личности через «цифровой профиль», «цифровой образ» и «цифровой след». Автор предпринимает попытку определить содержание правоспособности цифровой личности, момента ее возникновения, проводит сравнительно-правовой анализ с пониманием правоспособности классических субъектов права. Акцентируется внимание на возможность принятия специального законодательства в области определения правового статуса цифровой личности, обеспечения безопасности данного субъекта.

Поднимая вопрос регулирования цифровой личности возникает закономерная необходимость соотнесения данного понятия с субъектом правоотношений. Такая необходимость обусловлена возрастающим интересом современной юриспруденции к регулированию правоотношений в сети-Интернет, вызванным всё большим «перетеканием» активности людей в цифровую среду.

В данной работе автор будет руководствоваться комплексным подходом к пониманию цифровой личности, который, по мнению автора, позволит наиболее точно отразить аспекты цифровой личности, поддающиеся регулированию современным законодательством. «Цифровая личность» представляет собой определенный конструкт, существующий в виртуальном пространстве, содержащий в себе совокупность кодированной информации, описывающей всю деятельность субъекта в сети-Интернет. Конструкт имеет сложную структуру, состоящую из «цифрового следа», «цифрового профиля» и «цифрового образа». Цифровой профиль – структурный элемент цифровой личности, содержащий в себе как персональные, так и иные данные, связанные с пользователем, содержащихся в информационных базах уполномоченных на их обработку субъектов. Цифровой образ – структурный элемент, который пользователь формирует сам в ходе своей деятельности. Он содержит информацию о имидже человека, собственном образе, самопрезентации и т.д. Ярким примером цифрового образа служит профиль в социальной сети, который человек может настраивать по своему желанию. Цифровой след – наиболее объёмный из всех трёх элементов. Лицо всегда оставляет цифровой след во время своей активности в сети-Интернет. Данный элемент может разделяться на пассивный (данные, которые оставляются пользователем непреднамеренно) и активный (те данные, которые пользователь осознанно оставляет в ходе своей деятельности) цифровые следы[3].

В то же время отметим, что сложная структура цифровой личности приводит к сложностям в регулировании понятия в целом: массив данных, который охватывает понятие «цифровая личность» при данном подходе достаточно обширен, что может привести к потенциальному чрезмерному урегулированию, что, в свою очередь, может негативно повлиять на соблюдение прав и свобод личности в сети-Интернет. Учитывая всё вышенаписанное, вопрос – может ли цифровая личность считаться самостоятельным субъектом права становится центральным в научной дискуссии о её правовом статусе.

Определив понятие «цифровая личность», становится очевидно, что для признания её как субъекта права требует значительного пересмотра традиционных юридических концепций. Под субъектом права «понимаются люди и их объединения, выступающие в качестве носителей предусмотренных законом прав и обязанностей» [2]. При анализе формулировки, явно определяются как минимум два признака субъекта права, соответственно, правоспособность, а также персонифицированный характер (субъектом является физические лица, а также организации, то есть, лица юридические) субъекта. Правоспособность, в соответствии со статьёй 16 Гражданского кодекса Республики Беларусь, – это способность иметь гражданские права и нести обязанности, в этой же статье закрепляется, что правоспособность гражданина возникает с момента его рождения и оканчивается его смертью [1]. В конституционно-правовом аспекте понятие правоспособности также связано с фактом рождения.

В таком случае возникает первая проблема соотнесения понятия «цифровая личность» с традиционным пониманием субъекта права. Цифровая личность не рождается и не умирает в биологическом смысле, а создается и может существовать даже после смерти физического лица. Это ставит вопрос о том, как определять момент возникновения и прекращения правоспособности цифровой личности. К этому добавляется и персонифицированный характер субъекта права, который также вызывает сложности. Хотя цифровая личность и связана с конкретным физическим лицом, она не является полностью тождественной ему. Цифровая личность, будучи отражением активности физического лица в цифровом пространстве тесно связана с его правами, такими как право на неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных

и свободу самовыражения и т.д. Это закреплено в международных нормативных правовых актах. Так в резолюции Совета ООН по правам человека A/HRC/RES/20/8 за цифровой личностью человека закрепляются те же права, которые лицо имеет и в офлайн-среде [4].

С другой стороны, цифровая личность, как самостоятельный субъект правоотношений, может обладать уникальными характеристиками, которые не всегда совпадают с характеристиками физического лица. Например, цифровая личность может существовать и функционировать независимо от физического присутствия человека, что ставит вопрос о возможности её автономного участия в правоотношениях. Вместе с этим возникает вопрос ответственности цифровой личности – если цифровая личность признаётся субъектом права, то кто будет в ответе за совершаемые ею действия – сам субъект права, или физическое лицо, стоящее за этим субъектом. В данном случае правовое регулирование также осложняется спецификой цифровой среды начиная с того, что человек может обладать сразу несколькими цифровыми личностями, заканчивая тем, что будучи не в силах контролировать в полной мере безопасность данных, цифровая личность может подвергаться несанкционированному вмешательству со стороны третьих лиц. Следовательно, возникает необходимость в создании новых правовых норм, которые бы учитывали специфику цифровой личности и её взаимодействие с другими субъектами права.

Основные вызовы, с которыми сталкивается современная юриспруденция в этом контексте, включают определение момента возникновения и прекращения правоспособности цифровой личности, установление границ её автономности и ответственности, а также обеспечение защиты прав и интересов как цифровой личности, так и связанного с ней физического лица. Особое внимание следует уделить вопросам безопасности данных и защиты от несанкционированного вмешательства третьих лиц. Возможным решением данных вопросов могло бы стать принятие специализированного законодательства, которое могло бы стать частью информационного права, внедрение новых средств аутентификации цифровой личности, совместно с их законодательной регламентацией. Также важным шагом могло бы стать законодательное закрепление временных рамок, определяющих момент правоспособности цифровой личности. Также стоит учитывать возможные риски, связанные со спецификой данных общественных отношений: создание нескольких цифровых личностей с целью совершения противоправных действий, вопросы ответственности цифровой личности, угрозы нарушения прав и свобод личности в результате чрезмерного правового регулирования, что обязывает законодателя находить баланс при составлении правовых баз.

Таким образом, понятие цифровой личности, структурно включающее в себя цифровой след, цифровой профиль и цифровой образ, демонстрирует сложность и многогранность данной категории, которое не вписывается в классическое понимание субъекта права. Это требует переосмысления устоявшихся правовых концепций и разработки новых подходов к регулированию правоотношений в цифровой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 425-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апреля 2024 г. № 365-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Матузов, Н. И. Теория государства и права : Учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Издательская группа "Юрист", 2004. – 512 с. – EDN VDBUCR.
3. Осанова, А.С. О проблемах обеспечения безопасности цифровой личности / А.С. Осанова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики: в 3 томах. Том 2; Под общей редакцией Ю. Ю. Логинова. Красноярск, 2021. – С. 393–395.
4. Резолюция Совета ООН по правам человека от 16 июля 2012 г. A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/HRC/RES/20/8>. – Дата доступа: 11.09.2024.

УДК 34.096

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ****Я. А. КУРТО***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)*

В данной статье рассматривается вопрос защиты персональных данных при применении искусственного интеллекта. Анализируются нормы национальных и международно-правовых актов касательно исследуемого вопроса. Проводится сравнение полученных выводов и современного состояния правового регулирования искусственного интеллекта в контексте защиты персональных данных в Республике Беларусь.

Актуальность исследований в сфере защиты персональных данных возрастает прямо пропорционально развивающимся технологиям. Вопрос защиты персональной информации рассматривается исследователями в разных областях в том числе с целью выработки единого подхода к правовому регулированию. Однако не все отрасли права развиты в должной степени для того, чтобы обеспечить полную защиту прав субъекта персональных данных.

Так, развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) представляет новый вызов в области защиты персональных данных. Несмотря на значимость поставленного вопроса и продолжающиеся дискуссии в правовой науке, среди научного сообщества не существует единого мнения об отнесении вопроса правового регулирования искусственного интеллекта к определенной отрасли права. Данный предмет обсуждения рассматривается с разных точек зрения в гражданском, информационном, конституционном и иных отраслях права [1]. Рассмотрим ключевые вопросы влияния искусственного интеллекта на сферу защиты персональных данных.

В академической сфере существует множество определений ИИ в зависимости от отрасли науки, в которой исследуется данная технология. А. Карцхия определяет искусственный интеллект как интеллектуального робота, который действует автономно посредством датчиков обмена данными с окружающей средой, обладает способностью к самообучению, имеет независимую поддержку и адаптирует свое поведение и действия к окружающей среде [2]. Названные характеристики играют значимую роль для определения особенностей правового регулирования технологии в рамках информационного права.

Понятие ИИ закреплено в законодательстве Республики Беларусь. Им признается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, и включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [3].

Как было отмечено ранее, одним из признаков ИИ является обмен данными. Для этого алгоритмы ИИ должны пройти этап обучения на основе добавленной информации, в процессе которого они выявляют закономерности между полученными сведениями. Процесс добавления информации для обучения ИИ называется аннотированием данных. На данном этапе разработчики ИИ предоставляют машинным алгоритмам информацию, необходимую для их обучения и дальнейшего составления прогнозов, принятия решений и т.д. [4]. После этого ИИ приступает к этапу использования данных в соответствующих целях. Следовательно, на названных стадиях помимо обработки информации, которая не относится к идентифицированному физическому лицу, происходит обработка персональных данных.

К сожалению, способы, с помощью которых ИИ получает данные, не всегда являются правомерными. Требования к защите персональных данных при применении технологии ИИ регулируются национальными и международными правовыми актами. Законодательство Республики Беларусь не содержит требований к защите персональных данных при использовании искусственного интеллекта. Регулирование данного вопроса позволит достичь цели Концепции правовой политики Республики Беларусь, которая устанавливает, что в сферах законодательства предстоит урегулировать вопрос применения искусственного интеллекта [5].

Рассмотрим основополагающие международно-правовые акты, а также национальные законы некоторых стран, которые регулируют вопрос защиты персональных данных при применении технологий ИИ.

Ведущим нормативным правовым актом, утверждающим требования к обеспечению защиты персональных данных на территории Европейского союза, является «Общий регламент по защите персональных данных (GDPR)» (далее – Регламент), действующий на территории Европейского союза с 2018 года [6]. В нем установлены нормы, которые нашли отражение в Законе Республики Беларусь №99-3 «О защите персональных данных» (далее – Закон №99-3) [7]. В данном акте определены как общие критерии по отношению к защите персональных данных, так и требования к разработчикам ИИ при обработке системой персональных данных, которые являются операторами.

Одним из условий законности обработки персональных данных является соблюдение требований к их обработке. Принципы обработки персональных данных установлены 5 статьей Регламента а именно принципы законности, справедливости и прозрачности; ограничения целью; минимизации данных; точности; ограничения хранения; целостности и конфиденциальности [6].

Статья 22 Регламента является специальной нормой по отношению к защите персональных данных при использовании ИИ. Так, субъект данных имеет право не подвергаться решению, которое основано исключительно на автоматизированной обработке, в том числе профилировании, вызывающему для него юридические последствия или похожим образом существенно влияющему на него. Примером такого решения является применение банками ИИ для оценки платёжеспособности клиента [6].

Однако соблюдение названных принципов операторами еще не подтверждает законность обработки персональных данных. Наличие правового основания их обработки, предусмотренного статьей 6 Регламента, является необходимым для этого условием. К примеру, в случае обработки данных ИИ для показа персонализированной рекламы в Интернет-пространстве компании должны иметь соответствующее правовое основание.

Одним из самых громких нарушений требований Регламента разработчиками ИИ является кейс с участием ChatGPT, одного из самых популярных сервисов ИИ, который позволяет пользователям использовать компьютерное мышление для достижения своих целей. Согласно итальянскому ведомству по защите данных, компания OpenAI, разработчик ChatGPT, противоправно собирала персональные данные пользователей, что привело к их утечке и нарушению требований Регламента по отношению к обработке персональных данных [8].

Иным правовым актом, регулирующим правоотношения в сфере защиты персональных данных в плоскости ИИ и действующим на территории Европейского союза, является «AI Act», который был принят 13 марта 2024 года. Важнейшим нововведением акта является разделение систем ИИ на 4 уровня риска: неприемлемого, высокого, ограниченного и минимального уровня риска. Для каждого класса вводятся различные правила и требования, которые влияют в том числе и на возможность обработки персональных данных отдельными видами ИИ [9].

Несмотря на то, что названные международные и национальные акты обязательного характера ставят своей целью защиту персональных данных, на данный момент полное правовое регулирование вопроса не представляется возможным. М.С. Абламейко утверждает, что применение систем ИИ практически невозможно ограничить территориально, а принятие законодательных актов может стать сдерживающим фактором технологического процесса. Вследствие этого на международном уровне разрабатываются и применяются документы так называемого «мягкого права», которые носят рекомендательный характер [1]. Одним из таких документов рекомендательного характера являются Рекомендации Совета в отношении ИИ (Recommendation of the Council on Artificial Intelligence), принятые Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD) в 2019 году. Данный акт призван помочь разработчикам ИИ сделать так, чтобы их системы не нарушали права пользователей в сфере защиты данных и частной жизни [10].

В Соединенных Штатах Америки вопрос регулирования защиты персональных данных при использовании ИИ не регламентирован на федеральном уровне. Ведется активная законодательная деятельность по разработке и внедрению правовых норм касательно ИИ и его влияния на частную жизнь человека. 28 сентября 2024 года был принят Законопроект №1008 который вносит поправки в Закон о защите прав потребителей Калифорнии (the California Consumer Privacy Act, CCPA), признавая, что персональная информация может быть использована системами ИИ для принятия решений [11].

Стремление Китайской Народной Республики стать глобальным лидером в индустрии ИИ подтверждается высоким уровнем регулирования вопроса защиты персональных данных в контексте использования ИИ. Так, Закон о защите персональной информации (Personal Information Protection Law, PIPL) является рамочным законом и применяется как к автоматизированной обработке персональных данных, так и неавтоматизированной. PIPL дает определение автоматическому принятию решений, которое обозначается как использование компьютерных программ для автоматического анализа или оценки поведения, пристрастий, интересов или увлечений физических лиц или финансового, медицинского или кредитного статуса физических лиц. Согласно закону, при использовании персональных данных в процессе автоматического принятия решений должна быть обеспечена прозрачность, справедливость и соблюдение правопорядка в автоматизированных результатах [12]. Закон о кибербезопасности (the Cybersecurity Law of the People's Republic of China, CSL), Закон о безопасности данных (the Data Security Law, DSL), Меры по генеративному ИИ (the Generative AI Measures) более детально регулируют вопрос ИИ в сфере защиты персональной информации.

Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» признает необходимость обеспечения защиты персональных данных и иной информации ограниченного доступа, объектов интеллектуальных прав при создании и обучении моделей искусственного интеллекта как новый вызов для государства [13]. Федеральный закон «О персональных

данных» является ключевым актом в сфере защиты персональных данных в Российской Федерации [14]. Данный закон не дает определения автоматизированному принятию решений, как PIPL, однако утверждает понятие автоматизированной обработки данных и утверждает требования к ней.

В результате анализа названных правовых актов следует подчеркнуть, что различные страны регулируют вопрос защиты персональных данных при использовании технологии ИИ и принимают различные правовые акты в зависимости от степени развития правовой системы, приоритетов государственного развития и наличия соответствующих угроз.

Республика Беларусь имеет более низкий уровень регламентации ИИ в контексте защиты персональных данных, чем в Китае и России. Данный факт можно объяснить стремительным развитием технологий и невозможностью моментального реагирования на современные вызовы. Закон №99-З регулирует отношения в сфере защиты персональных данных в целом, без конкретизации требований к системам ИИ. Правовой статус ИИ на сегодняшний день не определен, а также отсутствует регламентация получения согласия субъекта для обработки его персональных данных системой ИИ. Определение требований к системам ИИ в Законе №99-З может стать новым этапом в сфере защиты персональных данных в Республике Беларусь.

Предлагается принятие во внимание опыта иностранных государств по установлению требований к ИИ при обработке персональных данных. Внедрение в статью 1 Закона №99-З понятия автоматизированной обработки персональных данных, аналогично статье 3 Федерального закона «О персональных данных», сделает пункт 1 статьи 2 названного Закона более прозрачным для субъектов.

Законом № 99-З установлены принципы обработки персональных данных и обязательство к получению согласия субъекта персональных данных для их обработки соответственно принципам Регламента. Представляется возможным отнесение обработки персональных данных ИИ без согласия субъекта при соблюдении условия обработки в научных или иных целях, а также при их обезличивании, то есть анонимизации [15]. Угрозой в отношении обезличенных персональных данных являются возможности некоторых систем ИИ к деанонимизации персональных данных. В таком случае разработчики соответствующих ИИ должны понести ответственность за нарушение требований законодательства. Предлагается установление требования к обработке персональных данных с использованием ИИ только при условии соблюдения общих требований Закона № 99-З, в том числе получения письменного согласия субъекта персональных данных, либо обязательного обезличивания персональных данных.

Определение уровней риска в отношении персональных данных в зависимости от присвоенного уровня риска ИИ, подобно установленным в «AI Act», позволит расширить возможности защиты персональной информации. Данный подход сделает возможным определение степеней ответственности операторов, нарушивших требования законодательства о защите персональных данных.

В условиях стремительного развития технологий ИИ законодательное регулирование вопроса защиты персональных данных не является исчерпывающим. Закон №99-З не содержит специальных требований к обработке персональных данных системами ИИ. В ходе анализа иностранных и международно-правовых актов автор пришел к выводу о необходимости совершенствования сферы защиты персональных данных в Республике Беларусь. Принятие специальных правовых норм в Законе №99-З приведет к комплексному регулированию защиты персональных данных и недопущению нарушений закона в связи с пробелами законодательства. Развитие правового регулирования в данной области позволит достичь целей в сфере искусственного интеллекта, предусмотренных Концепцией правовой политики Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абламейко, М.С. Этические и правовые аспекты применения технологий искусственного интеллекта с учетом международного опыта / М.С. Абламейко // *Право.by*. – 2023. – № 5(85). – С. 70.
2. Карцхия, А. Искусственный интеллект: "ларец Пандоры" или новая надежда? / А. Карцхия // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. – 2017. – № 4. – С. 23–30.
3. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. №136: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 апр. 2023 г., № 280 // *Эталон – Беларусь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=c22300280>. – Дата доступа: 01.10.2024.
4. Jensen, B. Exploring the Complex Ethical Challenges of Data Annotation / B. Jensen // *Stanford University Human-Centered Artificial Intelligence* [Electronic resource]. – 10.07.2024. – Mode of access: <https://hai.stanford.edu/news/exploring-complex-ethical-challenges-data-annotation>. – Date of access: 05.10.2024.
5. О Концепции правовой политики Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196 // *Эталон – Беларусь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=p32300196&q_id=1034267. – Дата доступа: 01.10.2024.
6. *General Data Protection Regulation* // EUR-Lex [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>. – Date of access: 06.10.2024.
7. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З / *Эталон – Беларусь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=H12100099>. – Дата доступа: 30.09.2024.

8. The Curious Case of ChatGPT: Banned in Italy, Admired Globally, and Raising Eyebrows Everywhere // Allganize [Electronic resource] – 10.07.2024. – Mode of access: <https://www.allganize.ai/en/blog/the-curious-case-of-chatgpt-banned-in-italy-admired-globally-and-raising-eyebrows-everywhere>. – Date of access: 30.09.2024.
9. Artificial Intelligence Act (AI Act) [Electronic resource] // Mode of access: <https://ai-act-law.eu/> – Date of access: 06.10.2024.
10. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence // OECD Legal Instruments [Electronic resource]. – Mode of access: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> – Date of access: 05.10.2024.
11. AB-1008 California Consumer Privacy Act of 2018: personal information // California Legislative Information [Electronic resource]. – Mode of access: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=202320240AB1008. – Date of access: 06.10.2024.
12. Закон КНР о защите персональных данных PIPL. Подробный разбор в 2023 // TDSC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thedimsum.com/ru/china-information-protection-law/>. – Дата доступа: 06.10.2024.
13. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. №490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/. – Дата доступа: 07.10.2024.
14. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/. – Дата доступа: 07.10.2024.
15. А.А. Гаев, В.И. Диско, С.В. Задиран, Е.М. Липлянин, А.А. Парфенчик, И.А. Пырко, Н.А. Саванович, Е.В. Синюк, Н.А. Швед, Д.А. Шевчук Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» – Режим доступа: <https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/>. – Дата доступа: 09.10.2024.

УДК 342

**РАЗВИТИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БССР
ПО ПОЛОЖЕНИЯМ КОНСТИТУЦИЙ 1937 г. И 1978 г.****А. А. ЛЕВКО****(Представлено: А. В. ВАЛЕВКО)**

Целью данной статьи является анализ избирательной системы в Конституциях БССР 1937 и 1978 годов. Этот анализ позволит оценить эволюцию избирательной системы и выявить изменения, произошедшие в рамках конституционного регулирования в данном контексте.

Всего в истории Беларуси советского периода было принято и действовало 4 Основных Закона. Каждый из них трансформировался в зависимости от складывающейся политической обстановки и внутренних государственных изменений [1].

Из этих четырёх Конституция лишь последняя 1978 года в большой степени похожа на современный Основной Закон Республики Беларусь и по структуре, и по предоставляемым правам гражданам. Она полностью основана на всеобщем равенстве граждан без привлечения концепции «классовой борьбы и угнетения трудового народа» [1].

5 декабря 1936 года в СССР была принята новая общесоюзная Конституция, которая стала основой для разработки новых конституций союзных республик. Вслед за этим, 19 февраля 1937 года на XII Чрезвычайном съезде Советов была принята Конституция БССР. Этот документ, который традиционно называют «сталинской конституцией», считается первой формально демократической конституцией Белорусской ССР советского периода. Однако, несмотря на провозглашенные демократические нормы, их применение в реальности имело ограниченный характер.

Одним из ключевых новшеств Конституции БССР 1937 года стали изменения в избирательной системе. Отныне выборы всех депутатов Советов проводились на основе принципов всеобщности, равенства и прямого избирательного права при условии тайного голосования. Это означало, что активное и пассивное избирательное право распространялось на всех граждан, достигших 18 лет.

Так, в статье 109 утверждалось, что выборы депутатов осуществляются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. В статье 110 закреплялось всеобщее избирательное право, которое предоставлялось всем гражданам БССР, независимо от расы, национальности, вероисповедания, образования и других социальных факторов. Исключение делалось лишь для лиц, лишённых прав по решению суда или признанных недееспособными.

В статье 111 подтверждалось равенство избирательных прав для всех граждан, а в статье 112 впервые наравне с мужчинами право избирать и быть избранными получили женщины. Статья 113 закрепляла избирательные права для военнослужащих Красной Армии, уравнивая их с гражданскими лицами.

Кроме того, статья 114 устанавливала прямой характер выборов, при котором депутаты избирались непосредственно гражданами, а статья 115 гарантировала тайну голосования. Важной особенностью также была статья 116, которая определяла, что кандидаты выдвигались по избирательным округам общественными организациями, такими как коммунистические партии, профсоюзы и молодёжные объединения.

Помимо этого, в Конституции содержался механизм подотчётности депутатов перед избирателями, что отражено в статье 117, где говорилось, что депутаты обязаны отчитываться перед своими избирателями и могли быть отозваны по решению большинства. В статье 118 устанавливались нормы представительства в различных советах, с учётом численности населения.

После принятия новой Конституции СССР в 1977 году, 14 апреля 1978 года была принята и новая Конституция БССР. Эта конституция стала последним основным законом Белорусской ССР в советский период. Одним из ключевых нововведений, закреплённых на конституционном уровне, стало понятие "суверенитет".

Несмотря на преемственность с Конституцией 1937 года, основной закон 1978 года имел значительные отличия как по структуре, так и по содержанию. Одним из заметных изменений стало наличие чётко обозначенных разделов, что упрощало использование текста. Кроме того, количество статей увеличилось с 122 до 172, а права, свободы и обязанности граждан были вынесены во второй раздел, тогда как в предыдущей конституции они располагались в восьмой главе.

Если сравнивать Конституции 1927 и 1937, то Конституция БССР 1927 года отражала советскую идеологию диктатуры пролетариата, устанавливая жёсткие ограничения на избирательные права. Они предоставлялись только гражданам, вовлечённым в производительный труд, а также военнослужащим Красной Армии. В то же время представители эксплуататорских классов и те, кто жил на нетрудовой доход, были лишены права голоса.

В отличие от неё, Конституция БССР 1937 года внесла значительные изменения в избирательную систему. Избирательное право стало всеобщим, равным, прямым и тайным. Все граждане, достигшие 18 лет, получили право не только участвовать в выборах, но и быть избранными, включая женщин и военнослужащих. Несмотря на эти формальные демократические принципы, реальная политическая конкуренция оставалась ограниченной.

Конституция 1978 года по своей структуре и предоставляемым правам стала ближе к современному Основному Закону Республики Беларусь, отказываясь от концепции классовой борьбы и сосредоточив внимание на всеобщем равенстве граждан. Она провозглашала демократические принципы, сохраняя некоторые элементы советской системы. Рассмотрим ключевые моменты избирательного права, закреплённые в этой конституции.

Так, статья 84 устанавливала, что выборы депутатов во все Советы народных депутатов проводились на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В статье 85 гарантировалась всеобщность выборов, утверждая, что все граждане, достигшие 18 лет, имели право избирать и быть избранными, за исключением лиц, признанных невменяемыми.

Конституция также подтверждала равенство избирательного права (статья 86), где каждый избиратель имел один голос, а выборы депутатов проводились на равных основаниях. Прямой характер выборов, как и ранее, был закреплён в статье 87, что подразумевало прямое избрание депутатов гражданами. Статья 88 подчёркивала важность тайного голосования, запрещая какой-либо контроль за волеизъявлением избирателей.

Право выдвижения кандидатов, согласно статье 89, принадлежало общественным организациям, включая Коммунистическую партию, профсоюзы, молодёжные объединения, кооперативы, трудовые коллективы и собрания военнослужащих. Также гарантировалось всестороннее обсуждение политических и личных качеств кандидатов на собраниях, в печати, на радио и телевидении, что предоставляло гражданам возможность открыто участвовать в избирательном процессе.

В статье 90 говорилось, что выборы депутатов проводились по избирательным округам, а статья 91 подчёркивала свободу агитации и обсуждения кандидатов. Государство брало на себя расходы, связанные с проведением выборов, что также закреплялось конституцией.

В целом, можно сделать вывод, что Конституции БССР 1937 и 1978 годов имели общую цель – закрепление демократических принципов выборов, таких как всеобщность, равенство и прямое избирательное право при тайном голосовании. В обеих конституциях провозглашалось, что все граждане, достигшие 18 лет, имеют право избирать и быть избранными, вне зависимости от социального и национального происхождения, хотя на практике политическая конкуренция была ограничена. В 1978 году, дополнительно к уже существующим нормам, право выдвижения кандидатов было передано общественным организациям и трудовым коллективам, что подтверждало советскую модель выборов, но сохраняло контроль партии над процессом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугачев, А.Н. Конституционные основы белорусской государственности // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 14. – С. 2–6.
2. Конституция Белорусской Социалистической Советской Республики: принята XII Чрезвычайным съездом Советов БССР 19 фев. 1937 г. – Минск.
3. Конституция Белорусской Советской Социалистической Республики: с изм. и доп., принята на внеочередной девятой сессии Верховного Совета БССР девятого созыва 14 апр. 1978 г., 21 июня 1979 г. и 27 окт. 1989 г. – Минск.
4. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447 – 1996 гг.): моногр. / М.Ф. Чудаков. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 327 с.

УДК 342

**ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БССР
ПО КОНСТИТУЦИЯМ 1919 И 1927 гг.****А. А. ЛЕВКО****(Представлено: А. В. ВАЛЕВКО)**

Цель данной статьи – изучить развитие избирательной системы в Белорусской Советской Социалистической Республике на основе анализа конституций 1919 и 1927. Эти документы отражают ключевые аспекты политического устройства и правовой системы Советского Союза в рассматриваемый период времени.

Вступление Беларуси в состав Советских Социалистических Республик ознаменовало собой принятие новых законов и правил в общей избирательной системе. Организация выборов при советской власти характерна тем, что конституционно-правовое становление и поэтапное развитие советского государства, а с ним формирование и развитие избирательной системы советского типа происходили в соответствии с партийной коммунистической идеологией [1].

Первая Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссия (ССРБ) была принята на I Всебелорусском съезде Советов 3 февраля 1919 года. Она юридически закрепила создание БССР, советскую форму власти и основные принципы социалистического устройства. Основой первой части Конституции стала Ленинская декларация прав рабочего и эксплуатируемого народа. В трёх разделах второй части обсуждались такие ключевые моменты, как установление диктатуры городского и сельского пролетариата, а также права, свободы и обязанности граждан Республики. Кроме того, в ней описывалась структура высших органов государственной власти и управления, включая флаг и герб.

Высшим органом власти в ССРБ был признан Всебелорусский съезд Советов, а в перерывах между его заседаниями полномочия передавались ЦИК БССР. Этот орган, в свою очередь, создавал Большой и Малый Президиумы, с общей задачей управления делами страны. Большой Президиум выполнял функции Правительства.

Однако Конституция БССР 1919 года существенно отличалась от Конституции РСФСР. В частности, в ней не было положений об органах местного управления и избирательном праве. В дальнейшем этот документ подвергался изменениям и дополнениям. Так, на II съезде Советов, состоявшемся 14–17 декабря 1920 года, было объявлено о восстановлении Белорусской ССР и приняты важные дополнения к Конституции 1919 года.

Вместе с тем, несмотря на изменения, многие вопросы, оставленные без ответа в первой редакции Конституции, так и не были окончательно урегулированы. Например, не был определён порядок образования и функционирования местных органов власти и избирательное право. В результате, в дополнениях к Конституции была включена оговорка о том, что в отношении уездных съездов и других органов власти следует руководствоваться положениями VII Всероссийского съезда Советов. При этом подразумевалось использование положений Конституции РСФСР 1918 года и других российских законодательных актов.

Таким образом, первые годы белорусской советской государственности характеризовались стремлением к максимальному сближению с РСФСР, что отражалось и в законодательных актах БССР.

Принятие новой Конституции БССР состоялось 11 апреля 1927 года на VIII Всебелорусском съезде Советов. Основной причиной её принятия стало образование СССР и включение БССР в его состав в качестве союзной республики. В отличие от Конституции 1919 года, к этому моменту уже окончательно определился конституционный строй советского государства, что нашло отражение в новой редакции Конституции. В частности, БССР была охарактеризована как «социалистическое государство диктатуры пролетариата», представленное Советами рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Конституция 1927 года также существенно расширила права и свободы граждан, особенно в области трудовых и социальных прав. Однако система органов власти не претерпела значительных изменений. Вместе с тем, избирательное право, закреплённое в этой Конституции, не было всеобщим, неравным и непрямым. Статья 70 установила, что право голоса принадлежит гражданам, достигшим 18 лет, независимо от их вероисповедания и национальности, но при этом занятым в производительном и общественно полезном труде. К избирателям также относились лица, состоящие в Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Рабоче-Крестьянском Красном Флоте, а также те, кто вёл домашнее хозяйство, поддерживающее трудоспособность других.

Однако избирательное право было ограничено для отдельных категорий граждан, таких как лица, использующие наемный труд для получения прибыли, живущие на нетрудовые доходы, занимающиеся частной торговлей, монахи и духовные служители, а также бывшие сотрудники полиции и жандармерии.

Таким образом, избирательная система, установленная Конституцией БССР 1927 года, чётко отражала классовый подход, предоставляя политическую власть только трудящимся. Анализируя оба документа, можно сделать вывод, что в 1919 году вопрос избирательного права не был напрямую затронут, но в Конституции 1927 года было чётко закреплено, что право голоса принадлежит только рабочим и крестьянам, что подчёркивало ориентацию на диктатуру пролетариата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугачев, А.Н. Конституционные основы белорусской государственности // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 14. – С. 2–6.
2. Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии: принята I съездом Советов БССР 3 фев. 1919 г. – Минск.
3. Конституция Белорусской Социалистической Советской Республики: принята VIII Всебелорусским съездом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 11 апр. 1927 г. – Минск.
4. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447 – 1996 гг.): моногр. / М.Ф. Чудаков. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 327 с.

УДК 342

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕБЕНКА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**А. П. ОВСЯНКИНА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматривается сущность информационной безопасности ребёнка, правовые аспекты защиты несовершеннолетних в сети Интернет, анализируются существующие нормативно-правовые акты, регулирующие данную сферу. Автор статьи рассматривает различные определения информационной безопасности, а также особенности её обеспечения для детей.

Одной из насущных проблем современного общества является обеспечение безопасности ребёнка в сети Интернет. В современном мире Интернет стал неотъемлемой частью жизни людей всех возрастов, включая детей. С одной стороны, он предоставляет уникальные возможности для получения информации, обучения и общения. С другой стороны, с ростом активности детей в сети увеличивается и риск столкновения с угрозами, такими как кибербуллинг, онлайн-угрозы, сексуальная эксплуатация и распространение вредоносного контента. Дети, часто не понимая всех последствий своих действий, могут оказаться в небезопасной ситуации и подвергнуться различным рискам.

В науке есть несколько определений информационной безопасности. Например, Артамонова Я.С. определяет информационную безопасность как защищенность потребностей граждан, отдельных групп и социальных слоев, массовых объединений людей и населения в целом в качественной информации, которая необходима для функционирования их жизнедеятельности, образования и развития [1].

Мазуров В.А. и Невинский В.В. же понимают информационную безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства в информационной сфере от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие [10].

В концепции информационной безопасности Республики Беларусь она определяется как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере [4].

Специфика информационной безопасности ребёнка состоит в риске, связанным с причинением информации, в том числе распространяемой в сети Интернет, вреда их здоровью, физическому, психическому, духовному и нравственному развитию. Конституция Республики Беларусь содержит норму, согласно которой обязанность родителей заботиться о своих детях, устанавливает меру должного поведения родителей в отношении воспитания и заботы, включающей обеспечение условий для здоровья и безопасности детей [8]. В Кодексе о браке и семье перечисляются права детей: право на жизнь, образование, труд, отдых и досуг, на защиту, на материальное обеспечение, на жилище, а также обязанность родителей по защите прав и законных интересов детей [6]. В связи с быстрым цифровым прогрессом можно добавить часть 4 статьи 73 Кодекса о браке и семье и изложить её в следующей редакции:

Родители несут ответственность за обеспечение информационной безопасности своих несовершеннолетних детей, в том числе:

- 1) ограничение доступа детей к информации, не соответствующей их возрасту и развитию;
- 2) обучение детей основам информационной безопасности, включая правила поведения в сети Интернет, безопасное использование социальных сетей и мессенджеров, защиту личных данных и распознавание опасного контента;
- 3) контроль за использованием детьми электронных устройств и доступа к информационным ресурсам.

По данным исследований, значительная часть детей и подростков активно использует Интернет для общения, игр и образовательных целей. Однако недостаток опыта и осведомленности о потенциальных опасностях делает их уязвимыми перед различными угрозами.

Информационная безопасность ребёнка стала предметом изучения для многих учёных. Симонова В.А. и Лифинцева Е.А. провели опрос и выяснили недостаточную возрастную верификацию в сети Интернет, отсутствие достаточной защищённости, присутствие огромного количества информации несоответствующей возрасту [9].

Колобанова Н.Е. и Несмеянова С.Э. рассматривают особенности реализации права несовершеннолетних пользователей на доступ в Интернет и ограничения, обусловленные необходимостью их защиты. Авторы указывают на необходимость корректировки правового регулирования с учетом современных потребностей, а также отмечают, что следует ввести дополнительные ограничения доступа к сети в отношении детей [7].

В Республике Беларусь существуют нормативно-правовые акты, направленные на защиту детей, в том числе в цифровом пространстве. К ним можно отнести Конституцию Республики Беларусь, Закон о правах ребёнка, Кодекс о браке и семье. В статье 371 Закона говорится о праве ребёнка на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. К информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, относится:

- вызывающая желание употреблять алкогольные, слабоалкогольные напитки, пиво, потреблять наркотические средства;
- поощряющая или положительно оценивающая жестокость, физическое, психическое, сексуальное насилие, сексуальную эксплуатацию, сексуальные отношения с участием детей;
- содержащая нецензурные слова и выражения;
- и др. [5].

В целях обеспечения защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию государством разработаны меры защиты. К ним относятся: присвоение знака возрастной категории; собственники компьютерных клубов, интернет-кафе, иных мест, в которых обеспечивается коллективный доступ пользователей к глобальной компьютерной сети Интернет, учреждения образования обязаны применять административные, организационные меры и программные средства, позволяющие не допустить распространения среди детей информации, причиняющей вред их здоровью и развитию; также обеспечение защиты может быть реализовано родителями [5].

Международные платформы медиа-контента такие как YouTube, Twitch, RuTube, TikTok устанавливают специальный режим пользования для детей – система родительского контроля, что помогает в обеспечении информационной безопасности. Все эти платформы имеют функцию цифрового благополучия, чтобы ограничить неприемлемый контент и помочь родителям управлять временем, которое дети проводят в приложениях.

Другие страны также предлагают механизмы защиты детей в сети Интернет. Например, в Российской Федерации предусмотрена обязанность для социальных сетей ограничивать опасный контент. В соответствии с Законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» социальные сети обязаны публично отчитываться о результатах деятельности по выявлению и блокировкам социально опасного контента [3].

В федеральном законе РФ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» также отмечаются виды информации, запрещённой к распространению. Например, информация, содержащаяся в информационной продукции, произведенной иностранным агентом, оправдывающая противоправное поведение, отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи, содержащая нецензурную брань и т.д. [2].

В США закон «О защите конфиденциальности детей в интернете» 1998 года, запрещает сбор информации о детях младше 13 лет в интернете, за исключением случаев, когда получено согласие родителей, позволяющее идентифицировать лицо, выразившее такое согласие [11].

В заключении можно отметить, что все меры по обеспечению безопасности необходимо реформировать по мере роста цифровизации и изменений в интернет-технологиях. Важность данной проблематики только увеличивается, требуя постоянного внимания и адаптации существующих правовых и социальных инструментов. Для того, чтобы ребёнок был защищён от воздействия на него цифровых угроз, можно выделить несколько мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности.

Таким образом, информационная безопасность ребёнка – это такое состояние информационной защищённости детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. Проблема информационной безопасности ребёнка требует постоянного внимания и адаптации правовых и социальных инструментов в соответствии с динамичным развитием цифровых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова Я.С. К вопросу о понятии «Информационная безопасность». Артамонова Я.С. [Электронный ресурс] // Научная библиотека открытого доступа / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-informatsionnaya-bezopasnost>.
2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон: от 29 декабря 2010 г. №436-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 1 июля 2021 г.) // КонсультантПлюс. – М., 2024.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон: от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 01.09.2024 г.) // КонсультантПлюс. – М., 2024.
4. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

5. О правах ребенка [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 19 ноября 1993 г. № 2570-XII: в ред. Закона от 19 мая 2022 г. № 171-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. Кодекс о браке и семье (с изменениями и дополнениями: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. Колобанова Н.Е., Несмеянова С.Э. Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в интернет. Колобанова Н.Е. Несмеянова С.Э. [Электронный ресурс] // Научная библиотека открытого доступа / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-nesovershennoletnih-i-pravo-na-dostup-v-internet>.
8. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 октября 2021 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
9. Лифинцева Е.А., Симонова В.А. Защита несовершеннолетних от негативной информации в сети интернет. Лифинцева Е.А., Симонова В.А. [Электронный ресурс] // Научная библиотека открытого доступа / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-nesovershennoletnih-ot-negativnoy-informatsii-v-seti-internet>.
10. Мазуров В.А., Невинский В.В. Понятие и принципы информационной безопасности. Мазуров В.А., Невинский В.В. [Электронный ресурс] // Научная библиотека открытого доступа / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-printsipy-informatsionnoy-bezopasnosti>.
11. Федеральный закон США «О защите конфиденциальности детей в интернете» 1998 г.

УДК 342

ШЕРЕНТИНГ КАК ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**А. П. ОВСЯНКИНА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

Автор статьи рассматривает феномен "шерентинга" – чрезмерного внимания к жизни ребенка в социальных медиа. В статье анализируются правовые аспекты шерентинга, обсуждается вопрос о правах ребенка на неприкосновенность частной жизни и ответственности родителей за публикацию информации о своих детях в сети Интернет.

В современном мире, где социальные медиа стали неотъемлемой частью жизни, родительство приобрело новые формы. Одна из них – шерентинг – чрезмерное внимание к жизни ребенка в социальных сетях, которое может иметь как позитивные, так и негативные последствия. Эта статья рассмотрит правовые аспекты шерентинга, его возможные последствия для ребенка.

Шерентинг (sharenting, от английских слов share – «делиться» и parenting – «родительство») – это форма родительского поведения, характеризующаяся чрезмерным документированием жизни ребенка в социальных медиа. Родители, практикующие шерентинг, часто публикуют фотографии и видео своих детей, делятся подробностями о их достижениях, эмоциях и особенностях. Иногда они используют свои аккаунты в социальных сетях для воспитания ребенка, публикуя его посты или комментируя его публикации.

Вопросами исследования шерентинга занимаются такие ученые как: Автаева Н.О. [1], Москаленко А.А. [5], Стейси Стейнберг [8] и Франциско Аранда [2].

Москаленко А.А. отмечает, что шерентинг опасен как вид нарциссизма, как патологическое стремление к публичности. Имеется ввиду, что все родители считают своих детей самыми лучшими, красивыми и умными, поэтому и выставляют всю жизнь в социальные сети [5].

В статье Автаевой Н.О. рассматривается шерентинг как феномен демонстративного поведения, т.е. родители стремятся продемонстрировать свою жизнь, в том числе и жизнь своего ребенка, как идеальный образец для окружающих [1].

Американский профессор права и юрист Стейси Стейнберг утверждает, что решение проблемы шерентинга и защиты права ребёнка на неприкосновенность частной жизни может лежать в применении "права на забвение". Эта правовая концепция позволила бы уравновесить интересы родителей и детей в онлайн-пространстве. В частности, "право на забвение" могло бы дать ребёнку или уже взрослому право требовать удаления информации о своем детстве из результатов поиска в интернете. Это означает, что информация, опубликованная родителями в социальных сетях о несовершеннолетнем ребенке, могла бы быть удалена по их запросу. Введение "права на забвение" могло бы стать важным шагом в защите права ребёнка на приватность в цифровой эпохе [8].

Данное явление связано с стремительно выросшей популярностью социальных сетей. Мотивы шерентинга могут быть различными: желание поделиться радостью от родительства, страх пропустить важные моменты в жизни ребенка, стремление к популярности в сети, неспособность установить границы в онлайн-среде. Франциско Арандо выделяет социальные сети как причину шерентинга. Автор говорит, что социальные сети нельзя рассматривать как изолированные площадки; контент часто является мультиплатформенным, и гораздо чаще пользователи используют две или более социальных сетей одновременно, чем ограничиваются одной. В этой сфере несовершеннолетние – наиболее уязвимая группа, и достижение баланса между развитием технологий и защитой частной жизни представляет серьезную проблему [2].

В Законе «О персональных данных» Республики Беларусь закреплено определение персональных данных: «любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано». Исходя из этого определения, мы можем сказать, что фотографии, видео, личная информация – всё это является персональными данными.

Согласно действующим правовым нормам, а именно ст. 5 Закона, любое действие, которое совершается с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, распространение, удаление, рассматривается как обработка данных [6]. Действительно, публикация фото- и видеоматериалов ребенка в социальных сетях является формой обработки персональных данных.

Также в Законе присутствует норма, которая определяет возраст согласия субъекта персональных данных. До достижения субъектом возраста шестнадцати лет, за исключением вступления в брак до достижения возраста шестнадцати лет, согласие на обработку его персональных данных дает один из его законных представителей. Шерентинг, особенно в контексте публикации информации о ребенке в социальных сетях и т.д., неизбежно включает обработку его персональных данных. Это означает, что родители несут ответственность за защиту данных своего ребенка и должны осознавать риски, связанные с шерентингом.

Несмотря на то, что родители имеют право давать согласие на обработку данных ребенка, учет его мнения – это моральный долг, который помогает создать безопасную среду для его развития.

Законодательство о защите прав ребенка в разных странах различное. В некоторых странах, например, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, считается, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни. Исходя из этой статьи, родители не могут публиковать информацию о ребёнке без его согласия [3].

В статье 16 Конвенция о правах ребенка закреплено, что ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию [4]. Эта статья напрямую относится к шерентингу, так как она защищает право ребенка на личную жизнь. Шерентинг может нарушать право ребенка на личную жизнь, публикуя информацию о нем, которую он не хотел бы обнародовать.

Законодательство Республики Беларусь не содержит норм, регулирующих шерентинг. Однако в законе «О правах ребёнка» есть статья, которая закрепляет право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь, от посягательства на тайну корреспонденции: «Каждый ребенок имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений.» [7].

При отрицательном влиянии шерентинга, есть и положительные стороны. Дети, чьи родители активно ведут их аккаунты, могут быть замечены более широкой аудиторией, что может принести им известность, возможность сотрудничества с брендами и рекламодателями. Это может открыть дорогу к развитию карьеры в творческих сферах, например, в модельном бизнесе, в музыке или кино.

Благодаря известности, дети могут заработать деньги на рекламе, спонсорстве или участии в коммерческих проектах. Такой доход может быть инвестирован в их будущее, например, в образование или начало собственного бизнеса. Примером положительного шерентинга является Васелиса Кукояка. Девочка – яркий пример того, как шерентинг может превратиться в инструмент строительства бренда, приносящий в том числе и финансовую выгоду. Васелиса стала известной благодаря активной деятельности родителей в социальных сетях. У нее большое количество подписчиков в Instagram и YouTube. История Васелисы Кукояки иллюстрирует как шерентинг может привести к коммерческому успеху, но при этом важно понимать, что такой успех достигается за счет ребенка и может иметь отрицательные последствия для его психического здоровья и развития. Чрезмерное присутствие в социальных медиа может ограничить реальное взаимодействие ребенка со сверстниками и повлиять на развитие его социальных навыков.

Правовыми проблемами исследования шерентинга следует считать:

1. Новизна феномена.

Шерентинг – это новое явление, связанное с публикацией фото и видео детей в социальных сетях родителями. Поскольку шерентинг – относительно новое и быстро развивающееся явление, правовая система не успела адаптироваться и создать четкие нормы и правила, касающиеся этого вопроса. Это создает юридические сложности, так как многие аспекты шерентинга остаются неурегулированными.

2. Отсутствие правового регулирования.

На данный момент нет страны в которой были бы единые правовые нормы, касающиеся шерентинга. В некоторых государствах есть нормативные акты о защите детей и персональных данных, но единый подход к проблеме не выработан.

3. Недостаточное обеспечение защиты персональных данных.

Ещё одной проблемой шерентинга является недостаточная защита персональных данных детей. Публикация любой информации о них в интернете может привести к утечкам данных или их использованию для неблагоприятных целей, например, кибербуллингу, грумингу и т.д.

Необходимо дать родителям понимание того, что такое шерентинг, какие риски он несет для ребенка и как избежать его негативных последствий.

Подводя итог, шерентинг – это сложный феномен с множеством правовых и этических аспектов. Важно помнить, что ребенок имеет право на защиту своей личности и приватности, а родители должны быть ответственными за информацию, которую они публикуют о своих детях в социальных медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автаева, Н. О. Шерентинг в блогах как феномен демонстративного поведения / Н. О. Автаева // Визуальные медиакоммуникации и реклама: новые технологии и методология исследований : материалы II Международной научно-практической конференции, Челябинск, 28–29 апреля 2022 года / Челябинский государственный университет. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. – С. 11–15.
2. Аранда Серна Ф. Х., Социально-правовые риски шерентинга в процессе формирования цифровой идентичности ребенка в социальных сетях. Аранда Серна Ф. Х. [Электронный ресурс] // Научная библиотека открытого доступа / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pravovye-riski-sherentinga-v-protseesse-formirovaniya-tsifrovoy-identichnosti-rebenka-v-sotsialnyh-setyah>.

3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: [Заключена в г. Риме 04.11.1950 с изм. от 24.06.2013 вместе с "Протоколом [N 1]" Подписан в г. Париже 20.03.1952, "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963, "Протоколом N 7" Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984] Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz17euroco.html>.
4. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]: [принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.] / Организация Объединенных Наций // Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.
5. Москаленко, А. А. Шерентинг: модный тренд или опасность для ребенка? / А. А. Москаленко // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал: сборник научных трудов / Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 324–329.
6. О персональных данных [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 7 мая 2021 г. № 99-З: в ред. Закона от 1 июня 2022 г. № 175-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. О правах ребенка [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 19 ноября 1993 г. № 2570-XII: в ред. Закона от 19 мая 2022 г. № 171-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
8. Steinberg Stacey B. Sharenting: Children's Privacy in the Age of Social Media // Emory Law Journal. Vol. 66, Issue 4 (2017). P. 839–884.

УДК 339.544

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ БОРЬБЫ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ЕАЭС
С КОНТРАБАНДОЙ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ****В. Ю. ОСИПОВА***(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)*

Автор статьи анализирует технологии, применяемые в международной практике борьбы с контрабандой культурных ценностей. Рассматриваются распространённые инструменты, а также перспективные технологические решения, которые могут быть реализованы в работе таможенных служб государств-членов ЕАЭС. Приводятся преимущества и недостатки внедрения той или иной технологии.

Проблема защиты движимого исторического и культурного наследия народов от преступных посягательств – хищений, незаконной перепродажи, контрабанды – приобрела особую остроту с начала XXI века. Незаконные действия в отношении культурных ценностей получают все большее распространение. От старинного оружия до картин, от монет до часов, от религиозных предметов до археологических находок – тысячи экспонатов, составляющих часть мирового археологического и культурного наследия, подвергаются краже и разграблению. В этой связи признается, что международные границы по-прежнему предоставляют наилучшие возможности для перехвата украденных культурных ценностей, и с этой целью таможенные органы ЕАЭС играют основополагающую роль в борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей.

Как известно, государства-члены ЕАЭС также входят в такие международные организации, как Организация Объединённых Наций и Содружество Независимых Государств. Ряд международных договоров ООН и СНГ направлены на противодействие незаконному перемещению культурных ценностей. Например, была принята Рекомендация ЮНЕСКО о международном обмене культурными ценностями от 26 ноября 1976 года, которая отмечает, что государствам-членам следует с помощью заинтересованных международных организаций принять все меры для того, чтобы развитие международных обменов ценностями сопровождалось активизацией борьбы с незаконной торговлей культурными ценностями. В статье 13 Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 года, принятой ООН, указано, что государства-участники Конвенции обязуются предупреждать передачу права собственности на культурные ценности, которая способствует незаконному ввозу или вывозу ценностей. В соответствии с Соглашением о сотрудничестве в области культуры от 15 мая 1992 г., которое действует для стран СНГ, регламентируется, что государства-члены СНГ могут получать полную информацию об историко-культурных ценностях в рамках Содружества. Тема статьи реализует Государственную программу «Культура Беларуси» на 2021–2025 годы (подпрограмма 1 «Культурное наследие» глава 6), утверждённую Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 53, в части обеспечения сохранности культурных ценностей и привлечения большего внимания к сохранению и продвижению историко-культурного наследия.

Автор статьи предлагает рассмотреть преимущества и недостатки технологических инструментов, используемых на сегодняшний день в международной практике борьбы с контрабандой культурных ценностей для того, чтобы внедрить подобные технологии в работу таможенных служб Евразийского экономического союза.

Одним из самых распространённых приборов в Союзе, который применяется в портах, аэропортах, на приграничных пунктах пропуска, является рентгеновский сканер. Ключевым преимуществом использования технологии рентгеновского сканирования является широкое распространение сканеров, поэтому нет необходимости в дополнительных инвестициях в технологию. Однако, несмотря на то, что многие виды культурных ценностей представлены на рентгеновских снимках в виде четких и идентифицируемых объектов, таможенные служащие должны хорошо разбираться в этих объектах. Кроме того, сегодня копии древних предметов продаются как обычные туристические сувениры, что приводит к ложным срабатываниям оборудования при обнаружении культурных ценностей и увеличению числа физических проверок [1].

Достаточно ценными технологическими инструментами считаются базы данных культурных ценностей, находящихся в розыске. В частности, международная база данных Интерпола объединяет описания и фотографии более 52 000 предметов, представляющих культурную ценность. Пополняется база данных по следующему принципу: государства с помощью уполномоченных организаций (например, ЮНЕСКО, Международный совет музеев) отправляют информацию об украденных или пропавших предметах, а специалисты Интерпола вносят данные в базу. Любой желающий может подать заявку, чтобы стать авторизованным пользователем базы данных. Это позволит в режиме реального времени проверить, находится ли культурная ценность среди зарегистрированных объектов. Пользователи могут загрузить изображение любого предмета искусства и проверить его с помощью программного обеспечения для сопоставления изображений [2].

Преимущество использования баз данных как для регистрации, так и для расследования преступлений, связанных с перемещением культурных ценностей, заключается в том, что они представляют собой знакомую технологию поиска. Такая технология не требует дополнительной подготовки специалистов. Недостаток этого инструмента состоит в том, что он достаточно дорогостоящий и сложный в настройке. Помимо этого, базы данных об украденных ценностях полезны только при расследовании краж и незаконного оборота ранее известных и задокументированных культурных ценностей, например, украденных из музея. Если же конкретная ценность не содержится в базе данных, обнаружить преступников-контрабандистов будет гораздо сложнее.

На сегодняшний день в Республике Беларусь нет базы данных культурных ценностей, которые находятся в розыске. Однако, уже существует банк информации об историко-культурном наследии Республики Беларусь, включённом в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Ресурс содержит 5685 объектов, охраняемых государством [3].

Инструментом, разработанным Интерполом, является и мобильное приложение ID-Art. Оно помогает идентифицировать украденные историко-культурные ценности, снижать уровень контрабанды и увеличивать шансы на возвращение ценностей. Приложение является общедоступным и бесплатным для мобильных устройств Apple и Android. ID-Art может использоваться таможенными службами, частными коллекционерами и любителями искусства. Программа знакомит пользователей с базой данных Интерпола о похищенных произведениях искусства. В приложении числится Крест Евфросинии Полоцкой, который был изготовлен для церкви Святого Спаса в городе Полоцке по заказу Евфросинии Полоцкой мастером Лазарем Богшей в 1161 году. Крест был утерян во время Великой Отечественной войны и не найден до сих пор.

ID-Art позволяет: – получить доступ к базе данных Интерпола о похищенных произведениях искусства, чтобы проверить, числится ли объект похищенным; – сообщить о краже ценности; – сообщить об объектах культуры, находящихся в потенциальной опасности, либо о незаконных раскопках [4].

У данного инструмента есть возможность поиска вручную или визуально. Поиск вручную предполагает введение таких данных, как тип объекта, материал, название, имя художника или страна происхождения. Визуальный поиск позволяет найти объект, сделав его фотографию. ID-Art использует программное обеспечение для распознавания изображений, чтобы сопоставить фотографию с предметами, занесёнными в базу данных. Приложение позволяет пользователям сообщать в Интерпол о возможных кражах, если при ручном или визуальном поиске обнаружены предметы, совпадающие с объектами в базе данных. Интерпол будет соответствующим образом обрабатывать сообщения, передавая информацию национальным правоохранительным органам, если это необходимо. Однако такой поиск затрудняется, если культурная ценность не числится похищенной.

В целях оперативного обмена информацией, касающейся незаконного оборота ценных предметов, созданы специализированные коммуникационные платформы. Примером такой платформы является инструмент под названием ARCHEO, разработанный Всемирной таможенной организацией. Он предназначен для коммуникации и сотрудничества таможенных служб и других правоохранительных органов, международных организаций и экспертов в режиме реального времени для предотвращения незаконной торговли культурными ценностями. Недостаток заключается в том, что подобные платформы создают дополнительную рабочую нагрузку на специалистов.

Существуют технологии, которые пока не применяются на практике таможенными органами, либо применяются крайне редко. В этом случае подобные новшества можно назвать технологиями будущего.

Проанализируем принцип действия такого перспективного инструмента, как технологии блокчейн. Блокчейн лежит в основе работы криптовалют. Криптовалюта представляет собой цифровое средство обмена, которое использует методы шифрования для контроля за созданием денежных единиц и проверки финансовых переводов. Изобретённая в 1991 году технология блокчейн приобрела популярность лишь с момента появления Биткоина в 2008 году. Суть технологии блокчейн заключается в том, что она позволяет сохранять и передавать данные в виде последовательности связанных блоков. Каждая ячейка блока несет в себе информацию о предыдущей ячейке [5]. Эта технология базируется на принципе децентрализации, то есть база находится не в одном месте, а во всех компьютерах участников системы, которые образуют сеть. Таким образом блоки не могут быть заменены или взломаны, так как для этого придется взломать все компьютеры.

Благодаря своей безопасности и прозрачности, технология блокчейн применима в различных сферах: финансы, здравоохранение, логистика, государственное управление. Дальнейшие разработки блокчейн-технологий направлены на то, чтобы различными способами осуществлять инвестиции в изобразительное искусство, разрабатывать новые способы оплаты за работу художников и разрешать совершать сделки с предметами искусства с использованием криптовалют. С точки зрения борьбы с контрабандой, с помощью технологии блокчейн можно отслеживать перемещения культурных ценностей от момента создания или обнаружения до текущего местонахождения. Это помогает таможенным службам предотвращать незаконную торговлю ценностями. Блокчейн может быть использован для создания цифровых каталогов и баз данных культурных ценностей, что упрощает доступ к информации о них и способствует их сохранению.

Стоит отметить, что использование технологии блокчейн в контексте борьбы с контрабандой ценностей сопряжено с определёнными рисками. Во-первых, в некоторых случаях использование блокчейна может обеспечить анонимность и приватность сделок, что может быть использовано для сокрытия контрабанды историко-культурных ценностей. Во-вторых, поскольку блокчейн является децентрализованной системой, нет главного органа, который мог бы контролировать или регулировать сделки. Это может оказать содействие контрабанде культурных ценностей, так как транзакции могут осуществляться без прямого вмешательства со стороны органов власти.

Необычной «технологией», предложенной для предотвращения незаконной торговли культурными ценностями, стало обучение служебных собак, которые будут способны обнаруживать культурные ценности в аэропортах, портах и на границах. Сегодня собаки кинологических подразделений таможенных органов Республики Беларусь умеют искать взрывчатые вещества и наркотические вещества. По аналогии с такими собаками, предлагаемые собаки-ищейки для поиска предметов старины будут обучены распознавать запахи, связанные с объектами, которые недавно были извлечены из земли. В США реализуется инновационная исследовательская программа «K-9 Artifact Finders» (Искатели артефактов K-9), которая направлена на подготовку собак-ищеек, которые будут помогать в борьбе с разграблением объектов культурного наследия. В настоящее время такие собаки не используются, но в Соединенных Штатах проводятся испытания по их дрессировке. По данным *The Guardian*, программа реализуется в рамках некоммерческой группы *Red Arch*, которая занимается исследованиями в области археологических раскопок и незаконного оборота культурного наследия. Трудно сказать, на сколько эффективно собаки смогут находить контрабандные культурные ценности в реальных условиях, ведь для реализации этого проекта необходимо дополнительное финансирование.

Предлагаются трёхэтапные испытания собак. Собак научат различать запахи, применяя технологию импринтинга. Импринтинг представляет собой специфическую форму обучения посредством закрепления в памяти признаков объектов при формировании или коррекции врождённых поведенческих актов. Исследователи планируют проводить импринтирование (первичную обработку) по запаху трех типов недавно найденных археологических артефактов: – законно добытых; – надлежащим образом задокументированных; – законно импортированных с помощью археологов. На первом этапе собаки будут тестироваться двойным слепым способом. Исследователь, сборщик данных и дрессировщик не будут знать, каким образом был обработан каждый конкретный образец культурной ценности, предоставленный собаке. В случае, если удастся привлечь дополнительное финансирование, вторым этапом планируется проводить наземные испытания. Если это окажется успешным, то на третьем этапе будет создаваться демонстрационная программа для сотрудников таможни, чтобы они могли внедрить этот новый инструмент для защиты культурных ценностей [6].

В качестве инновационного инструмента для борьбы с контрабандой ценностей, представляющих культурную значимость, может применяться технология трёхмерного (3D) цифрового сканирования. Одним из основных преимуществ трёхмерного сканирования является высокая точность. Трёхмерное сканирование позволяет создавать детальные и точные цифровые модели историко-культурных объектов, что облегчает их идентификацию. Созданные трёхмерные модели могут сохраняться в базе данных для последующего сравнения с реальными объектами, что помогает предотвращать контрабанду и значительно упрощает процесс проверки подлинности культурной ценности. Помимо вышперечисленных преимуществ, технология цифрового сканирования в сочетании с высококачественными моделями предметов старины, напечатанными на 3D-принтере может стать потенциальным методом удовлетворения рыночного спроса на культурные ценности. Таким образом, коллекционеров можно убедить приобретать копии определенных произведений искусства вместо подлинных предметов старины. Однако для проведения трёхмерного сканирования требуется специализированное оборудование и программное обеспечение, что подразумевает высокие затраты. Кроме того, возможны сложности при аутентификации объектов на основе только цифровых трёхмерных моделей, поскольку они могут быть подвержены фальсификации.

Таким образом, в исследовании были рассмотрены различные перспективные технологии для борьбы таможенных органов ЕАЭС с контрабандой культурных ценностей. Некоторые из них уже известны и применимы на практике: – технология рентгеновского сканирования; – международная база данных культурных ценностей Интерпола и приложение ID-Art; – коммуникационная платформа ARCHEO, разработанная Всемирной таможенной организацией. В статье также представлены технологии будущего, которые используются ограниченно либо ещё не используются вовсе в международной практике по борьбе с контрабандой предметов, представляющих культурную ценность. К перспективным инструментам относятся: – технология блокчейн; – программа «K-9 Artifact Finders», обучающая собак искать культурные ценности; – высокоточная технология трёхмерного (3D) цифрового сканирования. Внедрение представленных в статье технологий в повседневную деятельность таможенных органов государств-членов ЕАЭС станет важным шагом для сохранения культурного наследия, обеспечения безопасности общества и поддержания международного сотрудничества в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Illicit trade in cultural goods in Europe / Directorate-General for Education, Youth, Sport and Culture; Dr. Neil Brodie, Dr. Donna Yates, Dr. Brigitte Slot, Dr. Olga Batura, Niels van Wanrooij, Gabriëlle op't Hoog. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. – P. 278. – DOI: 10.2766/183649.
2. Stolen Works of Art Database [Electronic resource] / Interpol. – Mode of access: <https://www.interpol.int/Crimes/Cultural-heritage-crime/Stolen-Works-of-Art-Database>. – Date of access: 05.10.2024.
3. Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://heritage.gov.by>. – Дата доступа: 05.10.2024.
4. ID-Art mobile app [Electronic resource] / Interpol. – Mode of access: <https://www.interpol.int/Crimes/Cultural-heritage-crime/ID-Art-mobile-app>. – Date of access: 05.10.2024.
5. Что такое блокчейн? [Электронный ресурс]. / РБК.Крипто. – 2024. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5a1691c39a79478ac778e13b>. – Дата доступа: 05.10.2024.
6. K-9 Artifact Finders. [Electronic resource] / Red Arch Cultural Heritage Law & Policy Research. – 2024. – Mode of access: <https://www.redarchresearch.org/projects/k-9-artifact-finders/>. – Date of access: 05.10.2024.

УДК 339.544

**ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ В ЕАЭС**

В. Ю. ОСИПОВА

(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)

Автор статьи анализирует проблемы, связанные с правовым регулированием перемещения культурных ценностей через таможенную границу в ЕАЭС. Комплексно исследует национальное законодательство государств-членов Союза (Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Армения) и наднациональное законодательство на уровне ЕАЭС. Выносит предложения по совершенствованию правовых аспектов охраны культурного наследия.

Исходя из пункта 2 статьи 5 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС), государства-члены осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза [1]. Одной из форм взаимодействия государств-членов ЕАЭС является гармонизация законодательства всех участников Союза в области охраны культурных ценностей. Таможенные органы в своей повседневной деятельности осуществляют борьбу с контрабандой историко-культурных ценностей. Как свидетельствуют данные международных экспертов, по доходности криминальный бизнес, связанный с хищениями культурных ценностей и дальнейшей их перепродажей, находится на четвертом месте в мире после торговли оружием, наркотиками и людьми [2]. Своевременное выявление недочётов и пробелов в законодательстве позволит избежать спорных ситуаций на границе при перемещении ценных предметов.

Стоит отметить, что на уровне Организации Объединённых Наций и Содружества Независимых государств, членами которых являются государства-члены ЕАЭС, был принят ряд документов. В частности, Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, которая была принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры, констатирует, что, в связи с серьезностью новых опасностей, все международное сообщество должно коллективно содействовать охране культурного наследия. Рекомендация о международном обмене культурными ценностями от 26 ноября 1976 года регламентирует, что, применяя необходимые юридические и научные условия, возможно укрепить взаимопонимание и уважение между народами, а также предотвратить незаконную торговлю и нанесение ущерба этим ценностям. ЮНЕСКО в Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, принятой 14 ноября 1970 года, отмечает, что ущерб взаимопониманию между народами наносят незаконные ввоз, вывоз и передача права собственности на культурные ценности. Соглашение о сотрудничестве в области культуры от 15 мая 1992 г., действующее для государств-членов СНГ, исходя из приоритета неотъемлемого права человека на приобщение к культурным ценностям, устанавливает, что страны СНГ могут получать полную информацию об историко-культурных ценностях в рамках Содружества. Взаимодействие стран СНГ реализуется на практике в соответствии с Основными мероприятиями сотрудничества государств – участников СНГ в области культуры на 2021–2025 годы.

Ввиду того, что исторически законодательство государств-членов формировалась в разных условиях, категория «культурные ценности» достаточно неустойчива. Так, например, согласно статье 1 Кодекса Республики Беларусь о культуре, культурная ценность – это созданные (преобразованные) человеком или тесно связанные с его деятельностью материальный объект и нематериальное проявление творчества человека, которые имеют историческое, художественное, научное или другое значение. В Беларуси культурным ценностям может быть присвоен статус историко-культурных ценностей с включением их в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [3].

В статье 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 года № 3612-1 определено, что культурные ценности – нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты [4]. Закон Республики Армения от 20 ноября 2002 г. «Об основах культурного законодательства» закрепляет следующую дефиницию: культурные ценности – произведения культуры и искусства, художественные народные творчество и ремесла, фольклор, этические и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, историко-культурные топонимы, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, предметы (объекты) культурного наследия [5].

В связи с этим возникают вопросы, касающиеся отнесения того или иного объекта к культурной ценности. Исходя из специфики таможенного права, культурные ценности можно разделить на те, которые ограничены и те, которые не ограничены к перемещению. Приложение № 2 к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования» (далее – Решение № 30), содержащее Перечень товаров, в отношении которых установлен разрешительный порядок ввоза на таможенную территорию ЕАЭС и (или) вывоза с таможенной территории ЕАЭС, включает в себя раздел 2.20. В этом разделе перечислены культурные ценности, документы национальных архивных фондов и оригиналы архивных документов, которые считаются ограниченными к перемещению. Существуют и запрещенные к перемещению ценности: – отнесенные к особо ценным объектам наследия государства независимо от времени их создания; – внесенные в охранные списки и реестры; – постоянно находящиеся в государственных хранилищах.

Как отмечалось ранее, в Республике Беларусь историко-культурные ценности систематизированы в Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь. В Кыргызстане сведения о недвижимых объектах историко-культурного наследия Кыргызской Республики включаются в список объектов историко-культурного наследия Кыргызской Республики республиканского значения. Государственные органы Армении также ведут государственные списки предметов культурного наследия. В России и Казахстане есть государственные реестры, которые ведутся уполномоченными органами исполнительной власти. Однако единой базы, содержащей перечень культурных ценностей всех государств-членов ЕАЭС, не существует.

Следующим проблемным вопросом права ЕАЭС является степень согласованности всех уровней актов законодательства, а именно: актов государств-членов ЕАЭС, международных договоров и межправительственных соглашений. Многие исследователи отмечают, что на сегодняшний день порядок перемещения культурных ценностей через таможенную границу представляет собой совокупность беспорядочных правовых норм.

Следует учитывать, что на наднациональном уровне закрепляется приоритетность права ЕАЭС. Так, согласно Договору о ЕАЭС, в случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и Договором о ЕАЭС, приоритет имеет Договор. По общему правилу ввоз физическими лицами культурных ценностей осуществляется без представления разрешительных документов. Однако вывоз с таможенной территории Союза культурных ценностей, включенных в единый перечень товаров, в отношении которых применяются меры нетарифного регулирования в торговле с третьими странами, в случаях, предусмотренных международными правовыми актами, осуществляется при наличии лицензии или заключения (разрешительного документа). Формы разрешительных документов в ЕАЭС унифицированы. При этом сроки выдачи таких документов на вывоз культурных ценностей различаются: в Республике Беларусь – 10 дней; в Российской Федерации – 20 рабочих дней; в Республике Казахстан – 5 рабочих дней; в Кыргызской Республике – 3 дня; в Республике Армения – 2 дня.

В государствах-членах ЕАЭС не определены единые сроки проведения экспертизы ценностей, которая проводится в целях отнесения предметов к культурным ценностям. В Республике Беларусь заявители и физические лица, временно вывозившие культурные ценности, обеспечивают начало осуществления экспертизы подлинности и состояния сохранности культурных ценностей в течение 5 рабочих дней после даты их возврата. Такая экспертиза совмещается с процедурой оформления заключения на вывоз. Предельный срок ее проведения – 10 дней, а в случае запроса документов и сведений от других государственных органов, иных организаций – 1 месяц. В Российской Федерации существует Государственная информационная система в сфере сохранения культурных ценностей. Экспертиза культурных ценностей проводится по заявлению физического или юридического лица, а также по обращению уполномоченного органа, таможенного или иного правоохранительного органа. Срок проведения экспертизы – 15 календарных дней. В Казахстане временный вывоз культурных ценностей, а также их возврат осуществляются на основании экспертизы, осуществляемой экспертной комиссией по временному вывозу культурных ценностей. Экспертиза проводится в течение 1 рабочего дня. В России, Беларуси и Кыргызстане экспертиза культурных ценностей представляет собой платную услугу.

Необходимо сконцентрировать внимание на правовом регулировании временного ввоза и вывоза культурных ценностей в рамках ЕАЭС, ведь в Таможенном кодексе ЕАЭС нет норм, касающихся этого аспекта.

Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 03.01.2023 № 3 «О выдаче документов в отношении культурных ценностей», временный вывоз некоторых категорий культурных ценностей допускается при условии обязательного обратного ввоза на территорию Республики Беларусь в срок, установленный в разрешительном документе, в целях международного культурного обмена, в случае вооруженного конфликта и в других случаях, предусмотренных законодательством и международными договорами Республики Беларусь [6].

В соответствии с Федеральным Законом Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», порядок временного ввоза культурных ценностей в Российскую Федерацию

не предусматривает предъявления экспертного заключения или иного подтверждения их отнесения к культурным ценностям. Однако временный вывоз культурных ценностей из России осуществляется на основании заключения (разрешительного документа). Отмечается, что временно ценности могут вывозиться для различных целей: – организация и проведение выставок, презентаций; осуществление реставрационных работ и научных исследований; – осуществление гастрольно-концертной деятельности; – организация и проведение религиозных обрядов и церемоний; – личное пользование. Предельный срок временного вывоза культурных ценностей с учетом продления срока временного вывоза культурных ценностей составляет 5 лет.

Временный вывоз материальных культурных ценностей, указанных в пункте 2 статьи 32 Закона Республики Казахстан от 15 декабря 2006 года № 207 «О культуре», может осуществляться собственником предметов либо лицом, уполномоченным на то собственником, на основании свидетельства на право временного вывоза культурных ценностей. Срок временного вывоза ценностей из Казахстана составляет 6 месяцев.

Как и в Казахстане, в Кыргызстане установлен шестимесячный срок временного вывоза культурных ценностей. Временный вывоз культурных ценностей (предметов и коллекций) из Кыргызской Республики в связи с организацией зарубежных выставок и гастролей допускается независимо от их исторической, научной, художественной или иной культурной ценности. Ценности возможно временно вывезти при наличии разрешения (Положение о порядке ввоза на территорию Кыргызской Республики и вывоза за ее пределы объектов культурных ценностей, утвержденное Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 28 января 2003 года № 36).

Частично цели временного вывоза культурных ценностей из России дублируют цели, перечисленные в статье 27 Закона Республики Армения от 04.09.1994 «О вывозе и ввозе культурных ценностей». К таким относятся: – организация выставок; – осуществление реставрационных работ и научных исследований; – театральная, концертная и иная художественная деятельность; – иные цели. Для того чтобы вывезти из Армении предметы, представляющие культурную значимость, необходимо получить свидетельство на право временного вывоза культурных ценностей, которое выдается Управлением по сохранению культурных ценностей.

Итак, проблемы законодательства в сфере перемещения культурных ценностей через таможенную границу в ЕАЭС заключаются в следующем: – категория «культурная ценность» не имеет четкого определения; – отсутствует единая унифицированная электронная база данных, содержащая перечень культурных ценностей; – существует несогласованность всех уровней актов законодательства в рамках Союза, выражающаяся в различных сроках совершения необходимых действий (в сроках выдачи разрешительных документов на вывоз культурных ценностей, сроках проведения экспертизы ценностей, сроках временного вывоза); – несмотря на приоритетность наднационального уровня законодательства, установление правового режима перемещения культурных ценностей движется от общих положений к частным, а не наоборот.

Проанализировав вышеизложенный перечень проблем, представляется возможным выделить несколько перспективных путей совершенствования законодательства.

В целом, правовое регулирование перемещения культурных ценностей через таможенную границу ЕАЭС требует системного подхода. Необходимо, чтобы понятие «культурная ценность» получило толкование с точки зрения объёма, так как это влияет на квалификацию деяния в качестве административного правонарушения или уголовного преступления. Например, в факте ввоза или вывоза предмета можно усмотреть признаки административного правонарушения по статье 15.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3, либо охарактеризовать деяние по статье 228 Уголовного Кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. Следовательно, возникает потребность в том, чтобы Евразийская экономическая комиссия разъяснила значение этого термина.

Помимо этого, предлагается ввести единые перечни объектов культурного наследия посредством создания электронной базы данных [7]. Преимущества создания такого ресурса заключаются в следующем:

- централизованная база данных упростит таможенные процедуры, позволяя быстрее получать необходимые разрешения на перемещение культурных ценностей в ЕАЭС;
- ресурс будет предоставлять государственным органам доступ к актуальной информации, так как данные будут регулярно обновляться;
- единый перечень поможет избежать дублирования информации;
- ввиду существующего курса на цифровизацию государственного управления, внедрение электронных перечней культурных ценностей повысит качество правоприменения в ЕАЭС;
- создание единых перечней и баз данных будет способствовать эффективному противодействию контрабанде ценностей.

Объединение государств в ЕАЭС предполагает приведение норм, регулирующих перемещение культурных ценностей через таможенную границу в ЕАЭС, к единому стандарту. Существующее Положение о вывозе с таможенной территории ЕАЭС культурных ценностей, документов национальных архивных фондов и оригиналов архивных документов (Приложение № 8 к Решению № 30) представляет собой совокупность унифицированных правовых норм, касающихся единого правового режима вывоза культурных

ценностей из ЕАЭС. При этом усовершенствовать правовое регулирование перемещения культурных ценностей можно, внедрив несколько новых сводов правил на наднациональном уровне.

Во-первых, стоит обозначить и проанализировать недостатки в праве ЕАЭС и чётко отграничить те аспекты, которые должны регулироваться на национальном уровне, от вопросов уровня Союза. Во-вторых, выявив проблемные места в законодательстве, необходимо составить стратегию взаимодействия стран Союза, касающихся охраны культурного наследия. Такая стратегия – это план, выстроенный на долгосрочную перспективу. Она должна предвидеть возможные риски, с которыми есть вероятность столкнуться таможенными органами, и разграничить компетенции государств-членов по вопросам регулирования правового режима перемещения культурных ценностей. Кроме этого, можно включить в стратегию положения о создании совместных образовательных программ для обмена опытом, технологиями и методами по охране культурного наследия. В-третьих, на основании стратегии целесообразно внести соответствующие изменения в Таможенный кодекс ЕАЭС и разработать Соглашение, регламентирующее порядок перемещения культурных ценностей в рамках ЕАЭС. В частности, в Соглашении можно предусмотреть следующее: – правила перемещения культурных ценностей через границы стран ЕАЭС при ввозе, вывозе, временном ввозе (вывозе); – порядок проведения экспертизы культурных ценностей с установлением единых сроков; – способы обеспечения защиты культурных ценностей от незаконного перемещения.

Подводя итог, перечисленные в статье пути совершенствования законодательства в сфере перемещения культурных ценностей через таможенную границу в ЕАЭС укрепят межгосударственные связи между членами ЕАЭС. Единый правовой порядок перемещения культурных ценностей, в котором нормы не будут противоречить друг другу, предотвратят возникновение спорных ситуаций при проведении таможенного контроля и создадут условия для охраны культурного наследия государств-членов Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [заключен в г. Астане 29 мая 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Глушакова, Т. Международно-правовые меры борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей в опыте взаимодействия стран-участниц СНГ / Т. Глушакова // Актуальные вопросы таможенного дела : сборник научных статей / Белорусский государственный университет, Факультет международных отношений, Кафедра таможенного дела. – Минск, 2010. – С. 123–127.
3. Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г., № 413-З: прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г., адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрв. 2016 г.: са змен. і дап., якія ўступілі ў сілу з 01.01.2023 г. [Электронный ресурс] / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2024. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413>. – Дата доступа: 08.10.2024.
4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : Федеральный Закон Рос. Федерации, 09.10.1992 № 3612-1 // Консультант Плюс [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2024.
5. Об основах культурного законодательства: Закон Республики Армения от 18 декабря 2002 года №ЗР-465// Официальные ведомости Республики Армения – 2002. – №57 (232), Ст. 1323.
6. О выдаче документов в отношении культурных ценностей : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 3 янв.2023 № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. Михеева, И.В. Режим перемещения культурных ценностей в ЕАЭС / И.В. Михеева, А.С. Логинова, Н.В. Пронина // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 458. – С. 250–260.

УДК 342

ПОНЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ЕГО ПРАВОВОЙ СТАТУС, ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КИТАЕ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. П. СЕЛЕДЦОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)

В статье рассматривается понятие искусственного интеллекта, его правовой статус и опыт правового регулирования в Китае, Российской Федерации и Республике Беларусь. Анализируются основные законодательные акты, регулирующие данную сферу, их сходства и различия, а также выявляются ключевые проблемы правового регулирования.

Искусственный интеллект на сегодняшний день является одной из самых обсуждаемых тем, которая имеет огромную значимость в современном мире. В последние десятилетия технологии искусственного интеллекта стремительно развиваются, открывая новые горизонты для автоматизации процессов, анализа данных и создания инновационных решений. Появляется потребность правового регулирования искусственного интеллекта в разных сферах, а также ставится вопрос о его правовом статусе.

Искусственный интеллект – это способность компьютерных систем выполнять интеллектуальные и творческие функции, которые традиционно считаются человеческими.

Также можно привести такие примеры понятия искусственного интеллекта:

Искусственный интеллект – это набор средств, позволяющих компьютеру на основании накопленных знаний представлять ответы на вопросы и формулировать на их основе экспертные заключения [1].

Искусственный интеллект – это математическая модель, способная к обучению, созданная по подобию человеческого мозга [2].

Искусственный интеллект – это совокупность метапроцедур представления знаний, рассуждений, поиска релевантной информации в среде имеющихся знаний, их пополнение, корректировка и прочее, имитирующих деятельность человека [3].

Правовое регулирование искусственного интеллекта возможно только после определения его правового статуса. На данный момент ведутся дискуссии по поводу правового статуса искусственного интеллекта: является он субъектом (квазисубъектом) или объектом права.

В ближайшем будущем сильный искусственный интеллект потенциально может быть признан субъектом материальных и процессуальных правоотношений, поскольку со временем будет обладать всей совокупностью когнитивных характеристик и навыков человека. Вместе с тем само по себе наличие когнитивных характеристик не делает такой интеллект правосубъектным. Требуются специальные формальные законодательные решения, а также значительная модернизация существующей системы правовых принципов, особенно в той области общественных отношений, которая связана с отправлением правосудия [4].

В настоящее время правовое регулирование искусственного интеллекта является нерешенным вопросом для большинства стран. Активно развивается регулирование искусственного интеллекта в Китае, за ним старательно подтягивается Россия.

Опыт регулирования искусственного интеллекта в Китае.

На данный момент разработки в сфере искусственного интеллекта являются приоритетными, и планируется к 2030 году вывести Китай в мировые лидеры в указанной области.

Определены три этапа развития «Плана развития искусственного интеллекта нового поколения»: 1. Занятие Китаем конкурентоспособной позиции на рынке (до 2020г.); 2. Внедрение искусственного интеллекта в экономику Китая (до 2025г.); 3. Достижение мирового лидерства Китая в сфере искусственного интеллекта (до 2030г.).

Рассмотрим развитие законодательства на первых двух этапах.

Первый этап:

- Закон КНР о кибербезопасности (от 1 июня 2017г.);
- «Белая книга по стандартизации искусственного интеллекта» (2018г.);

В ней описаны технические стандарты, уже созданные к этому моменту в Китае и других странах, плюс предложена система разработки международных стандартов. Такое систематизированное изложение накопленного опыта в техническом регулировании способствовало формулированию основ этического регулирования в рассматриваемой сфере, предшествовавших, в свою очередь, правовому регулированию.

- «Пекинские принципы искусственного интеллекта (май 2019г.);

Среди сформулированных принципов: служение человеческим ценностям, таким как неприкосновенность частной жизни, достоинство и свобода, постоянное внимание к безопасности искусственного

интеллекта, инклюзивность, открытость, поддержка международного сотрудничества, долгосрочное планирование и т.д. [5].

Второй этап (текущий) нацелен на создание не этических норм, а законодательных, которые непосредственно будут регулировать искусственный интеллект:

- Закон КНР о безопасности данных;
- Закон КНР о защите личной информации;
- «Положение о содействии развитию индустрии искусственного интеллекта в Шанхае»;
- «Положение о временных мерах по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта»;

Также разработан проект о регулировании искусственного интеллекта, который с большой степенью вероятности откроет новый этап развития правового регулирования искусственного интеллекта.

Основные черты, отличающие китайский подход к регулированию искусственного интеллекта, являются:

- оперативность регулирования (быстрое реагирование на технологические вызовы, когда создается документ, включающий некоторые общие принципы, позволяющие понять разработчикам, инвесторам и пользователям, как относиться к соответствующим технологиям);
- итеративность регулирования (государственные органы принимают акт, «проверяют» его на практике, через некоторое время принимают новый акт либо новую версию прежнего акта в зависимости от полученных результатов, постепенно конкретизируя правила);
- секторальность регулирования (отсутствует закон, охватывающий нормы, комплексно регулирующие всю сферу, для решения разных проблем в сфере искусственного интеллекта принимаются отдельные нормативные правовые акты);
- идеологический контроль (наличие цензуры, в частности, цензурирование алгоритмов);
- наличие широких полномочий у органов государственного управления по изданию подзаконных нормативных актов, устанавливающих множество исключений и изъятий из норм права, содержащихся в законах [5].

Можно сделать вывод, что законодательство Китая с каждым годом совершенствуется, а потенциал на выход в мировые лидеры в сфере искусственного интеллекта растет.

Опыт регулирования искусственного интеллекта в России.

Законодательные меры по стимулированию развития ИИ-технологий приняты и в России. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, в которой дано определение искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [3].

Указом также закреплены основные принципы правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, а именно:

- а) безопасность: разработка, создание и использование технологий искусственного интеллекта для тех областей их применения, в которых может быть нанесен ущерб безопасности Российской Федерации, осуществляются в соответствии с требованиями информационной безопасности доверенных технологий искусственного интеллекта;
- б) гуманистический подход: при развитии и регулировании технологий искусственного интеллекта человек, его права и свободы должны рассматриваться как высшая ценность;
- в) уважение автономии и свободы воли человека: сохранение автономии и свободы воли человека в принятии им решений, нормативно-правовое регулирование в области искусственного интеллекта не должно умалять право выбора и интеллектуальные способности человека, являющиеся самостоятельной ценностью и системообразующим фактором современной цивилизации;
- г) недискриминация: алгоритмы и наборы данных, методы обработки используемых для машинного обучения данных, применяемые для группирования и (или) классификации данных, касающихся отдельных лиц или групп лиц, не должны способствовать их умышленной дискриминации;
- д) риск-ориентированный подход: уровень проработки, характер и детализация изменений при регулировании вопросов в области искусственного интеллекта должны соответствовать уровню рисков, создаваемых конкретными технологиями и системами искусственного интеллекта для интересов человека и общества;
- е) ответственность: не допускается делегирование системам искусственного интеллекта ответственного нравственного выбора (в том числе принятие любых решений, способных оказать влияние на жизнь

или здоровье человека), а также делегирование ответственности за последствия принятия решений. Ответственность за все последствия работы систем искусственного интеллекта всегда несет физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации;

ж) квалифицированная экспертная оценка: при разработке нормативно-правового регулирования, касающегося развития технологий искусственного интеллекта, должно быть обеспечено проведение его соответствующей оценки специалистами в области искусственного интеллекта.

В 2021 году на I Международном форуме «Этика искусственного интеллекта (ИИ): начало доверия» был подписан «Кодекс этики искусственного интеллекта». В нем определены основные принципы внедрения искусственного интеллекта: прозрачность, правдивость, ответственность, надежность, инклюзивность, беспристрастность, безопасность и конфиденциальность.

24 апреля 2020 года был принят федеральный закон №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"». Федеральным законом определены задачи, а именно: создание благоприятных правовых условий развития технологий искусственного интеллекта; апробация технологий искусственного интеллекта и результатов его применения в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве; оценка эффективности и результативности установления специального регулирования по результатам установления экспериментального правового режима.

Развитие искусственного интеллекта на данный момент является приоритетной целью, которая активно поддерживается государством. Россия, как и Китай, ориентируется на выход в мировые лидеры в сфере искусственного интеллекта к 2030 году.

Опыт регулирования искусственного интеллекта в Республике Беларусь.

Правовое регулирование ИИ-технологий в нашей стране строится на определении искусственного интеллекта, аналогичном российскому, которое содержится в приложении 2 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 года № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь о 7 апреля 2022 года № 136». Также в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 года № 196, определены приоритетные направления развития законодательства в данной сфере. В соответствии с подп. 43.1 п. 43 и подп. 45.4 п. 45 Концепции в сфере гражданского, экономического законодательства предстоит урегулировать вопросы применения искусственного интеллекта, робототехники, киберфизических систем, беспилотного транспорта, системно пересмотреть кодексы по вопросам уголовной ответственности, в том числе на предмет цифровизации уголовного процесса [3].

2 февраля 2021 года постановлением Совета Министров была утверждена Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы. Государственная программа разработана в соответствии с приоритетными направлениями социально-экономического развития республики до 2025 года и направлена на внедрение информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества.

Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» резидентам Парка высоких технологий предоставлено право на осуществление в установленном порядке деятельности в сфере искусственного интеллекта, создания систем беспилотного управления транспортными средствами; деятельности в сфере киберспорта, включая подготовку киберспортивных команд, организацию и проведение соревнований, организацию их трансляций; образовательной деятельности в сфере информационно-коммуникационных технологий.

На современном этапе важно глубоко осмыслить проблематику развития ИИ-технологий, проанализировать уже имеющийся опыт законодательного регулирования в иных государствах (в частности с точки зрения его недостатков) и с использованием криминологического и иного научного прогнозирования определить наиболее оптимальный вариант правового подхода к регулированию соответствующих отношений в Беларуси [3]. В Беларуси следует реализовать правовое регулирование искусственного интеллекта на следующих подходах: оперативное реагирование, итеративность регулирования, секторальность регулирования и идеологический контроль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пройдаков, Э.М. Современное исследование в области искусственного интеллекта / Э.М. Пройдаков // Цифровая экономика. – 2018. – № 3(3). – С. 50–63.
2. Дороганов, В.С., Баумгартен, М.И. Возможные проблемы, возникающие при создании искусственного интеллекта / В.С. Дороганов, М.И. Баумгартен // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2013. – № 4(98). – С. 132–135.

3. Никитин, Ю. О правовом регулировании искусственного интеллекта / Ю. Никитин // Законность и правопорядок. – 2024. – № 2. – С. 24–28.
4. Афанасьев, С.Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта / С.Ф. Афанасьев // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 3. – С. 12–31.
5. Филиппова, И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая. / И.А. Филиппова // Журнал цифровых технологий и права. – 2024. – Т. 2. – № 1. – С. 46–73.

УДК 342

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В. П. СЕЛЕДЦОВА

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)

В статье рассматривается вопрос возможного применения генеративного искусственного интеллекта в юриспруденции. Автор приходит к мнению, что правовой статус генеративного искусственного интеллекта требует специальной детализации в системе норм об искусственном интеллекте.

Генеративный искусственный интеллект – это тип искусственного интеллекта, который может создавать новый контент и идеи, включая разговоры, истории, изображения, видео и музыку. Технологии искусственного интеллекта пытаются имитировать человеческий интеллект в таких нетрадиционных вычислительных задачах, как распознавание изображений, обработка естественного языка (NLP) и перевод. Генеративный искусственный интеллект – это следующий шаг в разработке искусственного интеллекта. Он использует изученные данные для решения новых задач. Например, он может выучить английскую лексику и создавать из нее стихотворения. Использовать генеративный искусственный интеллект можно для различных целей, таких как чат-боты, создание мультимедийных материалов, разработка и дизайн продуктов [1].

Генеративный искусственный интеллект работает на базе моделей машинного обучения – загружаются огромные базы данных, на которых обучается искусственный интеллект. Например, GPT – модель нейронных сетей трансформеров полагается на знания, полученные после обучения с миллиардами параметров. Она не просто предугадывает последующие слова, а обрабатывает входные данные, учитывая контекст ввода.

В Республике Беларусь генеративный искусственный интеллект практически не регулируется. В Российской Федерации тоже на данный момент не разработано специального правового регулирования использования генеративного искусственного интеллекта. Многие специалисты считают, что правовых норм, существующих на данный момент, вполне достаточно, другие же настаивают на необходимости разработки новых механизмов, позволяющих контролировать генеративный искусственный интеллект.

Понятие генеративного искусственного интеллекта и его правового статуса нельзя найти в законах Республики Беларусь, касающихся информационной сферы. Гражданский кодекс Республики Беларусь не предусматривает понятие генеративного искусственного интеллекта, следовательно, его правовой статус тоже не закреплен в нем. Это является актуальной проблемой в законодательстве, поскольку генеративный искусственный интеллект заменяет человека буквально во всем.

Прежде чем говорить о правовом статусе генеративного искусственного интеллекта, нужно определить, чем он является – объектом или субъектом (квзисубъектом) права.

Применительно к гражданско-правовым отношениям на сегодняшний день несомненно, что системы искусственного интеллекта – это объект таких отношений. Но объект достаточно специфичный. Всегда считалось, что творчество доступно лишь человеку. Способность выполнять творческие функции также рассматривается некоторыми исследователями как свойство искусственного интеллекта [2].

В правовой сфере применение искусственного интеллекта имеет большие перспективы. Достаточно давно обсуждаются вопросы, связанные с применением искусственного интеллекта в судопроизводстве, при анализе информации и т.д. Так, в феврале 2023 г. предполагалось, что первый в мире «робот-юрист» примет участие в рассмотрении дела в суде, но в силу ряда причин этого не произошло [3].

Использование робота-юриста в отправлении правосудия – это перспективная, но не лишенная рисков идея.

Основные риски можно разделить на несколько категорий:

Технические риски:

Проблемы с обработкой информации (робот-юрист может испытывать трудности с интерпретацией сложных юридических концепций, особенно в контексте неопределенности и неоднозначности);

Проблемы с обновлением данных (правовая система постоянно развивается и обновляется, в свою очередь робот-юрист должен иметь постоянный доступ к актуальному законодательству, отсутствие своевременного обновления может привести к ошибкам в принятии решений).

Правовые риски:

Ответственность за ошибки (возникает вопрос, кто будет нести ответственность, если робот-юрист примет неправильное решение);

Соблюдение прав человека (у искусственного интеллекта, как и у робота-юриста, отсутствует человечность, следовательно, робот должен быть разработан таким образом, чтобы соблюдались и не нарушались права человека, включая право на справедливое судебное разбирательство и право на защиту);

Социальные риски:

Потеря рабочих мест;

Изменение представления людей о юриспруденции.

Создать идеального робота-юриста, который смог бы отправлять правосудие, крайне тяжело. Это обусловлено рисками, которые были упомянуты выше. Самой главной, на мой взгляд, проблемой является отсутствие человечности у робота, поэтому следует разработать механизм контроля и надзора за его деятельностью. Также я считаю, что робот-юрист должен не сам отправлять правосудие, а быть лишь помощником судьи, уменьшая его нагрузку.

Также осуществляются попытки создать машинно-читаемое законодательство, когда нормы права в виде программного кода автоматически исполняются с помощью программного обеспечения. Новые возможности юридической деятельности открывает такая перспективная разработка, как чат-бот ChatGPT, которая требует своего дальнейшего исследования в этих целях [4].

С помощью генеративного искусственного интеллекта возможно формулирование текста проекта о внесении изменений и дополнений в иные нормативные правовые акты на основе выделенных человеком изменений в тексте акта, оценка корректности применяемой юридической терминологии. В этой части можно привести пример относительно написания текста законопроекта с использованием чат-бота ChatGPT [5].

Том Лебрэн, юрист из Квебека, специализирующийся на цифровом праве и авторском праве, сказал, что «для большинства изображений, созданных генеративным искусственным интеллектом, авторские права не будут принадлежать никому». «Никто не будет владеть изображением, потому что никто не принесет талант или суждение, необходимые для создания оригинальной работы», – сказал он.

Несмотря на то, что речь идет об изображении, с текстом происходит точно так же. Никто не будет владеть текстом, написанным генеративным искусственным интеллектом, а значит субъектом генеративный искусственный интеллект выступить не может, только «специфическим» объектом.

В юридической консультации также возможно применение генеративного искусственного интеллекта. Есть несколько способов его использования: общение клиента через чат-бота ChatGPT, которое производится путем вопрос-ответ, что, фактически, заменяет человека, оказывающего юридическую помощь; использование юристом чат-бота ChatGPT для быстрой помощи клиенту.

Хоть генеративный искусственный интеллект и обладает потенциалом для революции в юридической консультации, его использование сопряжено с определенными рисками, которые важно учесть: чат-боты имеют свойство использовать законодательство другого государства или придумывать статьи нормативных правовых актов. В таком случае юридическая помощь будет оказана некачественно, что может только усугубить ситуацию для клиента. Если же чат-бот будет работать на базе информации, предоставленной юридической консультацией, то в таком случае можно признать ее субъектом, который понесет ответственность за некачественное предоставление услуг. Чат-бот не будет выступать в данных правоотношениях субъектом, так как он лишь генерирует информацию из большого массива данных и не может отвечать за предоставленную информацию.

Также важным риском является несанкционированный доступ к конфиденциальной информации о клиенте, поэтому необходимо обеспечить защиту от потери персональных данных и всей информации в целом.

Правовой статус генеративного искусственного интеллекта все еще точно не определен. Многие юристы считают, что он является субъектом (квазисубъектом) правоотношений, другие же, что он является объектом правоотношений. Как представляется, на данный момент генеративный искусственный интеллект не может быть субъектом (квазисубъектом) правоотношений, так как является разработанной системой без реального мышления, которое присуще человеку, а также не может нести ответственность за сгенерированную информацию.

Использование генеративного искусственного интеллекта во всех рассматриваемых сферах требует разработки комплексного правового регулирования. Необходимо создавать четкие рамки для определения ответственности за действия искусственного интеллекта, защиты данных, соблюдения авторских прав, а также для развития этических стандартов использования искусственного интеллекта в данных областях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Что такое генеративный искусственный интеллект? [Электронный ресурс] // AWS. – Режим доступа: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/generative-ai>. – Дата доступа: 06.10.2024.
2. Соменков, С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? / С.А. Соменков. – Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2019. – Т. 2. – С. 75–85.
3. Стартапу DoNotPay не дали провести первое судебное дело с участием ИИ-адвоката [Электронный ресурс] / Хабр. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/news/713216>. – Дата доступа: 07.10.2024.
4. Шаршун, В.А. Применение искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности: современное состояние и перспективы / В.А. Шаршун // Юстиция Беларуси. – 2023. – №8 (257). – С. 16–21.
5. Минюст протестировал бот ChatGPT [Электронный ресурс] // UNN. – Режим доступа: <https://unn.ua/ru/news/minyust-protetuvav-bot-chatgpt>. – Дата доступа: 07.10.2024.

УДК 342

ГЕННЫЙ ДОПИНГ В СПОРТЕ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

А. В. ТВАРДОВСКАЯ

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)

В статье рассматриваются проблемные аспекты возможности отнесения генного допинга к одному из способов осуществления соматических прав личности, определяется сущность генной терапии, выявляется проблематика вопроса использования генного допинга в спорте, а также освещается вопрос негативных последствий применения данного вида допинга.

В настоящее время идет процесс развития четвертого поколения прав человека, которые становятся все более актуальными в связи с развитием науки, техники, медицины, генной инженерии – соматических права и свобод личности. Они представляют собой группу прав, предусматривающих возможность человека распоряжаться своим телом.

Одним из вопросов, который затрагивают соматические права человека, является проблема использования генного допинга спортсменами для достижения лучших результатов.

Проблемные аспекты использования генного допинга в спорте рассматривали такие ученые как, Д. Р. Юсупова, О. А. Шевченко, М. С. Хапаева, О. В. Илюшин. Согласно подходу Д. Р. Юсуповой, существует необходимость предотвращения развития генной терапии в связи с многочисленными рисками и этическими проблемами, связанными с ее использованием. [9] Такие ученые, как О. А. Шевченко и С. Е. Столярова, отмечают: несмотря на то, что официально доказанных случаев применения генного допинга не зафиксировано, мировому сообществу необходимо уже сейчас реагировать и принимать меры превентивного характера. Употребление данного вида допинга могут привести к неконтролируемым изменениям здоровья спортсменов. [8]

Согласно определению Всемирного антидопингового агентства WADA генная терапия представляет собой «нетерапевтическое использование генов, генетических элементов и / или клеток, которые способны улучшать спортивные результаты». Данный процесс предполагает введение искусственных генов в мышечные клетки, которые впоследствии соединяются с ДНК реципиента. Такая процедура позволяет улучшить спортивные результаты: ускорить метаболизм, замедлить атрофию мышц, ускорить набор массы тела человека. В связи с такими реалиями возникает вопрос: может ли осуществляться генная терапия в контексте права человека распоряжаться своим телом?

Дискуссии по этому поводу начали разворачиваться в 2000-х годах. Появились опасения, что произойдет процесс неконтролируемого использования генного допинга, который изначально разрабатывался для лечения заболеваний. В целях недопущения такой проблемы Всемирное антидопинговое агентство WADA в 2003 году запретило использование генной терапии.

Проблематика данного вопроса заключается в противоречии использования генного допинга и права человека на защиту здоровья. Дэвид Хофф отмечает, что применение допинга в спорте является серьезной проблемой в отношении честной игры и защиты здоровья спортсмена. [3] И несмотря на то, что в Запрещенном списке WADA генный и клеточный допинги запрещены, проблема защиты права спортсмена на охрану здоровья требует особого внимания.

Применение генной терапии может нанести вред не только функционированию организма в целом, но и повлиять на реализацию наследственной информации в гене. Существует риск развития рака в случае, если генетическая модификация активирует ген рака или отключает ген, способный подавить раковые образования. Отдельные виды препаратов способны вызвать образование опухолей. Так происходит, если гены гормона роста человека попадают в определенные клетки, которые, в свою очередь, способны бесконтрольно делиться, тем самым образуя опухоли. Одним из наглядных примеров является случай с Джесси Гелсингером, восемнадцатилетним студентом, который участвовал в клинических исследованиях в области генной терапии. [2] Организм реципиента плохо отреагировал на введенный препарат, и в течении девяти часов подопытный скончался. Безусловно, статистика утверждает, что не все клинические испытания заканчиваются летальным исходом, но безопасность вызывает беспокойство.

Существуют и этические противоречия в сфере использования генной терапии. На протяжении долгого времени допингом в спорте считались препараты, использование которых повышают работоспособность клеток. Сейчас же речь идет о генном изменении клеток.

Кроме того, необходимо сказать, что существуют разные типы модификации генов. Они влияют не только на соматические клетки, но и на клетки зародышевой линии. Основная проблема заключается в том, что зародышевый тип генной терапии проводится до рождения ребенка. То есть, все манипуляции,

связанные с зародышевой линией, становятся наследственными. В контексте спорта это означает, что данный тип допинга может быть использован для изменения эмбриона с желаемыми генетическими характеристиками, чтобы сделать его предрасположенным к физическому совершенству. В свою очередь, это не соответствует определению соматических прав, так как данное право распространяется только на распоряжение своим телом.

Бесспорно, генная терапия также затрагивает право человека на неприкосновенность частной жизни. По мнению С. А. Шадрина, составляющими частной жизни являются, в том числе, персональная идентификация, физическая и моральная неприкосновенность человека, сбор и применение данных индивида, а также доступ к персональной информации человека. [9] Ученые отмечают, что антидопинговый контроль может подразумевать процедуры, нарушающие право спортсмена на неприкосновенность частной жизни.

На данный момент не существует научно доказанного способа отменить генетическое совершенствование. Статья 10.2 Кодекса ВАДА предусматривает четырехлетний срок дисквалификации за преднамеренный допинг. С одной стороны, введение подобной санкции для такого рода спортсмена, может создать ю несправедливость по отношению к другим спортсменам, так как по окончании срока дисквалификации, модифицированный спортсмен сможет продолжить карьеру, а другие будут вынуждены конкурировать с ним. Следовательно, в качестве альтернативной санкционной меры к данному спортсмену можно рассматривать пожизненный запрет на участие в соревнованиях. Согласно подходу М. С. Хапаевой, в случае введения пожизненного запрета на спортивную деятельность будет нарушаться принцип справедливости по отношению к самому спортсмену вследствие того, что данные генетические модификации были проведены без его ведома и согласия. [5]

Сфера геномных исследований находится в стадии постоянного развития, можно лишь строить догадки относительно того, был ли когда-либо применен генный допинг в истории. К сожалению, еще не разработана методология проведения полномасштабных проверок спортсменов на наличие генного допинга. О. А. Шевченко отмечает, что отсутствие внимания к появлению такой потенциальной проблемы будет ошибочным, поэтому необходимо стремиться к появлению технологий, способных выявлять нарушения спортсменов антидопинговых правил, связанных с генным допингом. [8]

Нельзя не отметить, что генный допинг, в отличие от других, находится на стадии разработки, такой вид терапии является зарождающейся технологией. В связи с этим существует опасность необратимости последствий применения генного допинга, его использование может привести к осложнениям, не подлежащим медицинскому воздействию. Также отсутствуют отчеты, касающиеся долгосрочных эффектов допинга. На данный момент не реализовываются исследования, которые проводились бы на протяжении десятилетий с целью определения влияния генной терапии.

Таким образом, можно сказать, что применение генной терапии нельзя рассматривать как один из способов реализации соматических прав личности. Необходимо формирование правовой базы для регулирования генной терапии. Применение допинга противоречит этическим соображениям, общественным интересам, праву человека на защиту здоровья, затрагивает вопросы права на неприкосновенность личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown, J. Genetic doping: WADA we do about the future of 'cheating' in sport? [Electronic resource] Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40318-019-00141-y>. – Date of access: 07.09.2024
2. Ethical considerations of genetic manipulation in sport [Electronic resource] : The sport journal. – Mode of access: <https://thesportjournal.org/article/ethical-considerations-of-genetic-manipulation-in-sport/>. – Date of access: 04.09.2024
3. Gene Doping and the Ethics of Sport: between Enhancement and Posthumanism [Electronic resource] : International Journal of Sports Science. – Mode of access: <http://article.sapub.org/10.5923.j.sports.20110101.01.html>. – Date of access: 10.09.2024
4. Genetic Doping in Sports: A Biological and Legal Examination! [Electronic resource] : Journal Of Advanced Zoology. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/375622564_Genetic_Doping_in_Sports_A_Biological_and_Legal_Examination. – Date of access: 08.09.2024.
5. Обеспечение защиты прав человека в контексте противодействия генному допингу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-zaschity-prav-cheloveka-vkontekste-protivodeystviya-gennomu-dopingu/viewer>. – Дата доступа 02.09.2024.
6. Понятие и виды личностных (соматических) прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-lichnostnyh-somaticheskikh-prav-cheloveka/viewer>. – Дата доступа 09.09.2024.
7. Susan L. Nasr "How Gene Doping Works" [Electronic resource] : HowStuffWorks.com. – Mode of access: <https://science.howstuffworks.com/life/genetic/gene-doping.htm#pt4>. – Date of access: 03.09.2024.
8. Шевченко, О.А., Столяров С.Е. Абрис проблемы пределов применения генного допинга в сфере физической культуры и спорта, связанной с развитием технологий и медицины / О. А Шевченко // Спортивное право. – № 1. – 2022. – С. 11–13.
9. Юсупова, Д.Р., Илюшин О.В. Генный допинг: риски, вред и методы решения / Д.Р. Юсупова // Вестник науки. – № 12(57), том 3. – 2022. – С. 405–409.

УДК 342

ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ В ПРАВЕ ПРИ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ**А. В. ТВАРДОВСКАЯ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. ШАХНОВСКАЯ)*

В статье рассматриваются биоэтические вопросы, возникающие в процессе трансплантации органов и тканей человека; освещаются проблемы, связанные с трансплантологией (нравственного, морального и религиозного характера). Автором формулируются отдельные предложения в области реализации принципов биоэтики в трансплантации органов и тканей.

На данный момент учеными выделяется широкий ряд вопросов, затрагивающих биоэтические нормы. Понятие биоэтики включает в себя этические проблемы, которые являются актуальными в связи с постоянным развитием и совершенствованием трансплантологии. Следует сказать, что современное общество не в полной мере готово к восприятию идей донорства. В связи с этим в данной отрасли медицины необходимо создание морально-этических норм и правовой базы, которые смогли бы отразить и урегулировать процесс пересадки органов и тканей.

Сегодня такие исследователи, как Е. В. Савошикова, Л. Б. Ляуш, И. В. Силуянова, С. Г. Стеценко, Е. В. Михневич, поднимают круг проблем, связанных с биоэтическими нормами. Наиболее острыми можно назвать моральные проблемы изъятия органов и тканей у доноров, столкновение интереса врача-трансплантолога и реципиента в получении донорского материала, коррупционные действия при осуществлении трансплантации.

Пересадка органов у живых доноров также затрагивает нравственные вопросы. Возникает дилемма: этично ли пересаживать орган одному человеку с целью улучшения качества жизни и ее продолжительности ценой ухудшения здоровья донора? В таком случае принцип гуманизма, вытекающий из ст. 21 Конституции, и принцип приоритета прав человека, закрепленный в ст. 2 Конституции Республики Беларусь, теряет свой смысл, так как достижение ее цели наносит вред здоровью и жизни донора.

В связи с тем, что большинство доноров – это пациенты с диагнозом «смерть мозга», основная этическая проблема – установление диагноза. Во первых, это связано с развитием реанимационных технологий медицины. Прекращение поддержки жизнедеятельности зависит от того, какой момент признается моментом «смерти мозга» человека. На данный момент это понятие означает гибель всего мозга, включая его ствол, с необратимым бессознательным состоянием, прекращением самостоятельного дыхания и исчезновением всех стволовых рефлексов [8]. В большинстве государств, например, в Великобритании, США, Российской Федерации данный диагноз является основанием для врачебного заключения о наступлении момента смерти человека. Однако, понятие «смерти мозга» отличается от понятия биологической смерти. Биологическая смерть представляет собой необратимое прекращение физиологических процессов в клетках и тканях. Так как констатация момента смерти человека на основе критерия смерти мозга является сложной процедурой, важную роль играют требования к выполнению специальных стандартов для установления диагноза. Таким образом, существует проблема уязвимости выявления критерия «смерти мозга» как смерти человека и необходимости ответственного отношения к исполнению постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь «Инструкции о порядке констатации смерти» постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь.

Нельзя не упомянуть вопрос дефицита органов и тканей. К сожалению, ни одно государство в мире не может полностью удовлетворить потребности по количеству донорского материала. И на сегодняшний день спрос в органах и тканях растет. Гарантией справедливости в данном случае является включение реципиента в базу «листа ожидания», отнесенной к трансплантологической программе. Механизм равноправного получения донорского материала реализуется благодаря системе выбора только по медицинским показаниям и тяжестью состояния пациента.

При рассмотрении вопросов этики при осуществлении трансплантации важно отметить детскую трансплантологию. Если мы ведем речь о несовершеннолетних пациентах, проведение операции в живой ткани, перенесенной из организма во внешнюю среду, запрещено, в соответствии с «Руководящими принципами ВОЗ по трансплантации органов и тканей человека» [9]. Но в то же время допускается изъятие регенерирующих тканей, способных восстановиться и функционировать после проведения операции. В некоторых странах, например, в Российской Федерации, в соответствии со ст.47 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», запрещается любое изъятие органов у лиц, не достигших совершеннолетнего возраста (за исключением случаев пересадки костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток) или признанных в установленном законом порядке недееспособными. С одной стороны, такая позиция является правильной, так как несовершеннолетнее лицо не может оценить все

риски, а также выразить добровольное согласие или несогласие. [1] Если же посмотреть на такой подход с другой точки зрения, возможности и уровень трансплантологии в таких странах остаются низкой, а нехватка донорского материала растет.

Безусловно, нельзя обойти проблему коммерциализации. В условиях дефицита органы и ткани человека могут стать дорогостоящим товаром. Согласно 37-ой Всемирной медицинской ассамблеи, необходимо принимать эффективные меры для предотвращения использования человеческих органов в коммерческих целях. Несмотря на это, некоторые сторонники соматических прав человека выступают за то, что «тело человека есть объект права собственности и имеет в большинстве случаев денежно-стоимостное выражение» [8]. Такая точка зрения подвергается сомнениям и критике, так как данная позиция, в сущности, разрешает торговлю органами и тканями человека, а это, в свою очередь, противоречит нормам международного права.

Вопрос забора органов и тканей и их распределения между реципиентами тесно связан с проблемой дефицита донорского материала. Пути решения могут быть разными: популяризация идеи донорства, необходимости просветительской работы с населением, рекламы в данной сфере, создание искусственных органов на основе биоэлектронных достижений и нанотехнологиям. В современной науке одним из решений нехватки органов может стать ксенотрансплантация, то есть, пересадка органов животным людям. Эта идея основана на том, что животное не представляет такой ценности, как человек. Однако, такой подход претерпевает определенные возражения со стороны защитников животных и представителей трансгуманизма. Серьезной этической-психологической проблемой является принятие человеком органа животного или искусственного органа, осознание своего организма целостным, истинно человеческим даже после пересадки в какого-либо органа «нечеловеческого происхождения» [1].

На современном этапе медицины идет процесс разработки методов клонирования органов и тканей. Это способствует снятию ряда этических-правовых проблем, так как донор и реципиент являются одним человеком. Однако, такой вид пересадки еще далек от внедрения в обыденную клиническую практику.

Если рассматривать проблемы биоэтики в контексте белорусской реальности, необходимо учитывать менталитет и религиозные особенности нашей страны. Согласно статистическим данным [7], примерно половина белорусского населения являются приверженцами православной веры. В соответствии с текстом Основ социальной концепции Русской Православной церкви использование органов и тканей умершего является нарушением свободы человека. [4] То есть, тело умершего донора не может быть использовано в связи с противоречиями в религиозной среде.

Таким образом, в настоящий момент стоит отметить несколько проблемных аспектов в области трансплантологии органов и тканей человека. Один из биоэтических вопросов – правильное установление диагноза при изъятии органов и тканей у мертвого донора. Острой проблемой является дефицит органов и тканей, а как следствие, коррупционные действия и коммерциализация в процессе изъятия донорского материала, столкновение интереса врача-трансплантолога и реципиента в получении органов и тканей человека. Кроме того, несправедливое распределение донорских материалов между реципиентами. Также необходимо учитывать религиозные особенности населения при осуществлении трансплантации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биоэтика в трансплантологии – защита права человека на жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bioetika-v-transplantologii-zaschita-prava-cheloveka-na-zhizn/viewer>. – Дата доступа 11.09.2024.
2. Биоэтические проблемы трансплантологии [Электронный ресурс] : Журнал «Молодой ученый» № 16. – Mode of access: <https://moluch.ru/archive/96/21539/>. – Date of access: 12.09.2024.
3. Василевич, Д. Г. Трансплантация органов и тканей человека как средство возвращения его к активной жизни [Электронный ресурс] / Д. Г. Василевич // Трансплантация органов и тканей человека. – Режим доступа: <https://elib.psu.by/handle/123456789/21236>. – Дата доступа: 11.09.2024.
4. Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. – Дата доступа: 16.09.2024.
5. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 04.03.1997 № 28-3: в ред. Закона от 15 июля 2021 г. № 120-3 // Эталон ONLINE. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h19700028&q_id=0. – Дата доступа: 13.09.2024.
6. Этические проблемы трансплантации органов и тканей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bioethics.bsmu.by/article/ethical-problems-of-transplantation-of-organs-and-tissues>. – Дата доступа 13.09.2024.
7. Религия в Беларуси: официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/society/religia>. – Дата доступа 18.09.2024.
8. Этические проблемы трансплантологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.it-med.ru/library/ie/ieticheskie.htm>. – Дата доступа: 12.09.2024.
9. University of Minnesota Human Rights Library [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/in-tree/organtransplant.html#:~:text=No%20organ%20should%20be%20removed,for%20transplantation%20from%20legal%20minors>. – Дата доступа: 13.09.2024.

УДК 340

ПРИМЕНЕНИЕ ЧАТ-БОТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

К. С. ФОМИН

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)

В статье рассматриваются понятие «чат-бот», его виды, применение в Беларуси и за рубежом. Обращается внимание на правовой статус чат-ботов. Автор анализирует перспективы внедрения технологии чат-бот в государственное управление.

Внедрение различных видов технологий упростило, ускорило работу человека. Они становятся вспомогательным решением в решении различного рода задач. Также технологии широко применяются на уровне государства, являясь вспомогательным инструментом, как для граждан, так и для сотрудников различных государственных ведомств. Одним из подобных решений стали чат-боты – программное обеспечение, веб-интерфейс, цель которых имитация человеческого общения посредством текстового или голосового взаимодействия. Современные чат-боты функционируют в режиме онлайн и представляют собой диалоговое окно, совершая свою работу в мессенджерах, сервисах, на сайтах. Также они могут быть представлены приложениями или отдельными сайтами. Принцип действия данной технологии заключается в следующем: чат-бот имея определённую базу данных, генерирует ответ при совпадении введённых слов с тем, что хранится в его базе, также это может быть совпадение с ключевыми словами или фразами. Своё применение технология нашла в обслуживании клиентов, ответов на вопросы, управление мультимедиа. [1]

Существуют различные чат-боты, такие как:

Голосовые помощники – программный агент, выполняющий ряд задач на основе ввода данных пользователем, как устного, так и письменного. Алгоритм действий выглядит следующим образом: в базе данных бота есть набор возможных вопросов, команды и заранее записанные ответы, при запросе пользователя виртуальный ассистент анализирует его и выбирает подходящий ответ или команду, озвучивая его человеку. Наиболее популярными решениями являются Siri, Bixby, Google Assistant, Amazon Alexa, Яндекс Алиса. [2]

Кнопочный чат-бот – бот с ограниченным набором ответов на определённый список вопросов, которые задаются нажатием кнопки. Алгоритм действий выглядит следующим образом: в базе данных бота есть набор вопросов, опций, пользователь выбирает один из предложенных вариантов нажатием кнопки. Применяются на сайтах, в мессенджерах для ответа на чаще всего интересующие вопросы или выполнения несложных действий, требующих нажатия одной кнопки. [3]

Текстовый чат-бот – бот, способный выдавать подходящие ответы или информацию на запросы пользователя на основе совпадающих слов, занесённых в базу бота. Подобные решения применяются в качестве технической поддержки. Отличие данного программного обеспечения заключается в том, что вопрос нельзя выбрать нажатием кнопки из списка предложенных, его нужно задать путём текстового ввода. Обычно данный тип чат-бота используется в связке с кнопочным типом. [3]

В настоящее время в Республике Беларусь в отношении чат-ботов отсутствует чёткое и цельное правовое регулирование, однако ряд вопросов, который относится к их применению подвергся регулированию. Так, например, ChatGPT, Copilot, Gemini в своих базах данных используют персональные данные, при этом собственноручно требуют авторизации, допускают оформление платной подписки, для чего необходим ввод данных банковской карты – всё это попадает под понятие персональных данных, что регулируется Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 года № 99-3 «О защите персональных данных» [4]. Помимо этого, данные чат-боты используют сервера, располагающиеся за пределами Республики Беларусь, что попадает под вопрос трансграничной пересылки, который регулируется Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 года № 99-3 «О защите персональных данных» [4] и Приказом Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь от 15 ноября 2021 года №14 «О трансграничной передаче персональных данных» [5]. Вопросы создания и распространения информации также относятся к использованию чат-ботов, которые регулируются Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» [6].

Чат-боты используются в различных странах, как на уровне государства, так и на уровне частных решений. Основная область их применения – обслуживание клиентов.

Зарубежными примерами использования частных чат-ботов являются: Bank of America's Erica – виртуальный ассистент, предоставляющий пользователям финансовые консультации, помогающий пользователям управлять своими банковскими счетами; H&M's Kik Chatbot – чат-бот, которые даёт советы по стилю из каталога H&M на основе запросов пользователя. [7]

Помимо этого, в Беларуси есть и свои решения, среди которых Кокобот – виртуальный ассистент, применяющийся в качестве агрегатора ресторанов в мессенджере Telegram [8]; Альфа-бот Беларусь (Поддержка) – виртуальный ассистент Альфа-банка, применяющийся для консультирования клиентов в мессенджерах Telegram и Viber [9].

В свою очередь, зарубежными примерами использования государственных чат-ботов являются: виртуальный ассистент Службы гражданства и иммиграции США – ЕММА, область применения которого – миграционное консультирование [10]; чат-бот Австралийского налогового управления – Alex, использующийся для удобства навигации по сайту управления [11]; чат-бот, запущенный Муниципальным советом города Пуна, предоставляющий информацию об уплаченной и подлежащей уплате сумме, услуги по онлайн-оплате, налоговому счету [12]; чат-бот Федеральной таможенной службы Российской Федерации, использующийся для обратной связи, позволяющий найти ответ на интересующий вопрос и сделать официальный запрос [13].

Подобные решения также применяются и в Беларуси, среди которых чат-бот Министерства здравоохранения Республики Беларусь, использующийся для оперативного реагирования [14]; чат-бот Государственной автомобильной инспекции Республики Беларусь, использующийся для сообщений о дорожных дефектах [15]; чат-бот Совета Министров Республики Беларусь, применяющийся для обращений граждан [16]; чат-бот Министерства образования Республики Беларусь, использующийся для обратной связи с гражданами по вопросам школьного питания [17]; чат-бот Гомельского городского исполнительного комитета, использующийся для обращений граждан к председателю [18].

Общей чертой для всех вышеперечисленных решений является то, что они представлены в виде ограниченных ботов, так как их функционал ограничен и строго относится к компетенции той или иной организации. Основным применением, как частных, так и государственных чат-ботов, является обслуживание, включающее в себя консультирование, реагирование. Отличительной особенностью белорусских решений от зарубежных является, то они применяются в мессенджере, в то время как зарубежные аналоги преимущественно используются на сайтах.

Несмотря на распространённость государственных решений, не все государственные органы используют данную технологию. Основываясь на примере Российской Федерации [13], других государственных органов, кажется вероятным появление также в таможенном деле Республики Беларусь подобного решения. Из возможной области применения можно выделить консультирование и реагирования, ориентируясь на функционал вышеприведённых примеров.

Подводя итоги, можно сказать, что чат-боты в разных типах имеют как частные решения, так и государственные. В основном они применяются для консультирования, однако ещё одной опцией является реагирование. Применение чат-ботов в государственном управлении является перспективным направлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chatbot. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Chatbot> – Дата доступа: 04.10.2024.
2. Virtual assistant. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Virtual_assistant – Дата доступа: 04.10.2024.
3. Какие бывают чат-боты и как создать полезного чат-бота для сайта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/X9jYWgHkdH2jrCCC> – Дата доступа: 04.10.2024.
4. «О защите персональных данных» Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=H12100099> – Дата доступа: 04.10.2024.
5. «О трансграничной передаче персональных данных» Приказ Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь от 15 ноября 2021 года №14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=U621e3030&utm_source=pravoby&utm_medium=article&utm_campaign=zachita_pd&utm_content=link3&utm_term=novost_23112021 – Дата доступа: 04.10.2024.
6. «Об информации, информатизации и защите информации» Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455> – Дата доступа: 04.10.2024.
7. 15 Best chatbot examples from groundbreaking brands. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sprinklr.com/blog/chatbot-examples/> – Дата доступа: 04.10.2024.
8. Кокобот. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/KokobyBot> – Дата доступа: 04.10.2024.
9. Альфа-Бот Беларусь (Поддержка). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/AlfaBankBelarus_bot – Дата доступа: 04.10.2024.
10. Meet Emma, Our Virtual Assistant. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uscis.gov/tools/meet-emma-our-virtual-assistant> – Дата доступа: 04.10.2024.
11. A helpful directory for small businesses this tax time. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ato.gov.au/tax-and-super-professionals-for-tax-professionals/prepare-and-odge/tax-time/tax-time-toolkits/tax-time-toolkit-small-business/a-helpful-directory-for-small-businesses-this-tax-time> – Дата доступа: 04.10.2024.
12. PMC launches chatbot facility for property tax-related services. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indianexpress.com/article/cities/pune/pmc-launches-chatbot-facility-for-property-tax-related-services-8147238/> – Дата доступа: 04.10.2024.

13. Customsrf_bot. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/Customsrf_bot – Дата доступа: 04.10.2024.
14. Чат-бот Министерства здравоохранения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mokvd.by/ru/obrashcheniya-grazhdan-i-yuridicheskikh-lits/chat-bot-ministerstvo-zdravookhraneniya.html> – Дата доступа: 04.10.2024.
15. Вместе сделаем дороги безопаснее! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.gov.by/ru/news/12561> – Дата доступа: 04.10.2024.
16. Совмин Беларуси запустил бот в Telegram для сбора обращений от населения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myfin.by/stati/view/sovmin-belarusi-zapustil-bot-v-telegram-dla-sbora-predlozenij-ot-naselenia> – Дата доступа: 04.10.2024.
17. Министерство образования Беларуси контролирует качество питания в школах через чат-бот. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ont.by/news/ministerstvo-obrazovaniya-belarusi-kontroliruet-kachestvo-pitaniya-v-shkolah-cherez-chat-bot> – Дата доступа: 04.10.2024.
18. Мэр города запустит телеграм-бот, в котором будет лично отвечать на сообщения граждан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gomel-region.by/ru/society-ru/view/mer-goroda-zapustit-telegram-bot-v-kotorom-budet-lichno-otvechat-na-soobschenija-grazhdan-45284-2023/> – Дата доступа: 04.10.2024.

УДК 340+339.543

**ПЕРСПЕКТИВА ВНЕДРЕНИЯ ЧАТ-БОТОВ
НА ОСНОВЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
(в т. ч. ChatGPT, Copilot и др.) В ТАМОЖЕННОМ ДЕЛЕ**

К. С. ФОМИН

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)

В статье рассматриваются понятие «чат-бот на основе генеративного искусственного интеллекта», зарубежный опыт, нормативные-правовые акты, применяющиеся в отношении вопроса регулирования данной технологии. Автор анализирует перспективы внедрения чат-ботов на основе генеративного искусственным интеллектом в таможенное дело. Обращается внимание на необходимость правового регулирования данных вопросов.

Внедрение технологии чат-бот позволило упростить жизнь человека, благодаря её возможности давать ответы на запросы пользователей. Трендом последних лет является развитие искусственного интеллекта, вследствие этого выделяются чат-боты на основе генеративного искусственного интеллекта – языковая модель, способная генерировать человекоподобные ответы на заданные вопросы, создавать новые уникальные изображения по описанию, имитировать человеческий голос или голос персонажа, написать программный код [1]. Их отличием от обычных чат-ботов заключается в способности к обучению, благодаря использования Natural learning processes, подразумевающий под собой обработку массивов данных, содержащих тексты или речь, с использованием машинного обучения [2], и Deep learning, что подразумевает под собой подмножество методов машинного обучения, базируемых на нейросетях, с использованием представлений. [3] Наиболее популярными решениями являются ChatGPT компании OpenAI, Copilot компании Microsoft, Gemini компании Google.

В настоящее время, применение чат-ботов на основе генеративного искусственного интеллекта в сфере бизнесе развивается. Так, в сентябре 2023 года исследовательской и консалтинговой компаний Garther был проведён опрос более 1400 руководителей компаний. В ходе опроса 40% из опрошенных заявили, что в их компании проводятся пилотные программы по внедрению чат-бота на основе генеративного искусственного интеллекта, что на 15% больше того же опроса, проведённого шестью месяцами ранее. [4]

У компании Amazon присутствует собственное решение на базе данной технологии, применяющееся для бизнеса, – Amazon Q Business, представляющего собой генеративный ассистент на базе искусственного интеллекта, который может отвечать на вопросы, составлять резюме, генерировать контент и выполнять задачи на основе данных и информации из ваших корпоративных систем. Данный чат-бот функционирует в виде веб-интерфейса. [5]

В апреле 2023 года в приложение агрегатора путешествий Expedia был внедрён ChatGPT. Генеральный директор Expedia Group Питер Керн отметил: «Интегрируя ChatGPT в приложение Expedia и объединяя его с другими нашими возможностями для покупок на основе ИИ, такими как сравнение отелей, отслеживание цен на авиабилеты и инструменты для совместной работы над поездками, мы теперь можем предложить путешественникам еще более интуитивный способ создания идеального путешествия». [6]

На уровне государства внедрение чат-ботов на основе генеративного искусственного интеллекта находится в тестовом режиме и не получили широкого распространения. Так, в штате Пенсильвания Соединённых Штатов Америки администрация штата запустила пилотную программу по использованию ChatGPT Enterprise для государственных служащих. Чат-бот применяется для решения таких задач, как создание копий, составление описаний должностей для помощи в подборе и найме персонала, кодирования. [7]

В японском городе Йокосука официально добавила ChatGPT в свой перечень инструментов, которые использует городская администрация, после тестовой программы, в которой участвовало 4000 сотрудников. Чиновники Йокосуки использовали чат-бот для составления бюллетеней, редактирования документов и подведения итогов заседаний. Использование ChatGPT позволило снизить затраты на рабочую силу. По оценкам муниципальных властей, рабочее время может быть сокращено как минимум на 10 минут в день. [8]

Исходя из вышеописанного можно сделать вывод о том, что существует практика применения чат-бота на основе генеративного искусственного интеллекта, как в бизнесе, так и на уровне государства. Применение данных решений позволяет увеличить эффективность работы. Однако в государствах использование подобных программных обеспечений остаётся на региональном уровне.

В настоящее время, в Республике Беларусь полностью отсутствует практика применения чат-ботов на основе генеративного искусственного интеллекта. В таможенном деле она также отсутствует. Однако сделать вывод о перспективе внедрения можно на основании рассмотрения того, как чат-бот даёт ответы на запросы.

На запрос: «сколько можно ввозить сигарет, сигарилл, стиков, табака на территорию ЕАЭС без уплаты пошлин в багаже воздушного транспорта?» Copilot даёт следующий ответ: «На территорию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) без уплаты пошлин можно ввозить следующие количества табачных изделий для личного пользования: 1. Сигареты: до 200 штук. 2. Сигары: до 50 штук. 3. Сигариллы: до 100 штук. 4. Табак: до 250 граммов. 5. Стички для нагревания табака: до 200 штук». Согласно Приложению №1 к Решению Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 года №107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования», стоимостные, весовые и количественные нормы для табачных изделий или продукции, содержащей никотин, ввозимые в багаже воздушного транспорта на таможенную территорию ЕАЭС без уплаты пошлин следующие: «200 сигарет, или 50 сигар (сигарилл), или 200 изделий с нагреваемым табаком («стиков»), или 250 г табака, или изделия в ассортименте общим весом не более 250 г» [9]. В данном случае он смог практически верно указать нормы, однако ошибся с количественными нормами в отношении сигарилл.

На запрос: «рассчитай сумму таможенных пошлин, налогов, подлежащих к уплате в евро за четырёхлетний легковой автомобиль, ввезённый на территорию ЕАЭС для личного пользования с объёмом двигателя 1.6 литра». Copilot даёт следующий ответ: «Для расчета суммы таможенных пошлин и налогов за ввоз легкового автомобиля на территорию ЕАЭС, необходимо учитывать несколько факторов, включая возраст автомобиля, объём двигателя и стоимость автомобиля. Вот основные шаги для расчета:

Таможенная пошлина: Для автомобилей с объёмом двигателя 1.6 литра, возрастом 3-5 лет, ставка составляет 48% от таможенной стоимости, но не менее 2.5 евро за 1 куб. см объёма двигателя. Акцизный налог: Для автомобилей с объёмом двигателя 1.6 литра, акцизный налог составляет 1 евро за 1 куб. см объёма двигателя. НДС (налог на добавленную стоимость): НДС составляет 20% от суммы таможенной стоимости, таможенной пошлины и акцизного налога. Пример расчета: Таможенная стоимость автомобиля: 10,000 евро. Объём двигателя: 1,600 куб. см. Таможенная пошлина: 1,600 куб. см * 2.5 евро = 4,000 евро (так как это больше, чем 48% от 10,000 евро). Акцизный налог: 1,600 куб. см * 1 евро = 1,600 евро. НДС: (10,000 евро + 4,000 евро + 1,600 евро) * 20% = 3,520 евро. Итоговая сумма: Таможенная пошлина: 4,000 евро. Акцизный налог: 1,600 евро. НДС: 3,520 евро. Общая сумма к уплате: 9,120 евро». Согласно Приложению № 2 к Решению Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 года № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования», таможенные пошлины, налоги, подлежащие уплате за легковой автомобиль, у которого рабочий объём двигателя которых превышает 1500 куб. см, но не превышает 1800 куб. см, составляют по единой ставке в размере 2,5 евро за 1 куб. см рабочего объёма двигателя [9]. Чат-бот применил неправильные методы расчёта. Исходя из заданных условий, размер выплат составит 4000 евро.

На запрос: «сколько будет составлять сумма акцизов за ввезённое в Беларусь вино фруктово-ягодное, концентрация спирта менее 13%, количество 5000 литров». Copilot даёт следующий ответ: «Для расчета суммы акцизов на фруктово-ягодное вино с концентрацией спирта менее 13% в количестве 5000 литров, нужно знать текущую ставку акциза на этот вид продукции. По состоянию на 2024 год, ставка акциза на фруктово-ягодное вино составляет 0,16 рубля за литр готовой продукции. Таким образом, сумма акцизов будет рассчитываться следующим образом: 5000 литров × 0,16 руб./литр = 800 рублей. Итого, сумма акцизов за 5000 литров фруктово-ягодного вина составит 800 рублей». Согласно Приложению №1 к Налоговому кодексу Республики Беларусь ставка акцизов в отношении вина фруктово-ягодные натуральные с объемной долей этилового спирта менее 13% составляет 0,23 белорусских рубля за 1 литр готовой продукции [10]. Чат-бот взял неправильную ставку. Исходя из заданных условий, размер выплат составит 1150 белорусских рублей.

Исходя из вышеописанного, можно сделать вывод о том, что чат-бот на основе генеративного искусственного интеллекта умеет подбирать нужную информацию, однако не всегда делают это правильно.

На данный момент, в Республике Беларусь отсутствует правовое регулирование чат-ботов на основе генеративного искусственного интеллекта. Несмотря на это, ряд нормативных правовых актов регулируют вопросы, связанные с их использованием. Работа таких решений связана с персональными данными, что регулируется Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 года № 99-3 «О защите персональных данных» [11]. Вопросы создания и распространения информации также относятся к их использованию, которые регулируются Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» [12].

Применение чат-ботов на основе генеративного искусственного интеллекта, на данный момент, находится на стадии тестирования и сегментарного использования в частном и государственном секторах. Отсутствует практика использования в таможенном деле. В отношении данных чат-ботов отсутствует чёткое и цельное регулирование, эта проблема требует своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. ChatGPT: Online AI Chatbot. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chatgpt.org> – Дата доступа: 05.10.2024.

2. Natural language processing. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Natural_language_processing – Дата доступа: 05.10.2024.
3. Deep learning. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Deep_learning – Дата доступа: 05.10.2024.
4. A General Look at Generative AI for Businesses. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yeoandyeo.com/resource/a-general-look-at-generative-ai-for-businesses> – Дата доступа: 05.10.2024.
5. AI Assistant for Enterprise – Amazon Q Business – AWS. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aws.amazon.com/ru/q/business/> – Дата доступа: 05.10.2024.
6. ChatGPT Can Now Assist With Travel Planning in the Expedia App. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.expedia.com/newsroom/expedia-launched-chatgpt/> – Дата доступа: 07.10.2024.
7. Pennsylvania government workers will start using ChatGPT in test program – The Verge. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theverge.com/2024/1/9/24031904/openai-pennsylvania-chatgpt-pilot-program-ai> – Дата доступа: 07.10.2024.
8. Japan to use ChatGPT as a tool in city government. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.government-transformation.com/innovation/japan-to-use-chatgpt-as-a-tool-in-city-government> – Дата доступа: 07.10.2024.
9. «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/17sr0107/> – Дата доступа: 07.10.2024.
10. Налоговый кодекс Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. №71-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071> – Дата доступа: 07.10.2024.
11. «О защите персональных данных» Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=H12100099> – Дата доступа: 07.10.2024.
12. «Об информации, информатизации и защите информации» Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455> – Дата доступа: 07.10.2024.

УДК 339.5

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМНОГО ПРИЗНАНИЯ
УПОЛНОМОЧЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОПЕРАТОРОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В. Н. ШЕРЮКОВА
(Представлено: В. П. ГРИКИС)

В статье рассматриваются перспективы взаимного признания уполномоченных экономических операторов в Республике Беларусь. Автор анализирует правовые основы Соглашений о взаимном признании, действующие соглашения в сфере международного таможенного сотрудничества Республики Беларусь. Рассмотрены перспективные направления взаимного признания уполномоченных экономических операторов.

Уполномоченный экономический оператор (далее – УЭО) – участник внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), пользующихся особым доверием таможенных органов. И не зря, ведь для получения свидетельства УЭО предприятию нужно соответствовать строгим стандартам безопасности, в том числе доказать свою финансовую состоятельность и добросовестность. Беларусь обладает самой развитой сетью УЭО в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС или Союз). Еще в 2018 году у нас насчитывалось 326 операторов, в то время как в России – 177, в Казахстане – 7, в Кыргызстане – 2, а в Армении – 1 [1]. Свидетельство могут получить различные участники ВЭД, включая: производителей, импортёров, экспортёров, таможенных брокеров (представителей), перевозчиков, экспедиторов, посредников, операторов аэропортов, терминалов, складских операторов, дистрибьюторов, логистических операторов любого уровня.

Вопросы, касающиеся УЭО в ЕАЭС регулируются Таможенным кодексом ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС или Кодекс), а именно 61 главой Кодекса [2]. Специальные упрощения перечислены в ст. 437 Кодекса. Под специальными упрощениями понимаются особенности совершения отдельных таможенных операций и проведения таможенного контроля и иные особенности применения положений Кодекса, применяемые в зависимости от типа свидетельства уполномоченного экономического оператора. Всего существует три типа свидетельства, в зависимости от которого УЭО доступен определённый список упрощений. Так УЭО третьего типа может использовать наибольшее их количество, а первого и второго типов только те, которые наиболее соответствуют их деятельности. В целом существуют следующие упрощения:

- 1) в первоочередном порядке совершаются таможенные операции при прибытии товаров на таможенную территорию Союза и убытии с нее;
- 2) при помещении под таможенную процедуру таможенного транзита декларант, которым выступает УЭО, может не предоставлять обеспечение исполнения обязательства по уплате таможенных пошлин и налогов;
- 3) при выпуске товаров декларант, которым выступает УЭО, может не предоставлять обеспечение исполнения обязательства по уплате таможенных пошлин и налогов;
- 4) УЭО доступен выпуск товаров до подачи декларации на товары;
- 5) в первоочередном порядке проводится таможенный контроль, в случае его назначения в форме таможенного осмотра или таможенного досмотра;
- 6) в отношении товаров, перевозимых УЭО, не устанавливается маршрут перевозки;
- 7) идентификационные пломбы, наложенные УЭО, признаются таможенными органами в качестве средств идентификации;
- 8) в пилотных проектах и экспериментах таможенных органов участие УЭО осуществляется в приоритетном порядке;
- 9) УЭО могут осуществлять разгрузки, перегрузки и иные грузовые операции с товарами, находящимися под таможенным контролем, без разрешения таможенного органа;
- 10) УЭО могут осуществлять временное хранение товаров на своей территории;
- 11) УЭО могут доставлять товары в собственную зону таможенного контроля, размещать их в такой зоне и т.д.;
- 12) таможенные операции, связанные с таможенным декларированием и выпуском товаров, могут совершаться в таможенных органах региона, отличного от места нахождения товаров.

Взаимное признание статуса УЭО позволяет избранным участникам ВЭД пользоваться специальными упрощениями не только на таможенной территории ЕАЭС, но и на территории других стран.

Пункты 7, 8 и 9 ст. 430 Кодекса касаются вопросов взаимного признания. Так, согласно п. 7, уполномоченный экономический оператор вправе пользоваться на таможенной территории Союза специальными упрощениями, предусмотренными статьей 437 Кодекса. Пунктами 8 и 9 предусмотрено взаимное предоставление упрощений третьим странам как на основании соглашений о взаимном признании в рамках

ЕАЭС, так и заключённых с отдельными странами-членами. Это означает, что белорусские УЭО вправе пользоваться специальными упрощениями на таможенной территории ЕАЭС; на территории стран, которые заключили с Союзом соглашения о взаимном признании; на территории государств, с которыми такие соглашения заключила Республика Беларусь.

Заключение подобных соглашений со странами азиатского региона и ЕС представляет большой интерес как для Республики Беларусь, так и для ее соседей по континенту. Это позволит создать так называемую «цепочку поставок УЭО», которая даст возможность Республике Беларусь, в силу ее географического положения, построить надежный и безопасный торговый мост между Азией и Европой. В последнее время Правительство Республики Беларусь так же рассматривает альтернативных торговых партнеров.

Помимо безопасной торговли, это означает создание благоприятных условий для ускоренного совершения таможенных операций, ускоренного пересечения границ и использования экономически оправданных железнодорожных и автомобильных перевозок.

На данный момент Республикой Беларусь заключены Соглашения о взаимном признании УЭО с Китайской Народной Республикой и Узбекистаном. В 2019 году велись переговоры с Южной Кореей. Также в последние годы активно продвигаются переговоры и заключены Соглашения о свободной торговле с рядом государств. Перспективными, по нашему мнению, являются следующие государства. Следующим шагом могло бы стать развитие таможенного сотрудничества, в том числе и с следующими странами:

1. Сингапур – завершены переговоры по соглашению о свободной торговле, которое вступит в силу после ратификации всеми государствами-участниками ЕАЭС.

2. Сербия – соглашение о свободной торговле вступило в силу 10 июля 2021 года.

3. Объединенные Арабские Эмираты – в 2023 году начаты активные переговоры о заключении соглашения о свободной торговле.

4. Индонезия – также начаты переговоры о свободной торговле.

5. Египет – ведется работа по подготовке к заключению соглашения о свободной торговле.

6. Таджикистан, Узбекистан и Молдова – Беларусь имеет с этими странами двусторонние соглашения о зоне свободной торговли, а также Договор о зоне свободной торговли в рамках СНГ, подписанный 18 октября 2011 года.

7. Грузия – путем обмена нотами между министерствами иностранных дел Беларуси и Грузии было зафиксировано согласие применять во взаимной торговле Соглашение о создании зоны свободной торговли от 15 апреля 1994 г.

8. Вьетнам – в рамках ЕАЭС 29 мая 2015 г. было подписано соглашение о свободной торговле с Вьетнамом.

9. Иран – полноформатное Соглашение о свободной торговле с Ираном было подписано Союзом в 2023 году [3].

Республика Беларусь может рассмотреть возможность заключения соглашений о взаимном признании УЭО с указанными странами, что послужит дальнейшему укреплению торговых связей и повышению инвестиционной привлекательности.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Беларуси самая развитая сеть уполномоченных экономических операторов на просторах ЕАЭС – Новости Белтаможсервис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://declarant.by/ru/news/in-belarus-the-most-developed-network-of-authorized-economic-operators-in-the-vastness-of-the-eeu/#>; – Дата доступа: 06.10.2024.
2. "Таможенный кодекс Евразийского экономического союза" (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/; – Дата доступа: 06.10.2024.
3. Торговые режимы – МИД Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.by/export/trade-regimes/#:~:text=18%20%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%202011%20%D0%B3>; – Дата доступа: 06.10.2024.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 34.01(476)

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ БИОПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. С. БАРАНОВСКАЯ
(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)

В данной статье рассматривается биоправовая культура в контексте обеспечения безопасности населения Республики Беларусь от биологических угроз. Автором рассматривается биоправовая культура как обязательное условие защиты как индивидуального, так и общественного здоровья. Выделены ключевые аспекты института биоправовой культуры, включая юридическую ответственность, осознание моральных обязательств, а также активное участие общественных объединений и государственное просвещение.

Одна из задач государственной политики Республики Беларусь – правовыми способами гарантировать и обеспечить реализацию населением права на безопасность от различных видов биологических угроз. Высокий уровень биоправовой культуры является обязательной частью безопасности не только человека, но и общества в целом [1].

В условиях нарастающей глобальной проблемы биологических угроз формирования биоправовой культуры при непосредственном воздействии органов публичной власти и институтов гражданского общества является основополагающим средством предотвращения их распространения. Тем не менее, не все страны в настоящее время осознают масштаб и серьезность возникшей проблемы, а также важность развития биоправовой культуры среди населения.

Биоправовая культура приобрела свою актуальность после пандемии коронавируса (COVID-19). Именно это мировое событие продемонстрировало, что игнорирование санитарных норм и условий вакцинации среди населения в период опасного биологического фактора приводит не только к нарушению прав других лиц, но и заражению населения [2]. Разработка действий, связанных с повышением правовой осведомленности граждан в сфере биологической безопасности, чрезвычайно важна в условиях устойчивого экологического и биологического баланса.

В настоящий момент в законодательстве нет точного определения биоправовой культуры. Исходя из научной литературы, можно сформировать следующее понятие, биоправовая культура представляет собой уровень индивидуального и коллективного сознания, касающегося приемлемых способов деятельности, направленных на сохранение общества и населения, защиту окружающей среды от биологически опасных воздействий, а также на ответственное отношение к охране как личного, так и общественного здоровья с целью предотвращения биологических угроз [3].

Биоправовая культура может быть охарактеризована как специализированная форма эколого-правовой культуры, и накопленный опыт её формирования и развития следует учитывать при создании биоправовой культуры. Эти две культуры связаны между собой, поскольку они преследуют схожие цели: защиту природы от угрожающих биологических факторов, а также сохранение человечества и биосоциальной природы человека. В связи с этим, актуальное законодательство в области биологической безопасности синхронизируется с экологическим законодательством, и содержание комплексного права на биологическую безопасность рассматривается в контексте взаимодействия с экологическими правами и правом на защиту [4].

Формирование биоправовой культуры в Республике Беларусь – это комплексный процесс, который требует совместных усилий государства, общества и населения.

К основным предпосылкам биоправовой культуры населения можно отнести:

- развитие у личности способности самостоятельно и осознанно брать на себя обязательства по охране своего здоровья и здоровья окружающих;
- осознание юридической ответственности и возможных наказаний, как со стороны закона, так и в моральном плане от общества;
- формирование и функционирование общественных объединений в качестве институтов гражданского общества, которые продвигают концепции обеспечения биологической безопасности и предотвращения возникновения биологических угроз;
- просвещение населения в области биоправа, проводимое государственными органами, через создание государственной информационной системы для информирования граждан о биологических рисках;

– освещение информации о воздействии опасных биологических факторов, показателях здоровья и состояния окружающей среды в результате их влияния через средства массовой информации и социальную рекламу.

Повышение уровня биоправовой культуры населения – это задача, требующая комплексного подхода, затрагивающего различные сферы жизни общества. Вот некоторые меры, которые можно принять для достижения этой цели:

– развитие системы образования: создание учебных дисциплин по биоправу и биоэтике в высших и средних специальных учебных заведениях; проведение просветительских мероприятий для учащихся школ.

– создание доступной информационной среды: разработка и распространение доступных материалов по биоправу и биоэтике; активное освещение биоправовых тем в СМИ, а именно, публикация материалов о правах пациентов, этических аспектах использования биомедицинских технологий, законодательных изменениях в сфере биомедицины.

Разработка интерактивных онлайн-платформ: Созданные на базе современных технологий онлайн-платформы позволят гражданам получать консультации специалистов, участвовать в дискуссиях и проходить обучение по биоправовым вопросам.

– совершенствование законодательства: актуализация правовых норм в сфере биомедицины позволит учитывать новые достижения науки и технологий, а также обеспечить более эффективную защиту прав человека; внедрение механизмов контроля за соблюдением биоэтических норм.

Процесс повышения биоправовой культуры населения длительный и требует постоянных усилий, но он является важным шагом к обеспечению биологической безопасности и социального благополучия в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024., № 5 // ЭТАЛОН. Решение Всебелорусского народного собрания / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Ястребов, О. А. Обязательная вакцинация: социальное благо или нарушение индивидуальных прав / О. А. Ястребов // Вестник РУДН, Серия: Юридические науки [Электронный ресурс]. – 2022. – № 1 – С. 210–235.
3. Умнова-Конюхова, И. А. Основные предпосылки формирования биоправовой культуры населения в Российской Федерации / И. А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова, А.О. Филатова, Н.Е. Сапельченко // Право на биологическую безопасность в Российской Федерации: монография / ИНИОН РАН. – Москва, 2024. – С. 125–133.
4. Филатова, А. О. Некоторые аспекты формирования биоправовой культуры населения Российской Федерации в контексте реализации права на биологическую безопасность / А. О. Филатова // Правовая культура / ИНИОН РАН. – Москва, 2023. – С. 35–43.

УДК 34.01:57.01(476)

ПРАВО НА БИОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**А. С. БАРАНОВСКАЯ**
(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)

В данной статье рассматривается государственная политика Республики Беларусь в области охраны окружающей среды и биологической безопасности, ориентированная на защиту здоровья граждан. Автор анализирует подходы к обеспечению биологической безопасности, включая биологическую и физическую защиту, а также выделяет принципы, на которых основывается система биобезопасности в Беларуси. Сделан вывод о необходимости взаимодействия республиканских органов государственной власти и местных органов управления в рамках механизма предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Главным направлением государственной политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды является осуществление заложенного в ст. 45 Конституции Республики Беларусь права граждан на охрану здоровья [1]. Основная задача нашего государства в сфере биологической безопасности заключается в создании условий, которые обеспечат максимальное использование достижений современных биотехнологий и способствовали развитию генетической инженерии. В то же время необходима защита здоровья населения и окружающей среды, в том числе сохранение и разумное использование биоразнообразия, при проведении генно-инженерных работ, внедрении новых биотехнологий и потреблении их продукции.

Актуальность проблемы биологической безопасности в современных условиях определяется наличием современных вызовов и угроз, связанных в том числе с активным распространением биотехнологий и необходимостью совершенствования мер предупреждения и контроля в отношении чрезвычайных ситуаций биологического характера, масштаб последствий которых сопоставим с угрозой национальной и международной безопасности.

Биологическая безопасность – состояние защищенности населения, животных и растений, окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска [2].

Для обеспечения биологической безопасности используется биологическая и физическая защита. Биологическая защита – создание и использование в генной инженерии безопасной для человека и объектов окружающей среды комбинации биологического материала, свойства которого исключают нежелательное выживание генно-инженерных организмов в окружающей среде и (или) передачу им генетической информации. Физическая защита – создание и использование специальных технических средств и приёмов, предотвращающих выпуск генно-инженерных организмов в окружающую среду и (или) передачу ими генетической информации.

В настоящее время нормативное правовое регулирование обеспечения биологической безопасности в нашей стране находится на этапе формирования, основой для которого является постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 марта 2022 г. № 161 «О Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности Республики Беларусь» [3]. Согласно Концепции основой необходимого уровня защищенности от биологических угроз являются:

- система правовых норм, регулирующих отношения в сфере биологической безопасности;
- согласованная деятельность республиканских органов государственного управления;
- деятельность уполномоченных органов обеспечения биологической безопасности [4].

В Республике Беларусь сформирована Государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, объединяющая республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы, в полномочия которых входит решение вопросов защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. На республиканском уровне межведомственную координацию деятельности в данной области осуществляют Комиссия по чрезвычайным ситуациям при Совете Министров Республики Беларусь и комиссии по чрезвычайным ситуациям республиканских органов государственного управления, иных государственных организаций, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь.

Обеспечение биологической безопасности базируется на следующих принципах:

- сочетание интересов и ответственности индивида, общества и государства в сфере биологической безопасности;
- единство и взаимосвязь всех направлений, касающихся биологической безопасности;
- четкое разграничение полномочий и обязанностей государственных учреждений для решения задач, связанных с биологической безопасностью;

- комплексный межведомственный подход к реализации мероприятий, направленных на защиту биологической безопасности;
- оперативность, своевременность, профилактика и адекватность мер по ликвидации внутренних угроз и защите от внешних рисков;
- охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов в интересах биологической безопасности;
- предположение о наличии биологической угрозы в планируемой хозяйственной и другой деятельности, связанной с потенциально опасными биологическими объектами;
- информированность и ответственность населения и сотрудников специализированных учреждений в контексте обеспечения биологической безопасности;
- приоритет профилактических мер в области биологической безопасности [3].

Республика Беларусь является участником Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. В рамках Содружества Независимых Государств с участием Республики Беларусь принят ряд документов по вопросам сотрудничества и взаимодействия в области биологической безопасности. Аналогичная работа ведется и в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. Правовые и организационные аспекты обеспечения биологической безопасности в Республике Беларусь на национальном и международном уровнях достаточно хорошо сформированы. Создана основополагающая правовая инфраструктура и специализированные учреждения.

Право на безопасность обладает смешанным характером, так как оно охватывает личные, социальные и биологические права. Учитывая эту особенность, при его конституционном оформлении в рамках системы прав и свобод уместно разместить его рядом с правами человека на жизнь, защиту здоровья и благоприятную экологическую среду. Формулирование этого права в международном и национальном законодательстве современных стран является критически важным вопросом, ответ на который необходимо найти в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. – 80 с.
2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024., № 5 // ЭТАЛОН. Решение Всебелорусского народного собрания / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. О Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 марта 2022 г., №161 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22200161> (дата обращения: 05.10.2024).
4. Как планируется обеспечивать биологическую безопасность страны? [Электронный ресурс]: – URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2022/mart/69315/> (дата обращения: 05.10.2024).

УДК 349.2 (476)

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ****Е. Р. БРУЕВА, М. В. ЖУРАВЛЕВА****(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е. Н. КУДРЯШОВА)**

Статья поднимает важные вопросы, касающиеся дистанционной работы, особенно в контексте правового регулирования и обеспечения работников необходимым оборудованием. Большое внимание уделяется положительным и отрицательным аспектам данной формы труда в рамках белорусского законодательства. Данная статья может послужить основой для дальнейших дискуссий о том, усовершенствовать правовую регламентацию дистанционной работы в Республике Беларусь.

Работа с использованием средств современных технологий и коммуникаций становится всё более востребованной. Рост использования информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ) в организации труда привел к новому виду занятости – дистанционная работа. Эта форма трудоустройства получает своё развитие во многих государствах, в том числе в Республике Беларусь.

Во многих странах дистанционную работу часто путают с работой на дому. С 28 января 2020 года вступил в силу обновленный Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК). Наряду с другими поправками и изменениями документ дополнен главой 25¹, в которой прописаны «Особенности регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу». В части первой статьи 307¹ ТК содержится определение дистанционной работы, позволяющее выделить те ключевые признаки, по которым данный вид трудовой деятельности можно отличить от работы на дому. Так, дистанционная работа – это труд, который работник выполняет вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем ИКТ [1]. Результат труда, как правило, будет передаваться нанимателю с использованием глобальной компьютерной сети Интернет. Примерами таких работников могут быть копирайтеры, графические дизайнеры, разработчик чат-ботов и др. В свою очередь, работник-надомник выполняет ремонт техники, одежды, сборку изделий из деталей и др. Особенности регулирования труда надомников обеспечиваются главой 25 ТК, и довольно активно использовались многими нанимателями [2].

Вопросы правового регулирования дистанционной работы приобрели такую значимость и актуальность, что сегодня мы наблюдаем не только наличие самостоятельной главы ТК, но и постоянную работу законодателя по совершенствованию данного правового института. С 1 января 2024 г вступили в силу изменения, внесенные в ТК Законом Республики Беларусь от 29 июня 2023 г. № 273-З. Данные изменения коснулись в том числе дистанционной работы. Так, изменен порядок установления или отмены дистанционной работы как изменение существенных условий труда; установлены новые виды дистанционной работы; скорректированы условия о выполнении дистанционной работы; вопросы электронного документооборота между нанимателем и работником, выполняющим дистанционную работу; ознакомления работника с документами; режима рабочего времени и периодичности рабочих контактов.

В правовой доктрине также обсуждаются понятие и иные особенности дистанционной работы. Например, Е.Н. Бородина считает, что дистанционная работа – это новая реальность, особый рабочий процесс, осуществляемый вне традиционного места работы и предполагающий взаимодействие с работодателем посредством телекоммуникационных и информационных технологий» [3]. Согласно словарю бухгалтера, дистанционная работа – это осуществление трудового процесса вне места нахождения работодателя, принимающей стороны и их объектов с применением в процессе трудовой деятельности информационно-коммуникационных технологий [4].

Важно отметить, что дистанционная работа требует определенных навыков и самодисциплины со стороны работника, а также соответствующей инфраструктуры и поддержки со стороны работодателя. Дистанционная работа отличается от стандартной формы занятости по ряду признаков, а именно: местом выполнения работы, использованием средств труда, принадлежащих работнику, возможностью применения гибких режимов рабочего времени, а также заключением срочного трудового договора, что позволяет сделать вывод о нестандартном характере дистанционной работы.

Дистанционная работа имеет свои преимущества. Для сотрудника это возможности: работы во время нахождения в отпуске по уходу за ребенком до достижения им 3 лет; работать лицам, имеющим ограничения в дееспособности; дополнительной формы заработка; работать лицам, осуществляющим уход за членом семьи, и др. Для нанимателя дистанционная работа позволяет обеспечить экономию затрат: на аренду помещения для организации рабочего места сотрудника; на приобретение необходимого для работы оборудования и техники; на канцелярские товары; на услуги связи, интернета, электроэнергии и т.д.

Несмотря на все удобства дистанционной работы, выделим несколько проблемных моментов.

Важно учесть то, что при отправке документов по электронной связи между сторонами дистанционных трудовых отношений может возникнуть трудовой спор по вопросу получения таких документов. Кроме того, такие документы могут содержать сведения, составляющие коммерческую тайну. Для защиты конфиденциальных сведений и исключения возможности трудовых споров по вопросу получения сторонами сообщений в электронном виде, в трудовом договоре можно прописать обязательства по использованию электронной цифровой подписи. Правовые основы применения электронных документов, определение основных требований, предъявляемых к электронным документам, установлены Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи».

Электронный документ – это документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность, которые подтверждаются путем применения сертифицированных средств электронной цифровой подписи с использованием при проверке электронной цифровой подписи открытых ключей организации или физического лица, подписавших этот электронный документ [5]. Электронная цифровая печать – это последовательность символов, являющаяся реквизитом электронного документа и предназначена для подтверждения его целостности и подлинности.

Следующая проблема, которая может возникнуть, – прекращение трудовых отношений с работниками, выполняющими дистанционную работу. В ТК по данному вопросу предусмотрен порядок ознакомления работника с приказом о приеме на работу, но отсутствуют нормы, касающиеся оснований прекращения трудовых отношений. Мы можем сделать вывод, что к работникам, выполняющим дистанционную работу, применяются общие нормы трудового законодательства относительно прекращения трудовых отношений, в том числе по инициативе нанимателя. Особое внимание можно обратить на абз. 1 п. 7 ст. 42 ТК, предусматривающий право нанимателя расторгнуть трудовой договор в случае прогула без уважительных причин. При этом вне зависимости от категории работника и занятости прогулом считается отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня. Если рассмотреть данный вопрос фактически, то неизвестно, как реализуется увольнение по причине прогула в отношении работников, выполняющих дистанционную работу, так как дистанционный работник имеет право не появляться по месту работы, и доказать его отсутствие проблематично. В то же время организовать видеонаблюдение за работником, выполняющим работу у себя дома, наниматель не вправе, так как тем самым будет нарушать его право на частную жизнь (п. 8 ст. 11 ТК РБ). Для решения данной проблемы можно предусмотреть право нанимателя расторгать трудовой договор с работником, выполняющим дистанционную работу, в случае отсутствия взаимодействия между нанимателем и работником более трех рабочих дней подряд, если иная периодичность не установлена трудовым договором.

Также остается дискуссионным вопрос об обязанности нанимателя обеспечить работнику рабочее место и предоставить имущество для выполнения его обязанностей. Работники, выполняющие работу дистанционно, вне офиса, используют свое имущество. В данном случае обращаем внимание на ст. 106 ТК РБ, которая предусматривает право работников, использующих свои транспортные средства, оборудование, инструменты и приспособления для нужд нанимателя, на получение за их износ (амортизацию) компенсацию, размер и порядок выплаты которой определяются по договоренности с нанимателем. Таким образом, стороны трудового договора могут достигнуть соглашения, в соответствии с которым наниматель предоставит работнику определенное имущество для выполнения своих обязанностей в какой-то части, а частично работник будет использовать свое имущество, например, персональный компьютер, за что получит от нанимателя определенную компенсацию [4].

Следует отметить, что при обычной трудовой деятельности осуществляется использование имущества нанимателя. То есть работнику требуется лишь применять свои умения и навыки. При рассмотрении надомного и особенно дистанционного труда наблюдается иная тенденция. Такая форма труда неизбежно приводит к более активному использованию собственного имущества работника.

Что касается решений вышеназванных проблем, то, считаем одним из вариантов дополнение то трудового договора рядом условий:

- наниматель обязуется предоставить работнику ноутбук, мобильный телефон в течение 1 дня с даты перехода на дистанционную работу;
- передача имущества, указанного в договоре, осуществляется на основании акта приема-передачи имущества;
- работник несет полную материальную ответственность за переданное ему имущество;
- в случае выхода из строя переданного работнику имущества он по электронной почте и по телефону в течение рабочего дня информирует об этом своего непосредственного руководителя;
- работник обязуется бережно относиться к полученному имуществу нанимателя. В случае порчи имущества по вине работника работник обязуется возместить его стоимость, определенную на момент гибели, порчи или потери;
- в случае увольнения работника имущество подлежит возврату нанимателю в последний рабочий день до определенного времени.

В заключение можно сказать, что дистанционная работа в массовом количестве – относительно новое явление для Беларуси. Оно связано, главным образом, с развивающимся проникновением информационных технологий как в рабочие процессы, так и в домашние хозяйства, и представляет интерес для научных исследований. Дистанционная работа имеет как преимущества, так и свои недостатки. Несмотря на активную работу законодателей по созданию правовых норм, посвященных дистанционной работе, все еще есть вопросы, требующие правовой регламентации – своего закрепления в законах и (или) подзаконных актах. Так, остаются проблемными такие вопросы, как передача (обмен) электронных документов, прекращение контрактов с работниками, выполняющими дистанционную работу, обязанность нанимателя обеспечить работнику рабочее место, предоставить имущество для выполнения трудовых обязанностей и другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новшества в Трудовом кодексе. Все, что нужно знать о дистанционной работе // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vak.gov.by/bibliographicDescription> . – Дата доступа: 06.04.2024.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 апреля 2024 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900296> . – Дата доступа: 06.04.2024.
3. Бородина, Е. Н. Понятие и законодательство о дистанционном труде [Электронный ресурс] // Правовой колледж Юридического института ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-zakonodatelstvo-o-distantsionnom-trude/viewer>. – Дата доступа: 06.04.2024.
4. Веремейко, Ю. Новые формы организации труда: надомная работа и дистанционная занятость [Электронный ресурс] // Главный бухгалтер, электронный журнал. – Режим доступа: <https://www.gb.by/izdaniya/glavnyi-bukhgalter/novyie-formy-organizatsii-truda-nadomnaya>. – Дата доступа: 12.04.2024.
5. Об электронном документе и электронной цифровой подписи [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь , 28 декабря 2009 г., № 113-3 : с изм. и доп. от 14 октября 2022 г. № 213-3 // ЭТАЛОН-ONLINE. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h10900113>. – Дата доступа: 12.04.2024.

УДК 342.9

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ И ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА****Д. С. БУДНЯК***(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)*

В статье рассматривается вопрос использования технологии виртуальной и дополненной реальности, перспективы применения технологий виртуальной и дополненной реальности в области физической культуры и спорта Республики Беларусь. Автор проанализировал особенности правового регулирования виртуальной и дополненной реальности в области физической культуры и спорта в Республике Беларусь, международный опыт, а также особенности развития социально-культурной и экономической сфер Республики Беларуси, чтобы предложить проекты внедрения данных технологий в спортивные программы и тренировки.

Исследование вопроса использования технологии виртуальной и дополненной реальности в области физической культуры и спорта в Республики Беларусь является актуальным, поскольку использование виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности в физической культуре и спорте представляет собой новаторский подход, требующий исследований для определения потенциала и эффективности этих технологий в белорусском спорте. Использование виртуальной и дополненной реальности может сделать обучение и тренировки более доступными, интересными и эффективными для спортсменов и тренеров в Республики Беларусь.

Цель исследования – обобщить теоретические и практические знания об использовании виртуальной и дополненной реальности в области физической культуры и спорта, описать принципы работы VR и AR технологий, рассмотреть примеры использования VR и AR в мировом спорте, разработать предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь по внедрению VR и AR в спортивные программы.

В юридической науке виртуальная и дополненная реальность становились предметом рассмотрения в работах белорусских (Т. В. Герасимова, Е. Е. Кострыкина), российских (М. П. Осипов [1], С. В. Леонов [2], А. В. Иванова [3]) и зарубежных ученых (Д. Л. Нойманн, Р. Т. Азума, Т. К. Патаки, П. Ф. Лэмб).

Методологическую основу исследования составили: общие логические методы, в том числе метод индукции, метод дедукции, анализа и синтеза; метод формально-юридического толкования.

Законодательство Республики Беларусь не содержит таких понятий, как «виртуальная реальность», «дополненная реальность», «смешанная реальность». В связи с этим приведем определения, предлагаемые в доктринальных источниках.

Термин «виртуальная реальность» был предложен в 1984 году Дж. Леньером, им же была создана первая виртуальная компания VPL (Visual Programming Language) Research, Inc. [1, с. 6]. Виртуальная реальность (VR, от англ. Virtual Reality) – это технология, которая погружает пользователя в симулированное компьютерное окружение, полностью отделяя его от реального мира. Пользователь может взаимодействовать с этим виртуальным миром через специальные устройства, такие как VR-очки или контроллеры. Виртуальная реальность создает искусственное окружение, которое может быть реалистичным или фантастическим, и позволяет пользователям погрузиться в него и взаимодействовать с объектами так, будто они находятся в этом мире.

Одними из первых примеров использования устройств виртуальной реальности в спорте является создание среды для тренировки и мониторинга состояния гребцов-академистов (1983), проектирование системы, имитирующей условия парусного спорта (1998), выпуск бобслейного тренажера (2000), разработка гребного тренажера с визуальной, акустической и механической обратной связью и возможностью корректировать технику движений и уровень метаболических процессов (2010) [2, с. 19–20].

Дополненная реальность (AR, от англ. Augmented Reality) – это технология, которая добавляет в реальное окружение дополнительные визуальные или звуковые элементы с помощью специальных устройств, например, смартфонов или AR-очков. С помощью дополненной реальности пользователи могут видеть виртуальные объекты и информацию, которые перекрывают реальный мир, и взаимодействовать с ними. AR позволяет комбинировать виртуальные и реальные элементы, создавая уникальный опыт взаимодействия с окружающим миром.

С развитием технологий появилось понятие «смешанная реальность» (MR, от англ. Mixed Reality). Модель смешанной (гибридной) реальности, или континуума реальности-виртуальности, впервые описана в 1994 году. Смешанная реальность определена как система, в которой объекты реального и виртуального

миров сосуществуют и взаимодействуют в реальном времени, в рамках виртуального континуума. Промежуточными звеньями в этой модели являются дополненная реальность и дополненная виртуальность. Дополненная реальность ближе к реальному миру, а дополненная виртуальность – ближе к виртуальному [2].

В человеческом мозге нейроны реагируют на виртуальные элементы так же, как и на элементы реального мира. Поэтому человек воспринимает виртуальную среду и реагирует на происходящие внутри виртуального мира события точно так же, как на имеющие место в реальности [3]. Исследования показывают, что VR может активировать различные участки мозга, связанные с обработкой информации, визуальным восприятием, движением и эмоциями. Также погружение в виртуальное пространство может способствовать улучшению запоминания информации и обучения за счет интерактивности и интенсивности воздействия.

В начале своего развития AR- и VR-технологии были преимущественно задуманы для применения в военной сфере. В настоящее время эти инновационные технологии активно находят применение в различных областях, выходя за рамки военного применения и находя применение в других отраслях и сферах деятельности. Так, недавно началось активное использование цифровых технологий в социально-культурной области к которой относится физическая культура и спорт. В спорте виртуальная и дополненная реальность применяются для создания виртуальных тренировочных сред для улучшения навыков спортсменов без физических ограничений, для подробного изучения техники и движений спортсменов для оптимизации их производительности, а также для подготовки к соревнованиям через интерактивные симуляции реальных игровых сценариев. Например, в случае если спортсмен получил травму, использование технологий VR, позволит «смягчить» его возвращение в спорт. Также можно применять специально разработанные приборы, например, NeuroTracker (2012), которые позволяют оптимизировать процессы восприятия и улучшить познавательные способности спортсменов: контролировать «чувства времени», «чувства темпа», «чувства развиваемых усилий» [9]. Практика применения AR- и VR-технологий в Республике Беларусь в сфере физической культуры и спорта небольшая. В работе мы проанализируем практику зарубежных стран в данной области. Особое внимание будет уделено исследованию практики использования технологий AR- и VR-технологий в спорте в Российской Федерации, поскольку данная страна имеет схожее правовое регулирование с Республикой Беларусь в сфере физической культуры и спорта.

В настоящее время во всём мире происходит процесс глобализации и цифровизации. Цифровизация представляет собой процесс перехода от использования аналоговых технологий к цифровым. В Республике Беларусь процесс глобализации и цифровизации также имеет большое значение. Страна активно развивает информационные технологии и внедряет их во все сферы жизни. Также происходит постепенное внедрение информационных технологий и в социально-культурную сферу. Согласно абз. 9 гл. 7 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 54 «О Государственной программе «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы» в целях развития системы подготовки спортивного резерва необходимо совершенствование практики внедрения в систему подготовки спортивного резерва результатов научных исследований в области спорта высших достижений. Так, данный нормативный правовой акт будет правовой основой для реализации внедрения виртуальной и дополненной реальности в физическую культуру и спорт в нашей стране.

В мировом спорте часто используются технологии виртуальной реальности для подготовки спортсменов высшей квалификации. Основные области применения VR в спорте включают: подготовка к соревнованиям в части ознакомления с конкретной соревновательной инфраструктурой, улучшение спортивных навыков и тактических тренировок, реабилитация спортсменов после получения травм, обучение спортивным навыкам и другие области. Виртуальная реальность позволяет спортсменам погружаться в симуляции соревнований, тренировок и тактических упражнений, что помогает им улучшить свои навыки и принимать более обоснованные решения. Также виртуальная реальность используется для анализа движений и техники спортсменов.

Если говорить о возможностях AR и VR для тренировочного процесса, то в Португалии создан бильярдный тренажер дополненной реальности. Над бильярдным столом размещена камера, которая передает в автоматизированную систему управления (АСУ) данные о положении игрока, кия, бильярдных шаров. Лазерное оборудование проецирует на стол траекторию движения шаров. Таким образом, бильярдист, видя на столе траекторию, может скорректировать свой прицел. Это хороший тренажер для начинающих [5].

Заслуживает внимания компания VR Beyond Sports которая создаёт иммерсивные режимы тренировок. VR технология, использующая очки виртуальной реальности, уже успешно практиковалась в NFL как тренировочное средство для спортсменов в процессе посттравматического восстановления. Согласно заявлениям директора по бизнесу компании Beyond Sports, Сандера Шоутена, эти системы позволяют улучшить тактическую подготовку молодых и травмированных игроков, которые могут проанализировать сценарий матча, принимая в нем активное участие через виртуальную реальность. Эксперты также отмечают, что физический характер спорта представляет серьезное ограничение для возвращения травмированных спортсменов на тренировочные площадки.

Также существуют приложения и устройства виртуальной реальности, которые обеспечивают возможность проведения фитнес-тренировок и занятий спортом в домашних условиях. Эти технологии представляют собой интерактивные решения, которые не только способствуют ведению тренировочных сессий под руководством тренера, но и создают иммерсивные виртуальные пейзажи для занятий бегом или катанием на велосипеде. Интересный пример – история Job Stauffer, чей опыт показывает, что вовлечение в игровой процесс виртуальной реальности, как в случае с игрой Soundboxing, способно стимулировать потерю веса и улучшение физической формы. Наблюдение за тем, как геймер с избыточным весом смог сбросить 22 килограмма при помощи VR-игры Soundboxing за пять месяцев, подчеркивает потенциал виртуальной реальности в области физической активности и здорового образа жизни.

Организация UFC внедряет технологию виртуальной реальности для диагностики травм и общего состояния спортсменов. Специалисты используют эту технологию для создания виртуальных моделей тела спортсменов, что позволяет проводить более точный анализ и планирование лечения. Благодаря виртуальным моделям, специалисты могут более детально изучать травмы и состояния спортсменов, что помогает определить оптимальные методы восстановления и реабилитации. Это инновационное применение технологии виртуальной реальности позволяет улучшить качество медицинского ухода и сократить время восстановления спортсменов после травм.

Необходимо отметить, что практика применения AR- и VR-технологий в физической культуре и спорте на мировой арене направлена не только на спортсменов, а также и на болельщиков. Так, некоторые спортивные мероприятия используют дополненную реальность для трансляции событий. Это может быть добавление графики, статистики, или интерактивных элементов для зрителей на стадионе или дома. В 2016 году NBC впервые транслировал игры в Рио-де-Жанейро в виртуальной реальности. Церемония открытия и закрытия, соревнования по баскетболу, гимнастике, легкой атлетике, пляжному волейболу, дайвингу, боксу и фехтованию (всего около 85 часов контента) были доступны для просмотра в приложении NBC Sports для гарнитуры Samsung Gear VR. Правда, с дневной задержкой [6].

Виртуальная и дополненная реальность в мировой физической культуре и спорте также находят применение для судей, чтобы помочь им принимать более точные решения и улучшить качество судейства. Один из примеров реального использования технологий виртуальной и дополненной реальности для судей – это система VAR (Video Assistant Referee) в футболе. Система VAR используется для помощи судьям в принятии решений в трудных ситуациях, таких как определение офсайда, назначение пенальти или отмена голов за внеигровое положение. Система VAR позволяет судьям просматривать видеоповторы с различных ракурсов и делать более информированные решения. Эта технология уже успешно применяется на мировых футбольных турнирах, таких как Чемпионат мира по футболу и Лига чемпионов, и помогает улучшить честность и точность судейства в игре. Также система VAR используется в шахматах. Система видеопомощи судьям была официально анонсирована Международной шахматной федерацией 3 июля 2023 года, и впервые применялась на Чемпионате Западной Азии по шахматам среди детей, юношей и девушек в категориях 6-18 лет, прошедшем с 30 июня по 10 июля 2023 года [7].

На сегодняшний день уровень развития и использования AR- и VR-технологий в физической культуре и спорте в Республике Беларусь, как мы говорили ранее, невелик, но перспективы для развития в данной области имеются. Изучив практику применения AR- и VR-технологий в зарубежных странах, а также исходя из особенностей развития социально-культурной и экономической сфер нашей страны, можно создавать проекты внедрения данных технологий в спортивные программы и тренировки в Беларуси. Хотелось бы выделить следующие проекты, которые, по нашему мнению, будут наиболее значимы и перспективны в развитии.

1) По нашему мнению, можно внедрить в сферу физической культуры и спорта виртуальные тренажеры и симуляторы. Их использование позволяет спортсменам погрузиться в симулированную среду, где они могут проводить тренировки, улучшать технику и тактику игры. Например, виртуальные тренажеры для тенниса, гольфа, бокса и других видов спорта помогают улучшить координацию движений, скорость реакции и точность. Мы также можем использовать дополненную реальность в обучении. Это позволит детям и подросткам более наглядно видеть исполнение упражнений, анализировать свои движения и получать обратную связь от тренеров.

2) При использовании AR-приложений можно проектировать трассы для беговых соревнований или упражнения для улучшения баланса.

3) Следует отметить, что с помощью AR- и VR-технологий можно проводить виртуальные тренировки. Этот способ проведения тренировок наиболее безопасный, так как позволяет избежать риск травм, связанных с физическими контактами или неблагоприятными условиями окружающей среды. С помощью AR- и VR-технологий мы сможем проводить интерактивные тренировки. Так, создание интерактивных тренировочных программ с использованием виртуальной и дополненной реальности помогает сделать занятия спортом более увлекательными и захватывающими для детей и подростков, что способствует увеличению времени, проведенного на тренировках.

4) Также AR (дополненная реальность) и VR (виртуальная реальность) технологии могут использоваться для проведения виртуальных соревнований. Это также можно внедрять в практику применения нашей страны, так как организация виртуальных соревнований позволяет спортсменам соревноваться со своими коллегами из разных городов или стран, что способствует расширению географии соревнований и повышению мотивации к достижению лучших результатов. Виртуальные соревнования могут быть организованы как для отдельных участников, так и для команд. Участники могут соревноваться в различных виртуальных дисциплинах, таких как спортивные игры, гонки, стрелялки и другие виды соревнований. Такие виртуальные соревнования могут быть организованы как онлайн-турниры, где участники со всего мира могут принять участие, так и офлайн-мероприятия, где участники собираются в одном месте для совместных соревнований. Технологии AR и VR позволяют создавать увлекательные и реалистичные игровые сценарии, что делает виртуальные соревнования еще более захватывающими и интересными для участников.

5) Внедрение виртуальной реальности для болельщиков в Беларуси может представлять собой интересное и инновационное решение. Технологии виртуальной реальности позволяют создать уникальное визуальное и звуковое окружение, которое позволит болельщикам почувствовать себя на стадионе, даже находясь в удобстве своего дома. Также много значительных спортивных мероприятий проводятся на Минск-арене, и могут возникнуть трудности в доступе и доезде до мероприятий. Учитывая растущий интерес к новым технологиям и динамичное развитие спортивной индустрии в Беларуси, внедрение виртуальной реальности для болельщиков может стать значимым шагом к улучшению опыта просмотра спортивных событий и привлечению новой аудитории.

В заключении отметим, что использование виртуальной и дополненной реальности в области физической культуры и спорта является значимым ресурсом для улучшения профессиональной подготовки спортсменов, развития их спортивного потенциала и достижения успеха в соревнованиях. Во всём мире происходит широкое распространение использования и внедрения виртуальной и дополненной реальности в спорт. Беларусь на данный момент, в рамках того, что не имеет такой большой научный потенциал, отстаёт в развитии в данной области, но имеет хорошие перспективы в дальнейшем. Оно представляет собой растущее направление, которое может привести к значительному улучшению подготовки спортсменов и развитию спортивной индустрии в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипов, М. П. Системы виртуальной реальности. Учебно-методическое пособие / М. П. Осипов – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2012 – 48 с.
2. Особенности использования виртуальной реальности в спортивной практике / С. В. Леонов [и др.] // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 18–30.
3. Иванова, А.В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения / А.В. Иванова // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2018. – № 3. – С. 88–107.
4. LaValle S.M. Virtual reality. University of Illinois. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 418 p.
5. О Государственной программе «Физическая культура и спорт»: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 54 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата доступа: 17.03.2024).
6. Дополненная реальность и спорт. – Режим доступа: <http://tofar.ru/dopolnennaya-realnost-i-sport.php> (дата доступа: 18.03.2024).
7. Как VR влияет на спортивную индустрию и какие проблемы еще предстоит решить. – Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/vr-sport> (дата доступа: 18.03.2024).
8. Шахматный VAR. На Чемпионате Западной Азии 2023 среди детей от 6 до 18 лет в Кыргызстане применены новые технологии для помощи арбитрам – Режим доступа: <https://idchess.com/ru/news/var-in-chess> (дата доступа: 22.03.2024).
9. Спортивная электронная библиотека // Использование виртуальной реальности в подготовке спортсменов. – Режим доступа: <http://sportfiction.ru/articles/ispolzovanie-virtualnoy-realnosti-v-podgotovkesportsmenov/> (дата доступа: 27.03.2024).

УДК 342.9

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ И ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Д. С. БУДНЯК
(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)

Статья рассматривает необходимость правового регулирования виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) в Республике Беларусь. В данной статье определены основы правового регулирования VR и AR реальности в Республике Беларусь.

Виртуальная (VR) и дополненная реальность (AR) представляют собой инновационные технологии, которые значительно расширяют границы традиционного восприятия информации и взаимодействия с окружающим миром. VR реальность создаёт полностью искусственные миры, в то время как AR реальность накладывает цифровые элементы на реальные объекты [6]. Появление VR и AR технологий требует разработки соответствующих правовых норм. Необходимо урегулировать вопросы, связанные с защитой интеллектуальной собственности, конфиденциальностью данных, ответственностью за содержание контента и другими аспектами.

Исследователь К.Е. Коган предлагает использовать метод аналогии права для регулирования виртуальных объектов. Он считает, что их следует приравнивать к уже существующим правовым объектам, таким как базы данных или программное обеспечение. В случае нарушения нематериальных благ, связанных с виртуальными объектами, можно применить статью 1115 Гражданского кодекса Республики Беларусь, которая предусматривает защиту личных неимущественных прав, включая защиту чести, достоинства и деловой репутации автора произведения виртуальной реальности. Так, правила данной статьи будут распространяться на защиту прав в сфере VR и AR реальности.

По нашему мнению, в данном случае можно использовать статью 989, которая описывает способы защиты исключительных прав, включая предъявление иска и обеспечение его исполнения в случае нарушения интеллектуальных прав. В случае споров, связанных с использованием изображений граждан в виртуальном мире, дело будет рассматриваться с точки зрения защит прав автора.

К.Е. Коган предлагает использовать существующие правовые нормы для регулирования отношений в виртуальном мире, что является практичным подходом в отсутствие специальных законов о виртуальных объектах. Таким образом считаем подход К.Е. Когана обоснованным.

В настоящее время во всём мире происходит процесс глобализации и цифровизации. Цифровизация представляет собой процесс перехода от использования аналоговых технологий к цифровым [7]. В Республике Беларусь процесс глобализации и цифровизации также имеет большое значение. Страна активно развивает информационные технологии и внедряет их во все сферы жизни. Цифровизация общественных отношений последовательно формирует новую социальную, экономическую, политическую и правовую реальность, обуславливает обновление и трансформацию права. Следует отметить, что согласно гл. 7 Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021 – 2025 годы государством взят курс на внедрение информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий во все сферы жизнедеятельности, а цифровая трансформация экономики предполагает организацию цифровой информационной среды путем формирования нормативной правовой базы и внедрения действенных инструментов управления процессами цифровизации экономики [1].

Республика Беларусь активно работает над обновлением своего законодательства в соответствии с требованиями цифровой эпохи, чтобы защитить права и интересы граждан, а также стимулировать развитие цифровой экономики. Так, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, развитие информационных систем и цифровых технологий в различных сферах жизнедеятельности общества и государства определено одним из основных национальных интересов [2].

Указом Президента Беларуси от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии» установлены основные направления цифрового развития в Республике Беларусь до 2030 года. В данном Указе говорится, что основными направлениями цифрового развития в Республике Беларусь до 2030 года являются внедрение информационных и других передовых технологий, включая создание и использование государственных цифровых платформ, масштабирование результатов пилотных проектов в сферах промышленности, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, транспорта и связи, строительства, торговли, государственной статистики, экологии, жилищно-коммунального хозяйства, государственного управления, а также в социально-трудовой сфере [3]. Исходя из этого, мы можем создавать и использовать государственные цифровые платформы для развития VR и AR реальности. Например, создание специализированных платформ

для обучения, медицины, туризма и других отраслей, где использование VR и AR реальности может быть эффективным. Также мы можем применять VR и AR реальность в государственном управлении и социально-трудовой сфере. Например, использование виртуальных конференций для органов власти, разработка виртуальных сред для обучения и адаптации персонала, создание виртуальных площадок для обмена опытом и знаниями [8].

Совет Министров постановлением от 2 февраля 2021 г. № 66 утвердил Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы. Данный нормативный правовой акт, также будет являться правовой базой для регулирования использования VR и AR реальности в Республике Беларусь. А также концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Главы государства 28 июня 2023 г. № 196, в которой определены некоторые направления правового обеспечения цифрового развития.

Происходит постепенное внедрение информационных технологий в социально-культурную сферу. Согласно абз.9 гл.7 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 54 «О Государственной программе «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы» в целях развития системы подготовки спортивного резерва необходимо совершенствование практики внедрения в систему подготовки спортивного резерва результатов научных исследований в области спорта высших достижений. Так, данный нормативный правовой акт будет правовой основой для реализации внедрения VR и AR реальности в физическую культуру и спорт в нашей стране [4].

На данный момент в Республике Беларусь отсутствует единый законодательный акт, специально регулирующий вопросы, связанные с VR и AR реальностью. Тем не менее, ряд общих норм и принципов, регулирующих информационные технологии, авторское право и защиту персональных данных, может быть применён к VR и AR.

Объекты VR и AR реальности могут охватываться законами об авторском праве и смежных правах. Важно рассмотреть, как будет защищаться права интеллектуальной собственности на созданные VR и AR объекты. Согласно Закону Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», авторы имеют право на защиту своих произведений. Объекты VR и AR реальности, такие как виртуальные миры, цифровые объекты, аватары и программное обеспечение, могут подпадать под действие Закона «Об авторском праве и смежных правах».

Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» предоставляет авторам право на защиту своих произведений. Это означает, что авторы виртуальных технологий, цифровых объектов и других элементов VR реальности могут заявлять свои права на исключительное использование этих произведений.

Однако возникает ряд вопросов относительно применения законодательства об авторском праве к объектам виртуальной реальности:

- Определение объекта авторского права. Необходимо четко определить, какие элементы виртуальной реальности можно считать произведениями авторского права. Например, можно ли рассматривать виртуальный мир как единое произведение или каждый его элемент (ландшафт, объекты, персонажи) является отдельным произведением?

- Авторские права на виртуальный мир. Кому принадлежат авторские права на виртуальный мир, если его создали несколько разработчиков или если использовался «открытый код»?

- Защита от копирования. Как можно защитить виртуальные миры и объекты от незаконного копирования и распространения?

- Право на использование. Какие права имеет автор на использование своего виртуального мира или объекта в коммерческих целях или для некоммерческого распространения?

Эти вопросы требуют внимательного изучения и разработки специальных правовых норм для регулирования отношений, связанных с интеллектуальной собственностью в VR реальности. Важно учитывать динамичное развитие VR и AR и создавать гибкие правовые механизмы, которые смогут адаптироваться к изменениям в этой сфере.

С развитием технологий, использующих сенсоры и сбор данных, возникает множество вопросов, касающихся конфиденциальности и защиты персональных данных. В Республике Беларусь действует Закон «О защите персональных данных», который устанавливает правила обработки личной информации. VR и AR реальность требуют особого внимания к вопросам согласия пользователя и анонимизации данных. VR и AR требуют особого внимания к вопросам согласия пользователя и анонимизации данных, так как они могут собирать о пользователях более чувствительную информацию, чем традиционные мобильные приложения.

Устройства VR и AR реальности способны собирать биометрические данные пользователей, отслеживая движения головы, рук и тела. Кроме того, такие устройства могут определять геолокацию пользователей. AR-приложения используют геолокацию для наложения виртуальных объектов на реальный мир. VR и AR-устройства могут собирать данные о том, как пользователь взаимодействует с виртуальным миром, например, какие действия он выполняет, как он держит контроллер и т.д.

Необходимо получить ясное и недвусмысленное согласие пользователя на сбор и обработку его персональных данных. Важно анонимизировать данные так, чтобы не было возможно идентифицировать конкретного пользователя. Также необходимо обеспечить безопасность хранения и передачи персональных данных. Пользователь должен быть информирован о том, какие данные собираются, как они используются и как он может управлять своей конфиденциальностью.

С расширением применения VR и AR в сфере коммерции возникают вопросы, касающиеся рекламы и защиты прав потребителей. Законодательство Республики Беларусь о рекламе и защите прав потребителей должно адаптироваться к новым формам взаимодействия с клиентами в виртуальных пространствах. Здесь важно обеспечить, чтобы реклама в VR и AR не вводила в заблуждение потребителей и соблюдала принципы честной конкуренции.

Необходимо установить четкие критерии и стандарты для рекламного контента в VR и AR, чтобы предотвратить внедрение обманчивых элементов, которые могут манипулировать восприятием потребителей. Например, необходимо регламентировать использование более реалистичных технологий визуализации, которые могут создать ложное представление о продукте. Также законодательство должно предусматривать обязательные элементы уведомления потребителей о том, что они взаимодействуют с рекламным контентом. Это может включать метки, которые четко обозначают рекламные материалы, чтобы пользователи могли отличать их от обычного контента.

Правовые аспекты VR и AR реальности также включают этические и социальные проблемы. Участие в виртуальных мирах может вызывать вопросы о воздействии на психическое здоровье, поведение и социальные нормы. Необходима разработка рекомендаций по этичному использованию VR и AR, как для разработчиков, так и для пользователей.

Это может включать в себя влияние на восприятие реальности, формирование зависимостей и изменение эмоционального состояния пользователей. Например, долгосрочное использование VR может привести к дезориентации и нарушению социальных навыков. Рекомендации могут включать регулярные перерывы для пользователей и необходимость ограничивать время, проведенное в виртуальном пространстве. Также виртуальные миры могут изменять способы общения и взаимодействия людей. Пользователи могут чувствовать себя более свободно, однако это также может приводить к агрессивному поведению или кибербуллингу. Разработчики должны создать механизмы для предотвращения токсичного поведения и обеспечить положительное социальное взаимодействие, например, встроенные инструменты модерации и поддержку пользователям.

Контент в VR и AR может оказывать сильное эмоциональное воздействие. Разработчикам следует учитывать этические аспекты при создании контента, например, избегать пропаганды насилия, дискриминации или других форм ненависти. Создание четких стандартов контента с этическими нормами может помочь в этом.

С учетом динамичного развития технологий, важно определить направления для дальнейшего развития правового регулирования в области виртуальной и дополненной реальности. Возможно, потребуется создание специализированных нормативных актов, а также совершенствование существующего законодательства с учетом международного опыта.

Таким образом, Республика Беларусь стремится к активному внедрению и развитию VR и AR реальности в различные сферы жизни, включая образование, культуру, бизнес и другие. Для этого необходимо совершенствовать законодательные акты, чтобы обеспечить защиту интересов граждан и обеспечить безопасность использования этих технологий. Кроме того, важно развивать механизмы контроля и регулирования в области VR и AR реальности для эффективного управления этими технологиями в стране. В целом, правовое регулирование использования VR и AR реальности в Республике Беларусь направлено на обеспечение законности, обеспечение безопасного и эффективного использования технологий, защиту интересов пользователей и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021 – 2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата доступа: 17.04.2024).
2. Развитие цифрового права в Беларуси обсудили на заседании Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2024/maj/77696/> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата доступа: 18.04.2024).
3. О цифровом развитии : Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата доступа: 18.04.2024).
4. О Государственной программе «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы : Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 54 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата доступа: 18.04.2024).

5. Осипов, М. П. Системы виртуальной реальности. Учебно-методическое пособие / М. П. Осипов – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2012. – 48 с.
6. Иванова, А.В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-virtualnoy-i-dopolnennoy-realnosti-vozmozhnosti-i-prepyatstviya-primeneniya/viewer> (дата доступа: 24.04.2024).
7. Базаров А.А., Сурков А.Н. Предпринимательство и цифровизация: понимание различий понятий «виртуальный», «цифровой», «информационный» как основа развития предпринимательских отношений // Сборник Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Концепция развития частного права: стратегия будущего. 2020. С. 297–302.
8. Башина О.Э., Уринцов А.И., Павлековская И.В. Моделирование процессов коммуникаций сотрудников в управлении неформализованными знаниями субъекта экономики // Статистика и экономика. 2014. № 2. С. 187–202.
9. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь : 7 мая 2021 г. № 99-3: принят Палатой представителей 2 апреля 2021 г.: одобр. Советом Респ. 21 апреля 2021 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата доступа: 20.04.2024).
10. Об авторском праве и смежных правах : Закон Респ. Беларусь : 17 мая 2011 г. № 262-3: принят Палатой представителей 27 апреля 2011 г.: одобр. Советом Респ. 28 апреля 2011 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата доступа: 21.04.2024).

УДК 347

**ПРОБЛЕМАТИКА ВНЕДРЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НОРМ АВТОРСКОГО ПРАВА
(НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ)****Д. С. ВОЛОШКО***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В. А. БОГОНЕНКО)*

В данном исследовании проведен обстоятельный анализ основных проблем, связанных с правовым регулированием отношений, связанных с музыкальным творчеством. В ходе исследования рассмотрены основные аспекты, такие как понятия музыкального произведения, производного произведения, семплирования, плагиата, оммажа и кавера. В работе предложены рекомендации и возможные пути разграничения данных понятий.

Основной целью исследования является формирование четкого и определенного понятия "музыкальное произведение" для включения его в фреймворк авторского права. Анализируется необходимость такого определения и его значимость в контексте авторского права в области музыкального творчества. Кроме того, предлагаются критерии определения понятий семпла и семплирования, которые могут быть включены в законодательные акты для усовершенствования правового регулирования в сфере авторского права и смежных прав.

Важной проблематикой, рассмотренной в данном исследовании, является идентификация и противодействие плагиату в музыкальной сфере в рамках авторского права и смежных прав. Представляется необходимым разработать эффективные методы идентификации и защиты авторских прав на музыкальные произведения.

Анализ основных проблем правового регулирования в отношениях музыкального творчества, предложение рекомендаций и возможных путей разрешения данных проблем, а также выведение определений и рассмотрение проблематики плагиата делает данное исследование актуальным и значимым для развития и совершенствования правового регулирования в области авторского права и смежных прав в сфере музыкального творчества.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере авторского права.

Предметом исследования является авторское право на музыкальные произведения.

Метод исследования: сравнительно-правовой анализ и формально-юридический.

Авторское право является важнейшим институтом гражданского права, поскольку связано с созданием и использованием произведений литературы, науки и искусства, а также, что немаловажно, является результатом творческой деятельности человека. В Республике Беларусь действует соответствующее законодательство, которое регулирует отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства (авторское право), исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного или кабельного вещания (смежные права) [1]. Однако, современный мир развивается семимильными шагами, рождаются новые формы творческой деятельности и способы их производства. В Республике Беларусь существуют нормативные правовые акты, которые должны регулировать данные отношения, но, к сожалению, достаточно сложно во время вносить правки в законодательство с появлением нового вида или предмета отношений. В подобных случаях проблема заполнения пробелов в праве может решаться путём грамотной расстановки приоритетов, а именно: в первую очередь обращается внимание на те отношения, которые возникают чаще всего.

В качестве наиболее динамично развивающихся отношений, которые требуют эффективного правового регулирования можно назвать отношения, связанные с созданием и использованием музыкальных произведений. Среди иных объектов авторского права музыкальное произведение остается достаточно сложным правовым явлением, а сама тема музыкальных произведений остается малоисследованной в юридической литературе. В связи с этим, возникает необходимость в правовой оценке и пересмотра представлений, касающихся нормотворчества, в том числе подготовке проектов нормативных правовых актов, направленных на регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности, а также в сфере создания и использования музыкальных произведений.

Сейчас, в 2024 году одними из наиболее частых гражданско-правовых вопросов, связанных с авторским правом, можно назвать вопросы о плагиате и использовании вырезок звуковых фрагментов, зачастую коротких, с музыкальных произведений других авторов. Эти вырезки ещё называют семплами. Однако правовое регулирование данного вида отношений имеет большое количество пробелов и коллизий, что создаёт определённые трудности, которые могут создать сложности, связанные с областью правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности. Дело в том, что, несмотря, на частоту возникновения подобного рода случаев судебных споров, в настоящем законе нет даже нормы дефиниции,

которая бы определила то, чем же всё-таки является музыкальное произведение, семпл, в чём состоит специфика производства произведения из звуковых фрагментов, дабы это не считалось плагиатом. Что касается гражданского кодекса, то в нём уже обозначено, что музыкальные произведения с текстом и без текста являются объектами авторского права [2], но не раскрывается понятие этого объекта.

Таким образом, под семплом закон будет понимать отдельное произведение, даже несмотря на то, что семплы и биты часто создаются и существуют в сети сами по себе, то есть без привязки к какой-либо мелодии или песне. Семпл, длящийся секунд пять будет иметь тот же уровень правовой охраны, что и симфония.

Для начала хотелось бы дать определение, что же является семплом и семплированием.

Сэмпл (от англ. Sample – отрывок, отрезок, элемент) – музыкальный элемент (вокальный или инструментальный отрывок, партия и т.д.), позаимствованный третьим лицом из оригинального авторского музыкального произведения, используемый этим лицом в новом произведении для определенных творческих целей.

Сэмплирование – заимствование фрагмента другого музыкального произведения, фактура которого не подвергается, как правило, значительным изменениям. Часто в результате сэмплирования произведения изменяются до неузнаваемости (возможно изменение тональности произведения, его темпа и т.д.). Целью сэмплирования на практике является вычленение из оригинального произведения наиболее яркого, запоминающегося фрагмента с намерением его включения во вновь создаваемое произведение [3].

Такие определения были предложены выпускником Международно-правового института университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Андреем Николаевичем Рабизовым. Однако, данными определениями не предусмотрено, что семпл не всегда является составным элементом самостоятельного произведения, а семплирование не всегда заимствование этого элемента из него, поскольку семплы также создаются сами по себе и выкладываются на различных площадках, где их и заимствуют для создания музыки.

Из этого следует вполне разумный вопрос. А можно ли считать семпл, как отдельное произведение? И здесь всё не так однозначно. Проблема редактирования определения семпла заключается в том, что семпл представляет из себя музыкальный отрывок и как было обозначено выше, данный отрывок может быть длиною, например, в три секунды, длиннее или короче, а значит, если признать семпл как самостоятельное произведение, то это очень сильно усложнит жизнь как музыкантам, так и судам, ибо сейчас семплирование это один из самых, если не самый, популярный метод производства музыкальных композиций. Что касается самой возможности формулирования такого определения, то говорить о том, что должна быть сформулирована дефиниция, которая будет полностью отражать музыкальное произведение, семпл или семплирование, как элементы объективной реальности никто не говорит. Однако, будут необоснованными ссылки на то, что формулировка эталонной нормы дефиниции невозможна, поскольку из-за игнорирования проблемы может быть нанесен немалый финансовый ущерб, а кроме того может быть создана излишняя нагрузка на судебную систему. Более детальное законодательное закрепление нужно как минимум для очерчивания границ, что создаст более стабильную почву для разрешения вопросов в гражданском судопроизводстве.

На примере создания и использования музыкальных произведений, введения их в гражданско-правовой оборот, обнаруживаются сложности и проблемы, связанные с подготовкой проектов нормативных правовых актов, нормы которых направлены на регулирование рассматриваемых отношений. В контексте данного исследования можно отметить необходимость изучения и заимствования иностранного правового опыта, в том числе стран, где осуществлена кодификация в области интеллектуальной собственности.

В заключении можно сказать следующее. Несмотря на то, что такие явления, как музыкальное произведение, семпл, семплирование и производное произведение являются крайне проблемными объектами для их законодательного обозначения в процессе формулировки норм, это не является поводом для прекращения рассмотрения этого вопроса. Как было обозначено выше, отсутствие таких норм может нанести немалый финансовый ущерб, а также, может создать излишнюю нагрузку на судебную систему. Детальное законодательное закрепление нужно для очерчивания границ, что создаст более стабильную почву для разрешения вопросов в гражданском судопроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-3 : в ред. от 09.01.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
2. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
3. Рабизов, А. Н. Особенности регулирования трансграничных отношений в сфере авторских и смежных прав на музыкальные произведения. Сэмплирование / А.Н. Рабизов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 12(28). – С. 194–201. DOI 10.17803/2311-5998.2016.28.12.194-201.

УДК 347

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**Д. С. ВОЛОШКО***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. В. А. БОГОНЕНКО)*

В исследовании проведен сравнительный анализ правового регулирования отношений в музыкальной сфере в Республике Беларусь в сравнении с законодательством иностранных государств. Для проведения сравнительной характеристики правового регулирования сферы авторского права и смежных прав в отношении музыкальных произведений проведён сравнительный анализ опыта Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и США.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере авторского права.

Предметом исследования является авторское право на музыкальные произведения.

Метод исследования: сравнительно-правовой метод и формально-юридический.

Правовое регулирование в сфере музыки основано на нормах интеллектуальной собственности.

Под плагиатом в музыке понимается несанкционированное использование чужих музыкальных композиций или их частей без разрешения правообладателя или без должной ссылки на оригинальное произведение.

Основной инструмент для защиты авторских прав в музыкальной сфере – это музыкальное издательство, которое заключает договоры с авторами и получает право на публикацию и распространение их произведений. Также авторы могут использовать другие способы защиты своих прав, например, регистрацию своих композиций в специальных организациях, таких как союзы авторов и композиторов. В случае обнаружения плагиата в музыке, правообладатель может предъявить иск о защите своих авторских прав. Подтверждение нарушения авторских прав может быть основано на анализе музыкальных композиций, сравнении мелодий, гармонии, текстов и других аспектов. Санкции за плагиат в музыке могут включать выплату компенсации и штрафов, а также запрет на использование и дальнейшее распространение плагиата. Кроме того, нарушители могут столкнуться с уголовной ответственностью в случаях особо тяжких нарушений авторских прав.

В России рассматриваемые отношения регулируются Разделом VII Гражданского кодекса Российской Федерации. Этот раздел устанавливает права и обязанности авторов произведений, а также меры по защите авторских прав. Плагиат, как нарушение авторских прав, рассматривается в контексте этого раздела. К объектам авторского права, также, как и в Республике Беларусь относятся музыкальные произведения с текстом или без текста и производные произведения [1][2]. Однако, если в Гражданском кодексе Российской Федерации производное произведение определено как «произведения, представляющие собой переработку другого произведения», то в Республике Беларусь определение производного произведения описано, как «перевод или иная переработка произведения, являющиеся результатом творческого труда, в том числе обработка, обзор, пересказ, аннотация, резюме, реферат, инсценировка, музыкальная аранжировка» [3]. Белорусская дефиниция предстаёт в более расширенном и подробно прописанном виде, что позволяет отграничить определённые ситуации, где потенциально могло бы быть применено законодательство об авторском праве и смежных правах, что в свою очередь позволило снять излишнюю потенциальную нагрузку на суды, но оставило без защиты некоторый круг лиц.

Что касается определения музыкального произведения, то ситуация здесь идентичная. Музыкальное произведение хоть и причислено к объектам авторского права, но дефиниция также отсутствует. Как было сказано выше отсутствие норм-дефиниций для законодательного закрепления определения музыкального произведения может иметь негативные последствия по нескольким причинам.

Во-первых, такая ситуация может привести к правовой неопределённости и неясности, что затрудняет применение законодательства в отношении музыки.

Отсутствие четкого определения музыкального произведения может вызвать проблемы при определении авторства, защите авторских прав в вопросах, связанных с использованием музыки. Это может создать проблемы при регистрации произведений, при судебных разбирательствах, связанных с музыкой.

Кроме того, отсутствие норм-дефиниций может препятствовать развитию индустрии и инноваций в области музыки. В условиях неопределённости и неясности предприниматели и профессионалы, занимающиеся музыкальным творчеством, могут испытывать трудности при поиске инвесторов, заключении сделок и осуществлении своей деятельности в целом.

Таким образом, отсутствие в законодательстве норм закрепляющих понятие музыкального произведения является негативным явлением, которое может вызывать правовую неопределённость, затрудняя защиту авторских прав и тормозить развитие индустрии музыки.

Основным законодательным актом, определяющим правовую основу авторского права в Казахстане, является Закон "Об авторском праве и смежных правах". Этот закон устанавливает правовой режим защиты авторских прав и смежных прав, включая охрану авторских произведений в литературных, музыкальных, художественных, аудиовизуальных и других областях творчества.

Закон также определяет права авторов и правообладателей, включая право на использование, воспроизводство, распространение, публичное исполнение и демонстрацию произведений. Он также устанавливает правила охраны авторских прав в цифровой среде, включая вопросы использования интернета и цифровых технологий.

Кроме того, в Казахстане существуют иные законы, которые дополняют и уточняют нормы авторского права. Например, Закон "О правовой охране программ для ЭВМ и баз данных" регулирует отношения по поводу охраны и использования программного обеспечения и баз данных, а Закон "О правовой охране топологий интегральных микросхем" защищает топологии интегральных микросхем.

Кроме того, Казахстан является участником международных договоров в области авторского права и смежных прав, таких как Бернская конвенция о защите литературных и художественных произведений и Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС).

То же самое можно сказать и о регулировании сферы авторского права и смежных прав в Республике Кыргызстан.

Несмотря на довольно большое количество сходств, которое можно найти в процессе сравнения законодательных актов стран бывшего Союза Советских Социалистических Республик, у этих двух стран есть свои проблемы в вопросе правового регулирования авторского права в музыкальной сфере.

Так в Законе об авторском праве и смежных правах Республики Казахстан производным произведением определено – произведение, которое создано в результате творческой переработки другого произведения [4]. Тут ситуация та же, что в случае с определением из Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно определение не подробное, слишком мало критериев, которые можно использовать для соотнесения деяния с его определением, что может вызвать путаницу или нежелательные последствия, о которых было сказано выше. Также хотелось бы отметить, что в законодательных актах нередко в определениях разного вида и рода деятельности используется категория «творчество», как в данном случае, так и в случае с определением производного произведения в Республике Беларусь, однако, творчество, творческий труд и творческая деятельность не только трактуются везде по-разному, но даже в этих самых трактовках предстают, как довольно расплывчатые явления, что позволяет сделать вывод о том, что использование этих категорий как определяющих критериев чего-либо является нецелесообразным, ну а в том случае, если законодатель и решит их использовать, то настоятельно рекомендуется дать определение и им, дабы избежать возможных случаев ненужной софистики от недобросовестных заинтересованных участников в процессе гражданского судопроизводства.

Что же касается творческой переработки произведения, то в Законе Республики Казахстан дано следующее определение: переработка произведения - изменение оригинального произведения из одного жанра в другой. При этом видами переработки произведения являются инсценировка, постановка и аранжировка оригинального произведения. Проблема же здесь кроется в том, что по логике этого определения переработки не может произойти без изменения жанра произведения, однако жанр лишь форма. В буквальном смысле, исходя из этого определения вытекает то, что не может считаться нарушением законодательства об авторском праве ситуация, при которой произойдет плагиат условной рок композиции для создания другой рок композиции, ибо жанр не был изменен. Из этого исходит ситуация, при которой переработки произведения в другое не произойдет, а автор оригинального произведения не сможет потребовать от лица, осуществившего технически переработку произведения заслуженного авторского вознаграждения.

Также, как в Республике Беларусь и Российской Федерации, в Республике Казахстан и Кыргызстан законодательно закреплено «музыкальные произведения с текстом и без текста», как объект авторского права, однако, определение этого объекта отсутствует [5].

Производным же произведением в Законе Республики Кыргызстан был определен «продукт интеллектуального творчества, основанный на другом произведении (перевод, адаптация, инсценировка, переделка и т.д.)» [5]. Также в статье 7 настоящего Закона было произведено дополнение, в котором к производным произведениям относятся произведения, представляющие собой переработку других произведений (переводы, обработки, аннотации, рефераты, резюме, обзоры, инсценировки, аранжировки и другие подобные произведения науки, литературы и искусства).

На это установление, определение и разграничение понятий «производное произведение, музыкальное произведение в законе заканчивается. В целом, этими моментами Закон об авторском праве и смежных правах Республики Кыргызстан схож с Законом об авторском праве и смежных правах Республики Беларусь, хоть и в ограниченном формате.

В США авторское право в музыкальной сфере регулируется законодательством, в основном, на федеральном уровне. Основным законом, который касается авторских прав в США, является Закон об авторском

праве (Copyright Act), принятый в 1976 году с внесенными в него последующими изменениями и дополняющим законодательство об авторском праве Законом об авторском праве в цифровую эпоху.

Закон об авторском праве предоставляет авторам и правообладателям широкий спектр прав на их музыкальные произведения. Под защитой авторского права находятся музыкальные композиции, тексты песен, аранжировки, мелодии и другие элементы музыкальных произведений. Закон также устанавливает длительность авторских прав и правила в отношении использования музыки без разрешения правообладателя.

Авторские права обычно принадлежат создателю музыкального произведения или его наследникам и сохраняются на протяжении определенного срока. В случаях, когда музыкальное произведение создано в рамках трудового договора или в сотрудничестве, авторскими правами может обладать организация или работодатель.

Закон об авторском праве также устанавливает процедуру по защите авторских прав и возможности получения компенсации за нарушение прав. Это включает в себя судебные разбирательства, возможность получения штрафов и возмещения ущерба.

Важно отметить, что США является членом Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Благодаря этому, американские авторские права в музыкальной сфере также защищены на международном уровне. Это позволяет американским авторам и правообладателям защищать свои интересы за пределами страны.

Помимо закона об авторском праве, в США существуют организации, связанные с музыкальными авторскими правами. Например, Американское общество композиторов, авторов и издателей (ASCAP) и Общество по управлению механическими правами (Harry Fox Agency) занимаются предоставлением лицензий, сбором и распределением авторских отчислений в музыкальной индустрии [6, 7]. Также в США для придания мотивации музыкантам для регистрации своих произведений был принят закон о модернизации музыкальной индустрии. В рамках этого закона и при содействии финансирования цифровых компаний предполагалось учреждение Общества автоматического лицензирования, которое будет предоставлять стриминговым сервисам общую лицензию взамен на повышенные выплаты композиторам и правообладателям. Это нововведение рассматривается как механизм, способствующий увеличению заинтересованности исполнителей в регистрации своих произведений и одновременно обеспечивающих адекватную компенсацию за их использование. Таким образом, закон о модернизации музыкальной индустрии и создание Общества автоматического лицензирования представляли собой важные шаги в развитии музыкальной сферы, способствующие справедливому распределению доходов между композиторами и правообладателями и повышению ценности творческого контента [8].

В США, как и в Республике Беларусь, Республике Кыргызстан, Российской Федерации и Республике Казахстан, использование чужих произведений без разрешения и указания источника может рассматриваться как плагиат. Закон предусматривает наказания за плагиат, включая возможность возмещения ущерба и гражданско-правовую ответственность.

Что же касается общих черт, то объектами авторского права в США также признаются музыкальные произведения, включая любые сопровождающие слова и производные произведения, однако, определение того, что же всё-таки такое музыкальное произведение, отсутствует.

Переходя к рассмотрению такого объекта, как производное произведение можно, также заметить, что этому объекту уделено куда больше внимания, чем «музыкальному произведению», что странно, ведь для создания производного произведения могут использоваться элементы музыкального произведения, что в результате может создать музыкальное произведение. Эта странную тенденцию можно назвать в большей степени вредоносной, поскольку из-за таких мелких, но распространённых пробелов нарушается целостность и сбалансированность правовой системы.

«Производное произведение» – это произведение, основанное на одном или нескольких ранее существовавших произведениях, такое как перевод, музыкальная аранжировка, инсценировка, художественная литература, киноверсия, звукозапись, художественное воспроизведение, сокращение, сжатие или любая другая форма, в которой произведение могут быть переработаны, преобразованы или адаптированы. Произведение, состоящее из редакционных исправлений, аннотаций, уточнений или других модификаций, которые в целом представляют собой оригинальное авторское произведение, является «производным произведением» [9].

Это определение в целом можно назвать приемлемым, так как оно подробное, а как было сказано выше, чем больше уточнений в определении, тем лучше, потому что они помогают сужать значение и исключать двусмысленность. Когда мы даем более точное определение, мы уточняем, что именно мы имеем в виду и о чем говорим. Именно благодаря подробному, уточняющему описанию явления в нормативных правовых актах, не возникает недоразумений, неправильных интерпретаций или софистики от недобросовестных участников в гражданском процессе.

Тоже можно сказать и об использовании слов, таких как творчество, формулировки определения которого не только рождаются, но и сами по себе являются расплывчатыми, Их в данном случае нет, хотя

использование словосочетания «музыкальная аранжировка» при отсутствии определения «музыкального произведения» выглядит крайне странно. А если учитывать тот факт, что хоть и на усмотрение суда, но всё же к нарушителю законодательства об авторском праве могут быть применены крайне суровые меры наказания, если конечно такой нарушитель будет признан злостным [10].

В целом, все пять стран имеют сходства в своем подходе к вопросам плагиата. Они признают нарушение авторских прав, связанное с плагиатом, и предусматривают наказания в соответствии с законодательством. Однако, для них характерны пробелы, которые находятся на самом видном месте. Можно сказать, что в процессе правотворчества внимание было уделено в большей степени другим сферам авторского права. Нельзя сказать, что такое расставление приоритетов было безосновательным, но и не замечать эти пробелы уже становится практически невозможным, в силу упрощения процесса производства музыкальных композиций и как следствие увеличение количества исполнителей. Такая ситуация, как было сказано выше может привести к нарушению целостной и сбалансированной системы. Когда правотворчество ограничивается определенными отраслями или институтами, это может нарушить равновесие и привести к неравномерному развитию правовой системы. Важно учитывать разные сферы жизни и обеспечивать соответствующую регуляцию и защиту прав во всех областях. И конечно же нужно смотреть на то, как это отразится в долгосрочной перспективе, ведь различные сферы жизни и технологии постоянно меняются, и правовая система должна быть гибкой и способной адаптироваться к новым вызовам.

В заключении можно сделать вывод, что в процессе нормотворческой деятельности, только некоторые субъекты формировали нормативную основу исходя из собственного опыта. Для Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки вопрос правового регулирования в музыкальной сфере стоит наиболее остро в связи с огромным количеством лейблов, артистов, культурным влиянием, социально-экономическими возможностями, что является довольно удобным условием того, куда будут стекаться иммигранты и деньги, а также количеством мероприятий, которые имеют довольно массовый характер.

Также необходимо отметить, что подход законодателя в процессе создания и закрепления норм, которые должны регулировать эту сферу должен быть крайне деликатным, осторожным и с учётом прогнозирования изменений, особенно в условиях небольшой развитости музыкального сектора, поскольку излишнее количество ограничений в начале пути развития этого культурного явления может затормозить процесс его развития и распространения, а также популяризации, что может ограничить доходы субъектов, рассматриваемых правоотношений, в том числе самого государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвертая) : Нормативные документы. – Москва : ООО "Научно-издательский центр ИНФРА-М", 2023. – 831 с.
3. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-3 : в ред. от 09.01.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
4. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6-І : в ред. от 01.05.2023. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798. (дата обращения: 10.03.2024).
5. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс]: Закон Кыргызской республики от 14 января 1998 года № 6 : в ред. Закона КР от 17 марта 2023 года № 62. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/17/edition/1240396/ru>. (дата обращения: 11.03.2024).
6. Ascap [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.ascap.com/>. (date of access: 10.02.2024).
7. Simplify and Streamline. Music Rights & Royalties [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.harryfox.com/>. (date of access: 10.02.2024).
8. Mooscle [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.mooscle.com/>. (date of access: 10.03.2024).
9. Copyright Law of the United States [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.copyright.gov/title17/>. (date of access: 10.01.2024).
10. Алухтин, А. В. Особенности зарубежного авторского права на музыкальные произведения в сети "интернет" / А.В. Алухтин // Форум молодых ученых. – 2021. – № 10(62). – С. 21–27.

УДК 342

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИИ ДИПФЕЙК**М. Д. ВОЛЫНЕЦ***(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)*

Данная статья посвящена истории развития технологии дипфейк, начиная с ее зарождения в сфере компьютерной графики и искусственного интеллекта до современных применений. В статье рассматриваются ключевые этапы развития технологии, включая появление первых алгоритмов генерации изображений и видео, развитие глубокого обучения и появление специализированных нейронных сетей для создания дипфейков.

Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что в современном мире технологии дипфейк стали широко распространенными и вызывают все больший интерес у исследователей, общественности и законодателей. Дипфейки могут использоваться как для развития современных технологий, так и для манипулирования общественным мнением, подрывая доверие к информации. Кроме того, дипфейки поднимают множество этических вопросов, поэтому необходимость в разработке правовых норм, регулирующих использование дипфейков, очевидна.

Технологии становятся все более сложными и все более взаимосвязанными. Автомобили, самолеты, медицинское оборудование, финансовые операции и другое, – основа их функционирования базируется на компьютерном программном обеспечении. Из-за чего кажется, что их труднее понять, а в некоторых случаях и сложнее контролировать. Изучение того, как сделать такие технологии, как искусственный интеллект или Интернет вещей, «объяснимыми», стало отдельной областью исследований.

За последние 10 лет самые эффективные системы искусственного интеллекта, такие как распознаватели речи на смартфонах или новейший автоматический переводчик Google, были созданы на основе метода, называемого «глубоким обучением».

«Глубокое обучение» – это новый подход к искусственному интеллекту, называемого нейронными сетями. Нейронные сети были впервые предложены в 1944 году Уорреном Маккалоу и Уолтером Питтсом, двумя исследователями из Чикагского университета, которые перешли в Массачусетский технологический институт в 1952 году в качестве основателей того, что иногда называют первым отделом когнитивных наук [1].

Нейронные сети были основной областью исследований как в нейробиологии, так и в информатике до 1969 года, когда, согласно знаниям, в области компьютерных наук, они были уничтожены математиками Массачусетского технологического института Марвином Мински и Сеймуром Папертом, которые год спустя стали содиректорами новой лаборатории искусственного интеллекта Массачусетского технологического института [1].

Затем эта технология возродилась в 1980-х годах во многом благодаря возросшей вычислительной мощности графических чипов.

«Существует мнение, что научные идеи немного похожи на эпидемии вирусов», – говорит Томазо Поджо, профессор Юджина МакДермотта кафедры мозга и когнитивных наук Массачусетского технологического института [1]. «Очевидно, существует пять или шесть основных штаммов вирусов гриппа, и, очевидно, каждый из них возвращается с периодом около 25 лет. Люди заражаются, у них развивается иммунный ответ, и поэтому они не заражаются в течение следующих 25 лет. А потом появляется новое поколение, готовое заразиться тем же штаммом вируса. В науке люди влюбляются в идею, воодушевляются ею, забывают до смерти, а затем получают прививку – им это надоедает. Значит, идеи должны иметь одинаковую периодичность!» [1].

И точно так же, как наше понимание управления технологиями развивается новыми и интересными способами, так же развивается и наше понимание социальных, культурных, экологических и политических аспектов новых технологий. Мы осознаем, как проблемы, так и важность определения всего спектра способов, которыми технологии меняют наше общество, того, как мы хотим, чтобы эти изменения выглядели, и какие инструменты мы должны попытаться повлиять на эти изменения и направить их.

Дипфейк – синтетические медиа, включая изображения, видео и аудио, созданные с помощью технологии искусственного интеллекта (ИИ), которые изображают нечто, чего не существует в реальности, или события, которые никогда не происходили [2].

В 1997 году Кристоф Бреглер, Мишель Ковелл и Малкольм Слейни опубликовали статью, в которой была разработана инновационная, поистине уникальная программа, которая по существу автоматизировала то, что могли делать некоторые киностудии. Программа Video Rewrite может синтезировать новую лицевую анимацию из аудиовыхода. Он основывался на более старых работах, которые интерпретировали лица, синтезировали звук из текста и моделировали губы в трехмерном пространстве, но был первым, кто объединил все это и убедительно анимировал [2].

Это одна из важнейших работ в разработке дипфейков. Фактически, многие из распространенных сегодня видеоэффектов, включенных в такие программы, как Premiere Pro или Final Cut, используют усовершенствованные алгоритмы из этой статьи.

Авторы отмечают, что эту систему «можно использовать для дубляжа фильмов, телеконференций и создания спецэффектов», хотя этого еще предстоит увидеть.

Компьютерное зрение все глубже проникло в мир распознавания лиц. Разработки в этой области привели к радикальным улучшениям в таких вещах, как отслеживание движений, которые делают современные дипфейки более убедительными.

Термин «дипфейк» объединяет в себе «глубокий», взятый из технологии глубокого обучения искусственного интеллекта (тип машинного обучения, включающий несколько уровней обработки), и «фейковый», указывающий на то, что контент не является реальным [2]. Этот термин стал использоваться для синтетических медиа в 2017 году, когда модератор Reddit создал субреддит под названием «deepfakes» и начал публиковать видеоролики, в которых использовалась технология подмены лиц для вставки изображений знаменитостей в существующие порнографические видеоролики.

В основе дипфейков лежит искусственный интеллект, а именно разновидность машинного обучения, называемая глубоким обучением. Глубокое обучение использует многоуровневые нейронные сети для анализа и интерпретации больших наборов данных [1]. Дипфейки – это гиперреалистичные цифровые произведения, обычно видео- или аудиозаписи, созданные с использованием методов искусственного интеллекта и машинного обучения. Они включают в себя наложение существующих изображений и видео на исходные изображения или видео с использованием техники глубокого обучения, в частности генеративно-сопоставительных сетей («GAN»).

GAN включают в себя две нейронные сети – генератор и дискриминатор. Генератор создает изображения/видео, а дискриминатор сравнивает их с реальными кадрами. Благодаря итеративным процессам генератор становится все лучше и лучше создает реалистичные подделки. Эта технология позволяет создавать убедительно реалистичный фейковый контент, в котором люди говорят или делают то, чего на самом деле никогда не делали.

Дипфейки создаются с использованием значительного объема данных, включая фотографии, звуковые фрагменты или видео целевого человека. Поскольку больше данных может создать более убедительные дипфейки, наиболее распространенными целями становятся знаменитости, политики и другие общественные деятели [3].

Появление приложений и онлайн-сервисов, где пользователи могут создавать дипфейки с минимальными техническими знаниями, еще больше снизило планку для входа.

ИИ тренируется, используя собранные данные, чтобы понимать тонкости и нюансы целевого человека, такие как черты лица, тон и интонации голоса, а также движения [4]. Затем обученная модель накладывает изображение целевого человека на исходную фотографию или видео. Видеоманипуляции выполняются кадрowo для создания реалистичного видео.

Несмотря на кажущееся волшебство новейших инструментов искусственного интеллекта, почти все дипфейки по-прежнему легко и быстро разоблачаются.

Таким образом, исследование, проведенное в статье на основании изучения исторического развития технологии дипфейк, позволяет сделать вывод о подтверждении актуальности вопроса. Данные технологии охватывают масштабное количество сфер жизни деятельности, как правовых, так и социальных. Вышеприведенные примеры указывают на необходимость автоматизации технологии дипфейк.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирова Л. М., Макаревич М. Л. Правовые аспекты использования нейронных сетей // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2023. – 50–75 с.
2. Пользовательский контроль визуального контента в интернете : сб. науч.ст. / Масленкова Н. А – Минск, 2024. – 180–196 с.
3. Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2024. – 360–380 с.
4. Сорокин В. Н., Вьюгин В. В., Тананькин А. А. Распознавание личности по голосу: аналитический обзор // Информационные процессы. – 2012. – № 1. – С. 1–30.

УДК 342

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ДИПФЕЙК
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ****М. Д. ВОЛЫНЕЦ****(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)**

Данная статья исследует потенциал и риски использования технологии дипфейк в сфере образования. Рассматриваются различные сценарии применения технологии дипфейк, такие как создание интерактивных учебных материалов, симуляция исторических событий. Статья анализирует преимущества дипфейков, включая повышение вовлеченности, улучшение понимания сложных концепций. Также подчеркиваются этические проблемы, такие как распространение дезинформации, нарушение авторских прав и потенциальное злоупотребление технологиями.

На протяжении многолетней истории образование, в том числе подходы к нему, претерпели огромное количество изменений. Тот формат, который мы имеем сейчас, значительно отличается от того, что был еще 20 лет назад. Тогда студентам слабо представлялось, что вместо посещения библиотеки и поиска многочисленных книг, в один клик можно найти подходящую информацию при помощи интернета – быстро и удобно, а вот достоверно ли, вопрос.

Современные технологии играют все более важную роль в сфере образования, открывая новые возможности для обучения. Технологии делают образование доступным для большего числа людей, независимо от их местоположения, физических возможностей или финансового положения. Они позволяют создавать индивидуальные учебные планы, адаптированные к потребностям каждого ученика. Современные технологии делают обучение более интерактивным и интересным, используя мультимедиа, игры, симуляции и виртуальную реальность, что повышает мотивацию и вовлеченность учеников. Кроме того, платформы для совместной работы, видеоконференции и онлайн-форумы способствуют взаимодействию между учениками и учителями, а также между школами и университетами.

Несмотря на огромное количество достоинств, использование новейших изобретений при обучении может вызывать недоверие у общества. В особенности, дипфейки, репутация которых на сегодняшний день довольно нестабильна.

Дипфейк – синтетические медиа, включая изображения, видео и аудио, созданные с помощью технологии искусственного интеллекта (ИИ), которые изображают нечто, чего не существует в реальности, или события, которые никогда не происходили [1].

Термин дипфейк был придуман в 2017 году пользователем социальной сети Reddit для обозначения комбинации терминов «глубокое обучение» и «подделки», в отличие от «неглубоких подделок» или «дешевых подделок», которые связаны с более простыми и менее убедительными методами манипулирования медиа, такими как замедление видео или использование программ для редактирования фотографий [1].

Дипфейки сегодня – одни из самых противоречивых современных технологий, которые проникли практически во все сферы жизнедеятельности человека. Образование – не исключение. Дипфейки могут быть использованы в сфере образования различными способами, как для улучшения обучения, так и для создания новых возможностей.

С помощью дипфейков можно создавать реалистичные симуляции и виртуальные обучающие среды, которые помогают студентам лучше понимать сложные концепции и явления. Дипфейк может быть использован для создания реалистичных реконструкций исторических событий, позволяя ученикам увидеть и услышать исторические фигуры в контексте. Так, например, в школах, на уроках литературы, дети будут знакомиться с произведениями “из первых уст”, что потенциально может повысить интерес к изучению дисциплины.

Еще одним преимуществом является тот факт, что дипфейк может быть использован для создания доступных материалов для людей с ограниченными возможностями, например, для создания субтитров и дуближа видео с использованием дипфейк-технологий.

Дипфейк может создавать виртуальных учителей, которые могут взаимодействовать с учениками, отвечать на вопросы, давать обратную связь и даже создавать индивидуальные учебные планы. Данная технология может создавать виртуальных носителей языка, которые могут помочь учащимся практиковать разговорную речь, слушать и понимать различные акценты.

Несмотря на преобладающее количество положительных аспектов, мы можем столкнуться с потенциальными проблемами при использовании дипфейков в сфере образования. Существует множество этических вопросов, связанных с использованием дипфейков, включая возможное введение в заблуждение и манипуляцию. Дипфейк может быть использован для создания фальшивых новостей и пропаганды, что

может привести к дезинформации и манипуляции. Использование дипфейков для создания реалистичных изображений людей без их согласия может нарушать их право на неприкосновенность частной жизни. Излишняя зависимость от их применения может так же привести к снижению креативности и критичности мышления.

Одна из самых серьезных проблем, с которой может столкнуться общество при использовании дипфейков – киберзапугивание, которое широко распространено в университетах: согласно одному из исследований, 38 % североамериканских студентов знают жертв киберзапугивания [2]. Хотя определение киберзапугивания может различаться в разных культурах, основные элементы включают в себя преследование в Интернете, угрозы, распространение смущающей или конфиденциальной информации, а также распространение визуальных средств, таких как видеозаписи случаев издевательств [2]. Все это может иметь серьезные последствия для психического здоровья.

Несмотря на довольно противоречивое отношение к дипфейкам, подобные технологии начинают использоваться и постепенно внедряются в систему образования разных стран. Так, примером применения дипфейков в сфере образования может послужить платформа "VirtualTutor", где искусственный интеллект создает персонализированные обучающие видео для студентов, имитируя деятельность учителя. Еще один нашумевший проект – проект "AIEd", который использует дипфейки для создания виртуальных учителей, способных адаптироваться к индивидуальным потребностям учащихся и повысить их мотивацию к обучению.

На сегодняшний день в Республике Беларусь правовое регулирование использования дипфейков в сфере образования не предусмотрено. Задаваясь вопросом о необходимости включения дипфейков в систему образования Республики Беларусь, я пришла к следующему: из-за многообразия форм и ступеней образования, отношение к использованию дипфейков может меняться.

Основное образование в Республике Беларусь включает в себя следующие уровни: дошкольное образование, общее среднее образование, профессионально-техническое образование, среднее специальное образование, высшее образование, научно-ориентированное образование [3]. Кроме того, образование может быть получено в очной (дневной, вечерней), заочной, дистанционной формах получения образования и в форме соискательства [3].

Умение анализировать и фильтровать информацию – важнейший навык для использования не только дипфейков, но и современных технологий в целом. На мой взгляд, большинство студентов обладают этими способностями, в отличие от дошкольников и школьников. Именно поэтому, к возможной реализации проектов по внедрению дипфейков в сфере образования стоит подходить с осторожностью, начиная, например, с программ для научно-ориентированного образования.

В целом, дипфейки имеют большой потенциал для улучшения образования, однако их использование требует осторожности и этического подхода. Необходимо создавать четкие правила и ограничения, чтобы предотвратить злоупотребление этой технологией. Технологии – это инструмент, а не цель. Важно использовать их разумно, не забывая о человеческом факторе.

Дипфейки открывают новые возможности для улучшения методов обучения и вовлечения студентов. Несмотря на существующие вызовы, их правильное применение может сделать образовательный процесс более интерактивным и эффективным.

Дальнейшие исследования в области использования дипфейков в сфере образования могут привести к эффективным стратегиям их внедрения, учитывающим этические аспекты и потребности студентов. Важно продолжать развивать и адаптировать технологии под специфику образовательного процесса, чтобы максимально раскрыть их потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Масленкова Н. А. Дипфейк: пользовательский контроль визуального контента в интернете // Пользовательский контент в современной коммуникации: сборник / сост. И. В. Топчий. Минск, 2024. – 180–196 с.
2. Игнатъев А. Г., Курбатова Т. А. Дипфейки в цифровом пространстве: основные международные подходы к исследованию и регулированию. – М., 2023. – 5 с.
3. Кодекс Республики Беларусь об образовании : 13 января 2011 г. № 243-З: принят Палатой представителей 2 декабря 2010 года : одобр. Советом Респ. 22 декабря 2010 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 6 марта 2023 г. № 257-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2024).

УДК 342.9

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОНЛАЙН-КУРСОВ****А. А. ГОНЧАРОВА***(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)*

В последние годы онлайн-образование стремительно развивается, что обусловлено как технологическими изменениями, так и изменением потребностей общества. Однако существующее законодательство в области онлайн-курсов во многих странах сталкивается с рядом актуальных проблем и недостатков. Данная научная работа посвящена анализу текущей правовой базы, регламентирующей онлайн-образование, и выявлению ключевых недостатков, мешающих эффективному развитию этой сферы.

Защита персональных данных и конфиденциальность информации участников онлайн-курсов является одним из ключевых аспектов правового регулирования в этой сфере. Учитывая специфику онлайн-обучения, когда значительная часть взаимодействия между студентами и образовательными организациями происходит в цифровой среде, вопросы обеспечения конфиденциальности персональных данных приобретают особую важность.

Нормативно-правовое регулирование в этой области призвано гарантировать, что персональная информация студентов, включая их контактные данные, учебные достижения, финансовую информацию и другие сведения личного характера, надежно защищена от несанкционированного доступа, использования, раскрытия или модификации. Образовательные организации, предлагающие онлайн-курсы, обязаны разрабатывать и внедрять политику и процедуры, соответствующие действующему законодательству о защите персональных данных [1].

Это включает в себя меры по безопасному хранению данных, ограничение доступа к ним только уполномоченным лицам, использование современных криптографических методов, регулярное обновление систем информационной безопасности. Кроме того, студенты должны быть в полной мере информированы о том, как их персональные данные будут собираться, обрабатываться и использоваться в рамках онлайн-образования, а также должны иметь возможность контролировать и при необходимости корректировать свою информацию.

Студенты, участвующие в онлайн-курсах, должны иметь возможность контролировать и при необходимости корректировать свою персональную информацию. Это важное право, которое обеспечивается действующим законодательством о защите персональных данных.

Прежде всего, образовательные организации, предлагающие онлайн-курсы, обязаны предоставлять студентам полную информацию о том, какие персональные данные они собирают, с какой целью и каким образом будут их использовать. Эта информация должна быть доступна в понятной и прозрачной форме, например, в виде политики конфиденциальности или условий использования платформы.

Студенты должны иметь возможность в любое время ознакомиться со своими персональными данными, хранящимися у образовательной организации. Как правило, для этого предусматриваются личные кабинеты или аккаунты студентов, через которые они могут просматривать, а в некоторых случаях и редактировать, свои контактные данные, успеваемость, финансовую информацию и другие сведения.

Если студент обнаруживает ошибки или неточности в своих данных, он должен иметь возможность подать запрос на их исправление. Образовательная организация, в свою очередь, обязана оперативно рассмотреть такой запрос и внести необходимые изменения.

Кроме того, студенты должны иметь право отозвать свое согласие на обработку персональных данных или ограничить их использование в определенных целях. Это особенно актуально в случаях, когда персональная информация используется в маркетинговых или рекламных целях.

Нарушение установленных норм в области защиты персональных данных может повлечь за собой серьезные юридические и финансовые последствия для образовательных организаций, предоставляющих онлайн-курсы. Поэтому обеспечение конфиденциальности информации участников онлайн-обучения является одним из основополагающих принципов, на которых должна строиться вся система правового регулирования в сфере цифрового образования.

Образовательные организации, предлагающие онлайн-курсы, должны внедрять комплексные меры безопасности для защиты персональных данных студентов:

– Надежное шифрование данных. Все персональные данные студентов, включая информацию об успеваемости, финансовые сведения и контактные данные, должны храниться и передаваться с использованием современных криптографических методов, таких как AES, RSA или SSL/TLS. Это гарантирует, что данные будут защищены от несанкционированного доступа даже в случае взлома систем.

– Контроль доступа. Доступ к персональным данным студентов должен быть строго ограничен только уполномоченными сотрудниками организации. Для этого должны применяться системы идентификации и аутентификации пользователей, многофакторная аутентификация, а также регулярный мониторинг и аудит действий с данными. Это позволит отслеживать все операции с персональными данными и предотвращать несанкционированный доступ.

– Резервное копирование и восстановление. Образовательные организации должны регулярно создавать резервные копии всех персональных данных студентов и обеспечивать возможность их оперативного восстановления в случае непредвиденных ситуаций, таких как сбой в работе системы или кибератаки. Это позволит быстро восстановить данные и обеспечить непрерывность учебного процесса.

– Физическая безопасность. Помещения, в которых хранятся персональные данные студентов, должны быть оборудованы системами видеонаблюдения, контроля доступа и другими мерами физической защиты. Это исключит возможность несанкционированного физического доступа к данным.

– Обучение персонала. Сотрудники организации, имеющие доступ к персональным данным студентов, должны проходить регулярное обучение по вопросам информационной безопасности, соблюдения конфиденциальности и правилам работы с персональными данными. Это повысит уровень осведомленности сотрудников и снизит риск человеческих ошибок.

– Аудит и соответствие нормативным требованиям. Образовательные организации должны регулярно проводить аудит систем защиты персональных данных, а также обеспечивать соответствие их политик и процедур действующему законодательству о защите персональных данных. Это гарантирует, что все меры безопасности соответствуют требованиям регуляторов и обеспечивают надлежащую защиту персональных данных.

Применение этих комплексных мер безопасности позволит образовательным организациям надежно защитить персональные данные студентов, участвующих в онлайн-курсах, и минимизировать риски их утечки или неправомерного использования.

Вопрос интеллектуальной собственности и авторских прав в сфере онлайн-образования является очень важным и многогранным. Лекции, видео, презентации, тесты и другие материалы, разработанные преподавателями, являются объектами авторских прав. Организация-разработчик онлайн-курса должна обеспечить надлежащее оформление авторских прав на весь контент. Студентам, проходящим онлайн-курс, предоставляется ограниченная лицензия на использование контента в образовательных целях, но не на его распространение или коммерческое использование. Организация должна иметь процедуры для урегулирования вопросов авторских прав при использовании внешних материалов в курсе [2].

Преподаватели, создающие контент для онлайн-курсов, сохраняют права на свои интеллектуальные разработки. Организация-разработчик должна заключать с преподавателями четкие договоры, определяющие условия использования их интеллектуальной собственности. Преподаватели должны иметь право на часть доходов от коммерческого использования их разработок.

Организация должна применять технические меры защиты контента от нелегального копирования или распространения, такие как DRM, водяные знаки и ограничения скачивания. Необходимо вести мониторинг использования контента онлайн-курсов и оперативно реагировать на случаи нарушения авторских прав. В договорах со студентами должны быть четко прописаны условия использования контента и запреты на его неправомерное распространение.

Некоторые организации предоставляют открытый доступ к своим онлайн-курсам на условиях открытых лицензий (Creative Commons и др.). Это позволяет свободно использовать и адаптировать контент в некоммерческих образовательных целях при соблюдении условий лицензии.

Для онлайн-курсов могут использоваться различные типы лицензий, в зависимости от целей и бизнес-модели организации:

- Коммерческие или проприетарные лицензии:
 1. Лицензии на использование всего курса или отдельных компонентов (видео, тесты и пр.)
 2. Подписные модели доступа к курсу на определенный срок
 3. Разовая оплата полного доступа к курсу
- Открытые лицензии:
 1. Creative Commons (CC-BY, CC-BY-SA, CC-BY-NC и др.) - позволяют свободное использование, адаптацию и распространение в некоммерческих целях
 2. GNU Free Documentation License - лицензия для открытых образовательных ресурсов
 3. OpenCourseWare - лицензия MIT для свободного использования учебных материалов
- Смешанные модели:
 1. Базовый открытый доступ к части курса, расширенный платный доступ
 2. Открытый доступ к части контента, платный доступ к дополнительным материалам
 3. Бесплатный доступ для индивидуальных пользователей, платный для организаций

Выбор лицензии зависит от целей онлайн-курса, бизнес-модели, целевой аудитории и прочих факторов. Организации должны тщательно прорабатывать вопросы интеллектуальной собственности на этапе разработки курса [3].

Комплексное и грамотное управление вопросами интеллектуальной собственности и авторских прав является ключевым фактором успешного развития онлайн-образования, защиты прав всех участников и обеспечения устойчивости бизнес-моделей образовательных организаций.

Для защиты авторских прав на материалы онлайн-курсов могут применяться различные технические меры. Например, системы управления цифровыми правами (DRM) могут ограничивать возможность скачивания, копирования и печати материалов курса, привязывать доступ к курсу к аутентификации пользователя, а также отслеживать и ограничивать количество устройств, с которых осуществляется доступ. Водяные знаки (Watermarking) позволяют встраивать невидимые или скрытые метки в видео, изображения и документы, что помогает отслеживать источник утечек при нелегальном распространении. Также могут использоваться меры по ограничению экспортируемости контента, такие как запрет на скачивание и сохранение материалов курса, а доступ возможен только в онлайн-режиме. Регулярный мониторинг интернета с использованием сервисов поиска и отслеживания использования контента онлайн также может помочь своевременно реагировать на случаи незаконного распространения. Шифрование и хэширование файлов, в том числе применение криптографических методов и использование хэшей для аутентификации целостности файлов, также являются эффективными техническими мерами защиты. Наконец, ограничение возможности копирования, например, за счет технического ограничения функций копирования, вырезания и скриншотов в среде просмотра контента, может быть полезным. Выбор конкретных технических мер зависит от бизнес-модели, ценности контента, рисков, доступных ресурсов организации и других факторов. Важно находить баланс между защитой авторских прав и удобством пользовательского опыта [4].

Для совершенствования правового регулирования онлайн-курсов и борьбы с пиратством и незаконным распространением авторских материалов можно рассмотреть следующие меры и рекомендации:

– Обновление законодательства: Государства должны провести анализ своего законодательства и, при необходимости, внести изменения, чтобы оно отражало современные вызовы онлайн-образования. Это может включать расширение определения пиратства и незаконного распространения авторских материалов, а также ужесточение наказаний.

– Лицензирование и контроль: Провайдеры онлайн-курсов должны активно работать с правообладателями для установления лицензионных соглашений и контроля за использованием авторских материалов. Они должны также использовать технические решения, такие как цифровые отпечатки и системы управления авторскими правами, для обнаружения и предотвращения незаконного распространения.

– Обучение и информирование: Провайдеры онлайн-курсов должны предоставлять обучение и информацию участникам о правилах использования авторских материалов и последствиях нарушений. Это поможет повысить осведомленность и этическое поведение студентов.

– Разработка технологических решений: Технологические инновации могут сыграть важную роль в предотвращении пиратства и незаконного распространения. Разработка и использование эффективных технических решений, таких как системы DRM (DigitalRightsManagement), могут помочь защитить авторские материалы и предотвратить их несанкционированное распространение.

– Сотрудничество со сторонними организациями: Провайдеры онлайн-курсов могут сотрудничать с правообладателями, ассоциациями, профессиональными организациями и другими заинтересованными сторонами для разработки и реализации совместных программ и инициатив по борьбе с пиратством и незаконным распространением.

Эти меры должны быть реализованы в сочетании с общим осведомлением и образованием пользователей, чтобы создать этическую среду онлайн-образования и защитить права авторов и правообладателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь : 7 мая 2021 г. № 99-3: принят Палатой представителей 2 апреля 2021 г.: одобр. Советом Респ. 21 апреля 2021 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата доступа: 08.10.2024).
2. Об авторском праве и смежных правах : Закон Респ. Беларусь : 17 мая 2011 г. № 262-3: принят Палатой представителей 27 апреля 2011 г.: одобр. Советом Респ. 28 апреля 2011 г.// ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата доступа: 08.10.2024).
3. Дмитриева Ю. Защита авторских прав в интернете Интеллектуальная собственность // Авторское право и смежные права. – 2016. – № 9. – С. 60.
4. Еременко В.И. Совершенствование законодательства в сфере защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях [Электронный ресурс] // Законодательство и экономика. – 2015. – № 8. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата доступа 08.10.2024).
5. Волосьянков Н. Как защитить авторские права в онлайн образовании? – 2019 – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.if24.ru/valyuta-durova-mozhet-stat-dorozhe-nornikelya/> (дата доступа 08.10.2024).

6. Алексеев А.А. Проблемы обеспечения информационной безопасности при использовании дистанционных образовательных технологий // Право.by. 2020. № 4.
7. Бородич С.А., Давидович А.Л. Правовые аспекты защиты персональных данных участников образовательного процесса при использовании дистанционных образовательных технологий // Право.by. 2020. № 5.
8. Слободянюк А.В. Актуальные вопросы правового регулирования обработки персональных данных в образовательном процессе с применением дистанционных технологий // Право.by. 2022. № 2.
9. Макарова Е.А. Развитие дистанционного образования в Великобритании. М.: ИНФРА-М, 2019.
10. Блоховцова, Г. Г. Перспективы развития дистанционного образования. Преимущества и недостатки / Символ науки. – 2016. – №10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-distantcionnogo-obrazovaniya-preimuschestva-i-nedostatki> (дата доступа: 08.10.2024).

УДК 342.9

ОНЛАЙН-КУРСЫ: ИСТОРИЯ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ**А. А. ГОНЧАРОВА****(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)**

В статье рассматривается история развития онлайн-курсов как нового формата образовательного процесса, а также анализируются вопросы их правового регулирования. Автор прослеживает эволюцию онлайн-образования от первых инициатив и платформ до современной системы, включая влияние технологий и изменений в образовательной политике. Анализируются действующие законодательные нормы в разных странах, а также их влияние на качество и доступность онлайн-образования.

В современном информационном обществе, где технологии проникают во все сферы жизни, образование также подвергается значительным изменениям. Одним из ключевых изменений в области образования является распространение онлайн-курсов. В последние годы онлайн-курсы приобрели огромную популярность и стали доступными и широко распространенными. Благодаря развитию информационных технологий студенты могут изучать широкий спектр предметов и получать образование от ведущих университетов и экспертов в различных областях, не выходя из дома. Это открыло новые возможности для образования и саморазвития без географических и финансовых ограничений.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами.

1. Быстрый рост рынка онлайн-курсов. За последние несколько лет индустрия онлайн-образования значительно расширилась, что создает потребность в соответствующей нормативно-правовой базе.

2. Необходимость защиты прав обучающихся и преподавателей. Онлайн-образование порождает новые юридические вопросы, связанные с авторскими правами, конфиденциальностью данных, аккредитацией и другими сферами.

3. Отсутствие единообразного правового регулирования онлайн-образования. В разных странах и регионах существуют различные подходы к правовому регулированию онлайн-курсов, что требует изучения и анализа.

4. Внедрение новых технологий. Появление технологий, таких как искусственный интеллект, оказывает значительное влияние на организацию онлайн-обучения и требует адаптации законодательства. Стремительное развитие онлайн-обучения в последние годы привело к необходимости тщательного правового регулирования этой сферы [1].

Развитие онлайн-образования и появление онлайн-курсов представляют собой важную эволюцию в сфере образования. Идея дистанционного обучения возникла задолго до появления Интернета, и в 18-19 веках использовались почта и телеграф для отправки учебных материалов и заданий студентам на удаленное обучение. В 1970-х и 1980-х годах развитие компьютерных сетей стало все более значимым. Это привело к появлению первых онлайн-систем обмена информацией и обсуждения, таких как электронная почта и доски объявлений.

История развития онлайн-курсов берёт своё начало в 1990-х годах, когда стремительное развитие Интернета и информационных технологий открыло новые возможности для удалённого образования.

Одним из первых пионеров в этой сфере стал Университет Феникса, который в 1989 году запустил свои первые онлайн-программы. Университет Феникса делал ставку на гибкость и доступность обучения для работающих взрослых студентов, которые не могли посещать очные занятия. Программы были разработаны специально для онлайн-среды с использованием интерактивных мультимедийных материалов и средств коммуникации. Это позволило Университету Феникса значительно расширить свою аудиторию и стать одним из пионеров индустрии онлайн-образования. В 1992 году Национальный технологический университет начал транслировать видеозаписи лекций в режиме реального времени. Это считается одним из самых ранних примеров синхронного онлайн-обучения, когда студенты могли участвовать в занятиях в реальном времени, находясь удаленно. Технология трансляции лекций позволяла сделать высококачественное инженерное образование более доступным для студентов из отдаленных районов. Использование видео в онлайн-обучении в начале 90-х годов было инновационным подходом, позволявшим значительно повысить эффективность дистанционного обучения. Таким образом, Университет Феникса и Национальный технологический университет действительно стали пионерами в развитии онлайн-образования, заложив основы для его дальнейшего широкого распространения [2].

В течение 1990-х годов всё больше учебных заведений, как традиционных, так и специализированных онлайн-университетов, стали предлагать онлайн-курсы и программы. Эти ранние онлайн-курсы в основном представляли собой размещённые в Интернете текстовые материалы и изредка включали простые интерактивные компоненты.

Ситуация радикально изменилась в начале 2000-х годов, когда произошёл настоящий прорыв в развитии онлайн-обучения. В 2002 году Массачусетский технологический институт запустил свою программу OpenCourseWare, предоставив бесплатный онлайн-доступ к учебным материалам своих курсов. Это вдохновило многие другие университеты последовать его примеру. Концепция OpenCourseWare заключалась в том, чтобы сделать учебные материалы МИТ – включая видеозаписи лекций, конспекты, задания, экзамены и другие ресурсы – свободно доступными для широкой публики в интернете. Это было революционным решением, поскольку до этого подобная практика была довольно редкой среди ведущих университетов, которые, как правило, стремились ограничивать доступ к своим учебным материалам.

Запуск OpenCourseWare был весьма смелым шагом со стороны МИТ. Университет решил предоставить бесплатный онлайн-доступ к материалам сотен своих курсов, включая многие ключевые предметы инженерных, естественнонаучных и других программ. Это было обусловлено стремлением МИТ сделать знания и образование более доступными для людей во всем мире, независимо от их финансовых возможностей или места проживания [3].

Решение МИТ вызвало большой резонанс в академическом сообществе и за его пределами. Многие университеты последовали примеру МИТ и начали запускать собственные программы открытого онлайн-доступа к учебным материалам. Это способствовало формированию глобального движения за открытое образование, в котором ведущие университеты стали делиться своими знаниями и ресурсами с широкой аудиторией.

Успех программы OpenCourseWare МИТ показал, что существует большой спрос на высококачественные образовательные ресурсы, доступные онлайн и бесплатно. Это вдохновило другие университеты на аналогичные инициативы, что в совокупности значительно расширило возможности для самостоятельного обучения и профессионального развития людей по всему миру. Таким образом, запуск OpenCourseWare стал ключевым событием, открывшим новую эру открытого и доступного онлайн-образования.

Также в 2002 году был основан Coursera – одна из первых и крупнейших онлайн-платформ для массовых открытых онлайн-курсов (МООК). За ней последовали другие известные провайдеры онлайн-обучения, такие как edX, Udacity и FutureLearn.

Развитие технологий, включая видеотрансляции, интерактивные инструменты, системы управления обучением, позволило сделать онлайн-курсы более интерактивными, адаптивными и ориентированными на обучающегося.

В последние годы онлайн-обучение получило ещё больший импульс в связи с пандемией COVID-19, когда очное образование было вынуждено перейти в онлайн-формат. Это стало серьезным испытанием для учителей, преподавателей и администраторов, которым пришлось срочно осваивать новые технологии и методики ведения онлайн-занятий. Тем не менее, это также ускорило внедрение и развитие различных платформ для проведения видеоконференций, организации совместной работы, распространения учебных материалов и оценки знаний в дистанционном режиме. Многие образовательные учреждения значительно расширили свои возможности для онлайн-обучения, инвестируя в новые инструменты и инфраструктуру. Это позволило им не просто переводить традиционные курсы в онлайн, но и создавать более интерактивные и персонализированные учебные программы, адаптированные для удаленного формата. Кроме того, пандемия вызвала всплеск интереса и спроса на различные формы онлайн-обучения среди широкой аудитории. Люди, вынужденные оставаться дома, все чаще обращались к онлайн-курсам, вебинарам и другим цифровым образовательным ресурсам для саморазвития, повышения квалификации или просто для удовлетворения познавательного интереса.

В результате, пандемия COVID-19 стала катализатором беспрецедентного ускорения цифровизации образования во всем мире. Многие эксперты считают, что даже после завершения пандемии онлайн-обучение сохранит свою важную роль и будет все более интегрироваться в систему традиционного образования, открывая новые возможности для студентов и преподавателей. Это способствовало более широкому распространению и популяризации онлайн-курсов среди учащихся разных возрастов и профессий.

Сегодня онлайн-образование является неотъемлемой частью современной системы образования, предлагая гибкость, доступность и широкий выбор программ для обучающихся по всему миру.

Международное правовое регулирование онлайн-курсов осуществляется через ряд нормативных актов, которые определяют правила и принципы, касающиеся организации и проведения онлайн-образования. Примерами таких актов являются:

– Общая декларация прав человека (ОДПЧ): Принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году, ОДПЧ утверждает принципы равенства и доступа к образованию без дискриминации. Он подтверждает право каждого на образование и признает значимость свободы мысли, совести и выражения в образовательном процессе.

– Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП): Принят Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году, МПГПП гарантирует право на образование и признает свободу создавать и развивать образовательные учреждения. Он также подчеркивает необходимость обеспечения равного доступа и не дискриминации в образовании.

– Конвенция о правах ребенка: Принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году, конвенция подтверждает право каждого ребенка на образование и призывает государства обеспечить доступ к различным формам образования, включая дистанционное обучение и использование информационных технологий.

– Конвенция об устранении всех форм дискриминации в отношении женщин (КУДОЗЖ): Принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1979 году, КУДОЗЖ признает право женщин на образование и требует устранения дискриминации в доступе к образованию и выборе образовательных программ.

– Конвенция об охране и развитии культурного разнообразия: Принята Генеральной Конференцией ЮНЕСКО в 2005 году, конвенция признает значимость образования для сохранения и развития культурного разнообразия. Она подчеркивает необходимость обеспечения доступа к образованию, учитывающего различные культурные контексты и языки.

– Директива Европейского парламента и Совета ЕС о распоряжении авторскими правами в цифровом одном рынке (DSM Directive): Принята в 2019 году, эта директива ЕС вводит нормы и правила, касающиеся авторских прав и использования контента в онлайн-среде, включая образовательные материалы.

– Конвенция о признании квалификаций в области высшего образования в Европейском регионе (Лиссабонская конвенция): Принятая Советом Европы в 1997 году, эта конвенция устанавливает принципы и процедуры признания квалификаций, включая те, которые были получены в результате онлайн-образования. Она способствует обеспечению мобильности студентов и профессионалов в области высшего образования.

– Рекомендация ЮНЕСКО о статусе высшего образования в сетевой среде (2002 год): ЮНЕСКО выпустила эту рекомендацию, чтобы привлечь внимание к особенностям онлайн-образования и предоставить рекомендации по его развитию и регулированию. Она подчеркивает важность доступности, качества и признания онлайн-образования.

Каждый из этих нормативно-правовых актов устанавливает различные принципы и требования, связанные с обеспечением равного доступа к образованию, недискриминацией, авторскими правами и другими аспектами онлайн-образования.

Развитие онлайн-курсов, начиная с их зарождения в форме дистанционного образования до современного этапа массового открытого онлайн-обучения (МООС), отражает стремительное изменение подходов к обучению в условиях цифровизации общества. Это развитие было обусловлено технологическими инновациями, увеличением доступности интернета и запросами на гибкость образовательных процессов. Сегодня онлайн-курсы стали неотъемлемой частью образовательной экосистемы, предлагая возможность получения знаний в любом месте и в любое время.

Тем не менее, с расширением онлайн-образования встает ряд правовых вопросов, связанных с авторским правом, защитой данных, аккредитацией курсов и их признанием государственными и частными учреждениями. Законодательство в этой области продолжает развиваться, стремясь создать баланс между свободой доступа к знаниям и защитой прав субъектов образовательного процесса. Важно отметить, что дальнейшее совершенствование правового регулирования онлайн-курсов должно учитывать как интересы образовательных учреждений, так и потребности студентов, обеспечивая доступность, качество и безопасность образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дождиков, А. В. Онлайн-обучение как e-learning: качество и результаты (критический анализ) / Высшее образование в России. – № 4. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-obuchenie-kak-e-learning-kachestvo-i-rezultaty-kriticheskij-analiz> (дата обращения: 08.10.2024).
2. Дистанционное образование было, есть и будет. История – 2014. – URL: <https://runet.news/experts/578> (дата обращения: 08.10.2024).
3. Богданов, В. В. Дистанционное обучение – цели, задачи, особенности, характеристика, Проблемы / Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2003. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnoe-obuchenietseli-zadachi-osobennosti-harakteristika-problemy> (дата обращения: 08.10.2024).
4. Скворцова Т.А. Правовые аспекты оказания образовательных услуг с применением дистанционных образовательных технологий в Республике Беларусь // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2020. – Т. 10. № 1 (дата обращения: 08.10.2024).
5. Солодовникова Т.В. Правовые основы развития дистанционного образования в Республике Беларусь // Право.by. – 2017. – № 5 (дата обращения: 08.10.2024).
6. Блоховцова, Г. Г. Перспективы развития дистанционного образования. Преимущества и недостатки / Символ науки. – 2016. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-distantsionnogo-obrazovaniya-preimushchestva-i-nedostatki> (дата обращения: 27.05.2024).
7. Вайндорф-Сысоева, М. Е. Цифровое образование как системообразующая категория: подходы к определению / Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-obrazovanie-kak-sistemoobrazuyuschaya-kategoriya-podhody-k-opredeleniyu> (дата обращения: 08.10.2024).

УДК 347.7

**ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ****О. Д. ГОРБАКОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Е. Н. КУДРЯШОВА)*

Данная статья посвящена проблемам правового регулирования онлайн-образования. Сделан вывод о необходимости четкого определения правового статуса онлайн-курсов, установления порядка их лицензирования и аккредитации, а также адаптации законодательства о защите прав потребителей и налогообложения к специфике этого рынка.

Современное быстрое развитие цифровых технологий, необходимость непрерывного совершенствования навыков и компетенций в информационном обществе, широкое распространение знаний по всему миру являются факторами, способствующими развитию онлайн-образования. Онлайн-курсы в последнее время все чаще стали создаваться и использоваться в различных областях знаний. Благодаря распространению онлайн-обучения появилось больше возможностей для развития. Вместе с тем большое количество созданных авторских курсов начинают копировать и без согласия авторов правообладателей распространять в сети «Интернет». Имеются и другие проблемы внедрения онлайн-образования. Представляется, что сегодня можно констатировать проблемы в том числе и правового регулирования данной сферы, чему и посвящено настоящее исследование.

Регламентация правоотношений по оказанию в том числе образовательных услуг основана на нормах Гражданского кодекса Республики Беларусь, в частности, главы 39, регулирующей вопросы возмездного оказания услуг, и конкретизируется в иных актах законодательства [1].

Как следует из статьи 242 Кодекса Республики Беларусь об образовании, образовательная программа обучающих курсов относится к системе дополнительного образования взрослых. Также согласно статье 77 этого же Кодекса оказание субъектами образовательной деятельности услуг в сфере образования на платной основе осуществляется на основании договора о платных услугах в сфере образования, существенными условиями которого являются: предмет договора; срок обучения; стоимость обучения, порядок ее изменения; порядок расчетов за обучение; ответственность сторон. К сожалению, не каждый потребитель услуг осведомлен об этом и просто оплачивает курсы, а при возникновении проблем не знает, как ему поступать и куда обращаться. В первую очередь, данная услуга должна сопровождаться правильно составленным и заключённым договором [2].

Ещё один нормативный правовой акт рассматриваемой области – Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-3 «О защите прав потребителей». Согласно статье 5 данного Закона, потребитель имеет право, в частности, на:

- надлежащую информацию об услугах;
- свободный выбор услуг;
- надлежащее качество услуг;
- возмещение в полном объеме убытков, вреда, причиненных вследствие недостатков услуги, в том числе на компенсацию морального вреда;
- государственную защиту своих прав, в том числе на обращение в суд и другие уполномоченные государственные органы за защитой нарушенных прав или интересов, охраняемых Законом и иным законодательством, а также другие права, предусмотренные Законом и иным законодательством.

При этом следует обратить внимание на то, что согласно статье 19 Закона «О защите прав потребителей» условия договора, ограничивающие права потребителя по сравнению с правами, установленными Законом и иным законодательством в области защиты прав потребителей, считаются ничтожными, обуславливать приобретение услуги обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг) запрещается. Убытки, причиненные потребителю вследствие нарушения его права на свободный выбор товара (работы, услуги), возмещаются продавцом (исполнителем) в полном объеме. Исполнитель не вправе без согласия потребителя предоставлять дополнительные услуги, оказываемые за плату. Потребитель вправе отказаться от оплаты таких работ (услуг), а если они уже оплачены, – потребовать от исполнителя возврата уплаченной суммы. С учетом изложенного, неправомерно обуславливание заключения соответствующего договора приобретением, в частности, каких-либо методических материалов или дисков.

Права потребителя при нарушении исполнителем сроков оказания услуги предусмотрены в статье 30 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей», включая право на расторжение договора об оказании услуги, при этом потребитель также вправе потребовать полного возмещения убытков, причиненных ему в связи с нарушением сроков оказания услуги. Денежная сумма, возвращаемая потребителю при расторжении договора об оказании услуги, определяется на момент предъявления потребителем требования, а если оно добровольно не удовлетворено, – на момент вынесения судом соответствующего решения.

Статьей 33 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» определено, что требования потребителя о расторжении договора об оказании услуги и возврате уплаченной за оказанную услугу денежной суммы подлежат удовлетворению в течение семи дней со дня предъявления соответствующего требования. За нарушение указанных сроков исполнитель уплачивает потребителю за каждый день просрочки неустойку в размере одного процента цены оказания услуги [3].

Пунктом 13 Положения об обучающих курсах, утверждённого постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 9 сентября 2022 г. № 296 (далее – Положение об обучающих курсах) предусмотрено, что документом, подтверждающим освоение слушателем содержания образовательной программы обучающих курсов, является справка об обучении, образец которой определен постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 27 июля 2011 г. № 194 «О документах об образовании, приложениях к ним, золотой, серебряной медалях и документах об обучении». Выдача иных документов, включая различные свидетельства и сертификаты, законодательством об образовании не предусмотрена.

Полагаем, что в целях недопущения нарушения прав потребителей образовательных услуг следует обращать внимание на ряд положений по оформлению отношений со слушателями образовательных курсов online:

1. Договор о платных услугах в сфере образования.

Со слушателями обучающих курсов на платной основе обязательно должен быть заключен договор о платных услугах в сфере образования.

Типовая форма договора о платных услугах в сфере образования утверждена постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 15 марта 2023 г. № 99.

Договор о платных услугах в сфере образования является трехсторонним и предполагает наличие следующих сторон:

- исполнителя – ИП, оказывающего услуги в сфере образования;
- заказчика – физлица, проходящего обучение на курсах;
- плательщика – организации, которая оплачивает стоимость услуг по такому договору.

Если курсы слушатель (заказчик) оплачивает сам, указывать в договоре третью сторону (плательщика) не нужно.

2. Приказ о зачислении.

После заключения договора со слушателем должно следовать оформление зачисления на курсы приказом (п. 11 Положения об обучающих курсах).

3. Справка об обучении.

По окончании обучающих курсов слушателям обязаны выдать документ, подтверждающий освоение ими содержания образовательной программы обучающих курсов. Таким документом является справка об обучении. По письменному заявлению обучающегося и за его счет возможна пересылка справки об обучении почтой с доставкой по указанному обучающимся адресу (абз. 3 п. 85 Инструкции о порядке заполнения документов об образовании, приложений к ним, документов об обучении, учёта и выдачи документов об образовании, приложений к ним, золотой, серебряной медалей, документов об обучении № 194).

Все более популярным становится онлайн-обучение. И в ряде случаев операторы, оказывающие образовательные услуги в дистанционной форме, используют программное обеспечение для видеоконференций ZOOM. Однако в данном случае имеет место трансграничная передача персональных данных (в том числе в страны с ненадлежащим уровнем их защиты). Обучение на каких-то сторонних платформах идет в разрез с законодательством Республики Беларусь о защите персональных данных, а именно с Указом Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [4].

В свою очередь, в качестве решения проблемы может стать необходимость применения операторами в рассматриваемой ситуации информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента сети Интернет, размещенных на территории Республики Беларусь и зарегистрированных в установленном порядке.

Для решения этих проблем необходимо совершенствование белорусского законодательства в сфере онлайн-образования, четкое определение правового статуса онлайн-курсов, установление порядка их лицензирования и аккредитации, а также адаптация законодательства о защите прав потребителей и налогообложения к специфике этого рынка. Реализация данных положений позволит обеспечить баланс интересов провайдеров, потребителей и государства в сфере онлайн-образования [5, с. 903].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. N 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноя. 1998 г. : в ред. Законов Республики Беларусь от 13.07.2012. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

2. Кодекс об образовании Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г. № 243-3 : принят Палатой представителей 2 декабря 2010 года: Одобрен Советом Республики 22 дек. 2010 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. О защите прав потребителей : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г. № 90-3: в ред. от 8 июля 2008 г. №366-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февраля 2010 г., № 60 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. Хуршудян, А. Л. Юридическая природа онлайн-курсов и правовая проблема их использования в образовательной деятельности университетов / А. Л. Хуршудян, А.А. Соловьёв // Вестник СПбГУ. Право. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 903–919.

УДК 342

ПОНЯТИЕ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ДИПФЕЙК**У. И. ЗЕНОВИЧ***(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)*

В статье рассматривается технология дипфейк. Использование и развитие генеративных технологий искусственного интеллекта резко возросло в последнее время. Настолько, что оно опережает существующие правила, направленные на защиту от злонамеренного или неэтичного использования. Отсюда вытекает необходимость в рассмотрении правового регулирования данных технологий.

Технологии дипфейк – это быстрорастущая технологическая тенденция, которая производит революцию во многих цифровых процессах, от производства медиа до доступа к цифровым технологиям. Фактически, они создаются с использованием специализированных алгоритмов, которые смешивают существующие и новые кадры. Например, тонкие черты лица людей на изображениях анализируются с помощью машинного обучения, чтобы манипулировать ими в контексте других видео [5, с. 54].

Для изучения технологии дипфейк используются различные подходы с технологическими, образовательными и правовыми и другими мерами. Помимо доктринального подхода, немаловажное значение имеет судебная практика. Крайне важно четко понимать, что данные технологии, используемые для их создания, а также юридические проблемы, которые создает их использование, во многих случаях нарушают конфиденциальность. Технология настолько развита, что становится все труднее отличить оригинальный, подлинный контент от сгенерированного.

Громкие дела, связанные с дипфейками и нарушением конфиденциальности, в последние годы привлекли значительное внимание, подчеркнув серьезные последствия этой технологии. В этих делах часто участвуют общественные деятели, и они иллюстрируют потенциальный вред, который наносят дипфейки.

Законы США о конфиденциальности различаются в зависимости от штата, но некоторые из них, например, Закон Калифорнии о праве на публичное использование, защищают людей от несанкционированного использования их имени, голоса, подписи, фотографии или изображения.

Во многих юрисдикциях требуется согласие на изображение или личные данные человека, но обеспечение соблюдения этих требований к согласию для дипфейков, особенно когда они созданы анонимно, является сложной задачей и нарушает право человека на то, чтобы кто-то контролировал его изображение и сходство [7]. Социальные сети и приложения, позволяющие обмениваться фотографиями и видео, усложняют это утверждение, поскольку чье-то изображение можно получить с помощью механизмов согласия. Существует два типа согласия: выраженное и подразумеваемое.

Выраженное согласие – это ясное, прямое и недвусмысленное согласие человека. В контексте социальных сетей/приложений согласие можно получить, выполнив утвердительное действие, чтобы указать на согласие, например, установив флажок. Неявное согласие не требует утвердительного шага и выводится из действий пользователя. В рамках условий использования можно получить неявное согласие, продолжая использовать приложение.

Отсутствие ясности в определении согласия в сочетании с использованием дипфейков для клеветы, шантажа и других гнусных целей, а также выдачи себя за другое лицо в режиме реального времени, что открывает возможности для новых нарушений конфиденциальности – и все это в свете анонимности и простоты создания и распространения дипфейки, которые чрезвычайно затрудняют идентификацию создателей и привлечение их к ответственности, создают идеальный шторм для неправомерного использования этой технологии [6, с. 9].

Как было отмечено во время забастовки Гильдии киноактеров, использование технологий искусственного интеллекта в кино, на телевидении и в других видах искусства уже некоторое время набирает обороты. Высказывались опасения, что условия использования в актерских контрактах могут быть использованы для получения согласия на создание изображения актера, созданного с помощью искусственного интеллекта, и наложение их изображений в течение многих лет без оплаты за их использование. Более того, если студии смогут использовать технологии для копирования актеров и художников, это сократит возможности для живых актеров и художников, нанеся вред этой торговле. Первый эпизод шестого сезона сериала «Черного зеркала» Netflix может показать, что проблема не так уж и далека, поскольку в нем изображено созданное искусственным интеллектом подобие Сальмы Хайек, а также реального персонажа, которого она играет, Джоан, сразу же подписавшего свое сходство.

Забастовка актеров завершилась в декабре 2023 года соглашением, требующим от компаний получения согласия, прежде чем создавать цифровые копии актеров. Согласие также требует, чтобы компании

раскрывали, для чего будет использоваться реплика, а актеры должны получать компенсацию за использование своих цифровых копий. В сделку также вошли рекомендации по синтетическим фальшивым исполнителям, основанным на образе и подобию актера, которые используются для обучения генеративного ИИ.

Законы против киберпреступлений могут охватывать некоторые аспекты создания и распространения дипфейков, особенно если они связаны со взломом или несанкционированным доступом к личным данным. В случаях, когда дипфейки используются для преследования, существующие законы в этой области могут предоставить жертвам правовую защиту. Уголовные законы также прямо не охватывают создание или распространение дипфейков, за исключением тех случаев, когда они подпадают под традиционные категории киберпреступлений.

Реальность такова, что правонарушения по общему праву, законы и действующие правовые рамки не были созданы, и не предусматривали создание реалистичных цифровых копий в реальном времени, что оставляет значительные пробелы в законах о защите.

Например, традиционные законы о конфиденциальности могут не охватывать нюансы цифрового выдачи себя за другое лицо или не обеспечивать адекватных средств правовой защиты. Глобальный характер сети Интернет усложняет соблюдение прав на неприкосновенность частной жизни, поскольку преступники существуют за пределами правовой досягаемости страны жертвы. В юридических условиях доказать, что видео- или аудиозапись является дипфейком, может быть непросто, особенно по мере того, как технология становится все более сложной.

Считаем обоснованной позицию А. Карлюкевича, по мнению которого «должны быть эксперты, должны быть профессионалы по целому ряду общественных явлений, технологических процессов, иначе мы просто упустим и образовательный уровень общества» [3].

Полагаем, стоит установить запрет на использование изображений политических лидеров государств и предусмотреть уголовную ответственность за распространение дипфейков, как это уже сделано в Китае [4].

В исследуемом вопросе много плоскостей, которые требуют детального обсуждения, также имеются технологический и правовой вопросы, вопрос массового сознания. «*Всегда и во всем надо найти положительные моменты – даже в самом отрицательном*». – Джордан Белфорт, «*Волк с Уолл-стрит*»¹. По нашему мнению, данные технологии могут наносить не только вред, но и приносить пользу. Анализ научных исследований позволил выделить положительные моменты. Одним из них является распространение информации о социальных проблемах. Например, футболист Дэвид Бекхэм участвовал в кампании по повышению осведомленности о малярии, в ходе которой были сняты видеоролики, на которых видно, как он говорит на девяти разных языках, что расширяет охват сообщения².

Образование и медицина – две дополнительные области, которые могут выиграть от технологии дипфейков [6, с. 9]. В классе преподаватели могут использовать имитации исторических речей, чтобы предложить захватывающие и увлекательные уроки. Использование технологии дипфейк в здравоохранении может повысить точность обнаружения опухолей на магнитно-резонансной томографии (МРТ), что облегчит их лечение. Например, поскольку опухоли или аномалии относительно редки среди населения в целом, трудно получить достаточное количество их изображений для передачи в программу искусственного интеллекта. Изображения Deepfake позволяют обучать такие программы искусственного интеллекта распознавать большее количество аномалий, тем самым повышая их долгосрочную точность. Их использование также позволяет проводить исследования с использованием синтезированных данных вместо данных реальных пациентов, что позволяет исследователям избежать проблем с конфиденциальностью.

В республике Беларусь в пресс-центре БЕЛТА высказались за то, чтобы внести в законодательство такие понятия, как «fake» и «deepfake». По нашему мнению, данное предложение является обоснованным, поскольку данный вид технологии имеет масштабное влияние не только на республиканском, но и на международном уровне [3].

Считаем необходимым на законодательном уровне обязать производителей рекламы маркировать рекламу, сгенерированную искусственным интеллектом специальной маркировкой «сгенерировано с использованием искусственного интеллекта», определить порядок использования технологии дипфейк в рекламе; конкретизировать права и обязанности субъектов при использовании технологии дипфейк.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Wolf of Wall Street (The Wolf Of Wall Street #1) by Jordan Belfort (Goodreads Author). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [goodreads.com](https://www.goodreads.com). – Дата доступа: 28.09.2024.
2. WorldCat : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.worldcat.org> – Дата доступа: 05.10.2024.

¹ The Wolf of Wall Street (The Wolf Of Wall Street #1) by Jordan Belfort (Goodreads Author). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [goodreads.com](https://www.goodreads.com). – Дата доступа: 28.09.2024.

² WorldCat : [bibliographic database]. – [Dublin], 2024. – URL: <https://search.worldcat.org> (date of access: 05.10.2024).

3. DEEPFAKES: новый вызов информационной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://expert.belta.by/03>. – Дата доступа: 05.10.2024
4. Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики : 11 января 2016 г. : Принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm. – Дата доступа: 28.09.2024
5. Кирова, Л. М. Макаревич М. Л. Правовые аспекты использования нейронных сетей / Л.М. Кирова, М.Л. Макаревич // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 1 (27). – 58–63 с.
6. Игнатъев А. Г. Дипфейки в цифровом пространстве: основные международные подходы к исследованию и регулированию / А.Г. Игнатъева, Т.А. Курбатова // Центр глобальной ИТ-кооперации. – 2023. – 9 с.
7. Изображение гражданина в сети Интернет: объект правовой охраны или общедоступная информация? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/novosti/mnenie/izobrazhenie-grazhdanina-v-seti-internet-obekt-pravovoy-okhrany-ili-obshchedostupnaya-informatsiya/> – Дата доступа: 15.09.2024.
8. О рекламе : Закон Респ. Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З; в ред. от 3 янв. 2013 г. № 15-З : с изм. и доп. от 6 янв. 2024 г. № 353-З. – Минск : Амалфея, 2020. – 67 с.

УДК 348.6:629

**ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****А. О. КУЛЕШОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. А. И. МИХАЙЛОВА)*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
Министерства образования Республики Беларусь*

В статье рассматриваются эколого-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности. Рассматривается содержание понятия «экологическая безопасность», влияние транспортной отрасли на загрязнение атмосферного воздуха и окружающей среды, особенно отмечается влияние автомобильного транспорта, оказывающего воздействие на состояние атмосферного воздуха.

В условиях постоянного увеличения использования различных видов транспорта, обеспечение экологической безопасности транспортной деятельности становится приоритетной задачей для науки экологического права. Транспорт играет значительную роль в загрязнении окружающей среды, особенно в отношении загрязнения атмосферного воздуха. Автомобильный транспорт является основной причиной 72% загрязнений атмосферного воздуха. С течением времени воздействие транспортной отрасли на окружающую среду продолжает увеличиваться, поскольку транспортные отношения развиваются и усложняются, а изменения такого рода должны быть адекватно отражены в действующем законодательстве.

В литературе понятие «безопасность» достаточно широко раскрывается. Так, в словаре В. Даля безопасность определена как «отсутствие опасности, сохранность, надежность; безопасный – не угрожающий, не способный причинить вреда, безвредный, надежный» [1]. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь безопасность – «состояние защищенности объектов и интересов от различных угроз как внутреннего, так и внешнего характера» [4]. Вопросы обеспечения экологической безопасности являются частью формирования национальной безопасности Республики Беларусь, что придает особую важность вопросам их правового регулирования и контроля со стороны государства.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 [4], отражает интересы в сфере обеспечения экологической безопасности. Одним из ключевых приоритетов этой Концепции является сосредоточение на экологически ориентированном социально-экономическом развитии, включая создание эффективного финансового механизма для решения экологических проблем. В настоящее время вопросы обеспечения экологической безопасности вызывают оживленные дискуссии. Этому способствует расширение промышленного производства и развитие экономики, которые создают антропогенное давление на экологическую систему.

Транспортная деятельность оказывает серьезное воздействие на состояние окружающей среды и ее отдельные компоненты. Основными проблемами, связанными с функционированием транспортного комплекса, являются загрязнение атмосферного воздуха, изменение природных ландшафтов, деградация почвы и разрушение экосистем.

Достаточно точное определение транспортной безопасности закреплено в модельном законе Союза Независимых Государств 9 «О безопасности на транспорте», принятом на двадцать девятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 31 октября 2007 г. № 29- [3]. Транспортная безопасность в указанном модельном законе определяется как системный и комплексный подход к уменьшению рисков, связанных с транспортной деятельностью, и охватывает все виды транспорта, включая пассажирские и грузовые перевозки. Ключевые аспекты обеспечения транспортной безопасности включают в себя использование современных технологий, стандартов и обучение персонала. Это подразумевает создание и эффективное функционирование системы управления безопасностью на всех уровнях: государственном, региональном и на уровне предприятий.

Системность, превентивность, комплексность, ответственность и международное сотрудничество – ключевые принципы транспортной безопасности, закрепленные в данном законе. Определение транспортной безопасности, содержащееся в модельном законе Союза Независимых Государств «О безопасности на транспорте», служит основой для усовершенствования нормативных актов, программ и процедур с целью повышения уровня безопасности в транспортной сфере, снижения вероятности аварий и обеспечения безопасности для пассажиров и персонала.

Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» рассматривает экологическую безопасность как состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья

граждан от негативного воздействия хозяйственной и других видов деятельности, а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [5]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что экологическая безопасность транспорта включает в себя меры для защиты окружающей среды, жизни и здоровья людей от негативного влияния транспортной деятельности. Хотя закон прямо не определяет требования экологической безопасности, относящиеся к транспорту, статья 44 устанавливает некоторые требования, касающиеся мобильных источников. Тем не менее, эти нормы не детализируют явно транспортные средства, поэтому возникает необходимость более четкой спецификации экологических требований, направленных на транспортную деятельность [2, с.122].

Обеспечение экологической безопасности в транспортной сфере – одна из важных задач современного общества. С увеличивающимся числом транспортных средств и особенностями их эксплуатации необходимо разрабатывать эффективные механизмы и стратегии их функционирования, чтобы минимизировать негативное воздействие транспорта на окружающую среду и здоровье людей.

Одним из ключевых аспектов обеспечения экологической безопасности в сфере транспорта является развитие и использование экологически чистых видов транспорта. В последние годы все больше внимания уделяется развитию электрических и гибридных транспортных средств, которые не загрязняют атмосферу вредными выбросами и характеризуются более низким уровнем шума по сравнению с традиционными автомобилями на внутреннем сгорании.

Кроме того, для обеспечения экологической безопасности транспорта важно поощрять использование общественного транспорта и альтернативных видов передвижения, таких как велосипеды и пешеходные прогулки. Это способствует снижению автомобильного трафика, выбросов вредных веществ, а также способствует здоровому образу жизни и благополучию граждан. Значительную роль в обеспечении экологической безопасности играет эффективность использования транспортных средств, чем более эффективно используется каждое транспортное средство, тем меньше потребуются ресурсы и энергии, что приводит к уменьшению выбросов и загрязнения окружающей среды.

Кроме того, государства и международные организации должны сотрудничать и разрабатывать совместные стратегии и политики для обеспечения экологической безопасности в транспортной сфере. Это может включать в себя установление экологических стандартов, поощрение использования чистых видов транспорта и введение налогов или пошлин на загрязняющие вещества.

Образование и просвещение общества по вопросам экологии и энергосбережения также являются важными аспектами обеспечения экологической безопасности в транспортной деятельности. Сознательность населения относительно влияния загрязнения окружающей среды на экосистемы поможет формировать ответственное отношение к экологическим вопросам и стимулировать принятие мер по снижению негативного воздействия транспорта на окружающую среду.

Для обеспечения экологической безопасности в транспортной сфере необходимо разрабатывать и внедрять комплексные программы по энергосбережению и устойчивому использованию ресурсов. Эти программы должны включать в себя меры по повышению энергоэффективности транспортных средств, уменьшению расстояний перевозок, сокращению потребления топлива и воды, а также внедрение умных систем управления транспортными потоками.

Помимо технических и технологических мер для обеспечения экологической безопасности транспорта также требуется активное развитие и принятие соответствующего законодательства. Это включает установление нормативов по ограничению выбросов и шумового загрязнения, а также создание инфраструктуры для поддержки использования экологически чистых видов транспорта, таких как электромобили, велосипеды.

Таким образом, обеспечение экологической безопасности в транспортной сфере требует всестороннего подхода и учета нескольких ключевых аспектов, таких как уменьшение выбросов вредных веществ, эффективное использование транспортных средств, продвижение альтернативных видов транспорта и улучшение общественного транспорта. Проведение вышеуказанных мероприятий и усилий в этой области способствует сохранению экологии и обеспечению экологической безопасности в транспортной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.
2. Кулешова, А. О. Понятие и общая характеристика экологической безопасности транспортной деятельности / А. О. Кулешова // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой / ред. кол.: Ю. Я. Романовский (пред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, 2023. – Вып. 47 (117): Юридические науки. – С. 122–123.
3. О безопасности на транспорте: Модельный Закон [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентск. Ассамблеи государств – участников СНГ, 31 окт. 2007г. №29-9 // Информ. бюл. Межпарламентск. Ассамблеи СНГ. – 2007. – № 29.

4. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорусского народного собрания, 25 апреля 2024г. №5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 27 декабря 2023 г. № 328-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 347.217

**ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА АККАУНТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА****А. А. МАЗАЛЬ***(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)*

В статье рассматривается вопрос о разделении аккаунта между супругами после прекращения брачных отношений. Работа основана на правовом анализе зарубежных стран. В работе выдвигаются предложения по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство Республики Беларусь.

С развитием информационных технологий, общество получило множество уникальных возможностей для заработка в сети Интернет. Самыми популярными платформами для введения блога в Республике Беларусь являются: Instagram, которым пользуются 33% опрошенных; 25,1% белорусов регулярно смотрят YouTube; 24,8% посещают «Одноклассники», 22,2% – «ВКонтакте». Востребованными являются TikTok (14,5%) и Facebook (6,2%), 0,7% респондентов читают Twitter [1]. Наиболее популярными направлениями в социальных сетях в последние годы являются фриланс и ведение блогов. Особенно с 2020 года наблюдается резкое увеличение интереса к ведению совместных блогов. Благодаря этой деятельности, множество людей сменили классическое место работы на осуществление блогерской деятельности. Развитие блогерства, в условиях отсутствия правового регулирования, выдвигает на первый план множество актуальных вопросов. Одна из таких проблем – раздел аккаунта, подписчиков и рекламных контрактов в социальных сетях при разводе между бывшими супругами.

При изучении правовой природы аккаунта в социальных сетях было выявлено, что в законодательстве Республики Беларусь отсутствует не только правовое регулирование аккаунта в социальных сетях, но также нет и базового понятия «аккаунт». Для решения данного вопроса мы обратились к научной литературе Российской Федерации. Е.Е. Кирсанова считает, что «аккаунт» – это (учетная запись) совокупность данных о пользователе, необходимых для его опознавания (аутентификации) и предоставления доступа к его личным данным и настройкам» [3]. А. Будков считает, что «аккаунт» – это цифровой идентификатор, позволяющий пользователям получить доступ к различным онлайн-ресурсам и сервисам [6]. В ходе анализа действующего законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации было установлено, что в нормативных актах отсутствует явное упоминание о правах на аккаунты в социальных сетях. Данный пробел в праве побудил нас обратиться к научным трактовкам термина «аккаунт». Мы пришли к выводу о целесообразности применения этих определений в нашем исследовании, так как они помогают более полно осветить суть понятия «аккаунт».

Анализ судебной практики Республики Беларусь демонстрирует, что в Республике Беларусь данные категории дел на рассматривались. Однако в Российской Федерации впервые возник спор, касающийся раздела Instagram-аккаунта, созданного в период брака. Согласно сообщениям СМИ, один из супругов в процессе совместной жизни завел Instagram-аккаунт, привлек значительное количество подписчиков и использует его для коммуникации, обеспечивающей устойчивый доход.

Ключевым аспектом спора является не просто раздел доходов, полученных от указанной деятельности в период брака, и не только авторские права на размещенные в аккаунте произведения, но, в первую очередь, вопрос о том, может ли Instagram-аккаунт рассматриваться как общее имущество супругов, подлежащее разделу. Позиция о юридическом статусе аккаунта напоминает ситуацию, когда один из супругов приобретает неделимую вещь, такую как рекламный светодиодный экран, в период брака.

Отличием в данной ситуации является то, что вместо физического объекта имеется дело с обязательственными правами. Каждый супруг в процессе брака вступает в пользовательское соглашение с оператором платформы Instagram, что создает право требовать от оператора товаров и услуг, связанных с аккаунтом, в том числе предоставление информации подписчикам в соответствии с условиями соглашения. Это право требования является имущественным правом и, согласно статье 161 Семейного кодекса Российской Федерации, относится к имуществу супругов.

Согласно Семейному кодексу РФ, имущественные права и обязанности супругов регулируются законодательством страны, где они совместно проживают. В случае пары, живущей в России, это означает применение российского законодательства. Таким образом, если аккаунт был создан в период брака, по общему правилу он считается общим имуществом супругов, вне зависимости от того, на чье имя он зарегистрирован (статья 34 Семейного кодекса РФ). Это предполагает, что любое из супругов или их кредиторов имеет право на раздел данного имущества, как по соглашению сторон, так и через суд (статья 38 Семейного кодекса РФ).

Тем не менее, учитывая специфику имущества, а именно права требования по пользовательскому соглашению, которое связано с одной конкретной учетной записью, следует признать, что раздел данного

имущества в натуре невозможен так же, как и раздел неделимой вещи (статья 252 Гражданского кодекса РФ). В этой связи, относительно права требования в рамках пользовательского соглашения, как общего имущества, обозначены два возможных сценария разрешения спора:

1. прекращение режима общего имущества с выплатой 1/2 стоимости такого имущества супругом, сохраняющим за собой имущественное право, другому супругу (очевидно, что в этом случае потребуется оценка такой стоимости);

2. сохранение режима общего имущества за обоими супругами (бывшими супругами), с определением применительно к статье 253 ГК РФ порядка осуществления ими прав пользователя по пользовательскому соглашению.

Таким образом, представляется, что в рамках отечественного законодательства нет препятствий для признания Instagram-аккаунта, созданного в период брака, а именно – прав требования пользователя к оператору информационной системы «Instagram», совместно нажитым имуществом. Несмотря на то что физический раздел аккаунта невозможен, его судьбу возможно определить по аналогии с правилами, действующими для неделимых вещей. Всё указанное видится применимым при условии, что Instagram-аккаунт служит средством систематического извлечения прибыли, но при этом относится к какому-то товару, работе или услуге, которые не связаны тесно с личностью пользователя учётной записи.

Если учётная запись в Instagram «инфлюенсерская», рекламирует личные услуги самого пользователя учётной записи, то ввиду тесной связи с его личностью права в отношении такой учётной записи к общему имуществу супругов отнести нельзя. В последнем случае можно вести речь только о разделе доходов, полученных от использования такой учётной записи в период брака.

Изучая вопрос далее, необходимо отметить, что в законодательстве Республики Беларусь, аккаунт в социальных сетях не упоминается в качестве объекта интеллектуальной собственности. В таком случае, мы предлагаем два варианта для более досконального изучения вопроса о разделе аккаунта в социальных сетях. Первое – отнести аккаунт к категории «иное имущество». Второе – аккаунт может быть признан результатом интеллектуальной деятельности. Не менее важным фактом является, что в Кодексе о браке и семье Республики Беларусь [4], результаты интеллектуальной собственности, не относятся к совместному имуществу, хотя при разводе блогеры имеют более 100000 тысяч подписчиков, что на сегодняшний день приносит большой доход. Эти и многие другие изменения могут войти в Гражданский Кодекс Республики Беларусь [2] и Кодекс о браке и семье [4] для разрешения споров, которые смогут регулировать не только семейные бытовые вопросы, а также и вопросы индивидуальных блогеров.

В Республике Беларусь вопрос о правовом статусе аккаунтов в социальных сетях и их разделе является новым направлением в правовой системе, которое с каждым днем приобретает все большую актуальность и востребованность. Для решения данной проблемы, исходя из анализа зарубежного законодательства, в частности законодательства Российской Федерации, можно выделить несколько основных аспектов, которые могут служить основой для дальнейших юридических исследований и практических применений в контексте преемственности и оценки последствий семейных отношений:

1. Составление брачного договора, в котором будут указаны условия, о передаче аккаунта в социальных сетях в случае расторжения брака, как будет разделяться доход от совместной деятельности, и другие основные принципы, которые помогут упростить задачу при прекращении брачных отношений;

2. Бывшие супруги, могут использовать аккаунт вместе, но каждый будет снимать свой контент, в отдельности друг от друга. Эта идея становится всё больше популярней в Европе, особенно это актуально, для блогов о «путешествии»;

3. Оставить право пользования аккаунта, за супругом, на чьё имя зарегистрирована страница в социальной сети.

Подводя итогу, можно отметить, что в Республике Беларусь нет правового регулирования данного вопроса, хотя сегодня, в информационном веке, правовое регулирование является необходимым для разрешения судебных споров. Также мы рассмотрели судебную практику Российской Федерации, на основе изученного предложили варианты для раздела аккаунта в социальных сетях. Первое, что необходимо закрепить на законодательном уровне – такие понятия как: блогер, блогерская деятельность, аккаунт, социальная сеть и т.д. Второе в полной мере разработать НПА, который будет представлять собой, документ, регулирующий всю блогерскую деятельность, включающая в себя базовые понятия и деятельность блогеров, раздел аккаунта после прекращения брачных отношений, а также ответственностью за нарушения, норм, которые будут закреплены в нормативно правовом акте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академия наук назвала самые популярные мессенджеры и социальные сети в Беларуси // Комсомольская правда. – URL: <https://www.belarus.kp.ru/online/news/5989200/> (дата обращения: 29.09.2024).

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апр. 2024 г. № 365-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.09.2024).
3. Кирсанова, Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав / Е. Е. Кирсанова // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 2. – С. 44–48.
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 дек. 2023 г. № 318-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.09.2024).
5. Семейный кодекс Российской Федерации: 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : одобр. Советом Федерации 23 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 31 июля 2023 г. № 403-ФЗ : с изм. и доп. вступ. в силу с 26 окт. 2023 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 29.09.2024).
6. Что такое аккаунт // Skyeng. – URL: <https://skyeng.ru/magazine/wiki/it-industriya/что-такое-аккаунт/> (дата обращения: 29.09.2024).

УДК 347.65/68

**НАСЛЕДОВАНИЕ АККАУНТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ****А. А. МАЗАЛЬ***(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)*

В статье рассматривается вопрос о наследовании аккаунта в социальных сетях после смерти автора аккаунта. Работа основана на анализе законодательства Германии и Франции.

В информационном мире, возросла популярность социальных сетей. Согласно статистике, А. Бегина в 2024 году более пяти миллиардов людей в мире пользуются социальными сетями. Это 63.7% населения Земли. Больше всего пользователей в зарубежных социальных сетях Facebook и Instagram. И если предположить, что люди спят от 7 до 8 часов в сутки, то около 14% своего времени, когда они бодрствуют, люди проводят в социальных сетях [9]. С ростом популярности социальных сетей, это способ не только коммуникации, а также и самореализация. Аккаунт с большой аудиторией – это способ получения дохода от рекламы. Но с развитием блогерства, в условиях отсутствия правового регулирования, выдвигает на первый план, множество актуальных вопросов. Правовое регулирование на данный момент в Республике Беларусь отсутствует, и одна из АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ – ЭТО наследование аккаунта в социальных сетях.

У каждой социальной сети на случай смерти владельца аккаунта – свои правила. Так, Google предоставил пользователем возможность заранее распорядиться своими аккаунтами. Страницку можно заблокировать, передать по наследству и указать степень доступа к профилю и сообщениям [4]. ВКонтакте и Facebook информируют, что наследники не будут иметь возможности редактировать профиль покойного, читать переписки и оставлять записи от имени умершего [11]. У сети ВКонтакте существует два варианта: либо удалить страничку покойного, либо оставить ее как память с меткой «Страница умершего человека. Что касается Instagram и Twitter, то они не дают доступ к профилю умершего пользователя, запрещая выдавать себя за других лиц [9]. Поэтому наследники вправе лишь потребовать удалить страничку родственника, которого больше нет в живых». Instagram [12] готов установить на страничке статус умершего человека, получив доказательства его смерти от любых лиц. У тех, кто просит удалить страницу, запросят подтверждение родства с покойным [8].

Первым государством в Европе, предложившей передавать аккаунт после смерти его владельца, стала Франция, принявшая закон № 2016–1321 от 07 октября 2016 года «О цифровой республике» [7]. Закон разрабатывался и принимался с целью создания нормативной основы для цифровой трансформации французской экономики и урегулирования широкого спектра отношений, возникающих в виртуальном пространстве. В числе прочего, данный нормативный акт вносит поправки в закон № 78-17 от 06 января 1978 года «Об информации» [5]. Французский законодатель не дает точного и цельного определения цифровых активов, раскрывая их правовую природу через совокупность личных неимущественных благ, хранящихся на серверах провайдеров в виде персональных данных. В соответствии с новой редакцией закона № 78-17, каждый пользователь имеет право оставлять имеющие приоритет над положениями пользовательских соглашений директивы, содержащие распоряжения о посмертной судьбе цифровых активов. В директиве пользователь может распорядиться, чтобы после его смерти провайдер сохранил, удалил или раскрыл, хранящиеся на серверах, персональные данные. Директивы могут касаться всех персональных данных на всех платформах, где пользователь имел учетную запись (общие директивы), так и содержать отдельные распоряжения применительно к каждому провайдеру (специальные директивы). Общие директивы подлежат регистрации у доверенной третьей стороны, сертифицируемой Национальной комиссией по информатике и свободам, и вносятся в специальный реестр. Специальные директивы не требуют участия доверенной третьей стороны и регистрируются непосредственно у провайдера. Пользователь может назначить исполнителя своих распоряжений, который вправе знакомиться с текстом директив и требовать от поставщиков услуг выполнить содержащиеся в них предписания. В случае, если исполнитель не был назначен, то его функции вправе осуществлять наследники пользователя. Если же пользователь умер, не оставив никаких распоряжений на случай своей смерти, то его наследники могут получить доступ к его персональным данным в пределах необходимых для вступления в наследство и управления наследственным имуществом. В этих целях, наследники могут получать доступ к персональным данным, содержащим информацию, необходимую, для вступления в наследство, определения долей в наследуемом имуществе и последующим использованием, и распоряжением имуществом. Также, они могут получать информацию о хранящихся в учетной записи и передаваемых в порядке наследования «цифровых товаров» (например, объектов интеллектуальной собственности) или данных, имеющих семейную ценность для наследников. В целях защиты персональных данных умершего родственника, они вправе обратиться к поставщику услуг с требованием удалить имеющиеся у него учетные записи и запретить дальнейшую обработку персональных

данных. Получив запрос от исполнителя директивы или от наследников умершего пользователя, поставщик услуг обязан бесплатно выполнить соответствующие распоряжения

Изучив пользовательское соглашение Германии, можно выделить, то что до 2012 в соглашении была запрещена передача логина и паролей от социальных, включая близких родственников. Так как это является вторжением в частную жизнь. Но в 2018 году, были сделаны серьезные изменения в законодательстве Германии, на уровне Верховного суда была принята позиция «О цифровом наследстве», рассматривалось в нескольких инстанциях и дошло до ФВС, который постановил, что права и обязанности по пользовательскому аккаунту в социальной сети переходят наследникам пользователя [2]. Эти изменения были связаны в итоге иска, который подала гражданка Германии, для выяснения дела о гибели её дочери.

В суд Германии был подан иск родителей 15-летней девочки, которая погибла под поездом метро. Они пытались получить доступ к ее аккаунту в социальной сети Facebook, чтобы выяснить был ли это несчастный случай или суицид. Ее аккаунт, однако, уже был переведен в цифровой мемориал – в таком случае даже после успешного логина получить доступ к личным данным и переписке становится невозможным. Верховный суд Германии постановил, что право на учетную запись может наследоваться, и обязал Facebook предоставить родителям доступ к цифровым данным покойной дочери. Правда по решению суда, по наследству переходят не только права, но и обязанности – соответственно в случае, например, задолженности за онлайн-подписку, доверенному лицу придется ее оплатить [1].

Для решения вопроса в 2018 году в Германии были проведены изменения и в наследственном праве. Впервые на законодательном уровне, были разработаны и предложены способы, как передать аккаунт в социальных сетях, на законных основаниях есть три варианта. Во-первых, можно самому назначить доверенное лицо и составить полный список своих аккаунтов с паролями и текущими платежными обязательствами, который будет необходимо регулярно актуализировать [3]. Кроме того, можно оформить для выбранного лица специальную доверенность, а также отдельным пунктом указать, как именно следует поступить с тем или иным аккаунтом (например, следует ли удалить все фотографии и сам аккаунт или же оставить его в мемориальном состоянии). Помимо этого, можно также подробно прописать, что следует сделать с оставшимися гаджетами и хранящимися там личными данными [5].

При желании можно также составить и настоящее завещание – правда для этого придется отправиться к адвокату или нотариусу. Все это в Германии возможно сделать самостоятельно или обратиться в специальную компанию, которая занимается вопросами цифрового наследства – такие уже появились.

С 12 июля 2018 года по решению Федерального Верховного суда Германии (BVG) наследственное право распространяется и на учетные записи в различных онлайн-службах, будь то социальная сеть, почтовый ящик или подписка на Netflix [3].

Таким образом, можно отметить, что Германия – одно из немногих государств, которое предусматривает передачу аккаунта в социальных сетях после смерти собственника. По нашему мнению, данное государство раскрывает и показывает, что передача аккаунта после смерти собственника возможна, в некоторых случаях даже необходима, для обеспечения безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Den digitala arvsrätten – när avlidna personer lever vidare / Lundin, Emma [et al.] // Stockholm: Stockholms universitet. – 2024. – Vol. 10, № 2. – P. 32–34.
2. Digitalisierung und Recht / Djeffal, Kristian, Christian Ernst, Daniel Mattig, Peter Schaar, Theresa Witt [et al.] // Hamburg: Bucerius Law School Press. – 2024. – Vol. 2, № 31. – P. 1–124.
3. Vem ärver din digitala närvaro när du dör? / Rydgren, Denis [et al.] // Lavendla. – 2024. – Vol. 20, № 2. – P. 1–2.
4. Виртуальное наследство: можно ли наследовать аккаунт в соцсетях // Хабр. – URL: <https://habr.com/ru/amp/publications/589739/> (дата обращения: 29.09.2024).
5. Защита персональных данных в отдельных странах ЕС: анализ отличий национального законодательства от GDPR // Хабр. – URL: <https://habr.com/ru/amp/publications/680484/> (дата обращения: 29.09.2024).
6. Лазаренкова, О. Г. К вопросу о цифровых правах, а также цифровой учетной записи в наследственных правоотношениях / О. Г. Лазаренкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Наследственное право. – 2024. – № 3. – С. 24–27.
7. О цифровой республике : Закон Франции от 7 октября 2016 г. № 2016-1321; в ред. от 9 октября 2016 г. № 2016-132 // Wipo : Всемирная организация интеллектуальной собственности (дата обращения: 29.09.2024).
8. Орешко, В. Соцсеть «ВКонтакте» начала пометать страницы умерших пользователей / В. Орешко // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/sotsset-vkontakte-nachala-pomechat-stranitsy-umershih-polzovateley.html?amp=1> – Дата публ.: 26.11.2020.
9. Пользовательское соглашение Твиттера // Twitter. – URL: https://cdn.cms-twdigitalassets.com/content/dam/legal-twitter/site-assets/terms-of-service-june-10-2022/Twitter_User_Agreement_RU.pdf (дата обращения: 19.09.2024).
10. Статистика интернета и соцсетей на 2024 год – цифры и тренды в мире и в России // WebCanape. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 29.09.2024).
11. Страница умершего человека // ВКонтакте. – URL: https://vk.com/wall-32295218_498851 (дата обращения: 29.09.2024).
12. Условия использования // Instagram. – URL: https://help.instagram.com/581066165581870/?locale=ru_RU (дата обращения: 19.09.2024).

УДК 349.2:796.071

**СУБЪЕКТЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА
И ИХ ОБЯЗАННОСТИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА****Н. А. МИРОНОВИЧ***(Представлено: Е. Н. ОСТРОУХОВА)*

Статья посвящена анализу деятельности субъектов трудовых отношений в области профессионального спорта. В процессе исследования автор выявляются закреплённые в законодательстве права и обязанности каждого из субъектов трудовых отношений в сфере профессионального спорта. В заключении автор делает выводы о степени урегулированности прав и обязанностей каждого субъекта трудовых отношений в сфере профессионального спорта.

Как показывает мировая практика, в трудовых отношениях в области профессионального спорта на сегодняшний день присутствует достаточное количество пробелов и нерешенных вопросов. Однако, в Республике Беларусь вопрос о регулировании трудовых отношений в области профессионального спорта можно считать вполне решённым. Так, нынешняя редакция Трудового кодекса Республики Беларусь имеет главу 26¹, посвящённую особенностям регулирования труда работников, осуществляющих деятельность в сфере профессионального спорта [1]. Рассмотрение субъектного состава трудовых отношений в области профессионального спорта видится важным этапом в установлении особенностей данного вида трудовых отношений.

Первой стороной, правовую позицию которой необходимо рассматривать как ключевую, является наниматель. Права и обязанности нанимателя в сфере заключения трудового договора в области профессионального спорта регламентируются статьёй 314¹ Кодекса. Стоит отметить, что сторону нанимателя зачастую представляют спортивные организации и команды, которые являются юридическими лицами. Наниматель обязан: обеспечить проведение спортивных мероприятий и участие спортсмена в спортивных соревнованиях под руководством тренера (тренеров), а так же, знакомить спортсмена под роспись как при приёме на работу, так и в период действия трудового договора с условиями договоров нанимателя с организациями, оказывающими финансовую помощь, рекламодателями, организаторами спортивных мероприятий в части, непосредственно связанной с трудовой деятельностью спортсмена. При заключении трудового договора, наниматель возлагает на себя не только функции организатора спортивных выступлений для спортсмена, но и функции сопряжённые с контролем исполнения спортсменом ранее установленных коммерческих соглашений с различными организациями. Установление данных обязанностей для нанимателя существенно упрощает трудовую деятельность спортсмена, наделяя его возможностью соблюдения всех необходимых соглашений без причинения вреда спортивным мероприятиям, которые спортсмен проходит для подготовки к выступлениям на спортивных соревнованиях.

Спортсмен является наиболее востребованным субъектом данных правоотношений, так как зачастую именно это лицо является ключевым субъектом рассматриваемого трудового договора. Вместе с тем, на данного субъекта возлагаются определённые обязанности, соблюдение и исполнение которых видится необходимым для исполнения трудового договора. Так, обязанности спортсмена включают в себя: соблюдение спортивного режима, выполнение планов подготовки к спортивным соревнованиям, принятие участия в спортивных соревнованиях только по указанию нанимателя, соблюдение правил спортивных соревнований по виду спорта и положения о проведении (регламенты проведения) спортивных соревнований, в которых они принимают участие, соблюдение требований Антидопинговых правил Республики Беларусь, прохождение в установленном законодательством порядке медицинские осмотры, информирование нанимателя о состоянии своего здоровья и незамедлительно уведомлять его о заболеваниях, в том числе травмах, и ином ухудшении состояния здоровья, поддержание репутацию нанимателя во время публичных выступлений в средствах массовой информации [6]. Установление столь широкого круга обязанностей свидетельствует о сложности профессиональной спортивной деятельности. Так, на спортсмена возлагаются обязанности не только в отношении спортивных мероприятий, но и обязанности по осуществлению поддержания репутации нанимателя во время публичных выступлений в средствах массовой информации, что несомненно усложняет исполнение обязанностей данным субъектом.

Тренер, в свою очередь, является вторым наиболее востребованным субъектом трудовых отношений в области профессионального спорта. Согласно Закону Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 125-З «О физической культуре и спорте», тренер – это физическое лицо, имеющее образование в сфере физической культуры и спорта или получившее допуск к занятию педагогической деятельностью в сфере физической культуры и спорта, осуществляющее физическое воспитание спортсменов в процессе их спортивной подготовки, иных физических лиц в процессе проведения физкультурно-оздоровительной, спортивно-массовой работы, проведение иных мероприятий, необходимых для спортивной подготовки, а также

руководство тренировочной и (или) соревновательной работой спортсменов (команд спортсменов) [2]. Его деятельность, как и деятельность спортсменов, направлена на достижение спортивных результатов, однако данный субъект несёт иные обязанности в контексте трудовых отношений: соблюдение требования Антидопинговых правил Республики Беларусь, соблюдение правил спортивных соревнований по виду спорта и положения о проведении (регламенты проведения) спортивных соревнований, в которых они принимают участие, поддержание репутации нанимателя во время публичных выступлений в средствах массовой информации [1]. Данные обязанности подчеркивают специфику деятельности субъекта трудовых отношений, она заключается в том, что тренер, в отличие от спортсмена, не выступает на спортивных соревнованиях и не достигает спортивных достижений лично. Его задачей является подготовка и развитие спортсмена для достижений результатов на спортивных мероприятиях. Этот факт в значительной степени объясняет разницу между обязанностями спортсмена и тренера.

Важно подчеркнуть, что обязанности и тренера и спортсмена могут быть схожими. Такую возможность регламентирует пункт 4 статьи 314² Трудового Кодекса Республики Беларусь, которая гласит, что в трудовом договоре по соглашению сторон для спортсмена и тренера могут предусматриваться дополнительные условия об: обязанности спортсмена достичь определённых спортивных результатов, обязанности тренера обеспечить достижение спортсменом (командой спортсменов) определённых спортивных результатов, обязанности использовать в рабочее время спортивную экипировку, спортивное оборудование и инвентарь, предоставленные нанимателем, согласия спортсмена, тренера на передачу нанимателем копии их трудового договора в федерации (союзы, ассоциации) по виду (видам) спорта, включённые в реестр федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта, выплате денежной компенсации нанимателю при расторжении трудового договора в определённых случаях [1]. Установление дополнительных и смежных обязанностей видится логичным с той точки зрения, что тренер и спортсмен связаны не только трудовыми отношениями с определённой спортивной организацией, а тренировочным процессом, достижением результата, представлением своего нанимателя в средствах массовой информации и много другом.

Правовое разграничение обязанностей спортсмена и тренера видится логичным и обоснованным решением. Однако, существуют редкие случаи, например, в сфере футбола, когда обязанности двух данных субъектов несёт одно физическое лицо. Так, в общемировой практике не является редкостью понятие «играющий тренер». Данное понятие определяет возможность тренера быть игроком. А вопрос о том, несёт ли данный представитель спортивной организации все обязанности присущие и тренеру и спортсмену остаётся не решённым. Наиболее верным видится наделение данного субъекта только правами тренера, так как данный субъект, в первую очередь, осуществляет обязанности тренера, а уже в иных, исключительных случаях, осуществляет права спортсмена.

Наиболее сложным, с точки зрения правового регулирования, явлением с спортивной сфере является случай, когда между спортсменом и спортивной организацией нет заключённого трудового договора, а обязанности уже возникают. Наиболее явным проявлением таких обстоятельств является момент, когда спортсмен проходит пробный тренировочный процесс в спортивной организации для установления своего спортивного уровня и физических параметров, которые способствуют заключению трудового договора. Однако, нередки случаи, когда спортсмены получают серьёзные травмы и повреждения, которые ограничивают их выступления на различных спортивных соревнованиях и мероприятиях. В таких случаях, возникает вопрос о возможной ответственности спортивных организаций.

Ещё одним субъектом договорных отношений в области профессионального спорта можно выделить агента. Правового закрепления в Трудовом кодексе данный субъект не сыскал, однако его значимость нельзя недооценивать. Агент представляет собой лицо, представляющее интересы профессионального спортсмена. Наиболее широко данный субъект известен в сфере футбола. Главной задачей агента является защита интересов профессионального спортсмена и установление коммуникации между спортсменом и нанимателем (спортивной организацией). Агент, как представитель интересов спортсмена, является довольно новым явлением. Лишь в начале нашего века общественность узнала о том, что спортсмены вольны обратиться к помощи третьего лица. Ввиду того, что данный субъект был новым явлением в сфере профессионального спорта, он не имел понятных и осязаемых границ деятельности, и мог помимо пользы, приносить вред профессиональной карьере спортсмена. В наше время, например, правовое положение агента является урегулированным и понятным. К примеру, агент должен осуществлять свою деятельность на основе лицензии, которую выдают определённые федерации по различным видам спорта. Так же необходимо учитывать, что у каждого государства может быть свой порядок допуска агента к деятельности. На примере профессионального футбола, мы можем наблюдать деятельность по урегулированию правового положения агента Международной федерацией футбольных организаций. В Республике Беларусь данным вопросом занимается Ассоциация «Белорусская федерация футбола», определила целый регламент касающийся деятельности футбольных агентов [3]. Данный регламент содержит в себе определение статуса агентов, правила касающиеся избежания конфликта интересов между агентом и спортсменом, положения о лицензировании в Республике Беларусь, процедуру экзамена агентов, регистрация спортивных договоров, а так же, положения о вознаграждении агентов. Наиболее важным видится положение о вознаграждении агентов,

так как зачастую агенты включают пункты о личном вознаграждении непосредственно в трудовом договоре между спортсменом и спортивной организацией. В таких ситуациях важно следить за правильностью заключения трудового договора, и недопущением включения сомнительных положений в текст договора.

В заключение, необходимо отметить, что наниматель, спортсмен, тренер и агент являются членами субъектного состава трудовых отношений в сфере спорта. Осуществление деятельности каждого субъекта формирует устойчивые трудовые отношения между ними. Однако, не смотря на значительное урегулирование прав и обязанностей большинства субъектов, агент остаётся «загадкой» для нашего законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. №296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одоб. Советом Республики 30 июня 1999г. в ред. Закона Республики Беларусь от 3 апреля 2024 г. №363-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296&q_id=8500 – Дата доступа: 10.10.2024.
2. О физической культуре и спорте: Закон Республики Беларусь от 4 янв. 2014 г. №124-З, в ред. от 19 июля 2022 г. № 200-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h11400125&q_id=397478 – Дата доступа: 10.10.2024.
3. Регламент АБФФ по работе с агентами игроков (посредниками) [Электронный ресурс]: принят 29.07.2023 г., вступ. в силу 01.10. 2023 г. / Ассоц. Бел. Фед. Фут. – Минск : 2023. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u01601088&q_id=1046641 – Дата доступа: 10.10.2024.

УДК 349.2:796.071

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА
В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА****Н. А. МИРОНОВИЧ****(Представлено: Е. Н. ОСТРОУХОВА)**

Статья посвящена анализу теоретических аспектов и особенностей трудовых отношений в области профессионального спорта. В процессе исследования автором выявляются закреплённые в законодательстве и литературе особенности трудовых отношений в сфере профессионального спорта. В заключении автор делает выводы о степени урегулированности особенностей трудовых отношений в сфере профессионального спорта.

Развитие физической культуры и спорта немыслимо без основополагающей роли права, которое является важнейшим инструментом регулирования отношений, складывающихся в данной сфере. Оно формирует и совершенствует эти отношения. Система норм, регулирующих спортивные и сопряжённые с ними отношения, то есть спортивное право – это новейшее направление юриспруденции, охватывающее общественные отношения, возникающие в сфере физической культуры и спорта. Одной из актуальных проблем современного спорта является проблема регулирования трудовых отношений в данной сфере.

На сегодняшний день, профессиональный спорт является важным элементом социальной, экономической и политической формации каждого государства. Важность данного явления подчеркивается не только всеобщей вовлечённостью граждан в спортивные события, но и политика государства, которая направлена на создание здоровой и спортивной нации. С позиции гуманизма наивысшей ценностью при этом признаётся сам человек, его счастье, здоровье, свобода и достоинство, разностороннее и гармоничное развитие, проявление всех его способностей. Так же, важность спорта в контексте развития физического и морального состояния граждан неоспорима, однако, в таком случае не следует забывать о том, что спорт является инструментом образования граждан, средством массового развлечения и досуга, а также несёт серьёзную экономическую составляющую. В 2012 году, Верховный комиссар Организации Объединённых наций по правам человека Нави Пиллэй заявила, что «спорт является инструментом для образования, развития и мира, сотрудничества, солидарности, терпимости, понимания, социальной интеграции и здравоохранения на местном, национальном и международном уровнях». 25 сентября 2015 года была принята резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций №70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в соответствии сданной резолюцией Президент Республики Беларусь издал Указ от 25 мая 2017г. №181 «О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития» [1], которая содержит в себе отдельные положения о развитии спорта. Принятие данной резолюции говорит о важности спорта в обществе каждого государства. Так же, Нави Пиллэй права в своём заявлении, ведь, существует большое количество положительных примеров интеграции спорта в жизни граждан разных государств. Наиболее показательным следует отметить влияние чемпионата мира по хоккею с шайбой, который прошёл в Республике Беларусь в период с 9 мая 2014 года по 25 мая 2014 года. Именно фактор проведения чемпионата мира в Республике Беларусь повлёк за собой всеобщий интерес граждан относительно успехов сборной команды Республики Беларусь по хоккею, а также вдохновил на занятия спортом множество взрослых и детей.

Понятие трудового договора в области профессионального спорта является ключевым фактором возникновения профессионального уровня в спорте [2]. Первым профессиональным спортсменом, который подписал трудовой договор со спортивной организацией следует считать Арчибальда Лоулера. Так, в 1870 году Лоулер будучи знаменитым игроком в крикет заключил официальный трудовой договор со спортивным клубом «Ноттс Каунти». Этот договор был первым в своем роде и в значительной степени определил принципы и условия трудовых отношений спортсменов и спортивных клубов. Проблематика заключения трудового договора между спортсменом и спортивным клубом заключалась в том, что в те времена не было установленного понятия «спортсмен». В XIX веке люди, занимавшиеся спортом на высоком уровне ничем не отличались от тех людей, которые занимались спортом в целях личного физического развития.

В наше время, существует установленный регламент разделения понятия «спортсмен» и «спортсмен высокого класса». Так, в статье 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. №124-3 «О физической культуре и спорте» (далее – Закон) закреплено, что спортсмен – это физическое лицо, проходящее спортивную подготовку по избранному виду спорта, в то время как спортсмен высокого класса – это спортсмен, имеющий спортивное звание и выступающий на спортивных соревнованиях в целях достижения высоких спортивных результатов [3]. Именно разграничение спортсменов по целевому назначению их спортивной деятельности помогает установить их спортивный уровень, а так же, определить способность заключения

трудового договора со спортивной организацией, либо со спортивным клубом. Важно отметить, в науке широко используется термин «спортсмен-профессионал» в отношении лица, которое связано трудовыми отношениями со спортивной организацией.

Статья 41 Конституции Республики Беларусь гласит, что гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда [4]. Гарантия права на труд полностью соответствует положениям статьи 23 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и означает, что только самим гражданам принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду [5]. Осуществить это право работник может в рамках юридически оформленных трудовых отношений между работником и работодателем. Важно отметить, что гарантия права на труд является важнейшим компонентом возникновения трудового договора в области профессионального спорта.

Особенно важны закреплённые в трудовом договоре права и обязанности спортсмена-профессионала, которые досконально и с особым вниманием оговариваются каждой из сторон. В данном случае видится логичным разграничение между теми спортсменами-профессионалами, которые занимаются коллективными (командными) видами спорта и теми спортсменами-профессионалами, которые занимаются индивидуальными видами спорта. Данное разграничение способствует тому, что для тех спортсменов-профессионалов, которые представляют командные виды спорта присущ диспозитивный характер трудовых отношений, в то время как представители индивидуальных видов спорта зачастую сталкиваются с императивными чертами трудовых отношений.

В контексте рассмотрения трудового договора в области профессионального спорта особое внимание необходимо обратить на некоторые его особенности. Статья 314⁴ Трудового Кодекса Республики Беларусь предусматривает возможность временного перевода спортсмена к другому нанимателю [6]. Временный перевод к другому нанимателю для спортсмена может послужить отличным решением в контексте развития профессиональной спортивной карьеры. Связано это с тем, что не каждый спортсмен имеет возможность принимать участие в спортивных мероприятиях ввиду высокой конкуренции внутри спортивной организации. В таких случаях наниматель вправе предоставить для спортсмена возможность проявить свои профессиональные навыки в процессе выступления на спортивных мероприятиях в иной спортивной организации. Важно подчеркнуть, что при временном переводе к другому нанимателю для продолжения занятия профессиональным спортом, течение срока действия срочного трудового договора со спортсменом, тренером, заключённого у прежнего нанимателя, приостанавливается. Приостановление действующего трудового договора выглядит логичным с той точки зрения, что спортсмен исполняет свои трудовые обязанности в пользу другого нанимателя, а не того, с кем заключил трудовой договор. Однако, в контексте выступлений спортсмена на спортивных соревнованиях у другого нанимателя, важно отметить, что в период временного перевода наниматель по месту временной работы заключает со спортсменом, тренером срочный трудовой договор в соответствии с трудовым законодательством. Срочность данного договора можно объяснить тем, что по его окончании спортсмен обязан вернуться к постоянному нанимателю и продолжить спортивные выступления на спортивных мероприятиях по действующему трудовому договору. Однако, зачастую, в командных видах спорта спортсмены могут несколько раз подряд использовать временный перевод к другому нанимателю ввиду отсутствия возможности участвовать в спортивных мероприятиях из-за высокой спортивной конкуренции.

Не менее интересной особенностью является отстранение от участия в спортивных соревнованиях спортсменов. Статья 314⁵ Трудового кодекса гласит, что наниматель обязан отстранить спортсмена, тренера от участия в спортивных соревнованиях на период проведения разбирательства об их спортивной дисквалификации в случае проведения такого разбирательства, а спортсмена, тренера, подвергнутых в соответствии с законодательством спортивной дисквалификации, за исключением спортивной дисквалификации за допинг в спорте, – на период их спортивной дисквалификации [6]. Важно отметить, что в период отстранения спортсмена, тренера от участия в спортивных соревнованиях наниматель обеспечивает их участие в учебно-тренировочных занятиях, учебно-тренировочных сборах, восстановительных, профилактических, оздоровительных мероприятиях, тестировании, инструкторской и судейской практике и выплачивает заработную плату. Обязанность нанимателя связанная с обеспечением тренировочного процесса спортсмена, в тот момент, когда последний не имеет возможности принимать участия в спортивных соревнованиях, имеет важное значение. Оно заключается в том, что спортсмен, на протяжении всего периода дисквалификации должен сохранять физическую форму для последующей трудовой деятельности, ведь, дисквалификации являются срочным явлением, и после прохождения определённого дисквалификацией промежутка времени – спортсмен имеет право продолжить спортивные выступления на соревнованиях.

Важной особенностью, оказывающей влияние на трудовую деятельность спортсмена и тренера, является работа по совместительству, определённая статьёй 314⁷ Трудового кодекса. Спортсмен, тренер

имеют право работать по совместительству у другого нанимателя только с разрешения нанимателя по основному месту работы. А в период временного перевода спортсмена, тренера к другому нанимателю разрешение на работу по совместительству необходимо получить как у нанимателя по месту временной работы, так и у нанимателя, с которым первоначально заключён срочный трудовой договор [6]. Для тренера данная возможность является важной составляющей трудовой деятельности. Примером этого могут послужить те тренеры, которые осуществляли трудовую деятельность в командных видах спорта и одновременно осуществляли трудовую деятельность в профессиональных спортивных клубах и Национальной сборной Республики Беларусь. Данное положение не следует считать относительно новым явлением, ведь совмещение трудовой деятельности для тренеров характерно уже более века.

Относительно новым правовым явлением выглядит регулирование труда женщин-спортсменок. В большинстве стран мира данный институт не сыскал правового закрепления, однако статья 314⁸ Трудового Кодекса Республики Беларусь предусматривает некоторые особенности регулирования труда женщин в сфере профессионального спорта. Так, во время участия в спортивных мероприятиях женщин-спортсменок допускается превышение ими предельных норм подъёма и перемещения женщинами тяжестей вручную, если это необходимо согласно плану подготовки к спортивным соревнованиям и применяемые нагрузки не запрещены им по состоянию здоровья в соответствии с заключением врачебно-консультационной комиссии [6]. Важно отметить тот факт, что правовое положение женщин-спортсменок ничем не отличается от правового положения мужчин-спортсменок. Законодатель лишь предупреждает возможное получение травм женщинами-спортсменками ввиду чрезмерных физических нагрузок. Важным является тот факт, что первым условием, подъёма и перемещения тяжестей женщинами вручную, является подготовка к спортивным соревнованиям. Дело в том, что данный этап тренировочного процесса является ключевым в процессе подготовки спортсмена к соревнованиям, он позволяет спортсмену выйти на качественно новый уровень спортивных выступлений, достижения новых рекордов [7]. Однако, недостаточно одного лишь факта подготовки к спортивным мероприятиям, важно учитывать состояние здоровья спортсмена. Зачастую состояние здоровья спортсмена часто устанавливается и досконально изучается медицинскими штабами профессиональных спортивных организаций, и уже после этого они делают вывод о возможности или невозможности допуска спортсмена к соревнованиям.

Трудовой договор в области профессионального спорта, как было упомянуто ранее, имеет свой срок. Если рассматривать наиболее частые случаи, то получится, что истечению срока трудового договора все правовые отношения между спортсменом и нанимателем заканчиваются. Конечно, существуют ситуации, когда наниматель предлагает спортсмену заключить новый трудовой договор, тем самым сохранив данные трудовые отношения. Однако, на практике бывают совершенно противоположные ситуации, когда спортсмен изъявляет желание прекратить трудовые отношения с нанимателем раньше установленного срока. В Республике Беларусь регламент расторжения трудового договора работников, осуществляющих деятельность в сфере профессионального спорта определён статьей 314¹² Трудового кодекса Республики Беларусь. Так, в трудовом договоре со спортсменом, тренером может быть предусмотрено условие об обязанности спортсмена, тренера произвести выплату денежной компенсации нанимателю в случае расторжения трудового договора по следующим основаниям: 1. Причиной расторжения трудового договора является спортивная дисквалификация спортсмена на срок шесть и более месяцев; 2. Причиной для расторжения договора является неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей работником, имеющим неснятое дисциплинарное взыскание, либо, в случае однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей, признаваемого таковым в соответствии с законодательными актами, в том числе: прогула (в том числе отсутствия на работе более трех часов в течение рабочего дня) без уважительных причин; отсутствия на работе в связи с отбыванием административного взыскания в виде административного ареста, препятствующего исполнению трудовых обязанностей; появления на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, а также распития спиртных напитков, употребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических веществ в рабочее время или по месту работы; совершения по месту работы хищения имущества нанимателя, установленного вступившим в законную силу приговором суда или постановлением органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания; нарушения производственно-технологической, исполнительской или трудовой дисциплины, повлекшего причинение организации ущерба в размере, превышающем три начисленные среднемесячные заработные платы работников Республики Беларусь; принуждения работников к участию в забастовке, создания другим работникам препятствий для выполнения их трудовых обязанностей, призыва работников к прекращению выполнения трудовых обязанностей без уважительных причин; участия работника в незаконной забастовке, а также при иных формах отказа работника от выполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) без уважительных причин; нарушения требований по охране труда, повлекшего увечье или смерть других работников. Важно отметить, что такие же условия являются основаниями для расторжения трудового договора и в отношении тренера [6]. В случае расторжения трудового договора предусмотрена денежная компенсация. Её размер и порядок должен быть определён трудовым договором.

Необходимо отметить, что расторжение трудового договора может произойти не только по причине нарушений определённых положений трудового договора или трудового законодательства Республики Беларусь. Зачастую расторжение трудового договора является результатом договорённости между нанимателем и спортсменом. В таком случае стороны не имеют друг к другу существенных претензий, речь о денежной компенсации так же не ведётся. Добровольное расторжение трудового договора может быть обусловлено многими причинами, однако наиболее явной видится ситуация, при которой спортсмен не получает достаточного количества возможностей для проявления своих навыков на спортивных соревнованиях, а наниматель не видит в спортсмене конкурентоспособного работника. В таком случае, стороны могут прийти к соглашению о расторжении трудового договора для развития профессиональной карьеры спортсмена уже у другого нанимателя.

В целом, особенности трудового договора в области профессионального спорта полностью отображены в действующем законодательстве. Урегулированность данных особенностей необходимо считать благом, ведь защита прав спортсменов и тренеров в сфере труда важна для развития профессионального спорта в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития: Указ Президента Республики Беларусь, 25 мая 2017 г., №181 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=p31700181&q_id=1046706 – Дата доступа: 10.10.2024.
2. Вавилкин, Д.С. Особенности трудового договора профессионального спортсмена / Д. С. Вавилкин, А. А. Тищян. – Ростов: Ростов. Юридич. Институт МВД России. – 2017 г.
3. О физической культуре и спорте: Закон Республики Беларусь от 4 янв. 2014 г. №124-З, в ред. от 19 июля 2022 г. № 200-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h11400125&q_id=397478 – Дата доступа: 10.10.2024.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 2 февраля 2022 г.). // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875&q_id=931656 – Дата доступа: 10.10.2024.
5. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 дек. 1948 г.] // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=i04800004&q_id=1046687 – Дата доступа: 10.10.2024.
6. Трудовой Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. №296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одоб. Советом Республики 30 июня 1999г. в ред. Закона Республики Беларусь от 3 апреля 2024 г. №363-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296&q_id=8500 – Дата доступа: 10.10.2024.
7. Даев, А.Н. Долгий спор о женском спорте / А.Н. Даев, Л.О. Терновая // Этносоциум и межнациональная культура – №11 (185) – 2023 г. – С. 66.

УДК 343.3/ .7

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА**Е. П. НАХИМОВА***(Представлено: К. Ю. МЕЛЬНОВА)*

Автором отмечается актуальность проблемы производственного травматизма, несмотря на тенденцию снижения случаев гибели потерпевших на производстве. В связи с важностью охраны конституционного права на здоровье и безопасные условия труда, автором рассматриваются вопросы уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда, особое внимание уделяется характеристике объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 306 УК.

В современном обществе вопросы охраны труда и обеспечения безопасности на производстве приобретают все большее значение. Государство принимает все необходимые меры для реализации конституционных положений ч. 1 ст. 41 Конституции Республики Беларусь в части создания безопасных условий труда. На реализацию указанного права и регулирование общественных отношений в области охраны труда направлены и нормы Закона Республики Беларусь «Об охране труда» от 23 июня 2008 г. № 356-З [1].

На важность обеспечения безопасных условий труда указывает и Н. М. Жолобов, отмечая, что «в современных условиях развития экономики требуется особый подход в решении вопросов, связанных с безопасностью труда в новых условиях занятости, организацией управления охраной труда на принципах социального партнерства, оснащением рабочих мест цифровым оборудованием, наличием соответствующей компетенции персонала, обучением будущих управленцев во всех сферах экономики организацией безопасного труда и усилением контроля и надзора, а также отчетностью, учетом и мониторингом в сфере социально-трудовых отношений и охраны труда» [2]. Соглашаясь с этим мнением, необходимо отметить, что современные реалии, такие как цифровизация и развитие новых форм занятости, требуют комплексного подхода к вопросам охраны труда. Необходимо разрабатывать и внедрять новые подходы к организации безопасного труда, учитывая специфику современных рабочих мест и условий труда.

Однако в случае несоблюдения таких нормативных требований, возможно наступление серьезных последствий – от вреда здоровью работников до летального исхода, что требует принятия мер по недопущению нарушений законодательства об охране труда. Так, согласно информации, размещенной на сайте Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (далее – Департамент), в 2023 году государственными инспекторами Департамента проведено 415 выборочных и внеплановых проверок, а также 679 специальных расследований несчастных случаев на производстве. Всего в результате осуществления надзорных мероприятий государственными инспекторами выявлено свыше 58 тыс. нарушений законодательства о труде и об охране труда [3].

Анализ официальной информации показал, что в 2023 году в сравнении с 2022 годом в организациях Республики Беларусь отмечен:

- рост общего числа травмированных на производстве с 1781 до 1850 человек (на 3,9 процента);
- снижение случаев гибели с 132 до 117 человек (на 11,4 процента);
- снижение количества потерпевших, находящихся в момент травмирования в состоянии алкогольного опьянения, с 81 до 55 (на 32,1 процента);
- снижение случаев гибели потерпевших с 22 до 9 (на 59,1 процента) [3].

В качестве еще одного механизма обеспечения охраны сферы труда, создания безопасных его условий, а также защиты интересов работников законодательством Республики Беларусь предусмотрены различные виды юридической ответственности за нарушение правил охраны труда. Так, наниматели и работники, виновные в нарушении законодательства об охране труда в соответствии со статьей 465 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З несут дисциплинарную, административную, уголовную и иную ответственность [4].

В рамках данной статьи мы более подробно остановимся на исследовании вопросов уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда. Уголовная ответственность за нарушение (несоблюдение) законодательства в сфере правил охраны труда установлена Уголовным кодексом Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК). В качестве примера можно привести составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 301 – 306 УК [5].

Необходимо понимать, что сложность квалификации преступлений в сфере охраны труда заключается в наличии множества норм, регулирующих различные виды деятельности. Очевидно, что квалификация деяния по ст. 306 УК требует внимательного анализа, чтобы определить, были ли нарушены общие нормы об охране труда или специальные правила безопасности.

В этой части, стоит отметить, что по отношению к ст.306 УК существуют специальные нормы, установленные ст.ст. 299, 301–304, 325, 334, 463 УК, которые конкурируют с ней. Они предусматривают уголовную ответственность работников за нарушение специальных правил безопасности на отдельных объектах (например, на взрывоопасных предприятиях, во взрывоопасных цехах) или правил безопасности при проведении взрывоопасных, горных или строительных работ; правил пожарной безопасности; правил безопасности на работах, связанных с использованием ядерной энергии, и т.д. [5].

Из-за конкуренции таких составов преступлений при квалификации деяния по ст. 306 УК необходимо учитывать характер нарушенных требований (т. е. определить, были ли нарушены общие нормы об охране труда или специальные правила безопасности).

Перейдем к исследованию объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 306 УК.

Так, объектом преступления, предусмотренного ст.306 УК, является общественная безопасность в сфере труда граждан, которым предоставлена работа в соответствии с трудовым или гражданским законодательством и при выполнении которой они подлежат обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [6]. Дополнительным объектом по ч. 1 ст. 306 УК является здоровье, а по ч. 2 и ч. 3 ст. 306 УК – здоровье и жизнь потерпевшего [7].

С объективной стороны уголовная противоправность данного преступления заключается в нарушении правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда и наступлении общественно опасных последствий:

– согласно ч. 1 ст. 306 УК в виде профессионального заболевания работника (хронического или остроого заболевания лица, вызванного воздействием на него вредного и (или) опасного производственного фактора, трудового процесса, повлекшее временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности) либо в виде причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения;

– согласно ч. 2 ст. 306 УК в виде причинения смерти человеку либо тяжкого телесного повреждения двум или более лицам;

– согласно ч. 3 ст. 306 УК в виде причинения смерти двум или более лицам.

Как отмечают Н. В. Пушко и Е. Ф. Власенко, «диспозиция ч.1 ст.306 УК содержит нормы о нарушении не только правил техники безопасности, но и иных правил охраны труда, которые по своему предмету гораздо шире первых, поскольку выходят за границы непосредственно производственной сферы и включают, например, мероприятия по профилактике травмирования работников и реабилитационные меры после его наступления, могут быть направлены также и на дальнейшее облегчение и оздоровление условий труда. Нарушение таких норм не создает непосредственной угрозы для жизни или здоровья работника, следовательно, не образует состава преступления. Таким образом, не любые нарушения правил техники безопасности и охраны труда могут составлять объективную сторону рассматриваемого преступления, а непосредственно только те, которые находятся в причинной связи с наступившими вредными последствиями» [8].

В связи с чем, при квалификации деяний по ст. 306 УК необходимым является установление и непосредственной причинной связи между действием (и бездействием) должностного лица и наступившими в результате нарушения указанных правил общественно опасными последствиями.

Важно отметить, что установление причинной связи между нарушением правил охраны труда и наступившими последствиями является сложным и неоднозначным вопросом. В каждом конкретном случае необходимо определить, действительно ли действия (или бездействие) должностного лица стали непосредственной причиной профессионального заболевания, причинения телесных повреждений или смерти. В противном случае, т.е., например, если последствия, определенные ст.306 УК, наступили в результате грубого нарушения установленных правил самим потерпевшим, то уголовная ответственность должностного лица исключается в связи с тем, что нет прямой причинно-следственной связи между общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями [9].

В качестве примера можно привести ситуацию, когда лицо, занимающее должность, связанную с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей, то есть должностное лицо в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 4 УК, будучи ответственным за состояние охраны труда на предприятии, допустил лицо к работе на станке без эксплуатационных документов, не введенного в эксплуатацию в установленном порядке, не оборудованного защитными устройствами, тем самым и не обеспечил безопасные условия труда, допустил производство работ указанным работником, не прошедшим стажировку, проверку знаний по вопросам охраны труда, не имеющим соответствующей квалификации по профессии, а также не прошедшим освидетельствование на предмет нахождения в состоянии алкогольного опьянения, что в дальнейшем привело к тому, что доска вылетела из удерживающих элементов станка и ударила в область живота, причинив тяжкие телесные повреждения по признаку опасности для жизни. При этом допущенные нарушения правил техники безопасности и иных правил охраны труда должностным лицом, ответственным за их соблюдение, состоят в прямой причинной связи с наступившими последствиями.

Таким образом, проведенный анализ показал, что нормы уголовного законодательства регулируют вопросы наступления ответственности за нарушения правил техники безопасности, промышленной санитарии

и охраны труда, что является одной из гарантий обеспечения конституционного права на безопасные условия труда. Важно отметить, что уголовная ответственность за нарушения правил охраны труда является важным элементом системы обеспечения безопасности на производстве, недопущения производственного травматизма, гибели на производстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об охране труда [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 356-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Жолобов, Н. М. Теоретические подходы к содержанию понятия «охрана труда» и её социально-экономическое значение / Н. М. Жолобов // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. – 2009. – № 4-1 (32). – С. 172.
3. Доклад о соблюдении законодательства о труде и об охране труда в Республике Беларусь в 2023 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://storage.git.gov.by/source/1/OWG7z0tTm3YaeMvGIMExr_LBLav8bjPW.pdf. – Дата доступа: 29.09.2024.
4. Никитин, Ю. А. Уголовная ответственность за нарушение правил охраны труда / Ю. А. Никитин // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2017. – № 1(33). – С. 101–106.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., №275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
7. Круглов, В. А. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / В. А. Круглов, Е. И. Климова. – Амалфея. – 2015. – 992 с.
8. Пушко, Н. В. Уголовная ответственность за преступные нарушения требований охраны труда / Н. В. Пушко, Е. Ф. Власенко // Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2022. – С. 285–290.
9. Пушко, Н. В. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда / Н. В. Пушко, Е. Ф. Власенко // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов X Международной научно-практической конференции, Могилев, 22 апреля 2022 года. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2022. – С. 101–103.

УДК 349.6:629

ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ВИД ТРАНСПОРТА**М. С. НИКОЛАЙЧИК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. А. И. МИХАЙЛОВА)**Статья подготовлена при финансовой поддержке
Министерства образования Республики Беларусь*

В работе автором предпринята попытка выявить ряд актуальных проблем на основе комплексного подхода к изучению и анализу вопросов правового регулирования электротранспорта в Республике Беларусь. В работе исследованы основные вопросы обозначенной темы: изучены доктринальные подходы; рассмотрено понятие «электротранспорт», проанализированы условия внедрения и использования электротранспорта в транспортной системе с учетом необходимости комплексных организационных и правовых изменений.

Вопрос об интегрировании в структуру внутригосударственной и международной транспортной деятельности видов транспорта, использующих для приведения в движение альтернативные источники энергии, рассматривается международными организациями и межправительственными объединениями достаточно давно. Несмотря на ряд преимуществ, которыми обладает электротранспорт, процесс внедрения его в действующие логистические системы требует комплексных организационных, в том числе правовых, изменений.

Решению подлежат такие задачи, как предоставление равного доступа субъектов хозяйствования к инновационным транспортным средствам, обеспечение экологической безопасности в результате использования транспортных средств, формирование доступной для предприятий ценовой политики в отношении альтернативных видов транспорта, а также обеспечение транспортного обслуживания бизнес-субъектов при минимальных экономических издержках [1].

Стремительному развитию электротранспорта способствуют государственные программы, нацеленные в первую очередь на охрану окружающей среды, снижение суммарного объема вредных выбросов от осуществления промышленной деятельности и, как результат, влияния на климатические преобразования. Электромобили энергоэффективны и имеют низкую стоимость технического обслуживания, что особенно актуально в условиях высоких цен на топливо и воздействия на состояние окружающей среды.

Производство и использование электротранспорта является современным трендом научно-технического прогресса, предполагающим повышение эффективности использования ресурсов, широкое внедрение чистых и экологически безопасных технологий. Преимуществами электротранспорта являются энергоэффективность и более высокая производительность по сравнению с транспортом, использующим двигатели внутреннего сгорания, сокращение выбросов парниковых газов и вредных веществ, снижение уровня загрязнения воздуха, оздоровление городской среды и повышение безопасности на дорогах [2].

Республика Беларусь активно участвует в развитии электромобильной индустрии. Так, электробусы и электромобили уже осуществляют перевозку пассажиров по городским маршрутам, также разработаны первые опытные образцы грузовой электротехники. Однако ученые и специалисты машиностроительной отрасли прогнозируют их эффективное использование субъектами транспортной деятельности.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 апреля 2021 г. № 213 принята Комплексная программа развития электротранспорта на 2021–2025 годы. Целью программы признано создание новой области экономического роста на основе формирования такой отрасли машиностроения, как производства электротранспорта, а также создание условий для увеличения количества используемых транспортных средств на электрической тяге, расширения инфраструктуры электротранспорта и минимизации негативных влияний на экологию.

Комплексная программа нацелена на системное развитие отрасли машиностроения на основе создания производств средств электротранспорта различного функционального назначения и их компонентной базы для решения задач поэтапного наращивания использования электрической энергии в пассажирских и грузовых перевозках, создания новых точек роста и областей специализации народнохозяйственного комплекса, снижения экологической нагрузки и достижения Целей устойчивого развития, объявленных Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, повышения конкурентоспособности национальной экономики [2].

В целях реализации Комплексной программы создан инновационно-промышленный кластер «Электротранспорт», в структуру которого включены такие компании, как МАЗ, БЕЛАЗ, МТЗ, Белкоммунмаш, Могилевлифтмаш, «Измеритель», ОИМ НАН Беларуси, БНТУ, «ЭТОН-ЭЛТРАНС» и другие.

Параллельно с инновационными разработками в сфере электротранспорта в нашей стране продолжается развитие соответствующей инфраструктуры, а также принимаются меры по стимулированию к приобретению экологически продвинутых транспортных средств и правовому обеспечению их использования [3].

Так, порядок эксплуатации городского электрического транспорта и метрополитена урегулирован Законом Республики Беларусь от 5 мая 2014 г. № 141-З «О городском электрическом транспорте и метрополитене». В соответствии со ст. 3 Закона отношения в области городского электрического транспорта и метрополитена регулируются Гражданским кодексом Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 140-З «Об основах транспортной деятельности», иными актами законодательства, международными договорами Республики Беларусь, а также международными актами, составляющими право Евразийского экономического союза. Государственное регулирование в области городского электрического транспорта и метрополитена отнесено, в соответствии со ст.4 указанного Закона, к полномочиям Президента Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Министерства транспорта и коммуникаций, других республиканских органов государственного управления, местных Советов депутатов, местных исполнительных и распорядительных органов.

Ст. 29 закрепляет меры по обеспечению пожарной безопасности, охраны окружающей среды и действия по предупреждению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при выполнении перевозок пассажиров городским электрическим транспортом и метрополитеном, в соответствии с которыми перевозчик обязан принимать меры по обеспечению пожарной безопасности, охраны окружающей среды и осуществлять действия по предупреждению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при выполнении перевозок пассажиров городским электрическим транспортом и метрополитеном посредством выполнения требований законодательства о пожарной безопасности и законодательства об охране окружающей среды, разработки планов предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера или инструкций по действиям в чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера и др.[4].

В составе ключевых направлений деятельности по обеспечению доступности, повышению качества и безопасности услуг автомобильного, городского электротранспорта и метрополитена, повышению эффективности работы транспортных организаций, выполняющих перевозки пассажиров, важное место принадлежит обновлению парка подвижного состава современными, комфортабельными, экономичными, экологичными и надежными транспортными средствами.

Расширение использования электромобилей в Республике Беларусь является перспективным направлением развития транспортной инфраструктуры, способствующим снижению использования импортируемых энергоносителей, улучшению экологической обстановки и обеспечивает использование мощностей белорусской энергосистемы [2].

Экологический риск представляет собой отсутствие технологии утилизации (восстановления, вторичного использования) отработанных аккумуляторных батарей. Экологические проблемы, связанные с выработкой электроэнергии, обусловлены тем, что около 38 % от ее мирового объема получают на угольных электростанциях. Кроме того, имеются сопряженные проблемные области, связанные с применением ядерной, ветровой и солнечной энергетики (площадки для размещения и утилизации, необходимость добычи материальных ресурсов, в том числе для изготовления фотоэлектрических батарей (кадмий, теллур, галлий, германий, индий, селен и кремний) [6].

Отдельного рассмотрения требует вопрос об установлении перечня требований экологической безопасности, адресованных видам транспорта, приводимым в движение с использованием электроэнергии. Ввиду имеющихся характеристик такие виды транспорта могут быть отнесены к мобильным источникам, определение которых содержится в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». И хотя общие требования к мобильным источникам приведены в ст. 71 Закона, детально сформулированных требований и норм он в настоящий момент не содержит [7]. В соответствии с п. 1 ст. 71 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» к источникам, оказывающим физическое воздействие, на данный момент, отнесены обязанность субъектов, деятельность которых связана с использованием мобильных источников, принимать все необходимые меры по минимизации вредного физического воздействия на окружающую среду. На территории населенных пунктов, производственных, общественных и жилых помещений, зон отдыха и иных общественных мест, а также в местах обитания диких животных и в местах их размножения, на естественных экологических системах, типичных, редких природных ландшафтах и биотопах воздействие приведенных выше факторов подлежит предупреждению или полному устранению. Перечисленные требования достигаются введением п. 2 ст. 71 указанного Закона обязанности внедрения субъектами малошумных технологических процессов, улучшения конструкций автомобильных, железнодорожных, воздушных, морских и речных транспортных средств, сельскохозяйственной, дорожной и строительной техники, иных передвижных средств и установок, оснащенных двигателями внутреннего сгорания, и способов их эксплуатации. Деятельность субъектов хозяйственной и иной, в том числе транспортной, деятельности может быть ограничена в случае, если источники, оказывающие физическое воздействие,

превышают нормативы допустимых физических воздействий. В связи с этим, при отнесении электротранспортных средств к мобильным источникам необходимым является установление способов подтверждения соответствия таких видов транспорта требованиям экологической безопасности. Данное предложение может быть реализовано путем предоставления субъектам транспортной деятельности сертификатов о соответствии стандартам и регламентам.

Помимо преимуществ у рассматриваемого способа передвижения есть и недостатки, которые выражаются в высокой стоимости, слаборазвитой городской инфраструктуре, недостаточном количестве зарядных станций и их размещении в рамках города. Вышеуказанные факторы замедляют процесс развития электрического транспорта и внедрения его в повседневную городскую жизнь.

Электротранспорт действительно экономически более выгоден в больших городах и в городских агломерациях с высокой плотностью населения, когда нет острой необходимости часто передвигаться на дальние расстояния [1].

Основными перспективными направлениями развития городских транспортных систем являются совершенствование цепочки поставок логистической деятельности коммерческих организаций, совершенствование транспортных маршрутов пассажирских перевозок, увеличение экологической безопасности, повышение уровня безопасности на дорогах, обновление транспортных средств пассажирских перевозок согласно новейшим стандартам и включение зеленых технологий, развитие интеллектуальной транспортной инфраструктуры [6].

При установлении целей правового регулирования отношений, регулирующих вопросы внедрения экологически чистых видов транспорта, необходимым является регулирование вопроса классификации видов транспорта, использующего альтернативные источники энергии. Особое значение при внедрении использования электротранспорта как в промышленных целях, так и среди населения, имеет термин «электромобиль».

Определение термина «электромобиль» приведено в Национальном плане по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы. В соответствии с данным планом электромобиль представляет собой автомобиль, приводимый в движение одним или несколькими электродвигателями с питанием от аккумулятора, который может быть заряжен от внешнего источника электрической энергии [8].

В свою очередь, согласно Указу Президента Республики Беларусь от 12 марта 2020 г. № 92 «О стимулировании использования электромобилей» электромобилем является транспортное средство категорий М, МG, N, NG, приводимое в движение исключительно электрическим двигателем [9].

В настоящий момент вопрос эксплуатации электротранспорта является одним из наименее рассмотренных в аспекте правового регулирования транспортной деятельности. На сегодняшний день государственные программы нацелены на оптимизацию процесса производства электротранспорта отечественными производителями в целях минимизации импорта, повсеместную установку станций для зарядки электромобилей, иных объектов инфраструктуры, необходимых для технического обслуживания электротранспорта. Экономические инструменты воздействия направлены на стимулирование спроса на электромобили среди населения, ведь показатель персонального спроса на них среди граждан значительно ниже спроса на механические транспортные средства [3], несмотря на разработку государственных программ и стратегических планов по стимулированию спроса и его поддержке.

Актуальность вопроса обеспечения устойчивого развития, защиты окружающей среды, предотвращения негативного влияния последствий транспортной деятельности на состояние окружающей среды является основой для внесения изменений в действующие правовые акты о мобильных источниках или для разработки отдельных нормативных правовых актов, положений и регламентов, посвященных разграничению прав и обязанностей субъектов, осуществляющих транспортную деятельность, устанавливающих разрешительный порядок на осуществление такой деятельности, меры контроля за соблюдением требований экологической безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сакульева Т.Н., Сотникова В.В. Роль электротранспорта в городской транспортной системе // Вестник университета. 2022. № 5. С. 108–114.
2. Об основах транспортной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 мая 2014 г., № 141-3; в ред. Закона от 17 июля 2023 г. № 297-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. О Комплексной программе развития электротранспорта на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 9 апреля 2021 г., № 213 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. О городском электрическом транспорте и метрополитене [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 мая 2014 г., № 141-3; в ред. Закона от 17 июля 2023 г. № 297-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. № 218-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 9 апреля 2021 г. № 213 [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 11 марта 2024 г., № 166 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 294-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
8. Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 дек. 2021 г. № 710 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
9. О стимулировании использования электромобилей [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 марта 2020 г., № 92 (ред. от 30 декабря 2022 г. № 466) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 349.6:629

**ПРИНЦИПЫ «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКИ
В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****М. С. НИКОЛАЙЧИК***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. А. И. МИХАЙЛОВА)*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
Министерства образования Республики Беларусь*

В работе выявлен ряд актуальных проблем, связанных с вопросами внедрения принципов «зеленой» экономики в сферу транспортной деятельности. В своей работе автором предметно исследованы основные вопросы обозначенной темы: рассмотрены понятия «зеленая» экономика», «энергетические ресурсы», проведен анализ доктринальных подходов к определению принципов осуществления хозяйственной деятельности с учетом ограниченности имеющихся материальных природных благ.

На современном этапе проблемы сохранения окружающей среды активно интегрируются в экономическую науку. Ограниченность имеющихся материальных природных благ, необходимых для осуществления хозяйственной, в том числе транспортной, деятельности, легла в основу формирования и активного развития нового экономического научного направления – «зеленой» экономики. Экономика, согласно данной теории, принимается за компонент природной среды, считается ее структурным элементом. Внедрение «зеленой» экономики нацелено на сохранение благосостояния общества за счет рационального использования природных ресурсов и возвращения продуктов конечного пользования в производственный цикл [1]. Вопросы обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности представляют несомненную актуальность и становятся приоритетным направлением современной экономической науки [2]. Положения «зеленой» экономической теории гласят о невозможности расширения сферы влияния в ограниченном пространстве и удовлетворения растущей потребности в экономических благах в условиях ограниченности ресурсов.

В Республике Беларусь данному направлению также уделяется особое внимание. Положения, связанные с развитием «зеленой» экономики, отражены в ряде нормативных правовых актов, в том числе в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, а также в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [3].

В декабре 2021 г. Правительством утверждён Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021 – 2025 годы [4], где возрастание экологического ущерба от стихийных бедствий и техногенных катастроф отнесено к числу мировых экологических проблем. В соответствии с п. 7.2 Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [5] запланировано поэтапное осуществление гармонизации формирования и проведения согласованной промышленной, аграрной и транспортной политики в государствах-членах ЕАЭС.

Транспортная деятельность связана с использованием различных природных ресурсов, и Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» не регулирует подробно обеспечение экологической безопасности транспорта и объектов энергетики, он устанавливает общие эколого-правовые требования, ограничиваясь лишь общими рамками. Так, не разграничены энергетические ресурсы, имеющие природное происхождение и являющиеся в определенной степени носителями энергии для различных видов транспорта и природные ресурсы, понятие которых дано в экологическом законодательстве. Все виды энергии вырабатываются из природных ресурсов, при этом такая категория, как природные энергетические ресурсы, в белорусском законодательстве не выделяется [6].

Общие требования по охране окружающей среды, предъявляемые к хозяйственной деятельности, определены главой 6 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» по основным направлениям экономической деятельности. Среди них транспортная деятельность не выделяется, однако предусмотрены требования в области охраны окружающей среды к мобильным источникам (ст. 44 Закона) и требования в области охраны окружающей среды при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию, при эксплуатации и ликвидации объектов добычи, переработке, транспортировке, хранении и реализации нефти, газа и продуктов их переработки.

Основные принципы и направления реализации экологической политики в стране определены Законом Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», Законом Республики Беларусь «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [7], Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания №5 от 24 апреля 2024 г. [8], Национальной стратегией устойчивого социально-экономического

развития Республики Беларусь на период до 2030 года [9], а также международными договорами Республики Беларусь.

Среди основных принципов «зеленой» экономики можно выделить следующие:

– принцип ответственного производства и потребления;

Принцип заключается в обеспечении эффективного использования природных ресурсов с минимизацией отходов. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 апреля 2021 г. № 213 принята Комплексная программа развития электротранспорта на 2021–2025 годы [10]. Комплексная программа нацелена на достижение Целей устойчивого развития, объявленных Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, повышения конкурентоспособности национальной экономики [11]. К 2030 г. необходимо обеспечить достижение нейтрального баланса деградации земель. Первоочередной задачей в области управления отходами является предотвращение их образования.

– принцип сохранения биоразнообразия;

Принцип направлен на сохранение и приумножение действующих экосистем, уникальных флоры и фауны регионов. Конвенция о биологическом разнообразии, принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, от 5 июня 1992 года [12], нацелена на сохранение биологического разнообразия, устойчивое использование его компонентов и совместное получение на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов.

– принцип снижения вредного воздействия на окружающую среду заключается в сокращении выбросов в атмосферу, загрязнения почвы и водоемов. Нормы сокращения выбросов, а также меры, принимаемые по их минимизации установлены Конвенцией о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния от 13 ноября 1972 года [13]. В настоящее время реализации принципа активно содействует внедрение в эксплуатацию электротранспорта, сводящее количество выбросов к минимуму.

– принцип устойчивого развития нацелен на обеспечение сохранности ресурсов для будущих поколений и экономического роста без ущерба для окружающей среды. Стратегической целью «зеленой» экономики в Республике Беларусь является создание экологически и социально здоровой среды проживания человека. Для обеспечения устойчивого снижения вредного антропогенного воздействия на окружающую среду предусматривается разработать Стратегию долгосрочного развития Республики Беларусь с низким уровнем выбросов парниковых газов на период до 2050 г. [14].

– принцип инновационности. Особое внимание будет уделено стимулированию инвестиционных вложений в «зеленую» экономику: созданию и развитию экологически чистых и безотходных производств, технологий по безопасной переработке отходов.

– принцип инклюзивности, или вовлеченности, заключается в информировании населения, в том числе субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, о преимуществах внедрения зеленого производства, отказа от экологически-вредных ресурсов в пользу экологически чистых технологий.

Страны Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) внедряют принципы «зеленой» экономики в такие сферы, как энергетика, транспорт и сельское хозяйство. В рамках проекта международной технической помощи Глобального экологического фонда – ПРООН – Минприроды «Беларусь: поддержка «зеленого» градостроительства в малых и средних городах Беларуси» на 2016–2021 годы [15] апробированы и успешно внедрены принципы стратегического территориального планирования, сочетающие социально-экономические направления развития и видение пространственного развития территории, отработаны методики комплексной технико-экономической оценки эффективности различных мероприятий, рассмотрены возможности привлечения «зеленых» инструментов финансирования инфраструктурных проектов и осуществления устойчивых закупок, а также реализованы пилотные инициативы в сфере повышения энергоэффективности (г. Новогрудок) и устойчивой городской мобильности (города Новополоцк и Полоцк), ориентированные на достижение комплексного энергетического, экономического, экологического и социального эффекта.

С учетом социально-экономических условий, перспектив, целесообразности и международных обязательств приоритетным направлением развития «зеленой» экономики в Республике Беларусь является развитие электротранспорта (инфраструктуры) и городской мобильности. Несмотря на то, что в настоящий момент в Республике Беларусь «зеленая» экономика находится на начальном этапе своего становления, необходимость разработки особого подхода к информированию населения по вопросам рационального потребления, осведомленности о состоянии окружающей среды и влияния хозяйственной деятельности на экологическую безопасность не вызывает сомнений. В целях повышения осведомленности населения могут быть использованы такие инструменты как средства массовой информации, республиканские проекты и акции для граждан разных возрастных групп. Диалоговые площадки с представителями субъектов хозяйствования по вопросам обоснованности внедрения инновационных проектов в сферу транспортной деятельности позволят выявить интересующие вопросы, требующие дополнительного разъяснения, в том числе в рамках правового регулирования.

Таким образом, внедрение основополагающих принципов «зеленой» экономики будет способствовать эффективному экономическому росту, основанному на сочетании инновационного подхода и сохранения имеющегося природного капитала. Поддержание нарастающего развития транспортной деятельности в соответствии с требованиями экологической безопасности сформирует основу для долгосрочных международных отношений и проектов. Большая часть государств уже внедряют в действующее законодательство механизмы «зеленой» экономики, разрабатывая государственные программы, утверждая долгосрочные стратегии, запуская форумы и диалоговые площадки с участием населения, стимулируя и поощряя переход субъектами хозяйствования на экологически чистые источники топлива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шингель Н.А. Хотько О.А. Правовое обеспечение экологической безопасности при использовании энергетических ресурсов в процессе транспортной деятельности / Н.А. Шингель, О.А. Хотько // Вестник Полоцкого государственного университета. –2018. –№14– С.209-216.
2. Титаренко М.Л., Ларин А.Г., Матвеев В.А. Концепция экономического пояса Шелкового пути и интересы России/ М.Л. Титаренко, А.Г. Ларин, В.А. Матвеев // Вестник Московского университета Сер. 25 Международные отношения и мировая политика. –2015.–№1– С.3-35.
3. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]: протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь, 4 фев. 2020 г., № 3 / Министерство экономики. – Режим доступа: <https://mintrans.gov.by/ru/>. – Дата доступа: 20.08.2024.
4. Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 дек. 2021 г. №710 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ.Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г., № 1982-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 294-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 14 ноября 2005 г., № 60-3: в ред. Закона Респ.Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 260-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
8. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: решение Всебелорусского народного собрания, 5 апреля 2024г. № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
9. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [Электронный ресурс]: протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь, 2 мая 2017 г., № 10 // Министерство экономики. – Режим доступа <https://mintrans.gov.by/ru/>. – Дата доступа: 20.08.2024.
10. Комплексная программа развития электротранспорта на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 апр. 2021 г., № 213 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
11. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]: резолюция Генер. Ассамблеи Орг. Объед. Наций, 25 сент. 2015 г., № 70/1 // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>. – Дата доступа: 20.11.2024.
12. Конвенция о биологическом разнообразии [Электронный ресурс] / Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, от 5 июня 1992 года. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml. – Дата доступа: 20.08.2024.
13. Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния [Электронный ресурс] / Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Женева, от 13 ноября 1972 года. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/transboundary.shtml. – Дата доступа: 20.08.2024.
14. О стратегии долгосрочного развития Республики Беларусь с низким уровнем выбросов парниковых газов на период до 2050 г. / Министерство природы и охраны природных ресурсов Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Минприроды. – Режим доступа <https://mintpriroda.gov.by/ru/> – Дата доступа: 20.08.2024.
15. О реализации проекта международной технической помощи Глобального экологического фонда – ПРООН – Минприроды «Беларусь: поддержка «зеленого» градостроительства в малых и средних городах Беларуси» на 2016–2021 годы [Электронный ресурс]: Министерство природы и охраны природных ресурсов Режим доступа: <https://minpriroda.gov.by> – Дата доступа: 20.08.2024.
16. О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 мая 2023 г. № 329 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 340

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**П. Д. ОВСЯНИЦКАЯ****(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)**

В данной статье поднимаются вопросы правового регулирования систем искусственного интеллекта, определения их правового статуса и концепций усовершенствования законодательства в этой сфере, главным образом, возможности присвоения искусственному интеллекту статуса субъекта правоотношений как электронного лица. Берется во внимание международный нормотворческий опыт и исследования ученых юристов.

С развитием технологий искусственный интеллект (ИИ) становится все более значимым участником различных сфер деятельности, что вызывает активные дискуссии о его правосубъектности. Правосубъектность подразумевает способность лица быть носителем прав и обязанностей, и традиционно она представлена, к примеру, физическими и юридическими лицами. Однако с появлением новых технологий, таких как блокчейн и автономные системы, возникает необходимость пересмотра этого понятия и включения в него новых участников. Исторически правосубъектность была и остается статичной, но с развитием общества и технологий она должна эволюционировать. Современные системы ИИ способны к автономному принятию решений и взаимодействию с окружающей средой. Например, автономные автомобили принимают решения в реальном времени, что подразумевает наличие определенной степени ответственности за свои действия. В этом контексте ИИ можно рассматривать как субъекта, способного участвовать в правоотношениях.

На данный момент большинство правовых систем рассматривают такие системы как инструмент, созданный и контролируемый человеком, что ставит под сомнение возможность их самостоятельной ответственности [1]. В большинстве стран ИИ не имеет самостоятельной правосубъектности, что означает, что ответственность за его действия ложится на разработчиков и пользователей. Однако с развитием автономных систем возникает вопрос о том, насколько такая модель остается актуальной. Например, в случае полной автономии транспортного средства или медицинского устройства, которое принимает решения без человеческого вмешательства, становится сложно определить, кто именно несет ответственность за возможные ошибки или ущерб [2]. В некоторых странах разрабатываются концепции "страхования ИИ", которые предполагают создание специализированных страховых продуктов для покрытия потенциального ущерба от действий автономных систем. Однако эта модель также сталкивается с трудностями, связанными с оценкой рисков и определением стоимости страхования. Признание ИИ правосубъектом также может быть необходимо для защиты прав третьих лиц. Если ИИ совершает ошибку или причиняет вред, важно иметь возможность привлечь к ответственности не только разработчиков, но и саму систему ИИ. Это позволит обеспечить более высокую степень защиты интересов граждан и организаций. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь, каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов. Признание ИИ правосубъектом может стать логическим шагом к обеспечению правовой защиты всех участников правоотношений, включая технологии.

ИИ как потенциальный субъект правовых отношений по содержанию напоминает юридическое лицо, но все же от него сильно отличается. По этому поводу возникает термин «электронное лицо» [3], который позволяет системам искусственного интеллекта и прочим автономным роботам приобретать правовой статус совершенного нового вида, не соответствующий ни статусу человека, ни статусу вещи. Электронное лицо – это концепция, согласно которой ИИ и автоматизированные системы могут быть признаны отдельными субъектами правоотношений. Это означает, что такие системы могут иметь определенные права и обязанности, отличные от тех, что присущи физическим и юридическим лицам. Важно отметить, что данный статус не подразумевает полную юридическую правоспособность, а скорее создает новую категорию акторов, способных взаимодействовать в рамках правовой системы. В трудах некоторых юристов, изучающих концепции присвоения различным объектам статус субъекта правоотношений уже была описана основная причина и аргумент признания юнитов искусственного интеллекта правоспособными, а именно удобство с юридической точки зрения [4]. Признание ИИ как отдельного субъекта правоотношений может упростить процесс заключения контрактов и ведения бизнеса, обеспечить защиту прав пользователей и третьих лиц, пострадавших от действий автономных систем, позволит более четко определить ответственность за эти действия. Кроме того, создание общего правового статуса для ИИ может облегчить международное сотрудничество и стандартизацию в области регулирования технологий. В условиях глобализации проблемы, связанные с ИИ, требуют совместного подхода стран. Признание ИИ как электронного лица может стать основой для разработки международных стандартов и соглашений. Придание статуса электронного

лица может помочь учитывать интересы общества при разработке и внедрении ИИ. Это позволит создать механизмы контроля за использованием технологий и обеспечит баланс между технологическим прогрессом и социальными ценностями.

Неотъемлемой частью определения и закрепления правового статуса является разработка нормативно-правовых актов. Разные юрисдикции предлагают различные подходы к этому вопросу [5]. В США отсутствует единая федеральная политика по регулированию ИИ, однако различные агентства, такие как Федеральная торговая комиссия (FTC), разрабатывают рекомендации по этическому использованию ИИ. Также в некоторых штатах принимаются законы, касающиеся прозрачности алгоритмов и защиты прав потребителей. Эти инициативы направлены на создание более безопасной среды для использования технологий. Китай демонстрирует активное развитие ИИ с акцентом на государственное регулирование и контроль. Модель включает в себя как поддержку инноваций, так и строгие меры по контролю за использованием технологий. В Китае разрабатываются национальные стандарты для разработки и применения ИИ, что позволяет стране оставаться конкурентоспособной на международной арене. Не так давно был принят закон об искусственном интеллекте Европейского Союза (The EU Artificial Intelligence Act). Он представляет собой один из первых комплексных нормативных актов, регулирующих использование и разработку искусственного интеллекта. Этот закон направлен на создание безопасной и этической среды для внедрения ИИ-технологий, обеспечивая защиту прав граждан и поддержку инноваций. Основными положениями закона определена квалификация автономных систем по уровню риска. Начиная с самого минимального и незначительного, заканчивая неприемлемым риском, в котором определяются системы, представляющие явную угрозу безопасности или правам человека. Одним из наиболее дискуссионных вопросов закона является правосубъектность ИИ. На данный момент акт не признает ИИ полноценным субъектом права, что означает отсутствие самостоятельности в правоотношениях и необходимость гарантии контроля, чтобы оставить конечную ответственность именно за человеком. Вопросы правосубъектности остаются открытыми для дальнейших обсуждений, но текущая позиция ЕС подчеркивает важность человеческого участия в принятии решений на основе ИИ. Таким образом, AI Act может служить основой для формирования будущих нормативных актов в этой быстро развивающейся области.

Что касается Беларуси, то здесь ситуация с регулированием ИИ находится на начальной стадии развития. В стране наблюдается растущий интерес к внедрению технологий ИИ в различные сферы экономики и социальной жизни. Многие белорусские компании уже используют системы искусственного интеллекта в своих продуктах и услугах. Например, компании разрабатывают решения для автоматизации бизнес-процессов, анализа данных и создания чат-ботов. В области здравоохранения ИИ применяется для диагностики заболеваний и обработки медицинских изображений. Однако правовая база для их регулирования остается недостаточно сформированной. На данный момент в Беларуси отсутствуют специализированные законы или нормативные акты, регулирующие использование ИИ, что создает неопределенность как для разработчиков, так и для пользователей технологий. Одним из первых шагов в этом направлении стало принятие концепции цифровой экономики в 2019 году, которая подразумевает использование современных технологий, включая ИИ. Однако конкретные меры по регулированию остаются разрозненными и не всегда достаточно четкими. Важным аспектом является отсутствие четких критериев для оценки рисков, связанных с использованием ИИ, что затрудняет внедрение безопасных и этических практик. Существующие недостатки в регулировании ИИ в Беларуси включают отсутствие единой стратегии по внедрению технологий, недостаточную подготовку специалистов в области права и технологий, а также нехватку диалога между государственными органами, бизнесом и обществом. Это приводит к тому, что многие инициативы остаются на уровне обсуждений без практической реализации. Для эффективного регулирования ИИ необходимо принять комплексный подход.

Во-первых, требуется разработка четких норм и стандартов для использования ИИ, включая правила ответственности за действия автономных систем. Государство должно взять на себя активную роль в регулировании ИИ. Это включает не только разработку законодательства, но и создание специальных комитетов или агентств, ответственных за мониторинг и контроль за использованием технологий. Также важно установить механизмы для оценки воздействия ИИ на общество и экономику.

Во-вторых, необходимо создать механизмы контроля за соблюдением норм защиты данных и предотвращения дискриминации. Кроме того, важно развивать образовательные программы в области права и технологий. Это позволит подготовить специалистов, способных работать на стыке этих двух областей. Что в свою очередь позволит создать необходимую базу для разработки актуального законодательства. Также следует активизировать диалог между государственными органами, бизнесом и обществом для выработки совместных решений. Республика Беларусь может извлечь уроки из международного опыта регулирования ИИ, адаптируя успешные практики к своим условиям.

Вопрос правосубъектности искусственного интеллекта является актуальным и требует внимательного анализа. Регулирование искусственного интеллекта в Республике Беларусь сталкивается с серьезной проблемой: отсутствие четкой правовой и этической базы для его использования. В условиях стремительного развития технологий существующие законодательные нормы не успевают адаптироваться к новым вызовам,

создавая значительную "дыру" в регулировании. Одной из ключевых проблем является неопределенность правового статуса ИИ. Признание ИИ участником правоотношений в Республике Беларусь может стать важным шагом к обеспечению правовой определенности и защиты интересов всех участников. Эволюция правосубъектности, способность ИИ к самостоятельным действиям, необходимость защиты прав третьих лиц, а также принципы белорусского законодательства и международный опыт – все эти факторы подтверждают целесообразность признания ИИ субъектом правоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 94–95.
2. Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта и ответственность за их действия // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 11. – С. 32.
3. Шигин М.Д., Иевлева М.М. Правовой статус электронного лица // Теория и практика современной науки. – 2019. – № 6 (48). – С. 539–540.
4. Ладенков Н.Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – №3. – С. 16.
5. Шестаков В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 200–201.

УДК 340

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮНИТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**П. Д. ОВСЯНИЦКАЯ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)*

В данной статье освещается тема деликтоспособности юнитов искусственного интеллекта, возможность привлечения их к различным видам юридической ответственности, а также акцентируется внимание на этических дилеммах, возникающих при попытках юридически признать ИИ субъектом права, и на влиянии таких изменений на общество. В заключение предлагаются рекомендации по дальнейшему развитию законодательства в области ИИ, направленные на создание сбалансированной системы ответственности, учитывающей как инновационные возможности технологий, так и защиту прав граждан.

В последние годы искусственный интеллект (ИИ) стал неотъемлемой частью нашей жизни, проникая в различные сферы, от медицины до финансов и даже искусства. С ростом его влияния возникает вопрос о том, кто несет ответственность за действия ИИ. В этом контексте все чаще обсуждается возможность предоставления ИИ статуса электронного лица и его признание субъектом правоотношений, способным нести ответственность за свои действия.

Юнит ИИ можно рассматривать как автономную систему, способную принимать решения, взаимодействовать с людьми и выполнять задачи без непосредственного вмешательства человека. Это может быть чат-бот, виртуальный ассистент или даже сложная система, способная к обучению и адаптации. Основная задача такого юнита – оптимизация процессов, улучшение качества обслуживания и создание нового опыта взаимодействия [1]. Основной концепцией автоматизированных автономных систем как субъекта права является модель электронного лица. Электронное лицо в первую очередь подразумевает искусственный субъект права, являющийся по сути техническим автономным средством, имеющим и реализующим свои права и обязанности. Имущество, наделенное правосубъектностью в теории фикции уже существует, ведь юридическое лицо по сути своей является таковым [2]. Однако не стоит забывать, что правосубъектность человека и автономной системы сильно отличается, а значит признать ИИ полностью равным физическому или юридическому лицу невозможно [3]. Наделение абстрактных явлений, подобных искусственному интеллекту уже давно рассматривалось в юридической науке.

В ходе таких попыток были созданы термины «квазисубъектность», а также «квазисубъект правоотношений», такие субъекты могут иметь лишь ограниченные права и обязанности. Квазисубъектами признаются различные организации, сообщества и группы, которые не обладают всеми признаками полноценного субъекта права, но тем не менее участвуют в правовых отношениях. Для признания их таковыми необходимо оценить множество аспектов, включая социальную и правовую ценность, которую законодатель намеревается защитить, наделяя различные общности и абстрактные явления статусом субъекта правоотношений [4]. В свою очередь ИИ может быть признан квазисубъектом для достижения различных целей, к примеру доверяя таким системам генерировать договоры и заключать их от лица человека, а может и юридического лица, мы наделяем его правами и гражданско-правовыми обязанностями, подчеркивая важность и правовую ценность защиты прав граждан в данной ситуации.

Ответственность – это правовая категория, которая подразумевает необходимость возмещения ущерба или наказания за причинение вреда. В контексте ИИ вопрос о том, кто несет ответственность за действия ИИ, становится особенно актуальным. Основные подходы к этому вопросу включают: личную ответственность разработчиков и объектную ответственность самого ИИ.

Согласно первому подходу, ответственность за действия ИИ ложится на его разработчиков или пользователей. Во-первых, разработчики программного обеспечения несут ответственность за качество и безопасность своего продукта. Если автономный автомобиль попадает в аварию из-за ошибки в программном обеспечении, пострадавшие могут подать иск против производителя. Этот подход подразумевает наличие четких стандартов и норм, которым должны соответствовать разработчики, чтобы минимизировать риски. Во-вторых, пользователи ИИ также могут нести ответственность за его использование. Например, если человек управляет автономным автомобилем и игнорирует предупреждения системы о неисправностях, он может быть признан виновным в случае аварии. Это создает необходимость в обучении пользователей правильному взаимодействию с ИИ и пониманию его ограничений. Однако личная ответственность имеет свои недостатки. При сложных системах ИИ, где множество факторов влияют на результат, бывает трудно определить конкретного виновника. Например, в случае с автономными транспортными средствами могут возникнуть ситуации, когда как разработчик, так и пользователь не могут быть признаны полностью ответственными.

Объектная ответственность – более радикальный подход, который предполагает возможность привлечения самого ИИ к ответственности за свои действия. Хотя эта концепция звучит интригующе, она вызывает множество юридических и этических вопросов.

Во-первых, необходимо определить юридический статус ИИ. Могут ли машины рассматриваться как лица, способные нести ответственность за свои действия? На данный момент большинство правовых систем не признают ИИ самостоятельными субъектами права. Это создает пробелы в законодательстве и затрудняет процесс привлечения ИИ к ответственности.

Во-вторых, существует вопрос о том, как устанавливать вину или умысел у ИИ, ведь он просто выполняет заданные алгоритмы. Кроме того, объектная ответственность может привести к нежелательным последствиям. Если ИИ будет признан ответственным за свои действия, это может снизить стимулы для разработчиков и пользователей соблюдать высокие стандарты безопасности и этики. Они могут начать полагаться на то, что в случае проблем «виноват» ИИ, а не они сами. Оба подхода – личная и объектная ответственность – имеют свои плюсы и минусы. В некоторых случаях ответственность может быть распределена между несколькими сторонами – разработчиками, пользователями и самими системами ИИ.

Первым шагом к эффективному регулированию ответственности автономных систем в Республике Беларусь является создание четких определений ключевых понятий, связанных с ИИ. Необходимо установить юридические определения для таких терминов, как "искусственный интеллект", "автономная система", "алгоритм" и "ответственность". Это позволит избежать правовой неопределенности и создать основу для дальнейшего регулирования. Для определения ответственности за действия искусственного интеллекта (ИИ) в законодательстве Республики Беларусь можно внести изменения в некоторые законы и кодексы.

В Гражданский кодекс возможны уточнения, касающиеся ответственности за ущерб, причиненный действиями ИИ, а также правила для определения субъектов ответственности. Такими субъектами могут быть обозначены разработчики, владельцы, пользователи и т.д. Важно также описать положение и статус ИИ при генерации им контрактов и договоров. Кодекс об административных правонарушениях может быть дополнен статьями, касающиеся нарушений, связанных с использованием ИИ, например, за непредоставление информации о работе алгоритмов или неисполнение обязательств по защите данных. В Уголовный кодекс добавить статьи, касающиеся уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием ИИ или в результате его действий, определить ответственность за халатность в разработке и эксплуатации автономных систем. Данные изменения помогут правовому полю регулирования искусственного интеллекта стать более устойчивым и определить стратегию развития законодательства в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Московский юридический журнал. – 2018. – № 2. – С. 62–63.
2. Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. – 2020. – №6. – С. 66.
3. Вавилин Е.В. Искусственный интеллект как участник гражданских правоотношений: Трансформация права // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2021. – №42. – С. 163.
4. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998. – С. 131–134.

УДК 342.9

**РЕКЛАМА УСЛУГ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ:
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

К. Р. ПОПОВА
(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)

В статье рассматриваются особенности правового регулирования рекламы услуг пластической хирургии в Республике Беларусь и зарубежных странах. Анализируются законодательные нормы, регулирующие данную область, и выявляются ключевые различия в подходах различных стран. Обращается внимание на необходимость совершенствования законодательства в сфере регулирования рекламы услуг пластической хирургии.

В юридической науке вопрос регулирования оказания услуг пластической хирургии рассматривался в работах многих авторов, как зарубежных (К. Р. Аслямова [1], И. В. Буромский, Ю. В. Ермакова, Е. С. Сидоренко [2]), так и белорусских (Н. В. Копыткова [3], Е. С. Устимова [4]), однако не поднимался вопрос о правовом регулировании рекламы данной услуги. Если реклама касается услуг, меняющих внешность человека, то имеют место особые требования, так как данные процедуры могут оказывать большое психологическое влияние.

Законодательство Республики Беларусь содержит определение пластической хирургии только с образовательной и научной точки зрения [5], а различные правовые акты относят её к разным категориям медицины. Например, Постановление Совета Министров № 403 «Об оплате расходов на медицинское страхование или оказание медицинской помощи в случае заболевания» от 5 июня 2024 г. относит пластическую хирургию к видам медицинской помощи, Постановление Министерства образования Республики Беларусь № 36 «Об утверждении и введении в действие Общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 011-2009 «Специальности и квалификации»» от 2 июня 2009 г. – к медицинской деятельности, Налоговый кодекс Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. № 71-3 – к специализированным медицинским услугам, а Постановление Совета Министров № 182 «Об оказании платных медицинских услуг государственными учреждениями здравоохранения» от 10 февраля 2009 г. применяет термин «пластической эстетической хирургии». Реклама методов оказания медицинской помощи, работ и (или) услуг, составляющих медицинскую деятельность в Республике Беларусь может размещаться с согласования Минздрава, но существуют исключения, например, когда потребителями этой рекламы являются медицинские или фармацевтические работники на выставках, семинарах, конференциях и подобных мероприятиях. Нельзя рекламировать работы и услуги в области здравоохранения, если они не составляют медицинскую деятельность. Такая реклама должна содержать сведения о том, что информация носит рекламный характер. Информация не должна быть ложной, обращенной к несовершеннолетним, противоречить инструкции к применению и создавать впечатление необходимости приобретения объекта рекламирования [6]. Специальных норм, посвященных регулированию рекламы пластической хирургии, в законодательстве Республики Беларусь не содержится.

В области пластической хирургии зачастую используют классический приём рекламы с фотографиями «до и после». В Республике Беларусь реклама, содержащая изображения или фотографии, может являться объектом авторского права [6]. Организация, использующая такие фотографии, должна также получить согласие гражданина на использование его образа [6]. Министерство здравоохранения Японии рассматривает законопроект, который запретит медицинской отрасли использовать фотографии пациентов «до и после» в рекламе косметической хирургии, запрет не коснется изображений, используемых в академических целях, поскольку они не побуждают потребителей прибегать к подобным процедурам. Законодательство Японии в сфере медицины запрещает ложную и вводящую в заблуждение рекламу, однако трудно определить подлинность фотографий, сделанных до и после оперативного вмешательства или каких-то иных косметических процедур [7]. В Республике Беларусь реклама, содержащая недостоверную информацию, также запрещена, однако вопрос об определении подлинности фотографий, используемых пластическими клиниками для рекламы, не поднимается нашим законодательством. Австралийское агентство по регулированию деятельности практикующих врачей подошло к вопросу об использовании фотографий «до и после» более серьезно и определили, что реклама не должна идеализировать косметическую операцию (например, обстановкой на фоне, не имеющей отношение к процедуре), нельзя использовать изображения, которые улучшены при помощи фильтров, ретуши и подобными методами, так как это может минимизировать видимость шрамов и синяков, также нельзя использовать якобы запечатленные эмоции пациентов (например, когда показывают «большой палец вверх») и использовать надписи, идеализирующие

операцию или минимизирующую ее риск. Фотографии «до» и «после» должны быть максимально похожи по содержанию, освещению, ракурсу камеры, фону, кадрированию и экспозиции, позе, одежде и макияжу [8].

ASA, компания, стремящаяся восстановить доверие общественности к рекламе, а также к тому, чтобы реклама в Великобритании была законной, порядочной, честной и правдивой [9], пришли к выводу, что реклама, эксплуатирующая неуверенность к себе, считается неприемлемой так как она может провоцировать нездоровое отношение к своему внешнему виду [10]. В мае 2023 года Grand Clinic опубликовали рекламу, на которой была показана фотография женщины в бикини и солнцезащитных очках. Крупный текст, наложенный на фотографию, гласил «MAMMY MAKEOVER», говорит о том, что реклама нацелена на родивших женщин, испытывающих обеспокоенность и тревогу по поводу своего тела [11]. Вопрос о данной рекламе рассматривался ASA, так как она нарушает сразу несколько пунктов Кодекса CAP (Комитет по рекламной практике (CAP) отвечает за написание Рекламных кодексов):

1. Кодекс требует, чтобы маркетинговые коммуникации не содержали гендерных стереотипов, которые могут причинить вред, стать серьезным или широко распространенным оскорблением.

2. В соответствии с Кодексом маркетологи должны готовить свою рекламу с чувством ответственности перед потребителями и обществом. В частности, они должны гарантировать, что реклама не будет рассматриваться как нацеленная на молодежь, уязвимые группы и т. д.

3. Кодексом установлен запрет на вводящую в заблуждение рекламу. В объявлении отсутствовала информация о необходимости предварительной консультации для оценки возможных противопоказаний пациента и его пригодности для трех рекламируемых процедур, включая место проведения такой предварительной консультации. Поскольку эта существенная информация не была включена в рекламу, ASA пришли к выводу, что она вводила в заблуждение [10].

В таких странах, как Австралия, Британия, Республика Беларусь, Южная Корея реклама медицинских услуг не должна содержать обращения непосредственно к несовершеннолетним. К примеру, законодательство Республики Беларусь защищает несовершеннолетних от негативного воздействия рекламы, в частности запрещается реклама, обращенная напрямую к несовершеннолетним, размещение рекламы на школьных автобусах, внушение несовершеннолетним необходимость приобретения услуги и так далее [6]. В Южной Корее популярность услуг пластической хирургии дошла до такого уровня, что некоторые родители начали дарить на выпускной сертификаты на операции, это стало толчком к тому, чтобы запретить её рекламу вблизи школ [12]. В Австралии призывают также отказаться от использования алгоритмов социальных сетей, помогающих продвигать рекламную публикацию, в отношении уязвимых групп.

В рекламе часто используют эмоциональные и психологические триггеры, чтобы побудить потребителей к покупке, иногда даже искажая информацию о продукте или услуге [13, с.115–116]. В Республике Беларусь реклама не должна включать упоминания о конкретных случаях выздоровления после использования рекламируемого продукта, выражения благодарности за это; информацию, создающую впечатление, что нет необходимости обращаться к врачу при использовании рекламируемого продукта, или что можно получить услуги по диагностике и рекомендации по лечению без непосредственного контакта с врачом; утверждения или предположения о наличии у потребителей рекламы состояний, требующих применения рекламируемого продукта, или утверждения, создающего у здорового человека впечатление о необходимости использования рекламируемого продукта [6]. Австралийское агентство по регулированию деятельности практикующих врачей (AHPRA) установило новые правила рекламы, которые предъявляют гораздо более высокие требования, призванные способствовать принятию пациентами обоснованных решений, основанных на реалистичных ожиданиях. В связи с уникальной природой сектора косметической хирургии (включая отсутствие в нем защитных мер, которые имеются в других частях системы здравоохранения и которые информируют потребителей и направляют их к квалифицированным специалистам) реклама создает риски, которых нет в других областях медицинской практики, и должна тщательно регулироваться. AHPRA отметили, что реклама должна предоставлять точную, реалистичную, познавательную и легкодоступную информацию о рисках или потенциальных рисках косметической хирургии. В рекламе должны ясно дать понять, что: косметическая хирургия - это серьезное решение, требуется время на восстановление и вспомогательные восстанавливающие процедуры, отсутствие на работе или временные ограничения активности. Требуется тщательно выбирать слова, чтобы не вводить пациентов в заблуждение относительно сложности операции, ее продолжительности, ожидаемой боли, возможных побочных эффектов или возможных осложнений [8]. В 2022 году ASA удовлетворила жалобу на публикацию на странице Lina Cosmetic Surgery в Facebook, в которой говорилось: «Оцените эти потрясающие результаты!» и «Наши операции по увеличению груди – это простой процесс, наши врачи проведут вас через каждый шаг. Каждая процедура полностью индивидуальна». В рекламе были представлены фотографии женщины, перенесшей операцию на груди, до и после нее. ASA посчитали, что рекламодатель нарушил принцип социальной ответственности, так как заявление «легкий процесс» предполагало, что увеличение груди – это просто, в то время как все подобные вмешательства несут риск для пациента [14].

Анализ законодательства Республики Беларусь в сфере оказания услуг по пластической хирургии, позволяет заключить, что специальное правовое регулирование по вопросам рекламной деятельности в данной сфере отсутствует. Однако существуют общие положения, которые применимы к рекламе услуг пластической хирургии, например, нормы, защищающие несовершеннолетних, запрет на убеждение в необходимости приобретения услуг и сравнения с иными такими рекламами, запрещена также реклама, содержащая недостоверную информацию [6]. Расширение законодательства о рекламе в области пластической хирургии поможет защитить потенциальных пациентов от манипулирования их ожиданиями и от принятия решения на основе недостоверных данных. Прежде чем вводить специальные нормы, нужно законодательно дать определение пластической хирургии и указать, что к ней относится, чтобы избежать неточного или неправильного толкования. Следует разработать Рекомендации в отношении рекламы пластической хирургии, направленные на выработку у маркетологов чувства социальной ответственности перед потребителями и обществом. Считаем нужным ввести перечень требований к рекламе услуг пластической хирургии, например, использованные фотографии должны показывать именно пример результата процедуры, процедура всегда должна изображаться как требующая времени и размышлений (из этого следует, что услуги пластической хирургии, предоставляемые по акциям, должны быть преподнесены с максимальной осторожностью, чтобы данное предложение не было расценено как принижение процедуры (а не риск, требующий тщательного рассмотрения)), реклама в такой сфере не должна пытаться убедить воспользоваться услугой, поэтому ее количество не должно быть чрезмерным, чтобы не способствовать неудовлетворенности своим телом. Мы видим необходимость также в дополнительном правовом регулировании такой рекламы в социальных сетях, потому что широкое распространение может привести к дисморфофобии или другим проблемам к восприятию своего тела, особенно у представительниц женского пола, недобросовестные рекламодатели могут использовать алгоритмы социальных сетей для продвижения рекламы среди уязвимых групп. Важно помнить о том, что реклама в такой сфере должна оставлять ясное и правдивое впечатление о последствиях и результатах услуги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аслямова, К. Р. Проблемы регулирования правоотношений в сфере пластической хирургии / К. Р. Аслямова // Научные достижения и открытия 2018 : сб. ст. / ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»; под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. – Пенза, 2018. – С. 156–159.
2. Правовое регулирование профессиональной деятельности врача по специальности «пластическая хирургия» / И. В. Буромский, Ю. В. Ермакова, Е. С. Сидоренко // Лечебное дело. – 2022. – № 1. – С. 96–100.
3. Копыткова, Н.В. Правовое регулирование оказания услуг в сфере пластической хирургии / Н.В. Копыткова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 2 (95). – С. 83–87.
4. Устименко, Е.С. О некоторых вопросах дополнительного правового урегулирования услуг по пластической хирургии / Е.С. Устименко // Творчество молодых, 2018 : сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов. В 4 ч. / Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины; редкол.: Р.В. Бородич [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф.Скорины, 2018. – Ч. 2. – С. 332–334.
5. Об утверждении образовательных стандартов переподготовки руководящих работников и специалистов по специальностям переподготовки : постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 2 окт. 2023 г. № 152 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.10.2024).
6. О рекламе : Закон Респ. Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З : в ред. от 6 января 2024 г. № 353-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 01.10.2024).
7. Japan Looks to Ban ‘Before and After’ Photos in Advertising for Cosmetic Surgery // branding in asia. – URL: <https://www.brandinginasia.com/japan-ban-photos-surgery-cosmetic> (date of access: 04.04.2024).
8. Are you following AHPRA’s new rules on advertising cosmetic surgery? // Health & Medical Marketing Agency. – URL: <https://splicemarketing-com-au.translate.goog/knowledge-centre/ahpras-new-rules-advertising-cosmetic-surgery/? x tr sl=en& x tr tl=ru& x tr hl=ru& x tr pto=sc> (date of access: 03.09.2024).
9. Our ad campaign // ASA. – URL: <https://www-asa-org-uk.translate.goog/about-asa-and-cap/national-ad-campaign.html? x tr sl=en& x tr tl=ru& x tr hl=ru& x tr pto=sc> (date of access: 05.09.2024).
10. Cosmetic surgery // ASA. – URL: <https://www-asa-org-uk.translate.goog/advice-online/cosmetic-surgery.html? x tr sl=en& x tr tl=ru& x tr hl=ru& x tr pto=sc#misleadingness> (date of access: 03.09.2024).
11. ASA Ruling on Grand Clinic // ASA. – URL: <https://www-asa-org-uk.translate.goog/rulings/grand-clinic-a23-1199864-grand-clinic.html? x tr sl=en& x tr tl=ru& x tr hl=ru& x tr pto=sc> (date of access: 03.09.2024).
12. В Сеуле обяжали ограничить рекламу пластических операций // RG.RU. – URL: <https://rg.ru/2014/03/27/plastika-site-anons.html> (дата обращения: 04.04.2024).
13. Товкач, С. С. Влияние рекламы на принятие потребительского решения / С. С. Товкач // МедиаВектор. – 2022 г. – № 4. – С. 115–119.
14. ASA Ruling on Linia Cosmetic Surgery // ASA. – URL: <https://www-asa-org-uk.translate.goog/rulings/linia-cosmetic-surgery-a21-1136723-linia-cosmetic-surgery.html? x tr sl=en& x tr tl=ru& x tr hl=ru& x tr pto=sc> (date of access: 03.09.2024).

УДК 34.01

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И ВИДОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ,
ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ ПРИ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ПОЛОВЫХ КЛЕТОК И ЭМБРИОНОВ
ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ****А. Ю. ПРОКОПЕНКО**
(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)

Автор статьи исследует функциональную видовую классификацию юридических лиц в процессе перемещения половых клеток и эмбрионов через границу. Рассматривает правовые аспекты, связанные с участием компаний, клиник и других юридических лиц в транспортировке биологического материала для медицинских целей. Производится анализ нормативных актов, международных соглашений и практики различных государств в области регулирования перемещения половых клеток и эмбрионов. Также рассматриваются этические и юридические вопросы, возникающие при участии юридических лиц в данном процессе, предлагаются авторские рекомендации по совершенствованию правового регулирования в этой области.

В современном мире перемещение половых клеток и эмбрионов через границу становится все более распространенной практикой в области репродуктивной медицины. Однако, этот процесс сопряжен с рядом юридических, этических и практических вопросов, требующих внимательного рассмотрения и регулирования. В контексте такого перемещения юридические лица, такие как компании, клиники и другие учреждения, играют значительную роль, обеспечивая техническую и организационную поддержку этому процессу.

Роль юридических лиц при перемещении половых клеток и эмбрионов через границу может быть разнообразной и зависит от конкретных правовых систем и политики стран.

Однако, в общих чертах, юридические лица могут осуществлять функциональную составляющую:

– Лицензирование – юридические лица, такие как государственные органы или специализированные агентства, могут выдавать лицензии и регулировать перемещение половых клеток и эмбрионов через границу. Это может включать установление правил и процедур для таких перемещений, контроль качества и безопасности, а также надзор за соблюдением законодательства;

– Ответственность – юридические лица, такие как больницы, клиники или лаборатории, могут быть ответственными за сбор, хранение и транспортировку половых клеток и эмбрионов. Они могут иметь специальные протоколы и процедуры для обработки таких биологических материалов и обеспечения их сохранности;

– Юридическая клиника – юридические фирмы и консультанты могут оказывать помощь в юридическом аспекте перемещения половых клеток и эмбрионов через границу. Они могут предоставлять консультации по правовым вопросам, помогать с оформлением необходимых документов, а также представлять интересы клиентов в случае возникновения споров или конфликтов;

– Научные исследования – юридические лица, занимающиеся научными исследованиями в области репродуктивной медицины, могут быть вовлечены в перемещение половых клеток и эмбрионов для научных целей. Они могут иметь определенные протоколы и этические стандарты для работы с такими материалами.

«Экокурьеры» в фетальном праве – это юридические лица или организации, занимающиеся перевозкой человеческих половых клеток (яйцеклеток или сперматозоидов) и/или эмбрионов через государственные границы для целей репродуктивной медицины. Эти курьеры обычно работают с клиниками репродуктивной медицины, лабораториями и другими учреждениями, которые занимаются вспомогательными репродуктивными технологиями, и помогают им перемещать биологический материал между странами в соответствии с законодательством и требованиями медицинской этики.

Процесс перемещения половых клеток и эмбрионов невозможен без криоконсервации. Криоконсервация – это процесс сохранения биологического материала при очень низких температурах [1]. Азот позволяет достичь температуры в $-196\text{ }^{\circ}\text{C}$. Так же, для качественной и безопасной транспортировки необходим сосуд Дьюара. Сосуд Дьюара – это емкость, которая подходит не только для хранения, но и для транспортировки криогенных жидкостей [2].

Деятельность юридических лиц, занимающихся транспортировкой половых клеток и эмбрионов в Республике Беларусь является лицензируемой и облагается налогом, следовательно, регулируется законодательно.

Перемещение половых клеток и эмбрионов вызывает ряд этических вопросов, которые часто обсуждаются в контексте репродуктивной медицины и биомедицинской этики. Некоторые из этических аспектов включают:

– вопросы, связанные с тем, как следует относиться к эмбрионам, их защита и уважение, особенно в контексте их использования для репродуктивных целей или исследований;

- важность обеспечения информированного согласия со стороны всех участников процесса, включая доноров половых клеток и родителей, которые могут использовать эти клетки или эмбрионы для репродуктивных целей;

- вопросы доступности репродуктивных технологий и их использования, чтобы обеспечить равные возможности для всех желающих использовать их, независимо от расы, социального статуса или других факторов;

- необходимость предотвращения коммерциализации человеческих половых клеток и эмбрионов, чтобы избежать их эксплуатации или недобросовестной торговли.

Сегодня в Республике Беларусь существует несколько юридических лиц, занимающихся перемещением половых клеток и эмбрионов через границу. В список входят: *Evaclinic IVF*, *Adam & Eva Sperm and Egg bank* и другие. Данные клиники позиционируют себя как гарант качества и безопасности. На договорных основаниях клиники осуществляют транспортировку биоматериала в любую точку мира при индивидуальном сопровождении с соблюдением необходимых норм и стандартов.

«Экокурьеры» гарантируют качественную транспортировку биоматериала. Так, например, на сайте курьерской службы клиники «*Biosouiers*» указано: «Контейнер с вашими клетками находится под наблюдением нашего курьера на протяжении всей транспортировки, что исключает любые риски повреждения» [3].

Так же клиника разъясняет, как именно курьер обеспечивает безопасность перевозки половых клеток и эмбрионов:

- курьер лично защищает контейнер с биоматериалом от рентгеновских лучей, благодаря договоренностям в аэропортах;

- курьер постоянно следит за температурой;

- курьер защищает транспортируемый контейнер от опрокидывания;

- авторизованная передача и сбор транспортируемого материала;

- курьер регулярно осматривает транспортный контейнер [3].

А на сайте клиники «*Adam & Eva Sperm and Egg bank*» указано: «Когда нам необходимо доставить клетки в другую клинику, город или страну, мы используем для этого специальный сосуд – драйшиппер.

Эмбриолог готовит и загружает в него клетки. В сосуде поддерживается постоянная температура –196 градусов. Поэтому клетки внутри надежно сохранены и не размораживаются раньше времени.

Во время перевозки клеток драйшиппер не вскрывается, не сканируется в рамках и не подвергается никаким потенциально опасным для клеток воздействиям. Он все время находится в руках нашего персонального координатора и передается в руки эмбриологу принимающей стороны. Поэтому мы можем с уверенностью заявить, что транспортировка полностью безопасна для донорских клеток и никак не сказывается на их качестве»[4].

Как можно заметить, клиники предупреждают, что во время транспортировки драйшиппер (сосуд Дьюара) не вскрывается, не подвергается досмотру и не сканируется. Следовательно, проведение некоторых форм таможенного контроля просто невозможно, что не может не настораживать должностных лиц таможенных органов. Ведь в технических полостях сосудов могут находиться не только биоматериалы, но и предметы контрабанды, но проверить это не представляется возможным.

Помещение половых клеток и эмбрионов под таможенные процедуры экспорта и выпуска для внутреннего потребления осуществляется при представлении таможенному органу государства-члена заключения (разрешительного документа).

Для оформления лицензии юридические лица и физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей (далее – заявители), представляют в уполномоченный орган государства-члена, на территории которого зарегистрирован заявитель, документы и сведения, указанные в подпунктах 1–5 пункта 10 Правил выдачи лицензий и разрешений на экспорт и (или) импорт товаров (приложение к приложению № 7 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) (далее – Правила).

Заключение (разрешительный документ) выдается при представлении в уполномоченный на выдачу заключения (разрешительного документа) орган государства-члена следующих документов и сведений:

- проект заключения (разрешительного документа), оформленный в соответствии с методическими указаниями по заполнению единой формы заключения (разрешительного документа) на ввоз, вывоз и транзит отдельных товаров, включенных в Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами – членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, утвержденными Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 мая 2012 г. № 45;

- документы или сведения, указанные в подпункте 5 пункта 10 Правил;

- копия договора (контракта), а в случае отсутствия договора (контракта) – копия иного документа, подтверждающего намерения сторон;

- информированное согласие пациента или его законных представителей на перемещение образцов биологических материалов человека, за исключением случаев перемещения таких образцов для проведения внешнего контроля качества исследований, в том числе для проведения референс-исследований;
- иные документы, предусмотренные законодательством государства-члена[5].

Юридические лица, занимающиеся транспортировкой половых клеток и эмбрионов через границу, обязаны знать все тонкости составления договоров, получения сопроводительных и разрешительных документов. Юридические лица будут защитить интересы и права физических лиц в случае возникновения споров или проблем при перемещении половых клеток и эмбрионов. Они предоставят правовую поддержку, консультации и помощь в разрешении любых юридических вопросов.

Сегодня, государство в полной мере обеспечивает необходимыми нормативными правовыми актами «кокурьеров». Необходимо только качественно и точно соблюдать все необходимые правила, процедуры и требования, предписанные законодательством при перемещении половых клеток и эмбрионов через границу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Что такое криоконсервация? Актуальность методики в медицине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/u/2274206-anna/814113-chto-takoe-kriokonservaciya-aktualnost-metodiki-v-medicine>. – Дата доступа: 02.07.2024.
2. Правила эксплуатации Сосудов Дьюара, их транспортировка и дезинфекция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azot-msk.ru/blog/pravila-ekspluatatsii-sosudov-dyuara/>. – Дата доступа: 02.07.2024.
3. Курьерская служба ЭКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.biocouriers.com/ru/courier-transport-for-ivf-russian#>. – Дата доступа: 12.07.2024.
4. Вопросы и ответы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://donorbank.by/info/faq/>. – Дата доступа: 12.07.2024.
5. Положение о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза органов и тканей человека, крови и ее компонентов, образцов биологических материалов человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/files/catr/EP.pdf/Приложение%203.pdf>. – Дата доступа: 12.07.2024.

УДК 34.01

**ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПОМЕЩЕНИЯ ПОЛОВЫХ КЛЕТОК И ЭМБРИОНОВ
ПОД ТАМОЖЕННЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ:
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ****А. Ю. ПРОКОПЕНКО**
(Представлено: Т. В. СЕМЁНОВА)

В статье анализируются правовые аспекты помещения половых клеток и эмбрионов под таможенные процедуры в рамках Евразийского экономического союза. Учитывая растущее значение репродуктивных технологий и биомедицинских исследований, становится важным изучение норм и правил, регулирующих перемещение данных биологических материалов между государствами-членами Евразийского экономического союза. Анализируется действующее законодательство, включая таможенный кодекс и специальные нормативные правовые акты, касающиеся биоматериалов, а также этические и медицинские аспекты, связанные с их использованием.

В условиях глобализации и интеграции научных исследований в области биологии и медицины, вопросы перемещения половых клеток и эмбрионов через государственные границы становятся все более актуальными. Евразийский экономический союз, объединяющий несколько стран с различными правовыми системами и подходами к регулированию биоматериалов, представляет собой уникальную платформу для анализа правовых аспектов таможенного контроля за данными биологическими объектами.

В соответствии с пунктом 1 статьи 127 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза товары, перемещаемые через таможенную границу Евразийского экономического союза, и иные товары в случаях, установленных Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, для нахождения и использования на таможенной территории Евразийского экономического союза, вывоза с таможенной территории Евразийского экономического союза и (или) нахождения и использования за пределами таможенной территории Евразийского экономического союза подлежат помещению под таможенные процедуры, если иное не установлено Таможенным кодексом Евразийского экономического союза[1].

Таможенная процедура – совокупность норм, определяющих для целей таможенного регулирования условия и порядок использования товаров на таможенной территории Союза или за ее пределами[2].

Сегодня в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза насчитывается 17 таможенных процедур, однако далеко не все могут использоваться для перемещения половых клеток и эмбрионов.

Декларирование является важнейшим этапом в процессе помещения товаров под таможенную процедуру. Этот процесс представляет собой процедуру, в ходе которой участник внешнеэкономической деятельности (например, импортер или экспортер) предоставляет таможенным органам информацию о перемещаемых биоматериалах.

Первый шаг в декларировании – это подготовка необходимых документов. К ним относятся транспортные документы, лицензия, заключение (разрешительный документ), выданный уполномоченным органом государства-члена и другие подтверждающие документы, которые могут потребоваться в зависимости от страны назначения. Правильное оформление этих документов критически важно, так как ошибки могут привести к задержкам, штрафам или даже отказу в выпуске половых клеток и эмбрионов.

Таможенные документы заполняются на русском языке или на государственном языке государства-члена, таможенному органу которого представляются таможенные документы, если иное не установлено Таможенным кодексом Евразийского экономического союза[2].

После подготовки документов осуществляется заполнение таможенной декларации. Это происходит с использованием специализированных программных решений, реже в ручную в письменном виде. В таможенной декларации указываются сведения о товаре: его наименование, количество, страна отправления, страна назначения и другие характеристики. Важно, чтобы информация была точной и соответствовала данным в сопроводительных документах.

Декларирование также включает в себя классификацию половых клеток и эмбрионов по товарным позициям согласно Гармонизированной системе описания и кодирования товаров. Правильная классификация необходима для определения пошлин и налогов, которые будут применены к данной категории товаров. Ошибки в классификации могут привести к финансовым потерям и правовым последствиям.

Сегодня половые клетки и эмбрионы классифицируются по разделу 30 – фармацевтическая продукция, товарной группе 3001, товарной подгруппе 3001 90, товарной позиции 3001 90 200, товарной субпозиции 3001 90 200 0[3].

После подачи декларации таможенные органы проводят проверку представленных данных. Должностные лица могут запросить дополнительные документы или разъяснения, если информация вызывает

сомнения. В случае успешной проверки половые клетки и эмбрионы могут быть выпущены для свободного обращения или помещены под определенные таможенные процедуры, такие как экспорт, импорт, выпуск для внутреннего потребления и другие.

В соответствии с Положением «О ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза органов и тканей человека, крови и ее компонентов, образцов биологических материалов человека» помещение половых клеток и эмбрионов под таможенные процедуры экспорта и выпуска для внутреннего потребления осуществляется без предъявления таможенному органу лицензии государства-члена Евразийского экономического союза.

Помещение половых клеток и эмбрионов, включенных в раздел 2.21 единого перечня в [Приложении № 2 «Перечень товаров, в отношении которых установлен разрешительный порядок ввоза на таможенную территорию Евразийского экономического союза и \(или\) вывоза с таможенной территории Евразийского экономического союза»](#) к Решению Евразийской экономической комиссии «О мерах нетарифного регулирования» от 21.04.2015 г. № 30 (в ред. 18.06.2024г.) под таможенные процедуры экспорта и выпуска для внутреннего потребления осуществляется при представлении таможенному органу государства-члена заключения (разрешительного документа)[5].

Условиями помещения половых клеток и эмбрионов под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления являются: уплата ввозных таможенных пошлин и налогов, уплата специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, соблюдение запретов и ограничений, соблюдение мер защиты внутреннего рынка, установленных в ином виде, чем специальные, антидемпинговые, компенсационные пошлины.

Условиями помещения половых клеток и эмбрионов под таможенную процедуру экспорта являются: уплата ввозных таможенных пошлин, соблюдение запретов и ограничений, соблюдение иных условий, предусмотренных международными договорами в рамках Союза, двусторонними международными договорами между государствами-членами и международными договорами государств-членов с третьей стороной[2].

Помещение половых клеток и эмбрионов, под таможенные процедуры таможенного склада, временного ввоза (допуска), временного вывоза, отказа в пользу государства, свободной таможенной зоны, свободного склада, магазина беспошлинной торговли Положением «О ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза органов и тканей человека, крови и ее компонентов, образцов биологических материалов человека» запрещается.

Не требуется представление таможенному органу государства-члена лицензии или заключения (разрешительного документа) в случаях помещения половых клеток и эмбрионов:

а) под таможенные процедуры таможенного транзита и уничтожения;

б) под таможенные процедуры реэкспорта или реимпорта – в отношении ранее помещенных под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления или ранее вывезенных в соответствии с таможенной процедурой экспорта соответственно[4].

При помещении половых клеток и эмбрионов под таможенную процедуру таможенного транзита необходимо: обеспечить исполнение обязанности по уплате ввозных таможенных пошлин, налогов, обеспечить исполнение обязанности по уплате специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, обеспечить возможность идентификации товара, соблюдение запретов и ограничений.

В случае если половые клетки и эмбрионы помещаются под таможенную процедуру уничтожения необходимо: наличие выдаваемого в соответствии с [законодательством](#) государств-членов заключения уполномоченного государственного органа государства-члена о возможности уничтожения товаров, в котором указываются способ и место их уничтожения, соблюдение запретов и ограничений[2].

Необходимо отметить, что обязанность по соблюдению условий использования товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой, подлежащих соблюдению после помещения товаров под таможенную процедуру, возлагается на декларанта, а также на иных лиц в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза. Лица, несут ответственность за нарушение условий использования товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой в соответствии с законодательством государств-членов Евразийского экономического союза[2].

Помещение половых клеток и эмбрионов под таможенные процедуры важная составляющая при необходимости транспортировки биоматериала через границу. Ошибки в таможенной декларации могут привести к дополнительным затратам, таким как штрафы или дополнительные налоги. Это также может повлиять на сроки доставки и, как следствие, на бизнес-процессы. Соблюдение всех требований и условий обеспечивает безопасность перевозимого материала.

С одной стороны, перемещение половых клеток и эмбрионов может способствовать развитию медицины, включая репродуктивные технологии и генетические исследования. С другой стороны, это вызывает необходимость в строгом соблюдении этических норм и правовых регуляций, направленных на защиту здоровья человека и охрану биологических ресурсов.

Данная статья формирует комплексное понимание правовых основ перемещения с половых клеток и эмбрионов, что может способствовать более эффективному и безопасному взаимодействию между странами Евразийского экономического союза в области биомедицинских технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таможенные процедуры и таможенные операции [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://www.customs.gov.by/tamozhennye-protsedury-i-tamozhennye-operatsii/>. – Дата доступа: 23.07.2024.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: утв. Договором о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, принят 11 апр. 2017 г. [вступ. в силу 1 янв. 2018 г.] // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2024
3. Группа 30. Фармацевтическая продукция [Электронный ресурс]: – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/commission/department/catr/ett/ru.2022/ru.30_2022_01.07.2024.pdf. – Дата доступа: 23.07.2024.
4. Положение о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза органов и тканей человека, крови и ее компонентов, образцов биологических материалов человека [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/files/catr/EP.pdf/Приложение%203.pdf>. – Дата доступа: 28.07.2024.

УДК 346.548

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОНЛАЙН-КУРСОВ****П. Г. РЕУТ****(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)**

В статье проводится сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в области защиты прав потребителей при покупке онлайн-курсов. Рассмотрено применение белорусского законодательства в рамках решения отдельных примеров из судебной практики Российской Федерации.

В современном мире цифровизация охватывает все сферы общественных отношений. Образовательные мероприятия также перешли в цифровую среду, в связи с чем рынок предлагаемых образовательных услуг значительно расширился. Поскольку образование стало более доступным, определенные знания, навыки или специализацию возможно получить не только в государственных учреждениях образования, но и в сети Интернет. В связи с чем возникают новые правовые вызовы в области защиты прав потребителей при купле-продаже и реализации образовательных программ.

В Российской Федерации судебная практика по рассмотрению дел, связанных с оборотом онлайн-курсов, намного шире, чем в Республике Беларусь. Однако законодательные основы государств во многом схожи, и, рассматривая механизмы защиты прав потребителей в Российской Федерации, возможным представляется проведение параллели с законодательством Республики Беларусь.

Образовательная программа может выступать в различных формах, таких как марафон, вебинары; однако наиболее популярной является онлайн-курс. Онлайн-курс – это курс, содержащий образовательные материалы и реализующийся дистанционно [1, с. 148].

Проанализировав судебную практику, можно выделить основные проблемы, с которыми сталкиваются потребители при покупке и прохождении онлайн-курсов:

- 1) неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств [2];
- 2) возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товара (работы, услуги), недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге) [3];
- 3) компенсация морального вреда [4].

Закон Республики Беларусь от 09.01.2002 N 90-3 (ред. от 22.04.2024) "О защите прав потребителей" четко определяет право потребителя на надлежащее качество товара (работы, услуги). При этом законодатель не устанавливает правового определения «ненадлежащее качество». Однако, рассматривая толкование нормы, можно выделить основания права потребителя на надлежащее качество товара:

- 1) потребитель имеет право на проверку качества товара (работы, услуги);
- 2) продавец обязан передать потребителю товар (работу, услугу);
- 3) качество товара (работы, услуги) обязано соответствовать предоставленной информации о товаре (работе, услуге) [5].

Ненадлежащее оказание услуги – это ситуация, когда исполнитель услуги не выполняет свои обязательства в соответствии с существенными условиями договора или требованиями законодательства. Основными признаками является:

- 1) услуга предоставляется с недостатками, которые существенно влияют на ее эффективность;
- 2) исполнитель не выполняет все предусмотренные договором условия, обязательства;
- 3) предоставление услуги нарушает требования законодательства.

Рассматривая неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств, включая причинение вреда, лежит на продавце. Примером оказания ненадлежащего исполнения обязательств будет являться дело № 2-1110/2024 Приволжского районного суда Астраханской области [2]. Между истцом и ответчиком был заключен договор на оказание услуг, которые включали лекции и практический курс, доступ к которым должен был быть предоставлен на платформе «Getcourse». Однако при реализации договора выяснилось, что услуги не были предоставлены, информация на платформе недоступна, а также у ответчика отсутствует государственная аккредитация и лицензии. В результате истец понес дополнительные расходы на транспорт и проживание для участия в семинаре.

В данном случае Российское законодательство рассматривает онлайн-курс как товар и применяет нормы в рамках ч. 1 ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей» «Права потребителя при обнаружении в товаре недостатков» и ст. 23.1 «Последствия нарушения продавцом срока передачи предварительно оплаченного товара потребителю». В свою очередь, ч. 1 ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей»

«Права потребителя при обнаружении в товаре недостатков» предоставляет потребителю, по своему выбору:

- 1) потребовать замены на товар этой же марки (этих же модели и (или) артикула);
- 2) потребовать замены на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены;
- 3) потребовать соразмерного уменьшения покупной цены;
- 4) потребовать незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара или возмещения расходов на их исправление потребителем или третьим лицом;
- 5) отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы [6].

Применительно к белорусскому законодательству предметом будет являться не товар, а образовательная услуга. Соответственно, при обнаружении ненадлежащего качества товара, потребитель вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора о выполнении работы (оказании услуги), а также требовать:

- 1) безвозмездного устранения недостатков выполненной работы (оказанной услуги);
- 2) соразмерного уменьшения цены выполненной работы (оказанной услуги);
- 3) безвозмездного изготовления другой вещи из однородного материала такого же качества;
- 4) повторного выполнения работы (оказания услуги), если это возможно;
- 5) возмещения понесенных потребителем расходов по устранению недостатков выполненной работы (оказанной услуги) своими силами или третьими лицами [5].

Основным отличием является то, что в первом случае суд рассматривал программу курсов как товар и применял нормы, регулирующие обнаружение потребителем недостатков в товаре. При этом белорусское законодательство рассматривает совокупность лекций и практических курсов как образовательную программу обучающих курсов [7]. Данная программа является услугой и регулируется нормами в рамках статьи о правах потребителя при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги). Таким образом, соотношение этих двух правовых систем в области защиты прав потребителей можно охарактеризовать как схожее, но с некоторыми различиями. Основным акцентом является диспозитивность норм и то, что потребитель не ограничен в выборе норм, а предусмотрена альтернативность вариантов реагирования.

Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товара (работы, услуги), недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге) с позиции белорусского законодательства «подлежит возмещению, если он возник в течение установленных срока годности или срока службы товара (результата работы), а при отсутствии таковых – в течение десяти лет со дня производства товара (выполнения работы, оказания услуги)» [5]. Касательно прав потребителей, то согласно ст. 7 Закона Республики Беларусь от 09.01.2002 N 90-З (ред. от 22.04.2024) "О защите прав потребителей" «Изготовитель (продавец, поставщик, представитель, исполнитель) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о предлагаемых товарах (работах, услугах)...», к этой информации относятся сведения об обязательном подтверждении соответствия товаров (выполняемых работ, оказываемых услуг), подлежащих обязательному подтверждению соответствия. Потребитель также вправе предъявить продавцу требования за непредоставление возможности покупателю получения необходимой и достоверной информации об услуге. Важным аспектом является согласование всех существенных условий договора: при их изменении или дополнении исполнитель обязан уведомить потребителя и получить его согласие.

Примером непредоставления продавцом полной и достоверной информации о приобретенной услуге будет являться дело № 2-1146/2024 Фрунзенского районного суда г. Ярославля [3]. Истец заключил договор с ответчиком на получение платных образовательных услуг по программе «Пакет Разработчик», специализация «Инженер по тестированию. Базовый уровень». По завершении истец получил диплом, однако впоследствии выяснил, что программа обучения, указанная в дипломе, не совпадает с той, что была представлена при продаже курса. Истец не был уведомлен о каких-либо изменениях в программе, что лишило его возможности получить образование, которое указывалось в договоре изначально. При обращении в поддержку истец не получил удовлетворительного ответа.

В данном случае суд ссылается на п. 1 ст. 10 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 N 2300-1 "О защите прав потребителей" изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора [6]. Кроме того, при нарушении данного права согласно п. 1 ст. 12 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 N 2300-1 "О защите прав потребителей" при непредоставлении информации потребитель вправе «потребовать от продавца (исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора, а если договор заключен, в разумный срок отказаться от его исполнения и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков» [6].

В Республике Беларусь ответственность за предоставлением продавцом ненадлежащей информации о товаре схожа с российским законодательством. Она определяет право потребителя на:

- 1) истребование от продавца (изготовителя, поставщика, представителя, исполнителя) возмещения убытков, вызванных необоснованным уклонением от заключения договора, а если договор заключен, – в разумный срок потребовать от продавца (исполнителя) расторжения договора и возврата уплаченной за товар (работу, услугу) денежной суммы либо от изготовителя (поставщика, представителя) возврата уплаченной за товар денежной суммы, а также возмещения других убытков;
- 2) замены недоброкачественного товара товаром надлежащего качества;
- 3) соразмерного уменьшения покупной цены товара;
- 4) незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара;
- 5) возмещения расходов по устранению недостатков товара [8].

Как можно заметить, в рассматриваемом примере законодательство двух правовых систем рассматривают нарушение права на предоставление надлежащей информации о товаре (работе, услуге) идентично.

Таким образом, проведя сравнительный анализ в рассмотрении вопросов, касающихся защиты прав потребителей, а также рассматривая судебную практику Российской Федерации в контексте белорусского законодательства, можно сделать следующие выводы:

1. Судебная практика по рассмотрению дел, связанных с онлайн-курсами в Российской Федерации, значительно преобладает над практикой в Республике Беларусь.
2. Большинство решений принимаются в пользу истцов, иллюстрируя эффективность существующей системы защиты прав потребителей
3. Правовая основа защиты прав потребителей является схожей, однако имеет некоторые существенные различия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савицкая, К. Д. Правовой режим массовых открытых онлайн-курсов / К. Д. Савицкая // Трансформация механизма государства в период становления и развития инновационного электронного государства : сб. стат. междунар. круглого стола, г. Минск, / Мин. обр. Респ. Беларусь, Белорусский государственный экономический университет ; [редкол.: О. В. Бодакова и др.]. – Минск, 2024. – С. 208–211.
2. Заочное решение Привольжского районного суда Астраханской области по гражданскому делу №2-1110/2024. – URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/84240215#decision> (дата обращения: 05.10.2024).
3. Решение Фрунзенского районного суда г. Ярославля по гражданскому делу № 2-1146/2024. – URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/80742470> (дата обращения: 05.10.2024).
4. Апелляционное определение Полтавского районного суда Омской области по гражданскому делу № 2-341/2024 – URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/84664134> (дата обращения: 05.10.2024).
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апр. 2024 г. № 365-3 : с изм. и доп. вступ. в силу с 18 июля 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2024).
6. О защите прав потребителей : Закон Российской Федер. от 7 фев. 1992 г. № 2300-1 : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 232-ФЗ : // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.10.2024).
7. Кодекс Республики Беларусь об образовании : 13 января 2011 г. N 243-3 принят Палатой представителей 2 декабря 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 декабря 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 6 марта 2023 г. № 257-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2024).
8. О защите прав потребителей : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2002 г. № 90-3 : в ред. от 8 июля 2008 г. № 366-3 : с изм. и доп. от 13 июня 2018 г. № 111-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.10.2024).

УДК 347.78.01

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОНЛАЙН-МАРАФОНОВ

П. Г. РЕУТ

(Представлено: К. Д. САВИЦКАЯ)

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования онлайн-курсов, рассматриваются пользовательские соглашения действующих марафонов на предмет легального определения «марафона». Предложены варианты правового режима онлайн-марафонов.

С развитием цифровых технологий и глобальной сети Интернет образование претерпело значительные изменения, что привело к появлению новых форматов обучения, одним из которых являются онлайн-марафоны. При этом востребованность их на инфорынке и стремительность развития вызывают необходимость в правовом регулировании данной области.

Марафон представляет собой серию видеолекций, вебинаров или мастер-классов, проводимых по определенной тематике. Участники получают доступ к образовательным материалам и заданиям, которые должны быть выполнены за отведенное время. Чаще всего такие мероприятия ориентированы на развитие профессиональных навыков, повышение квалификации и обмена знаний. В свою очередь, в законодательстве отсутствует легальное определение марафона и классификации в качестве одного из видов образовательных услуг. В доктрине вопрос о правовом режиме онлайн-марафонов является открытым и неизученным.

Как правило, для проведения марафона создается отдельный сайт. Рассматривая пользовательские соглашения данных сайтов, можно заметить, что марафон рассматривается в виде:

1. Проекта [1]
2. Сайта [2].

Рассмотрим пользовательское соглашение марафонов «Супер тело» и «6 ключей к счастливой жизни». Из договора, наиболее подходящим определением понятия «марафон» является понятие «проекта», а именно «комплекс мероприятий, опций и сервисов, организуемых Исполнителем и реализуемых посредством сайта supertelo.semenikhin.ru и philosophy.semenikhin.com, включающих в себя тренировочный курс, доступ к различным информационным материалам проекта и полную консультационную поддержку участников проекта, направленных на привлечение неопределенного круга лиц» [1]. Кроме того, в соглашении отдельным пунктом указывается что в роли образовательной программы выступает курс, однако в состав марафона входят как онлайн-курсы, так и вебинары; соответственно марафон нельзя рассматривать в качестве данных образовательных мероприятий, так как они уже входят в содержание марафона. Тем не менее с определением «проекта», марафон имеет множество схожих признаков, таки как:

1. Комплекс мероприятий
2. Реализуемых посредством сайта
3. Наличие информационных материалов
4. Участники – неопределенный круг лиц

Платформа «Факультет корпоративных коммуникаций» рассматривает понятие сайта как «совокупность информации, текстов, графических элементов, дизайна, изображений, фото-, видеоматериалов и иных результатов интеллектуальной деятельности, а также программ для ЭВМ, содержащихся в информационной системе, обеспечивающей доступность такой информации в сети Интернет по сетевому адресу» [2]. В то же время марафон содержит в себе достаточное количество элементов, присущих сайту, что делает рассмотрение марафона в качестве сайта возможным.

Марафоны не являются обучающими курсами, аудио– или видеопроизведениями, так как в содержание марафонов входят различные виды объектов интеллектуальной собственности. При рассмотрении правового статуса, понятие «марафон» является лишь условным названием совокупности всех объектов, включенных в предоставляемую услугу, а именно: вебинары, чек–листы, задания, практики. Поскольку марафоны включают в себя самостоятельно охраняемые правовые институты, то и правовое регулирование будет направлено на каждый из институтов, входящий в правовую конструкцию марафона. Одним из примеров охраны отдельного объекта в составе марафона будет являться марафон «Колесо фортуны» блогера Лерчек.

Валерия Чекалина (Лерчек), на интервью у Лауры Джугели обвинила блогера Оксану Самойлову в плагиате её инфо–продукта, «Колеса фортуны». Однако, согласно ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (или п. 2 ст. 7 закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» [4]), идея не является объектом авторского права. В свою очередь, на колесо фортуны в Российской Федерации уже существует товарные знаки, но по классам охраны они не связаны с деятельностью блогера. Кроме того, защитить идею можно, она должна соответствовать двум признакам:

1. Иметь творческий характер
2. Обладать объективной формой выражения (идея раскрыта в фото, видео или тексте)

Таким образом, составные части марафона, попадают под правовую охрану авторского права, товарного знака, промышленного образца, а также объектов смежных прав.

Ключевым моментом является то, что правовой режим марафонов как одного из видов инфопродуктов нуждается в системном изучении и разработке. Данная область остается открытой для научного исследования; необходимо проанализировать, как действующее законодательство может быть адаптировано для соответствия современным образовательным практикам и реализации прав участников таких образовательных мероприятий. В условиях, когда онлайн-образование становится все более популярным, важно, чтобы правовая база избавилась от пробелов и ненадлежащей интерпретации, обеспечивая защищенность как организаторов, так и участников.

В заключение, правовой режим онлайн-марафонов представляет собой многоаспектную проблему, требующую дальнейшего анализа и проработки в научных и практических плоскостях. Правозащитные механизмы должны учитывать специфику цифровых образовательных форматов и развитие информационного общества, что, в свою очередь, подразумевает непосредственные изменения в законодательной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пользовательское соглашение [Электронный ресурс] // Supertelo.semenikhin. – Режим доступа: <https://supertelo.semenikhin.ru/Offer>. – Дата доступа: 10.10.2024.
2. Пользовательское соглашение [Электронный ресурс] // f-cc.org. – Режим доступа <https://f-cc.org/legal>. – Дата доступа: 10.10.2024.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. Закона от 08 авг. 2024 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс» (дата обращения 09.10.2024)
4. Об авторском праве и смежных правах : Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 : в ред. от 9 янв. 2023 г. : с изм. и доп. от 13 нояб. 2023 г. // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 09.10.2024).

УДК 340+339.543

ПОНЯТИЕ ЦИФРОВОЙ ТАМОЖНИ

А. М. ТРОФИМЧУК

(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)

В данной научной статье рассматриваются понятие и концепция развития цифровой таможи в Республике Беларусь, а также государствах членах Евразийского экономического союза. Автор анализирует возможные перспективы развития цифровой таможи, а также уже используемые таможенными органами Республики Беларусь элементы цифровизации.

В условиях глобальной цифровизации мировой экономики и международной торговли всё большее значение приобретает возможность максимальной автоматизации деятельности таможенных органов Республики Беларусь, в том числе связанной с таможенным контролем за субъектами внешнеэкономической деятельности. Информационно-коммуникативные технологии и их распространение является новым трендом во многих сферах функционирования государства, и таможенные органы не являются исключением.

На сегодняшний день чёткого понятия как в научной сфере, так и в лингвистике о цифровой таможе не сформулировано, однако можно утверждать, что цифровая таможа является ориентированной на будущее моделью функционирования таможенных органов в эпоху создания цифровых продуктов, связанных, например, с автоматизацией таможенного декларирования, выпуска товаров, проведения таможенного контроля с помощью «умных» инспекционно-досмотровых комплексов [1].

Согласно Закону Республики Беларусь от 10 января 2014 года № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь», таможенные органы Республики Беларусь в пределах своей компетенции выполняют следующие функции: обеспечивают экономическую безопасность Республики Беларусь, осуществляют деятельность по автоматизации процессов совершения таможенных операций, реализации отраслевых мероприятий в сфере информатизации. Таким образом, возложенные на таможенные органы функции предопределяют необходимость максимальной цифровизации и автоматизации работы в целях ускорения международного торгового оборота [2].

Основными направлениями развития применения цифровых продуктов в призме развития цифровой таможи являются повсеместное внедрение информационно-коммуникативных технологий, переход на электронный документооборот, обеспечение эффективности таможенного контроля, «умное» таможенное декларирование товаров.

Прежде всего, цифровая таможа необходима для обработки больших массивов данных и формирования баз данных о субъектах внешнеэкономической деятельности, осуществления таможенного администрирования в электронной форме, ускорения и большей прозрачности внешнеторгового оборота для таможенных органов, проведения неинтрузивного таможенного контроля, максимального перехода на автоматический выпуск товаров в ходе осуществления электронного декларирования.

В Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года в качестве одного из целевых ориентиров выделено применение высокотехнологичных автоматических систем и устройств, а также полномасштабное электронное взаимодействие таможенных органов с плательщиками. Основным стратегическим направлением является создания «интеллектуального» пункта пропуска. За основу такого пункта пропуска берётся единая информационная система, которая должна обеспечить интеграцию с программным обеспечением инспекционно-досмотровых комплексов, весогабаритных комплексов, системой считывания и распознавания регистрационных номеров транспортных средств и информационных систем таможенных органов, а также реализация системы электронной очереди и «единого окна». Направленность на интеллектуальность пунктов пропуска необходима для достижения такой цели, как создание максимально благоприятных условий перемещения товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза в связи с автоматизацией и, как следствие, ускорением совершаемых таможенных операций [3].

Именно в Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации есть конкретная направленность на создание «цифровой» таможи, однако в тексте понятие так же не раскрывается.

В Стратегии развития таможенных органов Республики Беларусь на 2020-2025 года и прогнозного периода до 2030 года основными направлениями развития являются развитие электронного таможенного декларирования и автоматизации совершаемых таможенных операций, создание и развитие центров электронного декларирования, централизованная модель построения системы управления рисками, развитие современной информационно-коммуникационной инфраструктуры [4].

Общими целевыми ориентирами для развития «цифровой» таможи являются алгоритмы искусственного интеллекта, в том числе применяемые системами управления рисками, самообучающиеся нейронные сети, электронные средства платежей, интеллектуальные навигационные пломбы, создание площадок крупных экономических форумов и конференций.

В призме «цифровой» таможенной органы Республики Беларусь стали первыми среди государств-членов Евразийского экономического союза применять в своей деятельности навигационные пломбы. Электронной навигационной пломбой называется многоразовое средство идентификации, созданное на основе технологии глобальной навигационной спутниковой системы. Также таможенными органами Республики Беларусь в 2024 году был внедрён электронный документ для декларирования товаров для личного пользования. На сегодняшний день ни одно государство-член Евразийского экономического союза не внедряло электронные декларации на товары для личного пользования. Первая электронная декларация на товары для личного пользования была зарегистрирована таможенными органами Республики Беларусь 27 августа 2024 года, а понятие электронной таможенной декларации закреплено изменениями в Закону Республики Беларусь от 10 января 2014 года № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь». С 5 сентября 2024 такую декларацию физические лица могут заполнять на портале «Е-Паслуга» [5].

Однако необходимо создание общих для государств-членов Евразийского экономического союза информационных систем для административного сотрудничества, а также с другими государственными органами, уполномоченными выдавать разрешительные документы при осуществлении внешней торговли.

Таким образом, концепция «цифровой таможни» уже превращается в стратегию развития таможенных органов государств-членов Евразийского экономического союза. Ключевыми целями развития «цифровой» таможни являются внедрение сквозных технологий для хранения массивов данных, ускорение товарооборота и совершаемых таможенных операций, полноценного перехода на исключительно нейтрузивный таможенный контроль, наиболее комфортного взаимодействия с участниками внешнеэкономической деятельности и обеспечения беспрепятственной торговли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревцова И.В. Цифровая таможня: вызовы и угрозы в условиях цифровой трансформации экономики / И.В. Деревцова, Л.Н. Ключникова, С.С. Кочетыгова, А.А. Осадчая. – DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(4).2. – EDN EJPOOL // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 4.
2. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 10 янв. 2014 г., № 129-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://etalonline.by/novosti/mnenie/zakona-respubliki-belarus-o-tamozhennom-regulirovanii/> – Дата доступа: 10.10.2024.
3. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации, 23 мая 2020 г., №1388-р // КонсультантПлюс / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информации Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/62de6eae95a59b101c046143d08662125b1b4032/ – Дата доступа: 10.10.2024.
4. Стратегия развития таможенных органов Республики Беларусь на 2021-2025 годы и прогнозный период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.customs.gov.by/tamozhennye-organy/strategiya-razvitiya-tamozhennykh-organov/> – Дата доступа: 10.10.2024.
5. Граница и таможня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-pasluga.by/services/granica-i-tamozna> – Дата доступа: 10.10.2024.

УДК 340

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ****К. С. ЧУБАКОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)*

В статье автор рассматривает основные правоотношения, возникающие при использовании социальных сетей, выделяет актуальные проблемы их правового регулирования, а также приводит примеры их решения на основе зарубежного опыта.

Социальные сети уже давно привычное для современных людей явление, согласно статистике сайта Interfax.ru, к 2022 году примерно 5 миллиардов людей пользуется социальными сетями, что составляет более половины от всего населения Земли [1]. Для детей нулевых это неотъемлемая часть их социальной жизни. Во многом данные платформы стали для людей второй реальностью, отличающейся от настоящей жизни только электронным форматом.

Это означает, что взаимоотношения как между отдельными личностями, так и например между личностью и обществом в социальных сетях порождают множество идентичных с уже существующими в реальном мире, правоотношений. Как правило, они регулируются действующим законодательством, например: разжигание расовой ненависти в социальной сети будет влечь за собой ответственность согласно Уголовному кодексу, заключение в сети сделки купли-продажи вещи будет регулироваться нормами гражданского законодательства и так далее. Однако, с другой стороны, социальные сети, во-первых, создают новые, свойственные именно для них, как цифрового пространства, проблемы и отношения, во-вторых, виртуальный мир требует иных методов профилактики правонарушений, борьбы с ними и их изобличения. Все эти вопросы требуют правового решения.

С позиции возрастных ограничений, социальные сети не имеют жестких рамок в законодательстве, как то отражающихся в законодательстве Республики Беларусь. Однако их установление могло бы послужить важным механизмом обеспечения безопасности детей, так как социальные сети сложно контролируемое явление, способное навредить детской психике. В марте 2024 года в штате Юта, США подписаны два закона о запрете использования соц. сетей людям младше 18 лет с 22.30 до 6.30 утра, а также потеря доступа к ним в случае отсутствия согласия родителей, в штате Флорида, США введен полный запрет на регистрацию в соц. сетях для детей младше 14 лет, с 14 лет только с согласия родителей.

Однако системы идентификации личности крайне трудно довести до совершенства, при этом, излишне не затрудняя регистрацию будущего пользователя. Так как дети являются уязвимой, с точки зрения правовой безопасности, группой, они нуждаются в дополнительных ограничениях и контроле. С этими целями, например, было выпущено приложение «Messenger kids». Приложение позволяет родителям контролировать круг лиц, с которыми общается их ребенок благодаря тому, что в случае добавления в друзья нового человека требуется получить разрешение родителя. Также в приложении «Messenger kids» родители сами избирают некоторое количество стикеров и GIF-ок, которыми, по их мнению, ребенок может пользоваться не нарушая нормы о информации ограниченной для детей. Помимо этого планируется ввести сбор данных, позволяющий отслеживать информацию из профиля ребенка, его сообщений и привычек. Она будет передаваться третьим лицам для настраивания рекламы, которая может помочь родителям с пониманием интересов и желаний ребенка. Но стоит отметить, что собираемая информация будет иметь возможность передаваться только компаниям, соответствующим стандартам Copra (Children's Online Privacy Protection Act). Подобные нововведения являются существенным шагом в развитии правовой защиты детей в виртуальном пространстве [1].

Также актуален вопрос идентификации личности в социальной сети. После анализа процесса регистрации, правил лицензионных соглашений наиболее популярных платформ и актов законодательства можно сделать вывод о высоком риске использования фейковых данных в социальных сетях. Как правило сеть подтверждает личность пользователя через синхронизацию с его личным номером телефона, электронной почтой.

Во-первых, данный способ не исключает возможности доступа чужих лиц к устройству и соответственно их регистрации через чужой номер. Во-вторых, сеть не сверяет указанные на аккаунте личные данные пользователя, его реальными данными, что часто приводит к распространению ложной информации о себе, выдаче себя за другого и в некоторых случаях использованию мошеннических схем. В-третьих, отсутствуют весомые последствия использования недостоверной информации о себе.

Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» даже не включает в себя пункт обязанностей субъектов персональных данных, только их права [2]. Уголовное и административное законодательство также не содержит в себе ни одной нормы касательно предоставления ложной информации

о себе. Таким образом, юридические последствия возникают только в результате направленного неправомерного использования ложных сведений о себе против общества и государства, а сам факт выдачи себя за другого не регулируется в должной мере. Сами соц. сети в лицензионных соглашениях запрещают выдавать себя за других, предоставлять неточную информацию о себе. В случае обнаружения подобного нарушения администрация сети может удалить или заблокировать аккаунт, но вероятность повторной регистрации данным лицом высока, поэтому нельзя назвать такой механизм удачным. Решение этого вопроса попытались найти власти РФ в проекте Федерального Закона «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В проекте ввели обязанность предоставления документа удостоверяющего личность при регистрации в сети. С одной стороны это значительно усовершенствовало бы процесс идентификации, с другой стороны неясен порядок предоставления документа и установления его подлинности. Идентификация через паспортные данные уже распространенное явление во многих приложениях, таких как «Беларусьбанк», «Оплати» и т.п. и они также пользуются спросом не смотря на довольно сложный процесс регистрации. Однако в случае такого нововведения необходимо будет учесть уже зарегистрированные пользователи и решить необходима ли им перерегистрация с предоставлением документа удостоверяющего личность.

В целом, при правильном исполнении, идентификация личности через документы удостоверяющие личность имеет место быть и в перспективе было бы интересно посмотреть на результаты подобного способа идентификации личности и отталкиваясь от них выводить новые направления развития решения данной проблемы.

Помимо этого, российский законопроект поднимает вопрос ведения сразу нескольких аккаунтов. А точнее вводит запрет на ведение нескольких аккаунтов одновременно одним лицом, что вызывает сомнения. Ведь виртуальное пространство – это неограниченный ресурс и использование нескольких аккаунтов часто связано с разделением личной стороны жизни и рабочей, например: на личной выкладывают хобби, путешествия и т.п., а на рабочей продвигают себя как специалиста. Также неясно в данном случае правомерность ведения второго аккаунта в связи с рабочей деятельностью, например: задача работника – ведение аккаунта организации, предприятия и т.д. Таким образом, законопроект Госдумы РФ, безусловно помогает осветить и подтолкнуть к решению вопросы правового регулирования социальных сетей, но на данном этапе имеет неоднозначность.

Казахский Закон «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе», на наш взгляд, имеет одно из наиболее точных и продуктивных содержаний для закона такого рода [4]. В нем прописаны термины, которые отсутствуют в законодательстве большинства стран, что вызывало затруднения в решении юридических вопросов связанных с ними. К этим понятиям относятся: аккаунт, ложная информация, инфлюенсер (блогер), онлайн-платформа, контент, профайлинг, таргетированная реклама и другие. Подобный шаг выводит на новый, законодательный уровень проблемы определения правового статуса вышеуказанных явлений. Также согласно Закону определяется специальный уполномоченный орган, ведущий контроль за онлайн-платформами, реестр законных представителей онлайн-платформ. А также Закон вводит обязанности пользователей, находящихся на территории Республики Казахстан, к которым относятся обязанность не распространять ложную информацию. Конечно, закон является новым и требует доработок и пояснений. Например, он предусматривает возможность перевода контента социальной сети на казахский язык, но не поясняется весь ли контент подлежит переводу, если да, то что делать с видео- и аудиоматериалами выложенными в сеть. К тому же закон не указывает последствия нарушений его норм и не дает ссылок на иные отрасли права, способные привлечь лицо к правовой ответственности. При должном развитии закона и осуществлении его политики, он претендует иметь место быть как один из первых законов направленных на регулирование социальных сетей на территории стран СНГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Facebook запустил «детский» мессенджер. Нужен ли он детям? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-42235572>. – Дата доступа: 24.03.2024
2. Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 г. № 99-3 «О защите персональных данных» [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 г. № 99-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regum=H12100099>. – Дата доступа: 24.03.2004
3. О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: проект Федерального закона № 145507-7 – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=158063> – Дата доступа:
4. Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе [Электронный ресурс]: закон Республики Казахстан от 10.07.2023 г. № 18-VIII ЗРК – Режим доступа: <https://adilet.kz/rus/docs/Z2300000018>

УДК 340+347

**АККАУНТ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
С ПОЗИЦИЙ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ****К. С. ЧУБАКОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)*

Настоящая статья направлена на изучение правовой природы аккаунта и порядка его наследования. В статье рассмотрены существующие подходы к правовому пониманию явления «аккаунта» и существующие способы его передачи по наследству.

На данном этапе развития социальных сетей, как платформ, направленных в первую очередь на коммуникацию людей между собой в виртуальном пространстве, аккаунт стал центром вопросов и проблем, в том числе и в правовой сфере, по некоторым данным, к концу этого столетия, количество «мертвых» аккаунтов превысит число аккаунтов живых пользователей. Отсюда и возникает вопрос его наследования. Сам по себе аккаунт в социальной сети – это личная страница, пространство, учетная запись пользователя, которая хранит, как правило, личную информацию о его обладателе в общем или скрытом доступе. Так как аккаунт хранит в себе большой массив личной информации о человеке, то это порождает многочисленные вопросы его правового регулирования, к которым относится вопрос наследования. Аккаунт создается посредством регистрации пользователя в социальной сети, на основании пользовательского (лицензионного) соглашения, благодаря которому ему предоставляется в пользование сервис.

Наследование, согласно ст. 1031 Гражданского Кодекса Республики Беларусь, – это переход имущества умершего к другим лицам в неизменном виде как единого целого, в один и тот же момент [1]. В добавок, процесс наследования урегулирован Законом «О нотариате и нотариальной деятельности», и др. В международном праве – Гаагской конвенцией о праве, применимом к имуществу, распоряжение которым осуществляется на началах доверительной собственности и о его признании от 01.07.1985 года, Вашингтонской конвенцией о единообразном законе о форме международного завещания от 26.10.1973 года, Регламентом (ЕС) Европейского Парламента и Совета № 650/2012 «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании» и другими международными актами. Из анализа вышеперечисленными нормативных правовых актов видно, что на законодательном уровне аккаунт не приравнен к объекту права и не имеет официального юридического понятия. Поэтому большинство существующих подходов по рассмотрению наследования аккаунта являются доктринальными и не имеют за собой широкой практики применения.

Некоторые ученые относят аккаунт к «виртуальному имуществу» и считают, что его наследование должно происходить, как и наследование реального имущества. «Виртуальное имущество» еще расплывчатый термин, не установленный законодательством. Ж. Ю. Юзефович и В.Е. Газовая считают, что виртуальное имущество – это цифровой актив, стоимость которого носит формальный характер, потому как лишь дублирует реальную стоимость [2]. Схожего мнения и О.В. Костина, Л.А. Омарова и А.И. Черненко, которые говорят о том, что Федеральной налоговой палатой и мировой практикой аккаунты рассматриваются как цифровые активы [3]. Однако имущество имеет определенную ценность, выражаемую в денежном эквиваленте, что не всегда возможно в отношении аккаунта, ведь, как уже было сказано, он по большей части состоит из персональных данных лица. На этой основе часть ученых рассматривает аккаунт как результат интеллектуальной собственности (базу данных, мультимедийное произведение) [4]. Поэтому термин «виртуального имущества» больше подходит для обозначения тех аккаунтов, которые можно оценить на основе вложенных в них денежных средств, например: бизнес-аккаунтов, в которые вкладывались для рекламной раскрутки. В отношении «виртуального имущества» существует практика по продаже персонажей онлайн-игр, которых перед эти их владельцы прокачивали вкладывая реальные деньги, а затем продавали другим игрокам с возможностью применения их в дальнейших играх. По аналогии с данным примером, можно установить, что в случае передачи аккаунта, как «виртуального имущества», наследополучатель также будет иметь право пользования аккаунтом, а значит переписки, выкладывания фотографий и тому подобного. Поэтому здесь возникает вопрос: правомерно ли будет наследополучателю использовать чужую личную страницу и будет ли он обязан перед пользователем заменять персональные данные своими.

Другой подход к наследованию аккаунта базируется не на передаче аккаунта как некоего определенного объекта, а на передаче прав доступа к информации на нем. Ведь как уже было сказано, аккаунт – есть совокупность личных данных лица, судьба которых в после смерти владельца в Республики Беларусь определяется Законом «О защите персональных данных» [5]. Но в нем указано лишь то, что наследники вправе давать согласие на дальнейшую обработку данных, получение информации об этапе их обработки,

требовать остановки обработки информации, но нигде не указано, что они имеют к ней прямой доступ. При таком подходе рассмотрения наследования аккаунта, наследополучатель не получает аккаунт свою собственность, а лишь хранящуюся на нем информацию. В мировой практике уже известно несколько случаев, когда предоставлялась информации с личной страницы умершего пользователя, в одном из них информацию передали в виде PDF-файла на электронном носителе. Так, например, в Германии в 2012 году после смерти своей дочери под колесами поезда, родители запросили доступ к ее аккаунту, чтобы разобраться в обстоятельствах и причинах ее смерти. Однако это значило бы передачу не только ее персональных данных и личной информации, но и других пользователей, которые взаимодействовали с девочкой в рамках платформы. Поэтому социальная сеть отказала родителям в предоставлении аккаунта. Далее родители обратились в суд с той же просьбой. Разбирательство происходило несколько раз и, в конечном счете, суд разрешил доступ к архивам ее страницы и приравнял передачу аккаунта к передаче дневников и писем. То есть суд Германии посчитал аккаунт и его архивы таким же объектом наследства, как и остальное имущество. Стоит отметить, что в данном случае родители получили доступ к архивным данным дочери, но не право его управлением [6].

Что касается существующих законов о наследовании аккаунтов, а также возможных на даны момент путях завещания аккаунта, то ниже приведены их примеры.

В штате Дэлавер, США, приняли закон позволяющий оставлять в виде завещания определенные инструкции касательно распоряжения их учетными записями, блогами, облачными хранилищами. Многие говорят о противоречии данного закона Федеральному Закону, согласно которому запрещается передача кому бы то ни было доступа к персональным данным без согласия владельца или разрешения властей. Но по сути владелец данных может выразить свое согласие на передачу через завещание или решение о передаче может быть рассматриваться в виде компетенции органов властей и тогда противоречие исчезает [7].

В Швеции порядок наследования аккаунта умершего человека зависит от условий пользовательского соглашения. Что вполне логично, так как большинство пользовательских соглашений обозначают невозможность передачи аккаунта другому лицу, а значит наследование доступа к нему будет нарушением локального договора [8].

Сами платформы не предусматривают в своих правилах переход аккаунта по наследству, но предоставляют некоторые решения касательно «мертвых» аккаунтов. В случае сети ВКонтакте, выделяется два пути развития: создание из аккаунта умершего некое подобия виртуального памятника. В этом случае страница консервируется, то есть остается в неизменном виде и не подлежит изменению в том числе и родственниками. Второй вариант – полное удаление страницы. Все это осуществляется при наличии свидетельства о смерти лица. Платформа Одноклассники предлагает возможность доступа к аккаунту умершего только при передаче прав на это через завещание, одобренного судом [9].

Аспект перехода аккаунта по наследству в настоящее время остается актуальной и малоизученной темой. Позиции ученых насчет этого вопроса разнятся и имеют как свои плюсы так и минусы. При решении вопроса наследования аккаунта социальной сети необходимо отталкиваться от его специфики, а именно имеет ли он материальную выгоду для его владельца, какая информация на нем находится, повлечет ли его наследование нарушение прав иных лиц. К тому же необходимо установить как будет происходить наследование аккаунта, будет ли это включать в себя дальнейшую возможность его управления или же просто предоставление хранящийся на нем, на момент смерти пользователя» информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 декабря 2021 г. [Электронный ресурс]// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Юзефович, Ж.Ю. Цифровые права как объекты гражданских прав [Текст] / Ж.Ю. Юзефович, В. Е. Хазова // Гражданское право. – 2022. – № 5. – С. 15–18.
3. Костина, О.В. Наследование аккаунтов в социальных сетях как средство обеспечения баланса интересов граждан и предпринимателей / О.В. Костина, А.И. Черненко, Л. А. Омарова // Юридическая наука. – 2022. – № 6. – С. 53–56.
4. Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 г. № 99-3 «О защите персональных данных» [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 г. № 99-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regum=H12100099>. – Дата доступа: 24.09.2024
5. Аккаунт в наследство: как в германии завещают цифровые данные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/gesellschaft/neuerordner/-/2216316>. – Дата доступа: 24.09.2024.
6. Закон о завещании онлайн-аккаунтов приняли в штате Делавэр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/amp/2014/08/22/accaujnt/html>. – Дата доступа: 02.10.2024.
7. Наследование аккаунтов в социальных сетях в Германии и Швеции / Абросимова Е.А., Власенко Э.В. // Вестник СПбГУ. – 2022. – № 2. – 458–462 с.
8. Мертвые страницы: что происходит с аккаунтами мертвых людей в социальных сетях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ritualtrans.by/blog-list-layout/item/133-mertrye-akkauny-v-socsetyah>. – Дата доступа: 06.10.2024.

УДК 347.211

**НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ
В ОТНОШЕНИИ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****В. В. ШАБОВИЧ***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. П. В. СОЛОВЬЕВ)*

В данной научной статье затрагиваются вопросы правового регулирования обращения криптовалюты. Анализируется ряд нормативных правовых актов, которые приняты для повышения прозрачности в сфере обращения токенов и повышения эффективности деятельности судебных исполнителей в ходе принудительного исполнения в отношении цифровых активов.

Республика Беларусь входит в число юрисдикций с развитым регулированием сферы оборота токенов. По данным исследования Конференции ООН по торговле и развитию, опубликованном в августе 2022 года, около 4% населения страны (~350 000 человек) являлись владельцами криптовалюты, а это 19-е место в мире.

Свое законодательное регулирование токены получили с принятием Декрета от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) [1]. Декретом № 8 были урегулированы требования к операциям по созданию, размещению, хранению, отчуждению, обмену токенов, а также к деятельности операторов криптоплатформ, операторов обмена криптовалют, майнерам. Закрепил новые понятия: «токен», «криптовалюта», «размещение цифровых знаков (токенов)». Так, наша страна одна из первых в мире узаконила статус криптовалюты.

В силу распространения международной преступности, в частности широкого территориального охвата мошенничеством, государство с помощью Указа Президента Республики Беларусь от 17.09.2024 № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» (далее – Указ № 367) предусмотрело возможный вариант защиты токенов от вовлечения в противоправную деятельность [2]. Рассматриваемый Указ предусматривает запрет на совершение операций с токенами за наличные и безналичные денежные средства вне территории национальных криптобирж, криптообменников. Теперь такие процедуры можно осуществлять только на лицензированных площадках. Можно утверждать, что Указ № 367 направлен на определение легальной точки ввода и вывода токенов, что минимизирует преступность с применением криптовалюты.

Операции физических лиц с токенами, производимые самостоятельно не являются предпринимательской деятельностью. Оказание третьим лицам услуг по трудовым или гражданско-правовым договорам по обмену криптовалюты на белорусскую либо иностранную валюту может быть расценено как предпринимательская деятельность. За 2023 год было выявлено более 130 фактов нарушения законодательства в рассматриваемой сфере. За данные правонарушения предусмотрена административная и уголовная ответственность (зависит от размера полученного дохода). Исходя из практики, кроме уплаты штрафа, как правило, взыскивается до 100% дохода, полученного незаконным путем.

Официальное признание не означает, что криптовалюта обладает таким же статусом, что и фиатные деньги. Поэтому стоит учитывать особенности их правового статуса, чтобы не совершать нарушений и избежать негативных последствий за их совершение.

Парку высоких технологий было поручено создать реестр адресов виртуальных кошельков, использовавшихся в противоправной деятельности для обеспечения возможности реализации на практике Указа Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2022 г. № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» (далее – Указ №48) [4]. В Указе идет речь об учете и реализации изъятой криптовалюты в ходе производства по делу и в исполнительном производстве.

Исполнительное производство – применение при исполнении исполнительного документа работниками органов принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов (далее, если не установлено иное, – орган принудительного исполнения), кроме лиц, осуществляющих техническое обслуживание и обеспечивающих их деятельность, по основаниям и в порядке, установленным настоящим Законом и иными актами законодательства, мер, направленных на восстановление нарушенных прав и законных интересов взыскателя, соблюдение и охрану интересов государства [5].

Министерством юстиции Республики Беларусь 14 апреля 2022 г. принято Постановление № 67 «Об изменении постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. №67» (далее – Постановление № 67) [6], тем самым внесли изменения в Инструкцию по исполнительному производству [7]. Новый порядок предусматривает особенности ареста, оценки и реализации криптовалюты должника (абз. 3 п. 1 Постановления № 67). Криптовалюта передается без установления ее стоимости. Реализацией на договорной основе занимается субъект торговли или специализированная организация. Реализация происходит через оператора криптоплатформы или оператора обмена криптовалют с их согласия. Стоимость

реализованной криптовалюты составляет фактическую сумму денежных средств, зачисленных на счет отдела принудительного исполнения.

В случае отказа оператора криптоплатформы или оператора обмена криптовалют реализовать арестованную криптовалюту арест снимается, иные ограничения отменяются на основании постановления судебного исполнителя и криптовалюта возвращается должнику. Нереализованная по исполнительному документу криптовалюта должнику не возвращается.

Однако на практике существуют проблемы.

Сложности регулирования криптовалюты связаны с ее анонимностью. Она может храниться как на сервере, так и на персональном компьютере любого пользователя. Единственным условием предоставления доступа к ней является наличие цифрового кода, что делает определение ее принадлежности невозможным. Кроме того, она не имеет постоянного курса по отношению к национальной валюте, в связи с чем обращение взыскания на нее и дальнейшая реализация представляются сложной задачей.

Прописанные в Постановлении №67 механизмы конфискации и последующей продажи цифровых активов непонятны и требуют уточнения. По законодательству неясно, кто и как должен доказывать принадлежность актива к криптовалютам, а судебный исполнитель, на наш взгляд, не компетентен в данных вопросах.

Открытым остается вопрос: кто будет определять цену конфискованной криптовалюты и как это будет происходить. При непрозрачном определении цены могут пострадать интересы того, у кого изымают.

Также на сегодняшний день не до конца урегулирован вопрос по поводу административной ответственности за совершение неправомерных сделок с токенами в соответствии с Указом №367. На данный момент Президент Республики Беларусь лишь поставил задачу перед Советом министров Республики Беларусь совместно с заинтересованными до 01.06.2025 предложить варианты административной ответственности за нарушение требований Указа № 367. Например, в случае покупки токенов через мерчант-счет на сторонних биржах – это будет расценено как правонарушение, однако, на данный момент установлена только гражданско-правовая ответственность.

Также насущным вопросом становится положение тех физических лиц, у которых имелись аккаунты на дату вступления Указа № 367 в силу. Указ лишь запрещает проводить операции с ними.

Введение Указа №367 позволяет исполнителям точнее отслеживать имеющийся у должников финансовый поток, так как ограничен перечень криптобирж, с помощью которых возможно осуществлять оборот криптовалюты. Также можно сделать следующее предложение в сфере цифрового права: осуществлять блокирование сайты тех криптоброкеров, которые не попадают под национальную юрисдикцию, но используют нелегальные точки ввода и вывода криптовалюты.

Таким образом несмотря на то, что закрепление в законодательстве категории цифровой валюты, ограничение процедур сделок с нею окончательно сделало криптовалюту видимой для правового поля, считаем преждевременным говорить о завершённости её правового регулирования, в частности, регламентации исполнительного производства в отношении нее.

ЛИТЕРАТУРА

1. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь, 21 янв. 2017 г., № 8 // Эталон. – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=pd1700008&ysclid=m2a2pskwid5245125> – Дата доступа: 10.10.2024.
2. Об обращении цифровых знаков (токенов): Указ Президента Республики Беларусь, 17 сент. 2024 г., № 367 // Эталон. – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=p32400367&ysclid=m2a31frqj479288036> – Дата доступа: 10.10.2024.
3. NFT – что это такое простыми словами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/day-theme/?id=10972291> – Дата доступа: 10.10.2024.
4. О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты: Указ Президента Республики Беларусь, 14 фев. 2022 г., № 48 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=p32200048&q_id=161755 – Дата доступа: 10.10.2024.
5. Об исполнительном производстве: Закон Республики Беларусь, 24 окт. 2016 г., № 439-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=Н11600439&ysclid=m2a3kvhk68961869252> – Дата доступа: 10.10.2024.
6. Об изменении постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. № 67: Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь, 14 апр. 2022 г., № 67 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=w22237905&q_id=0&ysclid=m2a474s8036715384 – Дата доступа: 10.10.2024.
7. Об утверждении Инструкции по исполнительному производству: Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь, 7 апр. 2017 г., № 67 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=w21732023&q_id=42672 – Дата доступа: 10.10.2024.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.2

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КОМПЕНСАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, РОЛЬ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

К. В. АРЕФКИНА

(Представлено: В. А. КУКШТЕЛЬ)

Статья посвящена уголовно-правовой компенсации, ее понятию и видам, а также роли, которую она играет в системе уголовного права. В статье исследуются признаки уголовно-правовой компенсации. Уголовно-правовая компенсация рассматривается в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям, а также реализации уголовной ответственности по средствам осуждения с условным неприменением наказания. Автор исследует роль компенсации в обеспечении справедливости и социальной защиты.

Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 № 241-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [1] были внесены изменения в национальный уголовный закон, криминализировавшие уголовно-правовую компенсацию.

Понятие уголовно-правовой компенсации содержится в ст. 4 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). В соответствии с п. 16 ст. 4 УК Республики Беларусь «Уголовно-правовая компенсация – мера материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности либо обязано исполнить при применении иных мер уголовной ответственности». Уголовно-правовая компенсация является формой заглаживания вины перед обществом, призвана содействовать исправлению лица, совершившего преступление, восстановлению социальной справедливости и применяется только в случаях, предусмотренных Уголовным Кодексом Республики Беларусь [2].

Анализируя понятие, определенное законодателем в Уголовном Кодексе в ст.4, можно выделить основные признаки, характерные для уголовно-правовой компенсации.

В первую очередь, это мера материального характера. Она является одной из разновидностей мер уголовно-правового характера, установленных уголовным законом, и своей целью существенно ограничивающая права и свободы человека. Меры карательного, исправительного и воспитательного воздействия, применяются к лицам за совершение преступлений, в целях охраны общественных отношений и предупреждения преступной деятельности. Как указывает Т. Г. Хатеневич и Е. А. Кажецкая, «Правоприменитель имеет большой выбор альтернативных лишению свободы мер уголовно-правового воздействия и способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Многие из них также можно определить как меры материального характера (или меры материального воздействия на лиц, совершивших преступления)» [3].

Второй признак – уплата уголовно-правовой компенсации это одно из условий освобождения от ответственности, а так же это обязанность, возлагаемая на виновного при применении к нему иных мер уголовной ответственности.

Третий признак – денежные средства, выплачиваемые лицом, поступают в государственный бюджет, отсюда возникает сходство уголовно-правовой компенсации и такого наказания как штраф. Разграничение данных понятий исследуются по тексту далее.

Четвертый признак – добровольный характер. Однако в рамках ст. 78, 88 и 88/1 УК уплата носит принудительный характер. Возникает противоречие в характере данных выплат. Ведь тогда можно сказать, что уплата уголовно-правовой компенсации носит добровольно-принудительный характер, так как является одним из условий освобождения от наказания.

В уголовном праве уголовно правовая компенсация реализуется в качестве:

- одного из условий освобождения от уголовной ответственности или наказания;
- одного из условий осуждения с условным неприменением наказания

Уплата уголовно-правовой компенсации как одной из оснований освобождения лица от уголовной ответственности и наказания по реабилитирующим основаниям это относительно новая мера материального характера в системе мер уголовно-правового воздействия Республики Беларусь.

В рамках оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания данная мера была закреплена в ч. 1 ст. 82 УК Республики Беларусь, ст. 88 и ст.88/1.

В ч. 1 ст. 82 УК Республики Беларусь определяется, что:

«Лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности или наказания либо досрочно освобождено от отбывания назначенного судом наказания лишь в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом. Если в качестве условия освобождения от уголовной ответственности предусмотрена уплата уголовно-правовой компенсации, решение об освобождении лица от уголовной ответственности принимается после ее внесения на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс.

Уплата уголовно-правовой компенсации не освобождает лицо от обязанности возместить причиненный преступлением ущерб (вред) и (или) уплатить доход, полученный преступным путем, если указанные условия предусмотрены в качестве таковых для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности».

Одним из обстоятельств, свидетельствующих о возможности освобождения виновного лица от уголовной ответственности, является добровольное возмещение им причиненного ущерба (вреда). Тем самым оно демонстрирует свое деятельное раскаяние. Уголовно-правовая компенсация одно из обязательных условий при освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием установлена в ст. 88 УК Республики Беларусь. Применение уголовно-правовой компенсации возможна для лиц, впервые совершивших преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление. Также этими лицами должен быть выполнен ряд условий, среди которых 1) добровольная явка с повинной или активное содействие выявлению и (или) раскрытию преступления, 2) возмещение причиненного преступлением ущерба (вреда), 3) возврат неосновательного обогащения и (или) уплата дохода, полученного преступным путем и 4) уплата уголовно-правовой компенсации путем внесения на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс.

Лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности или наказания лишь при условии выполнения всех вышеперечисленных условий.

На взгляд Т.Г.Хатеневич и Е.А.Кажецкой, «условие освобождения от уголовной ответственности по ст. 88 УК призвано усилить компенсационный потенциал института деятельного раскаяния. Одновременно произошло усложнение содержания норм о деятельном раскаянии, развитие которых и до настоящего времени не отличалось простотой»[4].

Разновидностью освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием является освобождение в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем (ст. 881 УК). В Республике Беларусь указанная норма используется по уголовным делам об экономических преступлениях, преступлениях против интересов службы и другим уголовным делам [5]. Отличительная особенность состоит в том, что освобождение по ст. 881 возможно при совершении преступлений любой степени тяжести, кроме тех, что входят в круг преступлений, где действия лица посягают на жизнь и здоровье человека, и именно это является одним из обязательных условий для применения данной нормы. Как известно, в плане предупреждения преступлений корыстной направленности в большей степени оптимальны меры материального воздействия, которые, как отмечает Д. В. Шаблинская, направлены на разрушение «корыстно-криминогенной ориентации» [6, с. 65].

Статья 881 содержит в себе условия, при которых лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление, повлекшее причинение ущерба государственной собственности или имуществу юридического лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, либо существенного вреда государственным или общественным интересам и не сопряженное с посягательством на жизнь или здоровье человека, может быть освобождено от уголовной ответственности. Помимо внесения уголовно-правовой компенсации на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, виновное лицо должно добровольно возместить причиненный ущерб (вред), уплатить доход, полученный преступным путем, и выполнить иные условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные законодательным актом.

Уголовно-правовая компенсация также закрепляется в ст. 78 УК Республики Беларусь «Осуждение с условным неприменением наказания». Ч.5 ст. 78 УК Республики Беларусь «...При осуждении с условным неприменением наказания суд может обязать осужденного уплатить в доход государства уголовно-правовую компенсацию в размере от тридцати до ста базовых величин в течение шести месяцев после вступления приговора в законную силу».

В данном случае уголовно-правовая компенсация реализуется в рамках иной меры уголовной ответственности. Она может быть назначена по усмотрению суда к лицу, впервые осуждаемому к лишению свободы за совершенные преступления, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление и в качестве исключения для отдельных категорий граждан – тяжкое преступление. Исключением признаются лица, совершившие преступления до достижения ими восемнадцатилетнего возраста, достигших общеустановленного пенсионного возраста, инвалидов I и II группы.

Л.В.Павлова, например, отмечает, что «введение уголовно-правовой компенсации в ст. 78 УК стало одной из альтернативных обязанностей» [7, с. 77]. Действительно, если выплата уголовно-правовой компенсации возлагается на лицо судом в качестве обязанности при осуждении с условным неприменением наказания, то уклонение от выполнения этой обязанности может расцениваться судом как нарушение

одного из условий испытания и учитываться при решении вопроса об отмене условного неприменения наказания. Т. е. в данном случае уголовно-правовая компенсация выступает не условием освобождения от уголовной ответственности, а альтернативной обязанностью, которую суд может возложить на виновное лицо при применении ст. 78 УК Республики Беларусь.

Уголовно-правовая компенсация при рассмотрении сложившейся системы уголовно-правового регулирования не заменяет иные меры материального характера, применяемые в отношении лиц, совершивших преступления. К таковым мы можем отнести применяемые на законной основе материальные лишения или ограничения – штраф или конфискация имущества. Указанные меры воздействия реализуются в режиме осуждения. Восстановление социальной справедливости в форме возмещения причиненного преступлением ущерба (вреда), уплаты уголовно-правовой компенсации, возвращения неосновательного обогащения и (или) уплаты дохода, полученного преступным путем – меры воздействия, относящиеся к мерам позитивного стимулирования, которые могут применяться вне режима осуждения или при освобождении от уголовной ответственности. В случае с уголовно-правовой компенсацией она может применяться, как при режиме осуждения лица, так и вне его.

Уголовно-правовая компенсация неразрывно связана с уголовной ответственностью и выступает в роли элемента реализации ее восстановительной функции. Так, ст. 44 УК Республики Беларусь, определяет цели уголовной ответственности, основной целью выступает исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. В ч. 3 ст. 44 УК, устанавливается, что «...уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда». В.Д. Филимонов пишет, что «восстановительное свойство уголовной ответственности проявляется при добровольном возмещении виновным причиненного преступлением ущерба, примирении с потерпевшим и т.п. Кроме того, восстановительная функция уголовной ответственности направлена, прежде всего, на восстановление нарушенной социальной справедливости, что не исключает возмещения, в том числе, причиненного преступлением материального ущерба» [8].

Следовательно, роль уголовно-правовой компенсации определяется, как один из элементов реализации уголовной ответственности и замещение ею карательных мер воздействия на лицо, совершившего преступление при соблюдении всех условий, определенных УК Республики Беларусь.

Подводя итог, включение законодателем уголовно-правовой компенсации в систему мер материального воздействия на лиц, совершивших преступления, обусловило много споров о том, что данная мера является так называемым «откупом» от применения к лицу мер воздействия, реально лишаящих его определенных благ. Важно помнить о целях уголовной ответственности, которые преследуют исправление лица и восстановление социальной справедливости. Законодатель, криминализируя институт освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, закрепил принцип гуманизации уголовной ответственности. Т.е. уплата уголовно-правовой компенсации вместе с иными обязательными условиями дает возможность исправления лица без претерпевания им неблагоприятных последствий. Кроме того осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда. Обязанность уплатить компенсацию или ее добровольная уплата позволяет говорить о сформированной стойкой направленности осужденного на законопослушное поведение. Применение данных мер расширяет диапазон методов позитивного стимулирования в отношении тех, кто совершил преступление и способен исправиться без изоляции от общества, имеет мотивацию на социальную адаптацию и реабилитацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» 05.01.2015 № 241-3 [Электронный ресурс] //Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500241> – Дата доступа: 02.09.2024.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.07.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Хатеневич, Т. Г., Кажецкая Е.А. Меры уголовно-правового воздействия и уголовно-правовая компенсация: в поисках сбалансированного применения и резервов реализации целей уголовной ответственности / Т. Г. Хатеневич, Е.А. Кажецкая // Электронный сборник ГрГУ. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27505988_45530831.pdf – Дата доступа : 02.10.2024.

4. Хатеневич, Т. Г. Мера уголовно-правового воздействия и уголовно-правовая компенсация: в поисках сбалансированного применения и резервов реализации целей уголовной ответственности / Т. Г. Хатеневич, Е. А. Кажецкая // Веснік Гродзенскага дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 4, Правазнаўства. – 2016. – Т. 6, № 6. – С. 83–91.
5. Освобождение от уголовной ответственности по ст.88-1 УК Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zav.minsk.gov.by/zakonnost-i-pravoporjadok/prokuratura-zavodskogo-rajona-g-minska/prokurorskiy-nadzor/9983-osvobozhdenie-ot-ugolovnoj-otvetstvennosti-po-st-88-1-uk-respubliki-belarus> – Дата доступа: 11.09.2024.
6. Шаблинская, Д. В. Иные меры уголовно-правового воздействия в современных условиях противодействия преступности / Д. В. Шаблинская // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2015. – Вып. 10. – С. 675–686.
7. Павлова, Л. В. К вопросу о сущности и месте уголовно-правовой компенсации в системе уголовного права / Л. В. Павлова // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [Андреев, И. С. Профилактическая деятельность следователя при расследовании дорожно-транспортных происшествий : дис. ... канд. юрид. наук / И. С. Андреев. – Минск, 1982. – 220 л.
8. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по Российскому законодательству [Электронный ресурс] / В.Д. Филимонов // Google Академия. – Режим доступа: https://books.google.by/books?hl=en&lr=&id=tCk-jvCDoxDcC&oi=fnd&pg=PA2&dq=info:GcbqnIAfocIJ:scholar.google.com&ots=0G5_BO7FUK&sig=R6N2nKKXxVMaBYOkve0-uoSzVYo&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false – Дата доступа : 02.10.2024.

УДК 343.2

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОМПЕНСАЦИИ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ****К. В. АРЕФКИНА***(Представлено: В. А. КУКШТЕЛЬ)*

В настоящей статье рассматривается исторический аспект формирования и развития института уголовно-правовой компенсации, используя исторически значимые памятники права, а так же факторы, оказывавшие свое влияние на ее формирование.

В доктрине уголовного права исследователи неоднократно отмечали значимость историко-правового анализа при изучении формирования и становления норм права. Исторический анализ – это метод исследования, который используется для изучения прошлых событий и явлений [1]. Ю.Ю. Ветютнев писал, что: «Процесс образования и становления развивающегося явления, установление основных причинно-следственных связей достигается при помощи историко-генетического метода» [2]. Следует отметить, что ученые-правоведы данный метод активно применяют в методологическом арсенале юридической науки. Он включает в себя анализ правовой базы, документов, архивных материалов, исторических фактов и других источников, которые помогают понять прошлое и его влияние на настоящее.

Первые писанные памятники права появились в Беларуси в феодальный период её развития, к ним относились правовые обычаи, Русская правда и Судебник Казимира 1468 года. Исторический анализ зарождения понятия уголовно-правовой компенсации как основания освобождения от уголовной ответственности и наказания целесообразным будет начать с наиболее систематизированных сводов законов, действовавших на территории Беларуси, а именно со Статутов Великого Княжества Литовского (далее – Статуты ВКЛ). Статуты ВКЛ были написаны на старобелорусском языке, который в свою очередь является предшественником современного белорусского языка и отражает развитие белорусской идентичности.

А.Ф. Вишневский указывает, что по своему внутреннему совершенству и ширине регулируемых отношений Статуты ВКЛ не имели себе равных юридических актов в Европе [3].

Статут ВКЛ 1529 г. представляет собой первый свод норм дворянской конституции и законов основных отраслей права ВКЛ. Статут представляет собой систематизированную последовательность норм уголовного и уголовно-процессуального права. Система наказаний того времени представляла собой четко выстроенную структуру. Наличие классового деления выступало в качестве детерминанта при выборе размера и вида наказания. Общество по своему правовому положению делилось на шляхту, мещан, духовенство, крестьян. Классовый характер уголовного права проявлялся и в том, что за аналогичное правонарушение представители привилегированных сословий (шляхтичи) несли более мягкое наказание, чем простые люди. Так, например, ст. 4 раздела IX Статута 1529 г. определяет «если бы кто-нибудь ранил или побил тяглого крестьянина, то должен уплатить ему в качестве компенсации полтину грошей, а женщине рубль грошей, челядинцу полкопы грошей, а его жене копу грошей» [4].

Статутом 1529 г. предусматривалась возможность освобождения от наказания в зависимости от разных оснований. Нормы, содержащие основания освобождения от ответственности, располагались в Статуте беспорядочно. К числу основных оснований отмены наказания исследователь начала XX века Г.В. Демченко относил следующие: смерть преступника, помилование, примирение потерпевшего с ответчиком, выкуп наказания, зачет наказания, истечение периода времени, попросту говоря которого преступление останется без преследования или наказание не будет исполнено [5]. В качестве примера основания освобождения от наказания вследствие смерти виновного приведем отрывок из ст.20 «...если бы он умер, не дождавшись четвертого срока по этому делу, тогда ни его чести, ни чести его потомков урона нет» [4, с. 8].

В ходе анализа норм Статута ВКЛ 1529 года такого понятия, как уголовно-правовая компенсация в своем настоящем понимании подобных не имела. Существование понятия «вознаграждение» содержало в себе совершенно другое значение. Для примера возьмем к рассмотрению с.1 раздела 7 «О земских насилиях, о побоях и об убийствах шляхтичей».

«... а если бы тот, на чей дом сделано нападение, обороняясь, бежал из своего дома и никто не был бы убит или ранен, то все равно тот, кто напал на дом, приговаривается к смертной казни, а вознаграждение должно быть уплачено хозяину дома. А что останется из имущества насильника сверх уплаченной суммы, то засчитывается как штраф в пользу великого князя» [4, с. 45]. Санкция нормы предусматривает как основное наказание смертную казнь, а как дополнительную меру воздействия, которая должна была усилить и без того максимальное по строгости основное наказание в виде смертной казни – вознаграждение, которое виновный обязан был уплатить за совершенное преступление. Данное вознаграждение хоть и является мерой материального воздействия на лиц, но не является основанием для освобождения от ответственности, так же как не является и обстоятельством смягчающим ответственность.

Второй Статут ВКЛ был сводом законов феодального права, действовавший на территории Беларуси в 1566–1588 гг. В Статуте ВКЛ 1566 г. сохранена структура Статута ВКЛ 1529 г, где главы 11–14 содержали нормы уголовного права, а нормы содержащие основания освобождения от ответственности остались тождественными первому Статуту [6]. Существенные изменения затронули уголовное право. Провозглашалась презумпция невиновности, уголовное наказание должно было осуществляться только по суду, а лицо, обвинившее кого-либо в преступлении и не доказавшее его вины, должно было быть наказано так, как мог быть наказан обвиненный им. Субъектом преступления признавался гражданин Великого Княжества Литовского и иностранные граждане, а несовершеннолетние могли быть наказаны только после достижения ими 14 лет, в отличие от Статута 1529 года, где субъектом преступления признавались все граждане независимо от возраста.

Перечень норм, закрепляющих основания освобождения от ответственности остался прежним и являлся исчерпывающим. Роль «вознаграждения» как меры материального характера, применяемая к лицу, виновному в совершении преступления, все так же применялась в виде имущественного вида наказания, который применялся дополнительно к основному наказанию и носил обязательный характер: «аднак абавязковым элементам адказнасці з’яўляецца вяртанне захопленай маёмасці (або яе кошту) і кампенсацыя шкоды. У некаторых выпадках прадугледжваецца выплата штрафу за насілле: «кгвальт заплатити дванадцать рублей грошей» (арт. 2). У сувязі з кампенсацыяй прычыненай шкоды» [6, с. 45].

Статут ВКЛ 1588 года своим развитием превосходит своих предшественников. Он содержал значительный объем статей, объединенных в 14 разделов, уточненную систему расположения правового материала, а также значительно усовершенствованную юридическую терминологию. В Статуте ВКЛ 1588 г. получили развитие такие институты, как институт освобождения от уголовной ответственности и наказания по реабилитирующим основаниям, среди которых необходимая оборона и крайняя необходимость. Неизменным оставалось существование классового неравенства, которое проявлялось в том, что за аналогичное правонарушение представители привилегированных сословий несли более мягкое наказание, чем простые люди. Институт освобождения от ответственности был идентичным по отношению к Статутам ВКЛ 1529 года и 1566 года. Д.А. Серебрякова пишет: «...предусматривались случаи освобождения от ответственности: смерть виновного, истечение срока давности (для тяжких преступлений – 10 лет, для нетяжких – 3 года), помилование, примирение с потерпевшим, др...» [7, с. 3]. Подтвердим вышесказанное ст. 14 раздела 14 «...тогда обязан будет за это заплатить штраф двенадцать рублей грошей и по присяге возместить причиненный кражей ущерб...» [8].

В конце XVIII века почти вся территория современной Беларуси входит в состав Российской империи. В 1840 году распространено общероссийское законодательство и полностью прекращено действие Статута 1588 года. Этот период характеризуется формированием и развитием новых норм, в том числе норм уголовного законодательства.

«Уложение о наказаниях Уголовных и Исправительных 1845 г» (далее – Уложение) – первая в истории России попытка кодифицировать нормы уголовного права [9]. Уложению были присущи две тенденции, свойственные развитию всего уголовного права России в начале XX века. Первой из них являлось изменение уголовного законодательства в соответствии с принципами буржуазного уголовного права. Это проявлялось в формальном определении понятия преступления (как деяния, воспрещенного во время его учинения законом под страхом наказания), в стремлении ограничить казуальность, в более четком определении оснований наступления уголовной ответственности и т.п. Второй тенденцией являлось усиление ответственности за государственные преступления [10]. Для системы наказаний Уложения характерны: большая соразмерность, возможность для судебных органов при определении меры наказания учитывать обстоятельства совершения преступления и уменьшать или увеличивать меру наказания, более точно определенные санкции.

Оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания Уложение не определяло. Однако предусматривало основания, в силу которых «содеянное не должно быть вменяемо в вину», среди которых: невиновное причинение вреда, малолетство, безумие, сумасшествие и припадки болезни, ошибка случайная или вследствие обмана, принуждение от превосходящей непреодолимой силы, необходимая оборона. Данный перечень подобен обстоятельствам, исключающим преступность деяния, определенным действующим Уголовным Кодексом Республики Беларусь.

Особенность норм уголовного законодательства времен существования Уложения заключается в учете личности виновного в совокупности до, во время и после совершения им преступления, уменьшающих или увеличивающих вину и наказание обстоятельств, что соответствует принципу индивидуализации наказания. Расположение компенсационных выплат в разделе обстоятельств смягчающих ответственность рассматривались в рамках дополнительного воздействия на лицо, совершившее преступление и шла в совокупности с применением к нему менее строгого наказания, а именно ст.140 Уложения «...обстоятельствами, в большей или меньшей мере уменьшающими вину, а вместе с тем и строгость наказания признавали случаи, когда виновный старался «отвратить» некоторые из вредных последствий и вознаградить за причиненный вред или убыток».

Уложение распространяло свое действие на всей территории Беларуси и продолжало существовать долгое время. Оно представляло собой важный источник права по нескольким причинам. Во-первых, нормы уголовного уложения заложили понятия, которыми мы руководствуемся до сих пор (принцип индивидуализации, обстоятельств исключающих преступность деяния), которые до появления Уложения известны из других источников права, действующих на территории Беларуси, не были. Все это было сформировано благодаря тем факторам, которые исходили из общественно-политических изменений, характерных для того времени.

Период, когда Беларусь являлась частью Российской Империи, завершился в 1917 году, после Октябрьской революции, когда установилась советская власть. В 1919 году была образована Белорусская Советская Социалистическая Республика (далее – БССР). За период существования БССР на её территории действовали УК 1922, 1928, 1960 годов. Уголовный кодекс 1922 года был принят 24 мая 1922 года в РСФСР и с 1 июня 1922 его действие распространено на территорию Белорусской ССР. С 1924 года он стал официально называться Уголовным кодексом БССР.

Положить начало исторического анализа следует с Уголовного Кодекса РСФСР 1922 года [11]. Это был первый Уголовный Кодекс социалистического типа. Он основывался на руководящих началах по уголовному праву РСФСР, принятых Народным комиссариатом юстиции РСФСР. Его особенностью было то, что в нем был установлен материальный признак преступления при отсутствии формального признака, вместо «наказания» введено название «меры социальной защиты», вина перестала быть главным основанием привлечения к ответственности. Дальнейший анализ разумным считаем провести на примере норм Уголовного Кодекса БССР 1928 года (далее – УК БССР 1928), так как структура УК БССР 1922 и 1928 гг. были идентичны между собой.

УК БССР 1928 года был введен в действие с 15 ноября 1928 г. [12]. В соответствии с ним преступлением признавалось «всякое действие или бездействие, направленное против основ советского строя или правопорядка, установленных рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунизму период» (ст. 4). Совокупность преступлений того времени подразделялась на преступления против основ советского строя и все остальные, за совершение таковых к лицам применялись меры социальной защиты (наказания). Меры социальной защиты применялись с целью: предупреждения преступлений, лишения общественно-опасных элементов возможности вновь совершать преступления, приспособления совершивших преступления к условиям свободного общежития трудящихся (ст. 7). Важно отметить, что в Кодексе 1928 года меры социальной защиты своей целью возмездия и кары не преследовали.

К основаниям, по которым суд мог не применять меры социальной защиты (наказание) Кодекс относил те случаи, когда: 1) лицо, обороняясь, не превысило пределов необходимой обороны, 2) деяния, при обычных условиях составляющие преступление, совершены для устранения опасности, которую при данных обстоятельствах нельзя было устранить иными средствами, и что вред от этих деяний является менее важным, чем вред, который они предупредили, 3) деяние не имеет общественно-опасного характера по своей малозначительности и отсутствию вредных последствий или что лицо, совершившее данное деяние, не является общественно-опасным, 4) лицо, совершившее преступление является психически нездоровым.

В УК БССР 1928 года уплата компенсации не нашла своего закрепления среди норм, определяющих обстоятельства, которые суд может учесть как основание освобождения от ответственности или для назначения более мягкого вида наказания. Отсутствие можно обосновать целями мер социальной защиты (наказания), в которых восстановление социальной справедливости и исправления лица, сего дальнейшей ресоциализацией не предусматривалось.

Существенная демократизация уголовного законодательства была осуществлена принятием Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик [13]. Изменения коснулись и целей наказания, предусмотренных в ст.20 УК БССР 1960 г., среди которых «...наказание не только является карой за совершенное преступление, но имеет целью исправление и перевоспитание осужденных...». Можно сделать вывод о том, что предпосылкой для стимулирования положительного посткриминального поведения стала установленная возможность предотвращения виновным вредных последствий совершенного преступления, добровольное возмещение нанесенного ущерба или устранение причиненного вреда. В УК БССР 1960 года уплата компенсации нашла свое закрепление исключительно в рамках обстоятельств смягчающих ответственность.

В уголовном законодательстве советского периода компенсационные выплаты как можно заметить из анализа, шли в совокупности с наказанием и понимались как добровольная возможность виновного возместить ущерб потерпевшему. Предпосылкой к появлению уголовно-правовой компенсации как основания для освобождения от уголовной ответственности и наказания в настоящем понимании не было.

Подводя итог проведенного анализа, приходим к выводу, что использование ранее полученного опыта (как положительного, так и отрицательного) может быть полезным в современных условиях. Однако, несмотря на долгую историю существования и формирования уголовно-правовых норм, уголовно-правовая компенсация как мера материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности в своем

настоящем понимании и значении подобных не имела. Действительно, изначально компенсационные выплаты, как можно заметить, шли в совокупности с основным наказанием и носили обязательный характер. Позже, стали учитываться судом как добровольная возможность виновного возместить ущерб потерпевшему и нашли свое закрепление в рамках обстоятельств смягчающих ответственность, что в настоящее время соответствует п. 4 ч. 1 ст. 63 УК Республики Беларусь «Обстоятельства, смягчающие ответственность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационно-тематический портал «Обозник» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oboznik.ru/?p=79366> – Дата доступа: 21.09.2024.
2. Ветютнев, Ю.Ю. Развитие представлений о правовой политике в России // Правовая политика России: теория и практика: монография / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2006. – 126 с.
3. Вішнеўскі А.Ф. Гісторыядзяржавы і права Беларусі / А. Ф. Вішнеўскі, І. У. Вішнеўская. – Мінск: ФілСерв Плюс, 2000. – 134 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Li-tovskogo_1529_s.131-217.pdf – Дата доступа : 21.09.2024.
5. Демченко Г.В. Наказание по литовскому статуту в его трех редакциях (1529, 1566 и 1588 гг.) : учеб.пособие / Г.В. Демченко – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1894. – 273 с.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vialikaha_Kniastva_Li-touskaha_1566_g_ctr.37-263_nbrb_optim.pdf – Дата доступа : 21.09.2024.
7. Серебрякова Д.А. Уголовное право по Статутам 1529,1566,1588 гг. [Электронный ресурс] / Д.А. Серебрякова // Электронная Библиотека БГЭУ. – Режим доступа: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/79944/1/Serebryakova_D.A._54_56.pdf – Дата доступа : 21.09.2024.
8. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_1588_g_str.41_347_optim.pdf – Дата доступа : 21.09.2024.
9. Уложения о наказаниях Уголовных и Исправительных 1845 г. [Электронный ресурс] // Музей Истории Российских реформ имени П.А.Столыпина – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13654> – Дата доступа : 21.09.2024.
10. Файловый архив студентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/5676921/page:89/> – Дата доступа: 22.06.2024.
11. Уголовный Кодекс РСФСР 1922 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf – Дата доступа: 22.06.2024.
12. Уголовный Кодекс РСФСР 1928 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf – Дата доступа: 22.06.2024.
13. Свирский, С. В. Краткий сравнительный анализ понятия «преступление» на территории современной Беларуси в разные исторические периоды / С. В. Свирский // Краткий сравнительный анализ понятия «преступление» на территории современной Беларуси в разные исторические периоды : сб. ст. / Сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. – Новополоцк, 2018. – С. 271–273.

УДК 343.13

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Е. А. ДЕРАЖ

(Представлено: И. Н. ТРОЦКАЯ)

В статье рассматривается порядок применения процедуры медиации в уголовном процессе. Дана трактовка понятия «медиатор». В статье рассматриваются правовые основы медиации, роль медиатора и стадии, на которых может применяться медиация.

В последние годы вопросы альтернативного разрешения споров приобретают всё большую актуальность в юридической практике. Медиация как одна из форм такого разрешения занимает особое место в правовой системе. В Республике Беларусь применение процедуры медиации в уголовном процессе находится на начальном этапе развития, однако уже сейчас можно говорить о значительном потенциале и перспективах данного направления.

Закон «О медиации» от 12 июля 2013 г. № 58-З (Закон о медиации) является основой для внедрения медиации в уголовный процесс Республики Беларусь [1]. Однако поскольку Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) не содержал необходимых положений, действие Закона «О медиации» не охватывало уголовно-правовые отношения [2]. С изменениями, внесенными в УПК от 26 мая 2021 г. № 112-З, была впервые установлена процедура медиации, соответственно, предложена возможность достижения примирения между потерпевшим и обвиняемым через медиативное соглашение [3].

Согласно УПК, «медиатор – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, отвечающее требованиям законодательства, участвующее в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению». Важно дополнить Уголовно-процессуальный кодекс, указав на роль медиатора как независимого участника процесса, определив его права, обязанности, а также основания для отвода.

Можно предположить, что для выполнения своих обязанностей медиатор должен обладать следующими правами:

- 1) знать в чем подозревается (обвиняется) лицо, являющееся стороной медиации;
- 2) знакомиться с данными об участниках уголовного процесса, являющихся сторонами медиации;
- 3) знакомиться с информацией, предоставляемой сторонам медиации органом, ведущим уголовный процесс;
- 4) свободно общаться с участниками уголовного процесса, которые являются сторонами процедуры медиации, в частном порядке и конфиденциально, не ограничивая при этом число и продолжительность бесед.

Согласно статье 4 Закона о медиации «Медиатором может быть физическое лицо, имеющее высшее юридическое или иное высшее образование, прошедшее подготовку в сфере медиации, либо имеющее опыт работы в качестве примирителя, получившее свидетельство медиатора, выданное Министерством юстиции на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации».

Довольно важно, чтобы медиатор не имел права предоставлять какую-либо сторону, иными словами, он должен участвовать в процессе в соответствии с принципами независимости и беспристрастности.

В соответствии со статьей 301 УПК, процедура медиации предполагает, что примирение обвиняемого с потерпевшим должно быть основано на добровольном желании урегулировать конфликт (спор), возникший в результате преступления, в том числе посредством заключения медиативного соглашения [4].

На основании этого положения может быть сделан вывод о том, что примирение в уголовном процессе может осуществляться либо с помощью медиатора, либо без его участия. Таким образом, можно заключить, что медиация была введена в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь в качестве дополнения, а не альтернативы институту примирения.

Медиация имеет ряд особенностей:

- 1) процедура медиации осуществляется только с обоюдного согласия сторон одновременно с производством по уголовному делу без приостановки процесса;
- 2) возможность проведения процедуры медиации по уголовным делам любого вида обвинения: частного, публичного и частно-публичного.

Исходя из положений ч. 4 ст. 30¹ УПК, «применение медиации возможно как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства». На стадии предварительного расследования обвиняемый может примириться с потерпевшим, как только они будут вовлечены в процесс. На стадии судебного разбирательства срок, в течении которого может быть достигнуто примирение между обвиняемым с потерпевшим не предусмотрен в статье 30¹ УПК. Однако этот момент можно определить

ссылаясь на ч. 8 ст. 26 УПК, согласно которой «примирение по делам частного и частно-публичного обвинения допускается только до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора».

Форма медиативного соглашения закреплена в п. 14¹ ст. 6 УПК, «медиативное соглашение заключается в письменном виде между обвиняемым и потерпевшим по результатам переговоров, проведённых в порядке, предусмотренном законодательными актами, в целях содействия их примирению» [5]. Вместе с тем детальная процедура медиации не прописана в законодательных актах, регулирующий данный вид деятельности. Требования в отношении содержания медиативного соглашения, заключенного по уголовным делам, не раскрываются ни в одной статье Уголовно-процессуального кодекса, что может вызывать некоторые трудности на практике при применении процедуры медиации. В связи с этим было бы целесообразно изложить содержание медиативного соглашения в Уголовно-процессуальном кодексе.

Чтобы обеспечить функционирование механизма единообразного применения Уголовно-процессуального кодекса и законодательства о медиации, представляется целесообразным, чтобы УПК содержал:

- 1) обязанность органа, ведущего уголовный процесс, в производстве которого находится уголовное дело, разъяснить обвиняемому и потерпевшему право на примирение, в том числе в порядке медиации;
- 2) срок судебного разбирательства, в течении которого обвиняемый может примириться с потерпевшим посредством медиации;
- 3) содержание медиативного соглашения, заключенного по результатам переговоров;
- 4) права и обязанности медиатора, основания его отвода.

Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что развитие процедуры медиации позволит снизить загруженность судов и сократить количество уголовных дел в судах. Медиация позволяет не только предотвратить длительные и сопряженные с большими затратами процессы, а ещё и уменьшить число конфликтов в обществе.

Таким образом, использование процедуры медиации в уголовном процессе Республики Беларусь является перспективной сферой, способствующей более эффективному урегулированию уголовных дел и удовлетворению интересов сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. О медиации [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г., №58-З: в ред. Закона от 17 июля 2023 г. № 292-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Уголовно-процессуальный кодекс (с изменениями и дополнениями: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 января 2024 г. № 349-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 26 мая 2021 г. № 112-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. Сквишлевская, Э. В. Отдельные аспекты медиации в уголовном процессе Республики Беларусь / Э. В. Сквишлевская // Сборник работ 74-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, Минск, 15–24 мая 2017 года / Белорусский государственный университет; Ответственный за выпуск С. Г. Берлинская. Том Часть II. – Минск: Белорусский государственный университет, 2017. – С. 293–296.
5. Каменков, В. С. Медиативное соглашение: правовая природа и место в системе правовых договоров / В. С. Каменков // Актуальные проблемы гражданского права. – 2015. – № 1(5). – С. 93–102.

УДК 343.13

**ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Е. А. ДЕРАЖ***(Представлено: И. Н. ТРОЦКАЯ)*

В статье рассматривается историческое развитие медиации, как метода мирного разрешения споров. Описываются основные этапы эволюции медиации, начиная с древних времен и заканчивая современностью. Особое внимание уделяется развитию медиации в Республике Беларусь.

История возникновения медиации неразрывно связана с историей конфликтов, поскольку где возникают конфликты необходимы и способы их разрешения. Урегулирование конфликтов не ограничивалось лишь переговорами между сторонами, а было связано также с медиацией – процессу, в который вовлекается не заинтересованная третья сторона, называемая медиатором.

Можно полагать, что в прошлом медиация не имела того формата, которые мы наблюдаем сегодня. Обычно методы разрешения споров с помощью третьего лица использовались лишь в тех ситуациях, когда прямые переговоры не давали никакого результата, а стороны, в свою очередь, исчерпали все возможные варианты решения конфликтов [1]. Для достижения положительного результата было необходимо, чтобы конфликтующие стороны поняли и приняли точку зрения друг друга, что часто требовало оценки со стороны.

Методы мирного разрешения споров берут своё начало ещё в эпохе первобытного общества. Потребность в привлечении третьего лица для урегулирования споров объяснялась естественным желанием выжить, как отдельных индивидов, так и целых групп. Первые попытки использовать подобные примирительные подходы осуществляли жрецы и вожди, которые стремились предотвратить насилие и кровопролитие, угрожавшие их общинам.

Для Древней Греции было характерно три возможных путей решения конфликтов: одностороннее правосудие (через силу), судебный поединок (через право) и медиация (через добровольные переговоры сторон) [2].

В Древнем Риме процедура медиации впервые получила своё законодательное закрепление. В Дигестах Юстиниана (530–533 гг. н.э.) упоминались медиаторы, а также процедура медиации, что подтверждает их официальное признание [3]. Данная процедура включала в себя три этапа:

1. Предварительная встреча: обсуждение содержания конфликтов, а также результаты, которые хотят получить стороны;
2. Основной этап: медиатор оказывал сторонам помощь в раскрытии их позиций и определении путей для урегулирования спора;
3. Заключительный этап: стороны приходят к соглашению, которое заключается в письменном виде, и предоставляют его в суд для подтверждения.

В Средние века процедура медиации также находила своё применение, особенно в контексте религиозных конфликтов и феодальных споров. Церковь и местные лорды играли роль третьих не заинтересованных лиц в разрешении конфликтов, так как они имели влияние и авторитет для примирения сторон. Можно сделать вывод, что медиация стала использоваться также для поддержания социальной стабильности в обществе [4].

В 20 веке процедура применения медиации приобрела ещё большую популярность, в частности после Второй мировой войны. В этот период начались активно развиваться этические стандарты для медиаторов [5]. В Беларуси медиация стала формироваться как Правовой эксперимент по развитию внесудебной медиации в качестве средства для разрешения споров, которая проводилась при содействии Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь с марта 2011 г. по июнь 2012 г. Согласно Центру Медиации и Переговоров в Республики Беларусь: «в рамках данного проекта было проведено более 100 процедур медиации, посвященных различным видам споров. Медиативные соглашения были заключены более чем в 50% случаев, 92% из них были исполнены добровольно. Итоги проекта доказали целесообразность законодательного закрепления медиации в Беларуси» [6].

В результате данного эксперимента Парламентом Республики Беларусь был принят новый Закон Республики Беларусь «О медиации» от 12 июля 2013 г. № 58-З. Настоящий Закон регулирует споры, возникающие из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споры, возникающие из трудовых и семейных правоотношений, если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих отношений [7]. То есть можно сделать вывод, что данный Закон не распространяется на уголовно-правовые отношения.

Также существует Реестр медиаторов, список которых находится на сайте Министерства Юстиции Республики Беларусь. На данный момент (08.10. 2024 г.) там находится 1315 медиаторов с соответствующим свидетельством [8].

Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3, внесенными изменениями и дополнениями в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК), впервые дано законодательное закрепление такой процедуры [9]. Была закреплена возможность примирения с путем заключения медиативного соглашения, закреплено также определение медиации и медиатора. Следует признать, что изменения в законе лишь минимальные, например, не определен статус медиатора, порядок реализации процессуальных гарантий прав личности при применении медиации, остаются не решенными вопросы приостановления производства по делу для проведения медиации и т.п. Однако даже такие на первый взгляд незначительные изменения важные для практической реализации [10].

Можно сделать вывод, что институт медиации возник как успешный экспериментальный проект. Несмотря на то, что Закон «О медиации» не регулирует уголовные правоотношения, всё же со временем были внесены необходимые изменения и дополнения в УПК. Важным будет отметить преимущества данного института, а именно:

- оперативное и взаимовыгодное разрешение спорной ситуации путем переговоров в наиболее удобное для сторон время;
- самостоятельное предложение вариантов выхода из сложившейся спорной ситуации и выработка взаимоприемлемого для обеих сторон медиативного соглашения;
- сохранение деловых партнерских отношений и взаимовыгодного сотрудничества в будущем;
- добровольное выполнение принятых стороной обязательств медиативного соглашения;
- гарантия принудительного исполнения достигнутого медиативного соглашения;
- отсутствие проигравшей стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вафина, А. Р. Альтернативное разрешение споров: переговоры и медиация / А. Р. Вафина // Молодой ученый. – 2024. – № 29(528). – С. 117–119.
2. Медиация в истории: греческая и римская модели правосудия [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/X6UvzY61sjowve1U> – Дата доступа: 05.10.2024.
3. ДИГЕСТЫ ЮСТИНИАНА [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/VI/520-540/Digestae_Just – Дата доступа: 07.10.2024.
4. Средневековые хроники [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.academia.edu> – Дата доступа: 07.10.2024.
5. История медиации [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.aaamediation.org> – Дата доступа: 08.10.2024.
6. Медиация в Беларуси [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.mediacia.by/mediaciya-v-belarusi> – Дата доступа: 08.10.2024.
7. О медиации [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г., №58-3: в ред. Закона от 17 июля 2023 г. № 292-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
8. Список лиц, внесенных в Реестр медиаторов [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: https://minjust.gov.by/directions/advocacy/mediation/list_register/ – Дата доступа: 08.10.2024.
9. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 26 мая 2021 г. № 112-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
10. Уголовно-процессуальный кодекс (с изменениями и дополнениями: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 января 2024 г. № 349-3 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 343.13

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**Я. А. ЕМЕЛЬЯНОВА***(Представлено: И. Н. Троцкая)*

В данной статье рассматриваются пробелы стадии возбуждения уголовного дела. Определяется значение данной стадии для обеспечения надлежащего раскрытия преступления и тщательного сбора доказательств. А также проводится анализ мнений экспертов в области уголовного процессуального права по поводу упразднения стадии возбуждения уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела – первоначальная стадия уголовного процесса, в которой орган уголовного преследования осуществляет деятельность в связи с поступившей или обнаруженной информацией о совершенных, совершаемых или готовящихся преступлениях и принимает по ее результатам предусмотренное уголовно-процессуальным законом соответствующее решение:

- о возбуждении уголовного дела;
- об отказе в возбуждении уголовного дела;
- о передаче заявления, сообщения по подследственности;
- о прекращении проверки и разъяснении заявителю права возбудить в суде в соответствии со ст. 426

Уголовно-процессуального кодекса(далее-УПК) уголовное дело частного обвинения.

Сущность стадии возбуждения уголовного дела заключается в установлении наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок предварительного расследования. Тем не менее, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве существуют пробелы, которые подчеркивают несоответствия правовых норм, регулирующих стадию возбуждения уголовного дела [5].

Каждый год эксперты в области уголовно-процессуального права активно участвуют в дискуссиях вокруг необходимости реформы при возбуждении уголовного дела [7].

Такие авторы, как Л.М. Володина, Б.Я. Гаврилов, Ю.В. Деришев, А.П. Кругликов и другие полагают, что стадию возбуждения уголовного дела целесообразно упразднить. В качестве аргументов они указывают на негативные последствия смещения центра доказывания на стадию возбуждения уголовного дела, размытие института допустимости доказательств, а также современную тенденцию укрывать преступления от регистрации при прогнозируемых сложностях в их расследовании.

Также отмечается, что исключение стадии возбуждения уголовного дела будет способствовать устранению необходимости перепроверки при помощи следственных действий обстоятельств, уже установленных на данной стадии, что приведет к уменьшению бюджетных расходов.

Одновременно указывается ряд следующих проблем правоприменительного характера: значительное стеснение граждан в их праве на доступ к правосудию, существенные затруднения при использовании полученных на данном этапе сведений в качестве доказательств, а также в выявлении признаков, характеризующих определенные преступления; наличие элемента неопределенности в правовом статусе лиц, которых касается проверка, что потенциально способно приводить к нарушению их прав.

По мнению М.Е. Репина и А.Ю. Афанасьева, стадия возбуждения уголовного дела требует кардинального пересмотра вплоть до ее исключения из уголовного процесса еще по одному основанию – повышенный уровень коррупционного риска уголовно-процессуальных решений о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела, сосредоточенный в соответствующих нормах УПК Республики Беларусь.

А.Р. Белкин, В.М. Быков, А.Г. Волеводз, О.В. Хитрова и другие авторы выступают за сохранение стадии возбуждения уголовного дела. По их мнению, данный институт выступает в качестве важного элемента в уголовном процессе, на этапе которого решаются основные задачи по охране прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [4].

Далеко не все результаты познавательной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела оформляются протоколами следственных действий. Отечественным законодателем данная проблема решается за счет расширения перечня процессуальных действий.

Данная ситуация свидетельствует о том, что доследственная проверка все в меньшей степени имеет цель определить правовое основание для проведения процессуальных действий. Данная стадия не выполняет свою изначальную функцию – исключение излишних временных, материальных и иных затрат на предварительное расследование в случае отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступлений.

Вместе с тем следует даже учитывать отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве регламентации прав и обязанностей не только заявителя, но, в первую очередь, лица, в отношении которого проводятся проверочные мероприятия.

Помимо этого, остальные материалы, полученные в ходе доследственной проверки (объяснения, различные акты и т. п.), нуждаются в перепроверке в ходе предварительного следствия, что, по сути, означает дублирование деятельности органов уголовного преследования, сопряженное со значительными потерями времени, сил и средств. Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела является барьером, сдерживающим оперативность действий правоохранительных органов [2].

Распространение жалоб граждан на незаконное возбуждение и отказ в возбуждении уголовных дел широко освещалось как в научной литературе, так и в средствах массовой информации. Эти проблемы проистекают из множества факторов, включая перегруженную систему расследований, преобладание неквалифицированных должностных лиц и укоренившуюся коррупционную практику [6].

Вышеприведенные мнения проанализированы из российского уголовного процесса. Но в Республике Беларусь тоже высказывается мнение о ликвидации рассматриваемого этапа уголовного процесса.

Например, такое предложение поступило на расширенном заседании коллегии Следственного комитета Республики Беларусь, которая проходила 11 февраля 2016 года в Минске, от Министра внутренних дел Республики Беларусь. По его мнению, следует отказаться от стадии возбуждения уголовного дела и сразу начинать предварительное расследование. Мотивировал он это тем, что все чаще поступают жалобы от граждан на действия органов уголовного преследования, которые отказывают в возбуждении уголовного дела, ссылаясь на отсутствие состава преступления либо «судебных перспектив».

Но по мнению Зотова А.Ю., в настоящее время целесообразно не упразднить стадию возбуждения уголовного дела, а усовершенствовать ее путем расширения полномочий органа уголовного преследования. Представляется, что упразднение стадии возбуждения уголовного дела приведет к резкому росту количества возбужденных уголовных дел, что обусловит рост числа граждан, необоснованно вовлеченных в производство по уголовному делу и незаконно подвергнутых мерам принуждения [1].

Также 26 мая 2016 года состоялось заседание Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь по вопросу целесообразности развития или отмены стадии возбуждения уголовного дела, возглавил которое Председатель Конституционного Суда Петр Миклашевич.

Министерство внутренних дел придерживалось позиции о необходимости ее отмены, полагая, что стадия возбуждения уголовного дела не лишена определенных недостатков и имеет ряд «узких» мест, связанных с определением процессуального статуса заявителя или лица, в отношении которого проводится проверка, доступом граждан к ознакомлению с «отказными материалами», взаимодействием между органами дознания и органами предварительного следствия и др.

Верховный Суд, Государственный секретариат Совета Безопасности, Следственный комитет, Государственный комитет судебных экспертиз, Национальный центр законодательства и правовых исследований выступали сторонниками сохранения стадии возбуждения уголовного дела и ее последовательного развития. Они считали, что упразднение стадии возбуждения уголовного дела неизбежно приведет к снижению эффективности деятельности органов уголовного преследования, необходимости реформы досудебного и судебного производства, а также к значительному увеличению нагрузки на сотрудников органов предварительного следствия, суды, что повлечет необходимость увеличения их штатной численности [3].

В целом, актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела требуют внимания и решения. Многие выражают недовольство отказом в возбуждении уголовного дела или неоправданной задержкой процесса при сборе доказательств, которые могут нарушать установленные правила, что подтверждается судебной практикой. Но необоснованное возбуждение уголовного дела неизбежно повлечет бессмысленную трату материальных и человеческих ресурсов. Кроме того, вовлечение в уголовный процесс лица, непричастного к совершению преступления, неминуемо вызовет у него, по меньшей мере, негативное отношение к правоохранительным органам и системе судопроизводства. А с помощью стадии возбуждения уголовного дела это можно избежать. Но, нельзя не согласиться, что данную стадию нужно совершенствовать.

Невозможно не процитировать возражения А.Г. Волеводза по поводу упразднения стадии возбуждения уголовного дела: «Следователи и дознаватели просто не справятся с расследованием столь объемного потока уголовных дел, а в условиях повсеместного сокращения госаппарата, в том числе кадров правоохранительных органов, начнутся поиски выхода из этого. А выход будет один – еще более масштабное уклонение от приема заявлений о преступлениях, сокрытие их учета» [6].

Таким образом, вышесказанное в очередной раз подтверждает, что стадия возбуждения уголовного дела играет слишком значимую роль в уголовном судопроизводстве, устранить которую без ущерба для правосудия не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажибеков М.А., Румянцева М.О., Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела / Ажибеков М.А., Румянцева М.О., //Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2017. – №14 – С.6-11.
2. Зотов, А. Ю. О совершенствовании правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела / А. Ю. Зотов // Курсантские исследования: сборник научных работ / Могилев. институт МВД. – Могилев, 2016. – Вып. 3. – С. 72–74.

3. Каразей, О. Г. О необходимости реформирования стадии возбуждения уголовного дела / О. Г. Каразей // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции (Могилев, 27 февраля 2014 года) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский высший колледж Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. – С. 121–123.
4. Климович, Ю. С. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / Ю. С. Климович // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф., (Минск, 7 апр. 2016 г.) : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; [редкол.: А. В. Яскевич и др.]. – Минск, 2016. – С. 218–219.
5. Рассмотрены вопросы целесообразности развития или отмены стадии возбуждения уголовного дела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2016/may/10554/> – Дата доступа: 28.09.2024.
6. Сефикурбанов К. С., Седиров М.А., Актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / Сефикурбанов К. С., Седиров М.А. //Закон и право. – 2021.– С. 122–123.
7. Сорокин, Я. В. Стадия возбуждения уголовного дела: сущность, значение, поводы и основания / Я. В. Сорокин // Актуальные вопросы права, образования и психологии: сб. науч. тр. / Могилев. институт МВД. – Могилев, 2015. – Вып. 3. – С. 298–303.

УДК 343.13

**СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ
И ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ
ПО ЗАЯВЛЕНИЮ ИЛИ СООБЩЕНИЮ О ПРЕСТУПЛЕНИИ****Я. А. ЕМЕЛЬЯНОВА**
(Представлено: И. Н. Троицкая)

В данной статье рассматривается становление и совершенствование института приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении. Проводится анализ проблем данного института на протяжении всего его существования. Освещаются проблемы, возникающие при установлении сроков для приостановления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает единый и обязательный порядок возбуждения уголовных дел, который состоит из приема и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении; проверки заявлений и сообщений о преступлении; принятия и оформления мотивированного решения.

Однако в практической деятельности правоохранительные органы испытывают ряд затруднений при производстве процессуальных и следственных действий при проведении проверок заявлений и сообщений о преступлениях, а именно при проведении следственных и процессуальных действий, направленных на установление фактов совершения общественно опасного деяния, предусмотренного законом, лиц его совершивших, то есть при установлении оснований для возбуждения уголовного дела закрепленных в ст. 167 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [5].

До 2017 года в уголовно-процессуальном законодательстве существовала проблема, в том, что такого института, как приостановление срока проверки по заявлениям и сообщениям о преступлении не существовало. В то время была лишь ч. 1 ст. 173 УПК, которая предполагала, что решение по заявлению или сообщению о преступлении должно быть принято в срок не позднее трех суток, а при необходимости проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела – не позднее десяти суток.

Рассмотрим проблему проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях до внесения изменений и дополнений в УПК в 2017 году.

Разумеется, временной отрезок, указанный в ч. 1 ст. 173 УПК, непродолжительный и зачастую не позволял органам уголовного преследования принять решение о возбуждении уголовного дела, основываясь на достаточности собранных данных, содержащихся в материалах проверки. Как показывала практика, в подобных ситуациях возникала необходимость в продлении срока рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении, однако в ряде таких случаев проверка заключалась лишь в ожидании устранения разного рода объективных причин [7].

Многие ученые и юристы предлагали, чтобы при проверке по заявлению и сообщению о преступлении появился институт приостановления сроков рассмотрения, так же как предварительное следствие приостанавливается в связи с наличием определенных оснований, препятствующих его продолжению и окончанию, например, в связи с невозможностью производства следственных действий, без которых не может быть принято решение об окончании предварительного следствия (ст. 246 УПК).

В УПК предусмотрена возможность возобновления предварительного следствия и его окончания, но при проведении проверки по заявлениям и сообщениям о преступлении такой возможности не было, однако похожих ситуаций достаточно. Так, например, это могла быть длительность исполнения запросов, поручений организациями (учреждениями), не связанных с проведением следственных либо процессуальных действий, таких, например, как получение технической информации с камер видеонаблюдения из банкоматов различных банков [7].

Данная проблема была известна уже и законодателю, поэтому были разработаны и предложены для практического применения соответствующие изменения и дополнения в содержание ст. 173 УПК, согласно которым при наличии определенных объективных причин возможно приостановление срока проверки по заявлениям и сообщениям о преступлении. Представлялось, данные изменения будут способствовать сокращению количества фактов продления сроков рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях, позволяя перераспределить время и усиливая органов уголовного преследования на другие направления оперативно-служебной деятельности.

Так, Законом Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» в досудебное производство были введены два абсолютно новых процессуальных института: соединения и выделения заявлений и сообщений

о преступлении и материалов проверки по ним (ст. 173-1 УПК), а также приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении (ст. 173-3 УПК).

В соответствии с ч. 1 ст. 173-3 УПК орган дознания, начальник следственного подразделения, следователь и прокурор своим постановлением могут приостановить проведение проверки по заявлению или сообщению о преступлении при неполучении ответа на международный запрос и невозможности производства следственных и иных процессуальных действий до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 173 УПК). Относительно первого основания для приостановления проверки следует отметить, что его применение на практике имеет место в единичных случаях, потому что международная правовая помощь, согласно большинству международных договоров, оказывается по уголовным делам. Второе же основание до внесения 6 января 2021 г. изменений в п. 2 ч. 1 ст. 173-3 УПК существенно сужало возможности по принятию решения о приостановлении проверки, поскольку таковое принималось только при неполучении результатов экспертизы либо проверки финансово-хозяйственной деятельности [8].

После того, как был введен данный институт Генеральная прокуратура Республики Беларусь обобщила практику применения статьи 173-3 УПК по итогам работы за 9 месяцев 2018 года.

Прокуроры подсчитали, что из-за невозможности в установленный законом срок принять решение по заявлению или сообщению о преступлении территориальные органы внутренних дел приостанавливали до 30% проверок. Основная причина – неполучение результатов экспертизы либо проверки финансово-хозяйственной деятельности (97,3% случаев). В иных ситуациях отсутствовал ответ на международный запрос.

Выявлены неединичные факты приостановления проверок при отсутствии, предусмотренных законом на то оснований, в частности по причине неполучения ответа на запрос о представлении документов.

Нередко решения о приостановлении проверки принимались поспешно – без проведения по заявлению и сообщению о преступлении необходимых и достаточных проверочных действий.

Распространены факты несвоевременного принятия решений о возобновлении приостановленных проверок, что вело к волоките и обоснованным жалобам заявителей.

Не всегда о приостановлении или возобновлении проверки органы внутренних дел информировали прокуратуру и заявителей [2].

После 14 января 2021 года в УПК были внесены изменения, касающиеся сроков приостановки проверки по заявлению о возбуждении уголовного дела.

Ранее был установлен срок 3 месяца для проведения проверки, а также 3 месяца давалось для проведения экспертизы. То есть давалось максимум 6 месяцев для вынесения следствием решения о возбуждении уголовного дела, а также об отказе в возбуждении уголовного дела с предоставлением результатов проверки. Теперь, после внесения обновлений в кодекс, предусмотрена возможность приостановки проверки на неопределенный срок, следствие имеет право приостановить проверку более чем на 3 месяца [6].

Так ч. 2 ст. 173-3 УПК, указывала, что общий срок приостановлений проверки по заявлению или сообщению о преступлении не должен превышать трех месяцев. Проведение проверки по заявлению или сообщению о преступлении может быть приостановлено на срок свыше трех месяцев по материалам, находящимся в производстве следователя, – начальником вышестоящего следственного подразделения, Председателем Следственного комитета или их заместителями, находящимся в производстве органа дознания или прокурора, – прокурором вышестоящего органа прокуратуры, Генеральным прокурором или их заместителями.

Среди сотрудников практических подразделений дискуссионным является вопрос допустимости приостановления проверки в связи с отсутствием результатов экспертного исследования либо проверки финансово-хозяйственной деятельности. До изменений, внесенных в УПК в 2021 г., данное основание было непосредственно закреплено в уголовно-процессуальном законе и, согласно некоторым сведениям, служило основанием приостановления проверки в 97 % случаев, как указывалось выше. Несмотря на изменение редакции закона, по мысли отдельных правоприменителей, указание в ч. 3 ст. 173-3 УПК на то, что по приостановленной проверке допустимо проведение экспертизы и проверки финансово-хозяйственной деятельности, свидетельствует о возможности, как и ранее, приостанавливать проверку по указанному основанию. Считают, что такое умозаключение не соответствует действующему законодательству. Дело в том, что ч. 3 ст. 173-3 УПК регламентирует не основания приостановления проверки, а особенности действий органа, ведущего уголовный процесс, после принятия этого решения. Как мы указывали выше, оснований для приостановления проверки всего два, отождествлять отсутствие результатов экспертизы или проверки финансово-хозяйственной деятельности ни с одним из них нельзя. Невозможность производства действий, указанных в ч. 2 ст. 173 УПК, предполагает наличие каких-либо объективных, неустранимых в текущий момент времени препятствий к их осуществлению. Если экспертиза или проверка финансово-хозяйственной деятельности назначены и проводятся, то их проведение является возможным и, соответственно, основание к приостановлению проверки отсутствует [3].

Также одной из проблем, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела, является проблема эффективности и достаточности средств, используемых для проверки заявлений и сообщений о преступлениях.

Любое из процессуальных решений, принятие которого возможно на данном этапе уголовного производства по результатам рассмотрения заявления или сообщения о преступлении, должно быть обоснованным и мотивированным, иначе неизбежно встанет вопрос о его законности.

Как указано в ч. 2 ст. 173 УПК, до возбуждения уголовного дела могут быть получены объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребованы дополнительные документы, назначена проверка финансово-хозяйственной деятельности в случаях, предусмотренных законодательными актами, произведены осмотр места происшествия, помещения или иного законного владения, не являющегося жилищем, компьютерной информации, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, задержание и личный обыск при задержании, проведены экспертизы, а также может быть проведено извлечение трупа из места захоронения (экзгумация).

На первый взгляд этот перечень довольно обширен, но на практике в некоторых случаях возникают трудности по установлению с помощью данных процессуальных действий наличия достаточных оснований для возбуждения уголовного дела.

В юридической литературе высказываются различные, порой крайне противоположные мнения о путях решения этой проблемы: от предложений расширить перечень следственных действий, производство которых было бы разрешено для более полной проверки заявлений и сообщений о преступлениях до принятия решения о возбуждении уголовного дела, до заявления о недопустимости расширения круга таких процессуальных действий, поскольку существует угроза размывания различий между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, и ненужного дублирования проводимой работы с неразумной тратой времени [4].

К примеру, Приходько А.О. указывает, что в ч. 2 ст. 173-3 УПК было бы целесообразным включить допрос и очную ставку, как следственные действия, в перечень следственных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела. Допрос, произведенный на этапе проверки, проводимой по заявлениям и сообщениям о преступлении, позволит более оперативно фиксировать показания пострадавших и очевидцев, тем самым, давая возможность следователю использовать их в качестве доказательств по уголовному делу на первоначальных этапах его расследования. Проведение на этом же этапе очных ставок позволит следователю принимать исчерпывающие меры по устранению противоречий в показаниях допрашиваемых лиц, в тех случаях, когда они влияют на принятие объективного, основанного на законе решения.

Реализация вышеизложенного, позволит следователю объективно оценить добытые доказательства, а соответственно – принять единственно верное решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении, что является одним из качественных показателей работы следственных подразделений [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что данная проблема и данный институт все еще нуждаются в совершенствовании и решении всех пробелов. Существуют неединичные факты приостановления проверок при отсутствии, предусмотренных законом на то оснований. Решения о приостановлении проверки принимаются поспешно – без проведения по заявлению и сообщению о преступлении необходимых и достаточных проверочных действий. Также присутствуют ограничения следственных действий до возбуждения уголовного дела, что мешает следователю собрать и оценить все доказательства и эффективно принять решение по поводу поступившего заявления или сообщения о преступлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс: 16 июля 1999 г. № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одоб. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 8 января 2024 г.
2. Генеральная прокуратура обобщила практику принятия решений о приостановлении проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prokuratura.gov.by/ru/info/novosti/nadzor-za-ispolneniem-zakonodatelstva/v-nykh-sferakh/generalnaya-prokuratura-obobshchila-praktiku-prinyatiya-resheniy-o-priostanovlenii-proverok-po-zayav/>. – Дата доступа: 13.10.2024.
3. Климович, Ю. С. Основания и условия приостановления проверки по заявлению или сообщению о преступлении / Ю. С. Климович // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 мая 2023 г.) : тез. докл. : [к 65-летию Акад. МВД Респ. Беларусь] / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; [редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2023. – С. 206.
4. Ковалёнок, А. В. Проверка заявлений и сообщений о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела / А. В. Ковалёнок // Курсантские исследования : сборник научных работ / Могилев. институт МВД. – Могилев, 2022. – Вып. 9. – С. 74–76.
5. Приходько, А.О. К вопросу о совершенствовании уголовно - процессуального законодательства о проведении проверок при сообщении о преступлениях / А. О. Приходько // Электронный ресурс – Режим доступа: https://elib.psu.by/bitstream/123456789/19049/1/Приходько_c192-196.pdf/. – Дата доступа: 13.10.2024.
6. Следственные органы Беларуси смогут приостанавливать проверку на неопределенный срок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mirnov.net/sledstvennye-organy-belarusi-smogut-priostanavlivat-proverku-na-neopredelennyj-srok/>. – Дата доступа: 13.10.2024.

7. Троянов, А.А. О возможности приостановления срока рассмотрения заявления и сообщения о преступлении / А. А. Троянов // Курсантские исследования : сборник научных работ / Могилев. институт МВД. – Могилев, 2015. – Вып. 2. – С. 112–114.
8. Шкаплеров, Ю.П. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в XXI веке: белорусский опыт / Ю. П. Шкаплеров // Общество и право / Могилев. институт МВД. – Могилев, 2023. – № 1(83). – С. 43–48.

УДК 343.3 / .7

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**Е. А. ЗЛОБИНА****(Представлено: К. Ю. МЕЛЬНОВА)**

Автором отмечается актуальность исследования преступности среди несовершеннолетних в связи видоизменением преступности и влиянием на нее информационно-коммуникационных технологий. Автором проанализированы официальные статистические данные, на основании которых определены особенности состояния и динамики преступности несовершеннолетних в современных условиях. Уделяется внимание и изучению вопросов преступности в отношении несовершеннолетних потерпевших.

В современный период Республика Беларусь принимает меры как по предотвращению и пресечению вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, так и меры, направленные на защиту интересов несовершеннолетних лиц, выступающих в качестве потерпевших. Таким образом, несовершеннолетние лица могут выступать не только в качестве субъектов преступления, но также и как потерпевшие. В связи с изложенным определен интерес представляет рассмотрение несовершеннолетних лиц с двух позиций.

Начнем с рассмотрения понятия «несовершеннолетнее лицо», под которым в соответствии с положениями уголовного закона понимается лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста восемнадцати лет. Тем самым к преступности несовершеннолетних относятся уголовно наказуемые деяния, совершаемые лицами в возрасте от 14 до 18 лет.

Изучение динамики преступности несовершеннолетних на основании статистики Верховного Суда Республики Беларусь за последние годы показало, что имеют место колебания показателей как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Так, по данным судебной статистики в 2020 году за совершение различных преступлений осуждено 605 несовершеннолетних, в то время, как в 2019 году – 727, то есть судимость несовершеннолетних уменьшилась на 16,8%; в 2021 году число осуждённых несовершеннолетних увеличилось на 269 человек в сравнении с предыдущим годом (874 несовершеннолетних, что на 44,5 % больше), в 2022 году за совершение различных преступлений осуждены уже 927 несовершеннолетних, что на 6,1% больше, чем в 2021 год, в 2023 году осуждены 692 несовершеннолетних, что уже на 25,4% меньше, чем в 2022 году [1; 2; 3; 4; 5].

Анализ данных судебной статистики за последние 5 лет позволяет говорить о том, что в общей структуре преступности несовершеннолетних преобладают преступления против собственности, в частности, кражи (ст. 205 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (далее по тексту – УК)), за совершение которых в 2023 г. осуждено 198 лиц (353 лица – в 2022 г., 328 лиц – в 2021 г., 233 лица – в 2020 г., 274 лица – в 2019 г.), преступления против общественного порядка и нравственности, из которых большинство несовершеннолетних осуждено за хулиганство ((ст. 339 УК), за совершение которых в 2023 г. осуждено 126 лиц (177 лиц – в 2022 г., 185 лиц – в 2021 г., 134 лица – в 2020 г., 173 лица – в 2019 г.)), а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств [6].

Как отмечается в научной литературе, несовершеннолетние в силу возрастного положения, должностного статуса, как правило, почти не совершают преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности и др. Таким образом, по правовым и иным объективным и субъективным основаниям они реально тяготеют к относительно ограниченному числу отдельных видов преступлений, среди которых доминируют около десятка деяний, например, кражи, грабежи, разбой, хулиганства, угон автотранспорта и др.

Стоит отметить, что в современных условиях отмечаются и новые тенденции в преступности несовершеннолетних, к числу которых относятся следующие: 1) Происходит перенаправление общественного внимания на преступность экстремистской направленности, при том, что корыстная преступность по-прежнему является основной в структуре преступности несовершеннолетних и, по-прежнему, определяет ее характер; 2) Традиционная преступность, в том числе и несовершеннолетних, видоизменяется в связи с использованием информационно-коммуникационных технологий. Наравне с популярными преступлениями в подростковой среде – кражами, хулиганствами, незаконным оборотом наркотиков, появляются новые виды, такие, как незаконный оборот средств платежа и (или) инструментов (ст. 222 УК) (в 2023 г. – 6 несовершеннолетних лиц было осуждено) [7].

В свою очередь, несовершеннолетние лица могут выступать и в качестве потерпевшей стороны. В соответствии со ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. №295-3 потерпевшим признается физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим. Таким

образом, несовершеннолетним потерпевшим является физическое лицо, которое не достигло совершеннолетнего возраста, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред [8].

Прежде всего, следует отметить, что преступления против детей были систематизированы и теперь размещены в самостоятельной главе – гл. 21 УК «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних».

Однако ряд авторов (Д. Л. Гулякевич и др.) высказывают мнение о том, что, исходя из значимости такого охраняемого объекта, как права и законные интересы ребенка, не стоит ограничивать круг преступлений, где потерпевшим может выступать несовершеннолетнее лицо, только главой 21 УК. Так, к числу таких преступлений, например, относят половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 168 УК), развратные действия (ст. 169 УК), вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 171-1 УК), изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего (ст. 343-1 УК) [9]. Мы также разделяем данную позицию, что и в иных главах УК размещены уголовно-правовые нормы, где в качестве потерпевшего может выступать несовершеннолетнее лицо.

Обеспокоенность вызывают и показатели насильственной преступности, связанной с причинением вреда как соматическому, так и психическому здоровью несовершеннолетних. При этом, как отмечает начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь Юрий Варавко: «Нередко половые преступления в отношении детей совершают близкие родственники. Если посмотреть на статистику, то среди пострадавших детей 34% не были знакомы с преступником. То есть каждый третий. Все остальные были знакомы с преступником. Кроме того, 10% потерпевших являются родными детьми обвиняемых» [10].

Таким образом, несовершеннолетние являются особой категорией субъектов уголовного права, требующей особого внимания и защиты. Их возраст, незрелость и особенности развития могут существенно влиять на их поведение и способность принимать решения. В последнее время наблюдаются новые тенденции преступности несовершеннолетних, характеризующиеся тем, что наряду с популярными преступлениями в подростковой среде – кражами, хулиганствами, незаконным оборотом наркотических средств, появляются и новые виды преступлений. Также имеют место и негативные тенденции, связанные с ростом насильственных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних потерпевших, что требует обеспечения механизма защиты их прав и законных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные судебной статистики за 2020 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/ef9e3be7a0bd45f7.html. – Дата доступа: 07.10.2024.
2. Данные судебной статистики за 2019 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/06b26806148f4786.html. – Дата доступа: 07.10.2024.
3. Данные судебной статистики за 2021 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/77b1801465c047cb.html. – Дата доступа: 07.10.2024.
4. Данные судебной статистики за 2022 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/6feb6d4214a94434.html. – Дата доступа: 07.10.2024.
5. Данные судебной статистики за 2023 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/88d875b0009641f4.html. – Дата доступа: 07.10.2024.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З; Принят Палатой представителей 2 июня 1999 года; Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года; в ред. Закона Республики Беларусь от 08.07.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. Стаценко, В.Г. Современные особенности состояния преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь и деятельности по ее предупреждению / В.Г. Стаценко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – 169 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-З; Принят Палатой представителей 24 июня 1999 года; Одобрен Советом Республики 30 июня 1999 года; в ред. Закона Республики Беларусь от 08.01.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
9. Гулякевич, Д.Л. Ребенок как объект охраны от преступных посягательств / Д.Л. Гулякевич. – Минск: Государственный институт управления и социальных технологий БГУ, 2007. – 257 с.
10. Следственный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/sledstvennyj-komitet-polovye-prestuplenija-v-otnoshenii-detej-neredko-sovershajut-blizkie-rodstvenniki-13591/>. – Дата доступа: 06.10.2024.

УДК 343.22

**КРИМИНОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЖЕНЩИН,
СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ****Д. В. ЛАЗАРЬ***(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)*

В статье приводятся аспекты, касающиеся правового статуса женщины как субъекта уголовных и уголовно-исполнительных правоотношений, анализируются статистические данные о количестве женщин, совершивших различные виды преступлений, а также белорусское и зарубежное законодательство.

Правовой статус личности находится в процессе постоянной эволюции. Государство гарантирует защиту прав, свобод и законных интересов и обеспечивает установленные законом условия применения наказания к осужденным. Процесс исполнения (отбывания) наказания затрагивает все стороны жизнедеятельности личности осужденного и порождает различные общественные отношения. Правовой статус осужденных является межотраслевым правовым институтом. Он определяется нормами не только уголовного и уголовно-исполнительного права, но и гражданского, трудового и других отраслей права.

Осужденные, в зависимости от пола, возраста, состояния здоровья, вида режима (отбывающие наказание в виде лишения свободы) наделяются определенным правовым статусом, с присущими ему особенностями.

Научный и практический интерес к проблеме преступности женщин объясняется их особым местом в системе общественных отношений, важностью социальных ролей и функций, которые они выполняют и крайне неблагоприятными последствиями криминальных форм их поведения.

Гендерная статистика является важнейшим инструментом, позволяющим учитывать особенности женщин и мужчин как специфических социально-демографических групп при разработке оптимальной социально-демографической политики, реализации принципа гендерного равенства.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь 2022 году было выявлено 7 730 женщин, совершивших преступления, что составляет 18,3% от общего количества преступников, численность которых в указанном году достигла 42 297 человек. В 2023 году всего было выявлено 38 660 человек, совершивших преступления. Подавляющее большинство из них – это мужчины – 31 416 человек, или 81,3%, женщин – 7 244 человека (18,7%) [1].

Проанализировав статистические данные о количестве женщин, совершивших преступления по территории Республики Беларусь, можно сделать вывод, что имеется незначительный рост уровня женской преступности в 2023 году по сравнению с 2022 годом, несмотря на то, что по абсолютным показателям женщин-преступниц стало меньше на 486 человек.

В этой связи представляется целесообразным провести сравнение уровня женской преступности с 2019 годом. Так в 2019 году было выявлено 45401 лицо, совершившее преступление, из которых женщин – 8139, что составило 17,9%. Как видно, в 2019 году было выявлено на 409 женщин-преступниц меньше, чем в 2019 году, однако уровень преступности вырос на 0,8%.

Сравнительный анализ структуры женской преступности в 2019 и 2023 годах (Рис. 1) позволяет сделать ряд выводов. Так, например, удельный вес убийств и покушение на убийство за рассматриваемые годы не изменился (в 2023 году данное преступление было совершено 52 женщинами (0,72%) от общего количества преступлений, совершенных женщинами, в 2019 – 59 (0,72%). Примерно на одном уровне остался удельный вес таких преступлений, как умышленное причинение тяжкого телесного повреждения – (1,52% в 2023 году и 1,51% в 2019 году); хулиганство (1,55% и 1,35% соответственно). Однако по ряду преступлений наблюдается рост. Это касается краж (+1,83%), преступлений, связанных с незаконными действиями в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (+0,94%)

Таким образом, в структуре женской преступности преобладают корыстные преступления: кражи, мошенничество и грабежи, доля же женщин среди лиц, совершивших разбой, невелика. Среди преступлений против общественного порядка и общественной нравственности велика доля женщин, совершивших хулиганство. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения также занимает место среди наиболее часто совершаемых преступлений женщинами. В целом, проведя сравнительный анализ статистических данных о количестве зарегистрированных преступлений, совершенных женщинами, можно сделать заключение о неблагоприятных тенденциях в сфере женской преступности.

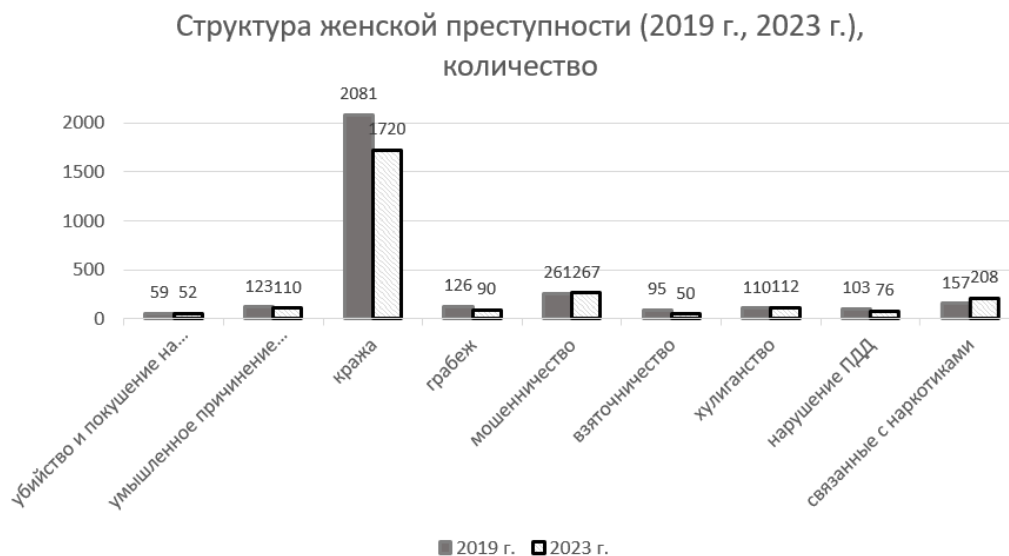

Рисунок 1. – Удельный вес отдельных преступлений, совершаемых женщинами, в общей структуре женской преступности

В белорусском законодательстве нет документов, которые направлены на учет гендерной специфики назначения и исполнения наказания. Тем не менее Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь имеют в своем содержании нормы, регулирующие положение женщин в системе уголовного правосудия и направлены, в первую очередь, на обеспечение возможности выполнять свои материнские обязанности.

Так, например, женщина, как субъект уголовных и уголовно-исполнительных отношений, обладает определенными особенностями, в частности:

1. Женщинам не назначаются такие виды наказаний, как пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Данный вопрос на сегодняшний день богат противоречиями и постоянными обоснованными сомнениями у ученых в области права: часть из которых придерживается мнения о том, что неприменение исключительных видов наказания к женщинам противоречит как принципу справедливости, так и принципу равенства граждан перед законом и судом. Другие же ученые считают, что именно так проявляется гуманизм, тем самым «смягчая» существующее неравенство субъектов преступления и «обеспечивает более снисходительный подход к некоторым категориям лиц [2]».

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) не допускает назначение в отношении беременных женщин следующих видов наказаний:

- общественные работы:

Статья 49 УК так же исключает назначение общественных работ лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, тем самым исключая женщин, имеющих детей до 3-х лет от данного вида наказания.

В случае беременности женщины, отбывающей наказание в виде общественных работ, исправительных работ или ограничения свободы, орган или учреждение, исполняющие наказание и иные меры уголовной ответственности, направляют в суд представление о ее досрочном освобождении от отбывания наказания с момента предоставления отпуска по беременности и родам (ст. 187 УИК) [3].

- исправительные работы:

Так же, как и в случае с общественными работами, статья 52 УК исключает назначение исправительных работ лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, тем самым исключая женщин, имеющих детей до 3-х лет от данного вида наказания.

В случае возникновения в период отбывания лицом исправительных работ обстоятельств, предусмотренных частью 3 статьи 52 УК, уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представление об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким наказанием.

В статье 37 УИК законодателем точно установлен момент освобождения от данного вида наказания: осужденная беременная женщина освобождается от исправительных работ со дня предоставления ей отпуска по беременности и родам (т. е. с 30 недели по сроку) [4].

- арест:

Статья 54 УК исключает возможность назначения ареста женщинам и одиноким мужчинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов, следовательно, категория осужденных женщин, имеющих детей до 3-х лет тоже попадает под эту норму.

– ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа:

В случае возникновения беременности в период отбывания осужденной наказания в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа суд по представлению учреждения, на которое возложено исполнение наказания, принимает решение о переводе осужденной для дальнейшего отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа или освобождает её от дальнейшего отбывания наказания (ст. 55 УК) [5].

2. Женщины отбывают наказание в виде лишения свободы в условиях поселения, исправительных колониях в условиях общего или строгого режимов, в то время как отечественным уголовным законодательством предусмотрено четыре вида режима: общий, усиленный, строгий и особый (ст. 57 УК) [3].

3. Обстоятельствами, смягчающими ответственность, признается совершение преступления беременной женщиной или имеющей на иждивении малолетнего ребенка (ст. 63 УК) [5].

Что же касается международных актов, регулирующих правовое положение осужденных женщин, к ним можно отнести: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [6], Процедуры для эффективного выполнения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме [7], Основные принципы обращения с заключенными, стандарты и нормы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, прежде всего на стандарты и нормы, касающиеся альтернатив тюремному заключению, в частности Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) и Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия [8].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что женская преступность, как отдельный вид преступности отличается своими количественными и качественными показателями. Последствия совершения преступления, т. е. назначение наказания и его дальнейшее исполнение должны отвечать принципу гуманизма, и учитывать особенности, присущие женщине в системе уголовного правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Численность женщин, совершивших преступления [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=190795>.
2. Сорокин В.П. Принцип равенства граждан перед законом сквозь призму принципа гуманизма в уголовном праве / В.П. Сорокин // Юридический мир. – 2012. – № 4. – С. 32–35.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-З: с изм. и доп. отот 30 июня 2022 г. № 183-З. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 29 декабря 2012 г. № 7-З: с изм. и доп. от 13 декабря 2023 г. № 317-З. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З: с изм. и доп. от 8 января 2024 г. № 349-З. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [Электронный ресурс] // Организация Объединенных наций. – 2024. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml.
7. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме [Электронный ресурс] // Организация Объединенных наций. – 2024. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml.
8. Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf.

УДК 343.28(476)

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН
И ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО 3-х ЛЕТ****Д. В. ЛАЗАРЬ****(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)**

В статье анализируется правовое положение осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет. Выделены специфические черты, присущие рассматриваемой категории осужденных. Также затрагивается вопрос о проблемах реализации права на ЭКО женщинами, отбывающими наказание в виде лишения свободы.

Женская преступность всегда вызывала особую обеспокоенность в обществе и государстве, поэтому следует уделять повышенное внимание тому, как реализуются права и гарантии женщин, которые нарушили закон, в частности беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет.

Как определено Конституцией Республики Беларусь: «материнство и детство находятся под защитой государства [1]». И несмотря на то, находится ли женщина в местах лишения свободы, либо отбывает наказание, не связанное с изоляцией от общества, она имеет полное право на реализацию своих родительских прав.

Согласно статистическим данным, каждой четвертой осужденной женщине назначается ограничение свободы, а каждой пятой – лишение свободы. Около 60 % осужденных женщин – матери. Небольшая часть, примерно 2–3 %, становятся матерями в исправительной колонии (ИК) [4].

Представляет интерес правовое положение беременных женщин и женщин, имеющих детей до 3-х лет, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Выделим специфические черты, присущие рассматриваемому правовому положению:

1. Не могут содержаться на строгом режиме осужденные беременные женщины и женщины, имеющие при себе малолетних детей (ст. 124 УИК) [2].

2. Осужденные беременные женщины привлекаются к работам без оплаты труда по их желанию (ст. 101 УИК) [2].

3. В исправительных учреждениях, где отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, организуются дома ребенка (располагаются изолированно от других зданий). Занимаемые домами ребенка земельные участки огораживаются, оборудуются изолированными друг от друга площадками (по количеству групп) для проведения прогулок и сна детей на свежем воздухе в течение круглого года. При доме ребенка организуется молочная кухня.

В домах ребенка воспитываются дети от рождения и до трехлетнего возраста. Дети старше трех лет передаются на воспитание близким родственникам осужденных женщин либо с согласия матери и по решению органов опеки и попечительства иным лицам, а в случае отсутствия таковых или отказа принять ребенка подлежат передаче в соответствующие детские учреждения. При согласии матери дети могут выписываться из дома ребенка и передаваться на воспитание родственникам и до достижения ими трехлетнего возраста. Каждый дом ребенка рассчитывается на размещение пятидесяти – ста пятидесяти детей с распределением их по группам в зависимости от возраста.

Законодателем установлена такая своеобразная привилегия, касательно периода содержания детей в доме ребенка: «Если ребенку, содержащемуся в доме ребенка исправительного учреждения, исполнилось три года, а оставшийся срок отбывания наказания матерью не превышает одного года, администрация исправительного учреждения может продлить время пребывания ребенка в доме ребенка до дня окончания срока отбывания наказания матерью» (ст. 95 УИК) [2].

Администрация учреждения уголовно-исполнительной системы обеспечивает матерям, кормящим грудью, возможность ежедневного посещения своих детей в домах ребенка не реже чем через три часа продолжительностью не менее тридцати минут каждое, а при кормлении двух и более детей – не менее часа.

Максимальная продолжительность посещения в каждом конкретном случае определяется врачом и согласуется с администрацией учреждения. Администрация учреждения обеспечивает матерям, не кормящим грудью, ежедневное посещение своих детей в доме ребенка продолжительностью не менее одного часа, посещения проводятся в период от подъема до отбоя по графику, составленному с учетом распорядка дня учреждения.

4. Осужденным женщинам, добросовестно относящимся к труду и соблюдающим требования режима, по мотивированному постановлению начальника исправительной колонии, согласованному с наблюдательной комиссией, может быть разрешено проживание вне исправительной колонии на время освобождения от работы по беременности и родам, а также на период до достижения ребенком трехлетнего возраста (ст. 91 УИК) [2].

Кроме того, в отношении осужденных женщин, проживающих вне исправительной колонии, и их детей в возрасте до трех лет:

- обеспечиваются питанием, вещевым довольствием по нормам, установленным для беременных женщин, кормящих матерей, детей, находящихся в домах ребенка ИУ;
- по истечении послеродового отпуска администрация исправительной колонии оказывает содействие женщинам, проживающим вне исправительной колонии, в трудоустройстве на предприятиях учреждения или на контрагентских объектах в местах дислокации учреждения;
- администрация исправительной колонии оказывает содействие осужденным женщинам в устройстве их детей в ясли, принадлежащие органам здравоохранения, учреждениям или другим организациям [5].

Важнейшим моментом при принятии решения о совместном проживании должны учитываться состояние здоровья матери и ее отношение к ребенку. Недопустимо предоставление такого права женщинам, не прошедшим курс лечения от венерических заболеваний, или с наличием у них явных психических отклонений. Кроме того, необходимо учитывать поведение осужденной во время отбывания наказания, ее психолого-педагогическую характеристику. Совместное проживание даст возможность поддержания психологической связи между матерью и ребенком, воспитание у осужденной женщины чувства материнства, а также обеспечение раннего постпенитенциарного сопровождения женщины и ребенка.

5. Осужденные беременные женщины и кормящие матери в соответствии с медицинским заключением могут получать дополнительно продовольственные посылки и передачи в количестве и ассортименте, необходимых для поддержания нормального здоровья матери и ребенка. Осужденные беременные женщины на период родов и в послеродовой период имеют право на медицинскую помощь (ст. 95 УИК).

6. Осужденным к лишению свободы беременным женщинам и кормящим матерям создаются улучшенные жилищно-бытовые условия, устанавливаются повышенные нормы питания, а на период освобождения от работы питание предоставляется бесплатно (ст. 94 УИК).

7. Осужденные к лишению свободы беременные женщины и кормящие матери в штрафной изолятор, помещения камерного типа не водворяются (ст. 112 УИК).

8. Специальные средства и огнестрельное оружие не применяются в отношении женщин с видимыми признаками беременности за исключением случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения группового или вооруженного нападения на работников исправительного учреждения и военнослужащих или иных действий, угрожающих жизни и здоровью граждан в соответствии с УИК.

9. На лицевой счет осужденных к лишению свободы беременных женщин или женщин, имеющих детей в домах ребенка, перечисляется не менее 50 % начисленной заработной платы или иных доходов, в то время как для остальных категорий осужденных – не менее 25 % (ст. 102 УИК) [2].

10. Осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, для устройства детей у родственников либо в детском интернатном учреждении может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений на срок до семи суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно, а осужденным женщинам, имеющим детей-инвалидов вне исправительной колонии, – один краткосрочный выезд в год на тот же срок для свидания с ними (ст. 92 УИК).

11. Осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, отбывающим наказание в виде лишения свободы, судом может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания на период, когда они могут быть освобождены от работы по беременности, родам и до достижения ребенком трехлетнего возраста (за исключением женщин, осужденных к лишению свободы на срок более пяти лет за тяжкое или особо тяжкое преступление).

Так, право на охрану здоровья имеет любой осужденный. Медицинская помощь осужденным может оказываться в амбулаторных, стационарных условиях, в условиях отделения дневного пребывания, а также вне организации здравоохранения в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь.

Как уже отмечалось: отбывание наказания – не является препятствием для реализации женщиной родительских прав. А как она может реализовать это право, в случае применения вспомогательной репродуктивной технологии на примере экстракорпорального оплодотворения (ЭКО)?

Представим ситуацию: женщина (до появления у нее статуса осужденной) начала проходить подготовительный этап процедуры ЭКО (предварительные обследования и т. п.), и в этот период совершает преступление, и обязана отбывать наказание в виде лишения свободы.

Статьей 23 Конституции установлено: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [1]». Сложно сказать, в чем может заключаться угроза конституционным ценностям со стороны осужденной женщины в случае применения к ней по медицинским показаниям методик ЭКО.

Одним из существенных препятствий реализации ЭКО в местах лишения свободы выступает сложность проведения данной медицинской услуги. Так, успешная реализация предполагаемых этапов экстракорпорального оплодотворения и переноса эмбрионов предполагает целый ряд обследований, осуществляемых, как правило, в течение 3–6 месяцев.

Несмотря на достигнутые успехи в области репродуктивных технологий, многие исследователи считают, что беременность, наступившая после применения методов вспомогательных репродуктивных технологий, относится к группе высокого риска. Это обусловлено прежде всего психологической неуравновешенностью, вызванной различными социальными факторами, в частности – это и отбывание женщинами уголовного наказания в местах лишения свободы [6].

По объективным причинам многие медицинские действия и процедуры, требующиеся для экстракорпорального оплодотворения, невозможно реализовать в медико-санитарных частях уголовно-исполнительной системы. Поэтому осужденную женщину по ее заявлению к начальнику исправительного учреждения о необходимости получения дополнительной лечебно-профилактической помощи придется неоднократно доставлять в соответствующие медицинские учреждения, которые не подведомственны Департаменту исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь (ДИН МВД Республики Беларусь). Принципиально это не противоречит уголовно-исполнительному законодательству и законодательству в области здравоохранения, но создает нетипичные сложности организационно-режимного характера.

При этом необходимо отметить, что система здравоохранения уголовно-исполнительной системы выступает неотъемлемым элементом государственной системы здравоохранения, а преодоление проблем, связанных с охраной и укреплением здоровья осужденных, является существенным вкладом в улучшение общественного здоровья в целом.

Таким образом, формально законодательство не содержит препятствий для реализации женщинами, отбывающими лишение свободы, методики экстракорпорального оплодотворения. Однако процедурная сложность методик экстракорпорального оплодотворения, отсутствие четкого подзаконного регулирования в настоящее время создает объективные и порой непреодолимые сложности для их применения в деятельности уголовно-исполнительной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г., с изм. и доп. от 12 окт. 2021 г. № 124-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-З: с изм. и доп. от 30 июня 2022 г. № 183-З. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З: с изм. и доп. от 8 января 2024 г. № 349-З. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. Свило, С. М. Преступность среди женщин в Республике Беларусь: характеристика, причины, предупреждение: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд-та юрид. наук: 12.00.08 / С. М. Свило. – Академия МВД Республики Беларусь. – Минск, 2007. – 23 л.
5. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс]: постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 20 окт. 2000 г., № 174 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. Рябова, М. Г. Психологические особенности женщин при лечении бесплодия методом экстракорпорального оплодотворения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. – 2014. – Т. 19. – Вып. 1. – С. 121–123.

УДК 343.3

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ****А. В. ЛИТВИНОВА***(Представлено: В. А. КУКШТЕЛЬ)*

В данной статье исследуется история становления уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности. Исследуются нормы Русской Правды, Статутов Великого Княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг., Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845, советского уголовного законодательства, регулирующие уголовную ответственность за посягательства на жизнь и здоровье с неосторожной формой вины.

Охрана от умышленного посягательства на жизнь и здоровье человека имеет давнюю историю, однако неосторожная вина впервые формально упоминается в первом русском своде законов – Русская Правда, под которым, в основном, понимается три возникших одновременно, связанных между собой свода законов в краткой, пространной и сокращенной редакции.

Понятие «преступлений» ни в одной из редакций Русской правды не существовало. В научной литературе не раз подчеркивается, что в основе выделения составов преступлений лежит не внутренние (субъективные), а внешние (объективные) признаки содеянного. Соглашаясь с такой характеристикой, авторы издания «Российское законодательство 10–20 веков», отмечают, что законодатели Русской правды вводят собственный принцип степени ответственности, основанный на противопоставлении не только умышленного или неумышленного преступления, сколько того, было ли оно совершено открыто, в честной схватке, во время ссоры, включая в объем нормы исчерпывающие обстоятельства совершения преступления [1, с. 98].

Для выборочного анализа норм Русской правды, используется лексическое толкование упрощенного русского перевода, так, ст. 3 Пространной редакции: «Аже кто убиеть княжа мужа в разбой, а головника не ищють, то виевную платити, въ чьей же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ, паки ли людинъ, то 40 гривенъ.», содержит формулировку «в разбой» [2, с. 110]. Первый переводчик Русской Правды на «новый язык», издавший ее в 1792 г., известный исследователь генерал-майор И. Н. Болтин перевел «разбой» как поединок. Понятие «в разбой» подразумевалось, как, открытое вооруженное «разбивание» одного человека другим [3, с. 61].

В ст. 6 Русской правды: «Но оже будетъ убилъ или въсвадѣ или в пиру явлено, то тако ему платити по верви нынѣ, иже ся прикладываетъ вирую.», усматриваются формулировки «в сваде», «в пиру» и «явлено».

Таким образом, убийство в ходе ссоры, драки или в состоянии, предположительно, алкогольного опьянения на пиршестве соотносится с понятием открытого преступления, что влияло на степень наказания и выступало антиподом умышленной формы вины. Объектом преступления является жизнь и здоровье человека. Объективной стороной преступления можно считать лишение жизни человека. Указаны и обстоятельства совершения преступления: его открытость в ходе ссоры или пиршества. Субъектом, согласно Русской правде, выступали свободные люди, то есть те, кто не был признан холопами.

Анализ статей, подтверждает, что свод законов предусматривал несколько форм вины: умышленную («пакоща», «в разбой») и вину, выражающуюся в неосторожности («в сваде», «на пиру»).

Законодатель косвенно ограничивает составы преступлений по субъективной стороне преступления, вменяя им разную форму вины. Нормы причинения смерти по неосторожности не существовало. Законодатель, предположительно, усматривая во внешних обстоятельствах психологическое отношение лица к преступлению, не выделяет неосторожную форму вины в ее привычном понимании, но отделяет преступления друг от друга, исходя из этих обстоятельств, что позволяет сделать вывод о том, что преступления ограничивались друг от друга по их внешнему проявлению, в подтверждение этому, имея разные по степени тяжести санкции.

Статут Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) 1529 года стал одним из первых систематизированных сводов законов и включал правовые обычаи, которые приобрели форму писаного права, а также ряд кодифицированных и новых норм права [4, с. 1].

Раздел 7 «О земских насилиях, о побоях и об убийствах шляхтичей» содержит перечень преступлений, направленных против жизни и здоровья [5]. Объектом преступления признавались жизнь и здоровье человека, посягательства на которые влекло наступление уголовной ответственности. Теория современного уголовного права относит к внутренней – субъективной стороне преступления – вину, мотив, цель. Отношение субъекта преступления к совершенному им деянию и его последствиям были проработаны и в статутном законодательстве.

Законодатель XVI в., используя термины «умышленное» и «неумышленное», довольно четко разграничивал в умышленных преступлениях осознание лицом преступности совершаемого им деяния и желание совершить его или желание наступления опасных последствий. По отношению к неумышленным – все неосторожные деяния можно отнести к трем группам:

- а) деяния, вызываемые другими разрешенными деяниями (например, поджог леса по неосторожности);
- б) деяния, вызываемые другими, запрещенными законом действиями.

В Статуте 1588 г. различается убийство «в зваде», совершенное инициатором «звады», и убийство совершенное лицом, которое защищалось, причем первое трактовалось как умышленное, а второе – как случайное.

в) неосторожное деяние, совершенное лицом, которое в связи с занятием определенной должности или выполнением определенной работы должно было добросовестно выполнять соответствующие обязанности, законодатель зачастую относил к умышленным преступлениям [6, с. 7].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что Статут ВКЛ 1529 года, все еще четко не регламентирует субъективную сторону совершения преступления, устанавливая формальные понятия, влияющие на квалификацию преступления.

В качестве источника, регулирующего уголовно-правовые отношения на территории Российской империи, обратимся к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение). Согласно мнению Ю. В. Костина, под преступлением понималось «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав Власти Верховной и установленных Ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц» [7, с. 23].

Ст. 3 Уложения регламентирует виды преступлений, выделяя их в категории умышленных и неумышленных преступлений: «Преступления и проступки суть умышленные и неумышленные». Законодатель Уложения не устанавливает понятий умышленных и неумышленных преступлений. [8, с.1]. Вышеуказанная норма, поделенная на части, которая также выделяет в каждой из них состояния лица, при котором не усматривается уголовная ответственность. Среди них: случайность, малолетство, безумие, сумасшествие, беспамьятство, ошибка, принуждение, непреодолимая сила и необходимая оборона. Зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, не считалось виною.

Проведя анализ, ст. 1466 Уложения наиболее тесно коррелирует с институтом причинения смерти по неосторожности: «Кто без намерения учинить убийство, дозволить себе какое-либо действие, противное ограждающим личную безопасность и общественный порядок постановлениям, и последствием онаго, хотя и неожиданным, причинится кому-либо смерть, тот за сие подвергается: заключению в тюрьму на время от двух до четырех месяцев» [9, с. 1].

Структура нормы: двухэлементовая конструкция – диспозиция и санкция.

Впервые из всех подвергавшихся исследованию уголовных законов, законодатель применяет формулировку «причинение смерти», отграничивая ее от умышленного убийства и приписывая деянию характер совершенного по неосторожности. Что служит результатом правового прогресса, в качестве выделений отдельных преступлений как норм уголовного права, имеющих значение для данного исследования.

Следующим этапом становления уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности является советское уголовное законодательство. Согласно ст. 9 Уголовного кодекса Белорусской Советской Социалистической Республики 1960 г. (далее – УК БССР), преступление признается совершенным по неосторожности, и, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть. В сравнении с современным законодательством, понятие неосторожной формы вины УК БССР, одновременно сочетает в себе признаки и легкомыслия, и небрежности.

В кодексе особенно выделяется ст. 104 «Убийство по неосторожности». «Убийство, совершенное по неосторожности, – наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года. Неосторожное убийство двух или более лиц – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет».

В сравнении с действующим на данный момент Уголовным Кодексом Республики Беларусь 1999 г., где близкая по своему значению статья носит название «Причинение смерти по неосторожности», где такое же деяние никак нельзя назвать убийством, так как в современном толковании убийство – всегда умышленное преступление. Примечательно, что статья состоит из простой диспозиции и санкции и не содержит в себе признаков, при толковании которых деяние квалифицировалось как преступление. Абзац второй статьи содержит особо квалифицирующие признаки преступления – неосторожное убийство двух и более лиц.

В целом, сама структура ст. 104 УК БССР не отличается от современной нормы, однако современное законодательство расширило альтернативную санкцию для индивидуализации наказания, повышая эффективность его применения. Так, современный законодатель добавляет такой вид наказания, как ограничение

свободы на срок до трех лет, а также увеличивает возможный срок исправительных работ – до двух лет. В ч. 2 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, законодатель пересмотрел предшествующую санкцию, преобразовав ее из простой в альтернативную, тем самым добавив такой вид наказания, как ограничение свободы.

Таким образом, законодатель УК БССР придает норме иное значение, указывая, что убийство может быть как умышленным преступлением, так и совершенным по неосторожности. В современных реалиях формулировка «убийство» – всегда умышленное преступление, которое не может соотноситься с понятием неосторожности. Выделение нормы, безусловно, означает ее самостоятельность в уголовном законе [9].

Подводя итог, в данной статье был проведен анализ норм причинения смерти по неосторожности в историко-правовом контексте, который позволяет понять эволюцию нормы причинения смерти по неосторожности, с помощью исторического, сравнительного метода, а также лексического толкования. Началом развития нормы, предположительно, можно считать средневековые правовые акты, где устанавливались формальные понятия, влияющие на квалификацию деяния как преступления, которые включали элементы, учитывающие намерение и обстоятельства совершения преступления, что стало основой для формулирования более сбалансированных подходов в последующих эпохах. В свою очередь, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, как первый уголовный кодекс Российской империи, первым четко выделяем причинение смерти по неосторожности в отдельную норму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Георгиевский, Э.В. Убийство в уголовном праве Древней Руси / Э.В. Георгиевский // Сибирский юр. вестн. Сер. 2, – 2010, с. 96–106.
2. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под ред. Д. С. Лихачева и др. – Санкт-Петербург: Наука, 1997 / Т. 4: XII век. – 1997, – 685 с.
3. Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: [57т.] под ред. К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб., 1900, – 483 с.
4. Статут 1529 г. как результат правообразования в Великом Княжестве Литовском (историко-правовой проект): сб. научн. ст. / Бел. гос. ун-т; под ред: Т.О. Дидыч, О.И. Чаплук., – 2017, – с. 11.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Litovskogo_1529_s.131-217.pdf. – Дата доступа : 21.09.2024.
6. Копик, Ю.В. Уголовное право на украин.- Юридические науки украин. зем.В составе Великого Княжества Литовского: дис. ... канд. юрид. наук. / Ю.В. Копик; Львов. гос.ун-т им. И. Франка, 2015.– 220 с.
7. Костин, Ю. В. Особенности развития уголовного права Российской империи в XIX в. / Ю.В. Костин // История государства и права. 2010. Сер.7. С. 22–25.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года/ Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым. – 5-е изд., доп. – САНКТПЕТЕРБУРГ : тип. М. Стасюлевича , 1886. – 714 с.
9. Уголовный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики: утв. Постановлением Верх. Предс. Белорус. ССР, 29дек. 1960 г. // Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР, –1961. Отд. 1. – № 1. – Ст. 9, ст. 104.

УДК 343.3

ПОНЯТИЕ НЕОСТОРОЖНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**А. В. ЛИТВИНОВА****(Представлено: В. А. КУКШТЕЛЬ)**

Статья посвящена анализу понятия неосторожности в уголовном праве Республики Беларусь. В публикации рассматриваются основные характеристики неосторожности как одной из формы вины, ее виды: легкомыслие и небрежность. Автор анализирует нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь, доктринальные подходы к интерпретации неосторожности. Особое внимание уделяется разграничению неосторожной формы вины с невиновным причинением вреда (случаем).

Уголовная ответственность основывается на принципе субъективного вменения, то есть на принципе виновной ответственности. Вина представляет собой многогранное, комплексное явление. Вина – категория правовая. Согласно ч. 1 ст. 21 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), вина – это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности [1]. Содержание и сочетание интеллектуальных и волевых признаков дают основание для выделения двух форм вины. Неосторожная форма вины занимает важное место в системе уголовного права, определяя степень ответственности за деяния, совершенные без умысла, но с недостатком должной внимательности или осторожности. Неосторожность является менее распространенной формой вины по сравнению с умышленной, однако, преступления, совершенные по неосторожности, могут повлечь наибольший вред, посягая на жизнь и здоровье человека [2, с. 109]. По содержанию волевого (то есть, отношение воли субъекта к деянию и последствиям) и интеллектуального (то есть, внутреннее, сознательное отношение субъекта к деяниям и последствиям) момента, неосторожная форма вины делится на два вида: легкомыслие и неосторожность.

Согласно ч. 2 ст. 23 УК Республики Беларусь, преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но без достаточных оснований рассчитывало на их предотвращение. Таким образом, законодательное определение содержит два признака:

- 1) лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий;
- 2) лицо рассчитывало на предотвращение этих последствий.

Первый признак предвидения возможности наступления общественно опасных последствий является интеллектуальным элементом легкомыслия [3, с. 193].

Интеллектуальные моменты предопределяют сущность вины в целом и отдельных ее форм. Отсутствие интеллектуального отношения к совершаемому действию (бездействию) и наступившим последствиям исключает вину, а, следовательно, и ответственность. Интеллектуальные моменты умысла – это совокупность уголовно-релевантных процессов психики, существующих в процессе совершения самого преступления [4, с. 136]. Как справедливо заметил С. Будзинский: «О чем кто не знает, чего кто не предвидел, того не мог хотеть, на то не мог решиться» [5, с. 122].

Волевой элемент легкомыслия раскрывается во втором признаке, вытекающего из законодательного определения легкомыслия. В отношении легкомыслия, воля понимается в ее узком аспекте, как волевое усилие, она не включает в себя этап формирования мотива, целеполагания. Воля – это способность к волевой регуляции в момент совершения преступления, волевой элемент умышленной вины – реализация этой способности, выраженная в волевом усилии [6, с. 87].

Таким образом, корреляция интеллектуального и волевого элементов легкомыслия объясняется тем, что, обычно, субъект понимает, что само деяние противоречит законодательству и является наказуемым, но возможны ситуации, когда субъект не считает свой поступок общественно опасным, так как рассчитывает, что последствия его действий будут предотвращены. Лицо действует с убежденностью, что ему удастся предотвратить общественно опасный результат. Такое предвидение иногда именуют абстрактным, отвлеченным. Обстоятельства, которые, по мнению субъекта предотвратят наступление общественно опасных последствий могут соответствовать различным критериям: жизненный опыт, уверенность в своих знаниях и навыках, спортивную подготовку, помощь иных лиц. Виновный считает, что те или иные обстоятельства способны предотвратить наступление последствий, нарочно переоценивая их, однако общественно опасные последствия наступают, независимо от волевого момента.

Согласно ч. 3 ст. 23 УК Республики Беларусь, преступление признается совершенным по небрежности, если лицо, его совершившее, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть [1]. Отличительным признаком небрежности от легкомыслия

является отсутствие какого-либо предвидения наступления общественно опасных последствий действия или бездействия лица. Лицо не придает значения совершаемому деянию, не концентрирует свое внимание на нем. Научная литература выделяет два критерия небрежности: субъективный и объективный.

Субъективный критерий предполагает, что лицо при необходимой внимательности и предусмотрительности *могло* предвидеть наступление общественно опасных последствий. Таким образом, полагаясь на индивидуальные качества субъекта, такие как: уровень его умственного и психического развития, профессиональные навыки, опыта, лицо *могло* это сделать. Объективным критерием принято считать, что лицо *должно* было предвидеть наступление таких последствий.

Сходство между легкомыслием и небрежностью по волевому элементу заключается в отсутствии положительного отношения к наступлению общественно опасных последствий, но при легкомыслии лицо, сознательно совершает потенциальные опасные волевые действия, стремясь использовать определенные факторы для предотвращения общественно опасных последствий [7, с. 325].

В процессе квалификации могут допускаться правоприменительные ошибки и неточности, отчего зависит привлечение или непривлечение лица к уголовной ответственности, именно в этом заключается важность определения формы вины. Случайная вина, на первый взгляд, имеет сходство с неосторожной формой вины. Согласно ст. 26 УК Республики Беларусь, деяние признается невиновным, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не должно и не могло осознавать общественную опасность своего действия или без действия либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было и не могло их предвидеть [1].

Случайное причинение вреда или невиновное причинение вреда, когда последствия преступления наступают в результате случайных обстоятельств, и лицо не имело намерения причинить вред. В таком случае, у лица отсутствует любое осознание риска или возможности причинения вреда. Лицо не несет ответственности за случайные последствия, так как они не были предсказуемыми. Конкуренция неосторожной и случайной форма вины наиболее присуща транспортным происшествиям. Например, водитель, превышающий скорость и не замечающий пешехода, которого он мог или должен был увидеть, если бы он был внимательнее, сбивает его, отчего тот получает телесные повреждения различной степени тяжести. В таком случае, водитель изначально допустил правонарушение в виде превышения скорости, чем спровоцировал риск наезда на человека, что, в свою очередь, образует состав преступления, а субъект наделяется неосторожной формой вины. В другом случае, водитель, не допуская рисков, двигаясь по правилам дорожного движения, с разрешенной скоростью случайно совершает наезд на человека, который внезапно выбежал на проезжую часть в неполюженном месте или переходил дорогу в неполюженном месте в темное время суток. В таком случае, лицо не могло и не должно было осознавать рисков, в этом случае, внезапного движения человека в неполюженном месте, а значит лицо не осознавало общественную опасность и не предвидело наступления общественно опасных последствий. Таким образом лицо наделяется случайно формой вины, а его деяние именуется невиновным причинением вреда (случаем). Основным отличием является то, что субъект с неосторожной формой вины подлежит уголовной ответственности, в свою очередь, случайная форма вины не влечет уголовной ответственности, так как отсутствует элемент вины, являющимся одним из основных элементов, для привлечения лица к уголовной ответственности.

Таким образом, в тексте данной статьи было представлено понятие неосторожной формы вины, видами которой являются легкомыслие и небрежность, присущие им отличительные признаки, а также отграничение между случайной и неосторожной формой вины. Для процесса квалификации, определение формы вины имеет ключевое значение для установления степени ответственности и отнесение деяния согласно норме уголовного законодательства, а также правовой определенности, обеспечивая справедливость судебных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.07.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Муровцев, А.М. К вопросу об уголовно-правовой оценке неосторожной формы вины / А. М. Муровцев // Эл. науч. жур-л Наука. Общество. Государство – 2020. – № 4. – С. 108–115.
3. Козельская, Н.С. Неосторожность как форма вины / Козельская, Н.С. // Законность и правопорядок в современном обществе // Вестн. Юр. ин-та Орг. гос. тех. ун-та г. Орел. – 2010. – № 2. С. 191–196.
4. Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти: ТолПИ, 1998. – С. 136; Он же. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. – Казань: КГУ, 1988. – С. 9; Макашвили В.Г. Волевой и интеллектуальный элементы умысла // Советское государство и право. – 1966. – № 8. – С. 104.
5. Дубовиченко, С.В., Карлов, В.П. Интеллектуальные моменты умысла / В.А. Дубовиченко, В.П. Карлов // Вестник Вол. ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. 3, том 1. – 2018. – С. 122–133.

6. Дубовиченко, С.В., Карлов, В.П. Волевые моменты умысла / В.А. Дубовиченко, В.П. Карлов // Вестник Вол. ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. 3, том 1. – 2010 – № 73. – С. 83–93.
7. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова; отв. Ред. А.И. Рарог. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 672.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМАТИКА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

Д. Д. ПУСТОШИЛО
(Представлено: И. Н. ТРОЦКАЯ)

В статье анализируется законодательство Республики Беларусь, регламентирующее производство проверки показаний на месте в уголовном процессе. Рассмотрен вопрос производства неотложной проверки показаний на месте, а также проблемы подготовки и фиксации данного следственного действия.

Одним из следственных действий, предусмотренных белорусским уголовно-процессуальным законодательством, является проверка показаний на месте. Проверка показаний на месте – это следственное действие, состоящее в проверке и уточнении ранее данных показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля на месте, связанном с исследуемым событием, в следующих целях:

- 1) установление новых фактических данных;
- 2) уточнение маршрута и места, где совершались проверяемые действия;
- 3) выявление достоверности показаний путем их сопоставления с обстановкой события.

Проверка показаний на месте и следственный эксперимент – это два различных следственного действия, которые используются в уголовном процессе для сбора доказательств и установления фактов. Значение проверки показаний на месте обусловлено возможностью достижения таких результатов, как выявление объективности и точности ранее данных показаний, получение новых доказательств. Конечно, данные следственные действия схожи формулировкой, но все же цель у «проверки показаний на месте» заключается в установление новых данных, имеющих значение для уголовного дела. Следственный эксперимент необходимо рассматривать как следственное действие, которое путем проведения опытных действий дает возможность проверить ранее полученные доказательства. При этом в его ходе должностное лицо, ведущее производство по делу, может получить новые данные, подтверждающие или опровергающие имеющуюся доказательственную информацию. Следственный эксперимент требует восстановления именно той обстановки (время суток, погодные условия и т. д.), которая имела место быть в момент происшествия, а также для проверки версии следователя (мог ли водитель избежать наезд, мог ли свидетель слышать крики в соседней квартире и т.д). Таким образом проверка показаний на месте проводится для подтверждения или опровержения версии событий, представленной сторонами, в то время как следственный эксперимент используется для научного и технического исследования фактов и обстоятельств преступления.

Порядок производства данного следственного действия регламентирован ст. 225 Уголовно-процессуального кодекса РБ (далее – УПК РБ).

Стоит отметить, что изменения в статью 225 УПК РБ не вносились с момента принятия, действующего уголовно-процессуального закона. С одной стороны, отсутствие каких-либо изменений в рассматриваемой норме закона говорит о ее качественной первоначальной разработке, но с другой стороны, может свидетельствовать об отсутствии должного последующего внимания со стороны законодателя. Однако, всегда есть к чему стремиться, и при производстве данного следственного действия возникает немало спорных и неразрешенных вопросов. Рассмотрим детально порядок производства рассматриваемого следственного действия и проблемы, с которыми сталкиваются правоприменители.

Ч. 1-1 ст.225 УПК РБ предусматривает, что проверка показаний в жилище и ином законном владении проводится только с согласия собственника или проживающих в нем совершеннолетних лиц либо по постановлению следователя с санкции прокурора или его заместителя, которое должно быть предъявлено до начала проверки показаний на месте. Но если наступает ночное время, как правильно действовать? Согласно общим правилам производства следственных действий, производство проверки показаний на месте в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства – ч. 2 ст.192 УПК РБ. А что относится к таким обстоятельствам? Как отмечает В.В. Кальницкий: «случаи, не терпящие отлагательства, определяются степенью опасности утраты следов преступления под воздействием определенных (заинтересованных) лиц или (негативных) природных явлений и отсутствием возможности обеспечить их сохранность в неизменном виде путем ограничения доступа к месту происшествия граждан, животных, транспортных средств» [1, с. 75].

Поэтому мы считаем, что нужно дополнить статью 225 УПК РБ отдельной частью, которая бы содержала перечень случаев, не терпящих отлагательства. Например, возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления при чрезвычайных ситуациях, ситуации, где на кону здоровье или жизнь человека, например, тяжелая травма, серьезное заболевание, при изменении обстановки на строительной площадке или в песчаном карьере, где подозреваемый спрятал орудие преступления, или же с необходимостью обеспечения нормального хода расследования, соблюдением его сроков и т. д.

(например, потребность допрошенного вечером свидетеля выехать утром за пределы страны для продолжительного лечения). Кроме того, представляется допустимым проведение указанного следственного действия в ночное время, если событие, обстоятельства которого проверяются, произошло в соответствующее время суток. Это обеспечит более высокую эффективность проводимого следственного действия, поскольку поможет следователю понять, ориентируется ли участник на месте в тех условиях, о которых давал показания [2, с. 439].

Также есть спорный вопрос о повторной проверке показаний на месте. Уголовно-процессуальным законодательством не запрещается совершение таких действий, но насколько оно эффективно – полностью неясно. На наш взгляд, то такая практика должна иметь место и чаще использоваться, например, при признании участника в том, что в ходе первоначальной проверки показаний на месте он умышленно ввел в заблуждение следствие; эмоциональное состояние (внезапное волнение, стресс) потерпевшего на месте совершения в отношении него насильственного преступления, которое не позволило проверить на месте ранее данные им показания, обнаружить предметы, о которых он говорил на допросе, и др. Представляется, что при таких обстоятельствах повторная проверка показаний на месте как способ собирания доказательств вполне приемлема, однако такой характер ее проведения, безусловно, следует учитывать в процессе оценки полученных доказательств. Повторная проверка поможет позволить избежать ошибок и убедиться в надежности информации.

Стоит отметить немало важный момент: уголовно-процессуальный закон не устанавливает продолжительности проверки показаний на месте. Вследствие этого, то разумно установить такой же срок, как и проведенный допрос лица, в отношении которого проводится проверка показаний на месте.

И завершающий вопрос для рассмотрения является порядок фиксации и изъятия предметов, которые могут иметь отношение к уголовному делу, во время проверки показаний на месте. Опросив нескольких следователей, мы пришли к выводу, что не хватает юридически закреплённого порядка фиксации и изъятия предметов, которые могут иметь отношение к уголовному делу, во время проверки показаний на месте. В соответствии с этим, часть следователей рассказало, что во время производства проверки показаний на месте они останавливают видеозапись, фиксируют и изымают предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу, а затем возобновляют видеозапись и продолжают следственное действие. Другая часть следователей рассказало иначе о производстве следственного действия: когда во время производства проверки показаний на месте обнаруживаются предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу, видеозапись не останавливается, а продолжается, и уже по завершению проверки показаний на месте, начинают фиксировать и изымать соответствующие предметы. Обосновали они тем, что, если приостановить видеозапись и начать фиксацию и изъятия предметов, которые могут иметь отношение к уголовному делу, то лицо, в отношении которого производится проверка показаний на месте, может обнаружить иные предметы, относящиеся к уголовному делу, которые не были сообщены следователю и не обнаружены другими участникам уголовного процесса, и, постояв обдумав, решить скрыть, что может затруднить дальнейшее производство по уголовному делу. Поэтому я согласна с фиксацией и изъятием предметов, которые могут иметь отношение к уголовному делу, после производства проверки показаний на месте.

На основании изложенного порядок фиксации и изъятия предметов при проверке показаний на месте является необходимым элементом правильного и эффективного уголовного процесса, который обеспечивает соблюдение процессуальных прав и обеспечивает надежные доказательства для разбирательства уголовных дел.

Таким образом необходимо дополнить ст. 225 УПК РФ следующего содержания:

- «Производство проверки показаний на месте допускается в случаях, если событие, обстоятельства которого проверяются, произошло в указанное время суток (по возможности)»
- «Перечень случаев, не терпящих отлагательства».
- «Проведение повторной проверки показаний на месте допускается в случае возникновения сомнений или несоответствия результатов».
- «Продолжительность проверки показаний на месте определяется временем допроса лица, в отношении которого производится соответствующее следственное действие».
- «Обнаруженные предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу, при необходимости изымаются и фиксируются после производимой проверки показаний на месте, о чем в протоколе проверки показаний на месте делается соответствующая запись, а в случаях, не терпящих отлагательства – во время производства проверки показаний на месте».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кальницкий В.В. Следственные действия: учебно-методическое пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2001. – 104 с.

2. Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. Г. Филиппова. – 4-е изд. перераб. и доп. – М. : Высш. образование, 2009. – 835 с.
3. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г: в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.017.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Д. Д. ПУСТОШИЛО
(Представлено: И. Н. ТРОЦКАЯ)

В статье анализируется законодательство Республики Беларусь, регламентирующее производство следственного эксперимента в уголовном процессе. Рассмотрен вопрос о проблематике производства следственного эксперимента в жилище, также о необходимости выделения обязательных этапов его проведения.

Уголовно-процессуальное законодательство в Республике Беларусь предусматривает организацию и проведение следственных действий, основное предназначение которых заключается в подтверждении объективной возможности возникновения и развития конкретных событий, наступления определенных последствий, что облегчает процесс раскрытия преступлений в сжатые сроки.

К числу важнейших следственных действий следует отнести следственный эксперимент, который способствует установлению истины по уголовным делам. В соответствии с ч. 1 ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе провести следственный эксперимент путем воспроизведения действия, обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляется последовательность произошедшего события и механизм образования следов [1]. Проведение следственного эксперимента позволяет воссоздать события, произошедшие в месте преступления, и установить обстоятельства дела. Поводом для проведения следственного эксперимента является необходимость в проверке или установлении имеющих существенное значение фактов, что может быть осуществлено только с помощью производства специальных опытов.

Согласно ст. 26 Конституции Республики Беларусь никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда [2]. Отсюда следует, что следственный эксперимент даёт возможность правильно разобраться в совершенном преступлении и привлечь виновного к уголовной ответственности. В ряде случаев объективная проверка и оценка полученных доказательств возможны только при проведении следственного эксперимента, позволяющего органу уголовного преследования опытным путем проверить достоверность полученных в ходе следствия сведений, правильность своих гипотез и выводов, а также воспроизвести картину произошедшего события в полном объеме с учетом взаимных связей, различных деталей и особенностей.

Следует отметить, что следственный эксперимент используется при расследовании преступлений не часто, так как для его проведения необходимо использовать определенные материальные и технические средства, а также привлекать значительное количество участников: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, специалиста, эксперта и лица, проводящие опытные действия с их согласия.

Исходя из УПК, то можно заметить, что законодатель не закрепил четкое определение, когда именно следует производить данное следственное действие, поэтому оно остается на усмотрение следователя. На наш взгляд, то необходимо четкое закрепление обстоятельств, при которых следователь обязан будет производить следственный эксперимент, потому что данное следственное действие довольно трудоёмкое и объёмное, и требует много времени для его осуществления, и тем самым следователи неохотно стремятся его производить, но следственный эксперимент позволяет правильно и своевременно раскрыть преступление.

Что касается самого процесса следственного эксперимента, то нет процессуального закрепления ее поэтапного проведения, что, безусловно, необходимо для законного и точного проведения следственного эксперимента. Необходимо прописать процедуру подготовительных действий следователя, так как от того, насколько тщательно, правильно и по закону он будет действовать, зависит результат проводимого следственного эксперимента, а также безопасность участников, их процессуальные права. К такому процессу могут относиться, например:

1) Предварительное описание ситуации. Подозреваемый должен иметь возможность подробно описать ситуацию, которая проверяется экспериментом, с его точки зрения. Это позволит сравнить его описание с фактическими действиями во время эксперимента.

2) Демонстрация действий. Следователь должен предоставить подозреваемому возможность первым продемонстрировать свои действия в условиях, максимально приближенных к реальным.

На сегодняшний день следователь поступает чаще всего по «совести», то есть, соблюдая общие нормы закона, но точных регламентированных действий на практике не происходит, от чего возникают всевозможные

следственные ошибки, порой очень серьёзные, поэтому главным образом, это большой пробел в законодательстве, который необходимо устранить. Только в таком случае возможно обеспечить надлежащие проведение эксперимента, ведь иногда следователь не проводит его вследствие своей некомпетентности в этом вопросе.

Важно отметить, что следственный эксперимент является проверочным следственным действием, потому что благодаря ему мы не узнаём какую-то новую информацию, а наоборот, проверяем уже имеющуюся информацию, которая была дана ранее допрошенным лицом, и тем самым, следственный эксперимент для следвателя больше является как формальность, но это далеко не так. Ведь если следователь при производстве следственного эксперимента не получает должную информацию, то есть получает подтвержденные сведения ранее допрашиваемым лицом, то он закрепляет доказательственную базу и в свою очередь, получает понимание того, что движется в правильном направлении. Если же следователь получает в ходе проведения следственного эксперимента неправдивую информацию, то есть ту, которая противоречит показаниям ранее допрошенного лица, то следователь берёт себе на заметку, что необходимо двигаться в другом направлении.

Несмотря на очевидную необходимость проведения следственного эксперимента в определённых случаях, а также уже достаточно большой опыт его проведения по разным категориям дел, в теории и практики существуют многочисленные проблемы осуществления следственного эксперимента.

Одним из немало важных остается вопрос при производстве следственного эксперимента касаясь проведения его в помещении. В соответствии с ч. 1-1 ст. 207 УПК следственный эксперимент в жилище и ином законном владении проводится только с согласия собственника или проживающих в нем совершеннолетних лиц либо по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя, которое должно быть предъявлено до начала следственного эксперимента, и с участием понятых либо с применением звуко- и видеозапи [1]. Положение ч. 1-1 ст. 207 УПК позволяет проводить следственный эксперимент в жилище и ином законном владении без согласия собственника при наличии санкции прокурора или его заместителя, но в таком случае возникает не соответствие нормам Уголовно-процессуального закона и Конституции Республики Беларусь, которая содержит «Никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли», поэтому требуется уточнение и урегулирование данного пробела в правоотношениях. Также нужно отметить необходимость определенного перечня обстоятельств, при котором будет производиться следственный эксперимент с вынесением постановления следователем с санкцией прокурора или его заместителя. Например, когда собственника или проживающего в жилище совершеннолетнего лица нет, а есть неотложная необходимость в производстве соответствующего следственного действия, так как есть вероятность, что по возвращению в жилище лиц будет изменена обстановка (при убийстве или грабеже, следователь может запросить санкцию у прокурора, чтобы определить возможные маршруты убийцы или способы проникновения грабителей, и при этом, если вовремя не произвести следственный эксперимент, то лица, проживающие в данном жилище могут некоторые маршруты перекрыть или полностью избавиться от них, тем самым привести расследование в «тупик»), или в дальнейшем осуществить следственный эксперимент не представится возможным.

Место, где может производиться следственный эксперимент, принципиально не имеет значения, в отличие от проверки показаний на месте – утверждают некоторые учёные, например, Курьянова Ю.Ю. [3], но на наш взгляд, то здесь спорный момент. Есть такие причины, как

– Безопасность. Некоторые следственные эксперименты могут быть опасны для окружающих или для участников эксперимента. Поэтому необходимо выбрать место, где можно обеспечить безопасность всех участников.

Да, тут следует согласиться, что проведение следственного эксперимента, который ставит в опасность окружающих – место не имеет принципиального значения.

– Неконтролируемые условия. Нередко для проведения следственного эксперимента требуются определенные контролируемые условия, например, определенная температура, освещенность и прочее. В таких случаях выбор места проведения эксперимента становится критическим.

На наш взгляд, то здесь играет роль место, ведь, к примеру, совершено убийство на улице, да, полностью восстановить всю обстановку не получится, но максимально приблизиться к ней – возможно, а благодаря месту, где это происходило, облегчит задачу следователя, потому что когда следователь постарается восстановить ту же обстановку в другом месте, то ему понадобится учесть те же деревья, находившиеся рядом в момент совершения преступления (так как они могут удерживать ветер, не пропускать лучи солнца, тем самым создавая тень), здания, скамейки.

Таким образом, безопасность людей превышает, чем получение абсолютно точного результата следственного эксперимента, ставящий под угрозу жизнь и здоровье окружающих.

Однако нельзя не отметить и тот факт, что при расследовании значительного количества преступлений следственный эксперимент бывает иногда незаменимым средством получения доказательств. Уяснение данных вопросов практическими работниками правоохранительных органов будет иметь существенное

значение для быстрого и полного раскрытия преступлений и изобличения виновных, для привлечения каждого виновного в совершении преступления к ответственности в соответствии с законом, для ограждения граждан от необоснованных обвинений в совершении преступлений, для устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

Подытожив выше сказанное, можно сделать вывод о необходимости доработки ст.207 УПК, добавив такие формулировки:

- «Перечень обстоятельств, который обязывает следователя производить следственный эксперимент».
- «Процессуальное закрепление поэтапного порядка хода следственного эксперимента».
- «Перечень обстоятельств требующие вынесение постановления следователя с санкцией прокурора».

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г: в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года № 2875-ХП: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 80.
3. Следственный эксперимент: проблемы в понимании и способы их разрешения / Ю.Ю. Курьянова // Сибир. юрид. вестн. 2009. – № 2 – С. 105–109.

УДК 343.957

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ-ИНВАЛИДОВ,
ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ****П. И. СЛИЖ, Д. В. ЮНЦЕВИЧ**
(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)

В статье проводится анализ научных публикаций, посвященных исследованию психологических качеств и свойств личности осужденных-инвалидов, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. На основе данного анализа определяются психологические особенности указанной категории осужденных, а также делаются выводы относительно отличия осужденных с инвалидностью от осужденных без нее.

Инвалидность вносит в жизнь человека кардинальные перемены, оказывая серьезное воздействие на все аспекты его жизнедеятельности: повседневную рутину, профессиональную и учебную деятельность, межличностное общение. Но, в первую очередь меняется внутреннее состояние индивида – его взгляды, ценности и убеждения. При этом, «попадая за решетку», он подвергается дополнительному душевному и физическому напряжению, что негативно сказывается на его общем самочувствии, а также способствует развитию дезадаптации и деструктивному поведению.

В своей работе О.Г. Ковалев и Т.А. Маркова упомянули о том, что у людей с инвалидностью сформирована иная система отношений как к самому себе, так и к обществу в целом. Эмоциональный дискомфорт человека и недовольство своим текущим состоянием – это те факторы, которые приводят к формированию дезадаптивного поведения на личностном и социальном уровне. В дальнейшем это может способствовать ухудшению качества жизни его самого и окружающих людей [1].

Следует отметить, что нахождение людей с инвалидностью в местах лишения свободы приносит в их жизнь дополнительные проблемы. На поведение осужденного-инвалида оказывают влияние не только субъективные факторы, но и объективные. Нередко, при содержании в учреждениях уголовно-исполнительной системы особую значимость имеет социальная среда, поскольку взаимодействие с ней напрямую влияет на эмоциональное состояние осужденного с инвалидностью.

Также проблемы осужденных-инвалидов проявляются в ограничении их основных прав на свободу передвижения, наличии различных барьеров в повседневной жизни. Наиболее отчетливо это заметно, когда, находясь в исправительных учреждениях, осужденные вынуждены следовать правилам внутреннего распорядка и требованиям администрации данных учреждений.

Таким образом, для осужденных-инвалидов характерен ограниченный круг общения, строго установленный распорядок дня, а возможности для нахождения с самим собой для восстановления и поддержания психологического состояния отсутствуют. Следовательно, такие факторы приводят к возникновению и дальнейшему развитию негативных психических и эмоциональных состояний и чувств (дезадаптация, депрессия, фрустрация, стресс, повышенное эмоциональное напряжение, сильная агрессия, внутренний дискомфорт и другие).

Н.З. Алигаева в своей работе провела психологическое исследование, цель которого было выявить наличие психологических особенностей у осужденных-инвалидов, находящихся в местах лишения свободы. Так, была сформирована экспериментальная группа, которая насчитывала около 138 осужденных, являющихся инвалидами I, II и III группы и отбывающих наказание в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Рязанской области. По итогу, лишь 123 осужденных приняли участие, поскольку по своим физиологическим особенностям не смогли участвовать 6 осужденных, а 9 вовсе отказались от участия. При проведении исследования было выявлено, что самой распространенной группой инвалидности среди осужденных является III группа, а среди имеющих у них заболеваний – нарушение системы крови и иммунной системы, а также нарушение функций верхних и нижних конечностей. Также, было установлено, что самыми совершаемыми преступлениями осужденными-инвалидами являются преступления против жизни и здоровья (42,5 %), а также преступления против собственности (10 %). Немало важным является то, что при проведении данного исследования особая значимость придавалась соблюдению таких этических норм как уважение, конфиденциальность, ответственность и честность, а также созданию наиболее благоприятных условий для работы с осужденными-инвалидами и устранению факторов, которые препятствуют этому. В данной исследовании применялись различные психодиагностические методики в индивидуальном порядке с каждым осужденным-инвалидом [2].

В своих трудах О.Г. Ковалев и Т.А. Маркова также проводили подобное психологическое исследование, однако экспериментальные группы имели некоторые отличия. Для проведения данного исследования были выбраны две группы осужденных, которые не имели психических расстройств и содержались в исправительных колониях общего и строгого режима. Так, первую группу составили 114 осужденных-

инвалидов, а вторую – 107 осужденных, у которых отсутствовала инвалидность. В результате проведенной работы было исследовано 221 осужденных, возраст которых составлял от 18 до 76 лет и отбывающих наказание в виде лишения свободы более чем один год.

Данным лицам была предложена анкета с несколькими вопросами, имеющими уже готовые варианты ответов. Например, среди задаваемых вопросов были следующие: «Считаете ли Вы, что адаптировались к условиям жизни в учреждении, в котором находитесь?», «Есть ли у Вас планы на будущее?», «Как к Вам относятся осужденные, отбывающие наказание вместе с Вами?», «Укажите, получаете ли Вы поддержку от других людей или Вам она не нужна? Если получаете, то от кого?» и другие. Каждый осужденный перед самостоятельным заполнением данной анкеты был ознакомлен с соответствующей инструкцией. Данной исследование носило сугубо анонимный характер, что является одним из эффективных способом получения достоверных результатов [1].

Анализ проведенных психологических исследований позволил сделать ряд выводов. Так, для осужденных-инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы, характерны следующие психологические особенности поведения в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы:

1. Зафиксирован низкий уровень энергии, выражающийся в невротических и депрессивных состояниях, а также затруднение в адекватном самовыражении эмоций при одновременном наличии высокого уровня импульсивности и раздражительности.

2. Наблюдаются такие характеристики, как грубость, застенчивость, нерешительность, недостаточная самооценка и уверенность в собственных способностях, что приводит к избеганию межличностных отношений с другими осужденными.

3. Имеется склонность к нарушению правил внутреннего распорядка, обману, агрессивному поведению, демонстративному шантажу и повышенной возбудимости.

4. Обнаруживается негативное восприятие своей личности, а также своих психических и физических характеристик.

5. Констатирована неспособность к применению эффективных стратегий в решении жизненных трудностей, а также заикленность на собственных неудачах.

6. Имеются сложности в формулировании конкретных целей на будущее, что препятствует пониманию жизненных перспектив и приводит к фиксации на определенный временной отрезок (особенно на прошлых событиях), что обусловлено негативным восприятием настоящего и ожидаемого будущего.

Таким образом, подводя итог проведенному анализу, стоит отметить, что осужденные с инвалидностью в учреждениях уголовно-исправительной системы сталкиваются с рядом психологических проблем, которые значительно затрудняют их адаптацию в социальной среде. Низкий биологический и социальный статус, неуверенность в себе, повышенная тревожность, стресс, депрессия, агрессия и замкнутость в отношениях с другими осужденными, склонность к скромности, стеснительность, осторожность, слабая вера в собственные способности, низкий уровень энергичности и спонтанности, невротичность, а также высокий уровень импульсивности и раздражительности – все это создает серьезные препятствия для успешной реабилитации.

У данной категории осужденных также наблюдаются трудности в постановке целей и вере в их достижение. Психологическая помощь, оказываемая специалистами учреждений уголовно-исправительной системы, играет ключевую роль в преодолении этих трудностей. Регулярные консультации с психологом позволяют осужденным с инвалидностью:

- улучшить самооценку и уверенность в себе.
- справиться с тревогой, стрессом и депрессией.
- научиться эффективно управлять эмоциями.
- развить навыки межличностного общения.
- поставить реалистичные цели и разработать план их достижения.
- повысить мотивацию к социальной адаптации.

Как видно, психологическая помощь является неотъемлемой частью процесса реабилитации осужденных с инвалидностью. Она позволяет им преодолеть психологические барьеры и успешно интегрироваться в общество после отбытия наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев, О. Г. Изучение особенностей инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы / О. Г. Ковалев, Т. А. Маркова // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : Сборник материалов III Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, посвященного 30-летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России. В 3-х частях, Рязань, 08–09 апреля 2021 года / Под общей редакцией Д.В. Сочивко. Том Часть II. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 18–24.
2. Алигаева, Н. З. Психологические особенности осужденных-инвалидов, отбывающих наказание в местах лишения свободы / Н. З. Алигаева // Прикладная юридическая психология. – 2022. – № 3 (60). – С. 81–91.

УДК 343.822

**МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ И ТРУДОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВАЛИДОВ,
ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ****П. И. СЛИЖ, Д. В. ЮНЦЕВИЧ**
(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)

В статье проводится анализ норм Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, а также иного нормативного материала, регулирующего материально-бытовое и трудовое обеспечение осужденных-инвалидов. В результате исследования выявляются проблемные моменты и предлагаются возможные пути их решения.

Осужденные-инвалиды в условиях уголовно-исполнительной системы приобретают особый статус, так как требуют к себе пристального внимания со стороны государства и администрации исправительного учреждения. Данные обстоятельства отражаются на материально-бытовом, медицинском обеспечении инвалидов, отбывающих наказание, а также на порядке и условиях их нахождения в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В соответствии с ч. 4 ст. 94 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УИК) осужденным больным и инвалидам I и II группы создаются улучшенные жилищно-бытовые условия, а также устанавливаются повышенные нормы питания [1]. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 25 марта 2021 г. № 169 «Об установлении норм питания и норм обеспечения средствами личной гигиены отдельных категорий граждан» (далее – Постановление № 169) утверждены нормы питания, нормы обеспечения средствами личной гигиены, порядок обеспечения диетическими продуктами лиц, нуждающихся в лечебном питании [2]. Выделение дополнительного питания для инвалидов I и II группы предусмотрено Приложением 1 «Нормы питания осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях, тюрьмах, арестных домах, граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях Министерства внутренних дел». Постановлением № 169 также утверждены нормы обеспечения средствами личной гигиены лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях Министерства внутренних дел (Приложение 6), в которых выделение дополнительных средств личной гигиены для инвалидов I и II группы, отбывающих наказание, не предусматривается.

Таким образом, действующие нормативные правовые акты не содержат конкретных разъяснений по ч. 4 ст. 94 УИК. На практике «улучшенные жилищно-бытовые условия», в основном, заключаются лишь в том, что осужденные-инвалиды содержатся в отдельных помещениях или отрядах и имеют спальные места на 1-м ярусе кровати. Что касается «повышенных норм питания», то под ним понимается назначенное диетическое питание по установленным Советом Министров Республики Беларусь нормам.

Согласно ч. 6 ст. 94 УИК осужденным, являющимся инвалидами I и II группы, питание, одежда и обувь, коммунальные услуги и средства личной гигиены предоставляются бесплатно. При этом в соответствии с ч. 5 ст. 94 УИК осужденные вправе приобретать за счет собственных средств дополнительное разрешенную к использованию в исправительных учреждениях одежду, в том числе спортивную, оплачивать дополнительные лечебно-профилактические и иные услуги, предусмотренные Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20 октября 2000 г. № 174 (далее – Правила внутреннего распорядка), сверх установленного размера средств, разрешенных к расходованию на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости [3].

В соответствии со ст. 82 УИК приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости осужденными инвалидами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, осуществляется по общему правилу: ежемесячно, по безналичному расчету за счет денежных средств, имеющихся на их лицевых счетах, в размерах, установленных УИК. Например, при отбывании наказания в исправительной колонии в условиях общего режима – шесть базовых величин, при отбывании наказания в исправительной колонии в условиях усиленного режима – пять базовых величин. Таким образом, белорусский законодатель не установил отдельную норму, закрепляющую дополнительные гарантии на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости осужденными инвалидами.

Однако, на основании ч. 3 ст. 84 УИК осужденным, являющимся инвалидами I и II группы, разрешается получение дополнительной бандероли или мелкого пакета с лекарственными средствами по заключению врача-специалиста, которые хранятся и выдаются медицинской частью исправительного учреждения, а также дополнительной посылки или передачи в течение трех месяцев с продуктами питания, рекомендованными врачом-специалистом. Перечень рекомендованных лечащим врачом продуктов питания и лекарственных препаратов указывается в медицинской карте и утверждается начальником медицинской части

(п. 114 Правил внутреннего распорядка). Также хотим отметить, что в перечень продуктов питания и предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, которые осужденные могут иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях, мелких пакетах и приобретать в магазинах учреждения (Приложение 3 к Правилам внутреннего распорядка), законодатель включил костыли, деревянные трости, очки, инвалидные коляски и протезы (по разрешению врачей).

На практике для получения бандероли или мелкого пакета с медикаментами осужденному необходимо обратиться с заявлением к врачу или начальнику медицинской части учреждения уголовно-исполнительной системы. Присланная бандероль (мелкий пакет) с медикаментами поступает в медицинскую часть, при этом лекарства выдаются в соответствии с назначением врача.

Помимо вышеуказанного, в соответствии с ч. 5 ст. 92 УИК осужденным, являющимся инвалидами I и II группы и нуждающимся по состоянию здоровья в постороннем уходе, выезд за пределы исправительного учреждения разрешается в сопровождении родственника или иного сопровождающего лица. При этом, такое разрешение дается начальником учреждения по согласованию с прокурором на основании письменного заявления осужденного (п. 226 Правил внутреннего распорядка).

Следует указать на установившуюся в учреждениях уголовно-исполнительной системы практику поселения осужденных-инвалидов отдельно от остальных лиц, отбывающих наказание, обусловленную в большей степени особенностями их материально-бытового и медицинского обслуживания. Однако в нашем государстве данная практика на законодательном уровне не закреплена и требует самостоятельного решения в виде отдельного нормативного правового акта, регулирующего порядок и условия отбытия наказания осужденными инвалидами.

Что касается трудовой деятельности, то законодательством предусмотрены два случая привлечения инвалидов I и II группы к труду. В первом случае в соответствии с ч. 2 ст. 98 УИК привлечение к труду осужденных к лишению свободы инвалидов I и II группы происходит по их желанию в соответствии с законодательством Республики Беларусь о труде. Осужденные привлекаются к труду на предприятиях или в производственных мастерских исправительных учреждений, а также на иных предприятиях независимо от форм собственности при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных. А в соответствии с ч. 2 ст. 100 УИК размер оплаты труда осужденных, отработавших месячную норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму выработки, не может быть ниже установленного законодательством Республики Беларусь размера оплаты труда за выполнение соответствующих работ.

Во втором случае осужденные к лишению свободы могут привлекаться к выполнению работ без оплаты труда только по коллективному самообслуживанию, в том числе по уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. Однако осужденные, являющиеся инвалидами I и II группы, привлекаются к таким работам только по их желанию (ч. 2 ст. 101 УИК). Однако, на практике случаи привлечения осужденных с инвалидностью I и II группы к труду пока не известны.

Согласно ч. 3 ст. 102 УИК в исправительных учреждениях, за исключением исправительных колоний-поселений, на лицевой счет осужденных зачисляется независимо от всех удержаний не менее 25 % начисленной заработной платы или иных доходов, а на лицевой счет осужденных, достигших общеустановленного пенсионного возраста, осужденных, являющихся инвалидами I и II группы, несовершеннолетних осужденных, осужденных беременных женщин, осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка исправительного учреждения, – не менее 50 % начисленной им заработной платы или иных доходов. Поскольку, мы ранее указывали, что осужденные-инвалиды I и II группы, как правило, не работают, то в данной норме, как правило, речь идет о пенсии осужденных с инвалидностью.

Наряду с вышеупомянутым, хотим отметить остальные предусмотренные в УИК нормы в отношении осужденных-инвалидов. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 124 УИК для данной категории осужденных предусмотрены некоторые особенности режима: осужденные-инвалиды I и II группы не могут содержаться на строгом режиме в тюрьме. Следовательно, осужденные с инвалидностью I и II группы могут содержаться в тюрьме только на общем режиме. Также в соответствии с ч. 3 ст. 77 УИК не применяются специальные средства и огнестрельное оружие в отношении осужденных с явными признаками инвалидности, за исключением случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения группового или вооруженного нападения на работников исправительного учреждения и военнослужащих или иных действий, угрожающих жизни и здоровью граждан.

Не мало важным является установление нормы, закрепляющей, что работники органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, проходят подготовку в целях обеспечения соблюдения прав, свобод и законных интересов осужденных, являющихся инвалидами (ч. 11 ст. 14 УИК).

Подводя итог вышесказанному, полагаем, что целесообразно внести изменения в УК, уточняя возможность применения к инвалидам мер уголовной ответственности, а также регулирующие условия и порядок отбытия ими наказания.

Важной проблемой является отсутствие у трудоспособных осужденных-инвалидов трудовых навыков и профессиональной квалификации, а у некоторых вообще какого-либо образования. Это обстоятельство

препятствует трудоустройству осужденных-инвалидов по многим специальностям. Несмотря на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 109 УИК получение инвалидами I и II группы, осужденными к лишению свободы, образования (общего базового и (или) общего среднего) осуществляется по их желанию, при реализации подобного права зачастую инвалид может сталкиваться с проблемой отсутствия в учреждениях уголовно-исполнительной системы специализированных курсов в системе профессиональной подготовки для слепых, глухих и немых осужденных-инвалидов, а также отсутствия в территориальных органах уголовно-исполнительной системы центров по реабилитации инвалидов и квалифицированных специалистов. Решением данной проблемы может стать привлечение общественных организаций и квалифицированных специалистов (учитель для глухих инвалидов и т.д.) для организации процесса обучения и проведения трудовой терапии осужденных-инвалидов.

Еще одной проблемой, на наш взгляд, является необоснованное лишение инвалидов III группы дополнительных прав и мер социальной защиты, направленных на создание необходимых и дополнительных условий для преодоления ограничений в период содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также равных с инвалидами I и II группы возможностей для участия в жизни общества. Например, получение дополнительных бандеролей или мелких пакетов, повышенные нормы питания, привлечение к труду по их желанию, бесплатное питание, одежда и обувь, коммунальные услуги и многое другое. Следовательно, положения УИК, регламентирующие права и условия отбывания наказания осужденными III группы, являются дискриминационными по признаку инвалидности. В связи с этим мы предлагаем привести законодательство в надлежащий, недискриминационный по признаку инвалидности вид, а также закрепить в УИК следующие нормы:

– «осужденным-инвалидам I, II, III группы в соответствии с нормами международного права и национальным законодательством, гарантируется комплекс мер по социальной защите и поддержке, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления ограничений и препятствий в их жизнедеятельности, а также направленных на создание им равных с другими осужденными возможностей по реализации своих прав и исполнению обязанностей, установленных настоящим Кодексом»;

– «дискриминация в отношении любого осужденного по признаку инвалидности запрещается, поскольку влечет за собой ущемление их прав, достоинства и ценности личности».

Поскольку, в настоящий момент точно не регламентированы все права инвалидов, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, а также не установлены четкие механизмы их реализации с учетом международных стандартов, мы предлагаем, как один из вариантов решения данной проблемы, создание отдельного нормативного правового акта, который закреплял бы правовое положение осужденных-инвалидов, а также правила и условия их содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 2000 г. № 365-З : принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г. : Одобр. Советом Респ. 22 декабря 1999 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Об установлении норм питания и норм обеспечения средствами личной гигиены отдельных категорий граждан [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 марта 2021 г., № 169 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс] : постановление Министерства внутренних дел Респ. Беларусь, 20 октября 2000 г., № 174 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 341.1/8

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНВАЛИДОВ****П. И. СЛИЖ, Д. В. ЮНЦЕВИЧ**
(Представлено: О. В. КАТУШОНОК)

В статье анализируются международно-правовые акты, регламентирующие правовое положение инвалидов. В результате исследования делается вывод, что, несмотря на значительное количество международных документов в данной области, ни один из них не содержит каких-либо упоминаний об инвалидах как одной из категорий осужденных

Понятие «правовое положение» представляет собой совокупность прав и обязанностей субъекта, изменчивость которой обусловлена вступлением в соответствующие правоотношения.

Уже на протяжении длительного периода времени предметом особого внимания как со стороны Организации Объединенных Наций (далее – ООН), так и других международных организаций является правовое положение инвалидов. В связи с чем в настоящее время действует достаточное количество международных правовых актов, регламентирующих права инвалидов: Декларация о правах инвалидов 1975 г. [1], Всемирная программа действий в отношении инвалидов 1982 г., ставшая главным итогом Международного года инвалидов (1981 год) [2], Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов 1993 г. [3], Конвенция о правах инвалидов 2006 г. [4] и другие.

Согласно статье 1 Конвенции о правах инвалидов к ним относятся «...лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими» [4].

На наш взгляд данное определение является рациональным по своему содержанию, поскольку при его имплементации в национальную правовую систему того или иного государства предоставляется возможность его распространительного (расширительного) толкования и тем самым включение различных категории нарушений и проблем у данных лиц. Например, законодатель к понятию устойчивых нарушений может отнести как долговременные, так и кратковременные.

Однако, по нашему мнению, настоящее определение требует небольшой корректировки. Необходимость в этом связана с тем, что не представляется возможным понять, что имели ввиду нормотворцы под словом «другими». В данном случае под словом «другими» можно понимать, как инвалидов, так и иных членов общества, кроме них. Следовательно, мы изложили бы норму следующим образом: «К инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с его другими членами».

Необходимость корректировки текстового содержания подчеркнул также и С.В. Рыбак. В своей работе он предложил заменить словосочетание «в жизни общества» на «в жизнедеятельности общества», поскольку считает, что «необходимо придать особое значение деятельностному аспекту нахождения инвалидов в обществе, а не биологическому» [5].

Генеральная Ассамблея ООН провозгласила Декларацию о правах инвалидов 1975 г. (далее - Декларация) как общую основу и руководство во всех странах для защиты прав инвалидов. Декларация стала первым международным правовым актом, который направлен на оказание помощи инвалидам в их участии в социальной жизни общества, т.е. в различных областях деятельности. Причем, данная Декларация регламентировала права инвалидов без каких-либо исключений, различий и дискриминации по любым признакам (например, по признаку расы, цвета кожи, пола, языка и другие).

Необходимо отметить, что настоящая Декларация содержит норму, подлежащую применению в условиях исправительной системы: «Если пребывание инвалида в специальном учреждении является необходимым, то среда и условия жизни в нем должны как можно ближе соответствовать среде и условиям нормальной жизни лиц его или ее возраста» [1].

Основной целью по созданию Всемирной программы действий в отношении инвалидов 1982 г. (далее – Программа) является содействие эффективным мерам для предупреждения инвалидности, восстановления трудоспособности и создания равных возможностей. Таким образом, данный документ регламентирует три основных направления действий в отношении инвалидов: предупреждение инвалидности, восстановление трудоспособности и создание равных возможностей. Также данный документ содержит разработанные определения данных направлений. Например, под предупреждением инвалидности понимаются «...меры, направленные на предупреждение возникновения физических, умственных и сенсорных

дефектов (профилактика первого уровня) или на предупреждение перехода дефекта в постоянное функциональное ограничение (профилактика второго уровня)» [2].

Восстановление трудоспособности представляет собой целенаправленный процесс, целью которого является предоставить личности возможность изменить свою жизнь и достичь оптимального уровня физического, умственного и социального функционирования. Данный процесс предполагает использование мер, которые способны компенсировать утрату какой-либо функции или устранить функциональные ограничения, а также других мер по облегчению социальной адаптации.

Под созданием равных возможностей понимается процесс, при котором общие системы общества делаются доступными для всех. Например, жилищные условия, доступ к образованию, работе, социальной жизни и многое другое. Помимо вышеперечисленного данное положение распространяется и на исправительную систему, в том числе и на места лишения свободы. Положения настоящей Программы закрепляют указание на то, что не только министерства, учреждения, действующие в конкретных областях, но и иное лицо, которое возглавляет какое-либо предприятие должно принять меры по решению вопросов, связанных с инвалидностью [2].

В настоящий момент вопросы, касающиеся обеспечения полного участия инвалидов в социальной жизни общества, остаются по-прежнему не в полной мере решенными. Это связано с наличием различных физических препятствий (например, узкие дверные проемы, ступеньки на подходах к зданиям), а также невозможностью участия в жизни общества без каких-либо технических устройств и приспособлений (например, сурдотехнические средства для лиц с дефектами слуха).

В 1993 г. Генеральной Ассамблеей ООН был принят документ, носящий сугубо рекомендательный характер – Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (далее – Правила). Из названия данного документа можно выделить главную цель по его созданию: лица, являющиеся инвалидами, как члены общества должны иметь те же права и обязанности, что и другие лица. Путем анализа основных положений настоящего документа можно отметить, что данные Правила содержат обязательства перед государством, касающиеся устранения барьеров, которые ограничивают возможность инвалидам быть на равных условиях с иными членами общества. Также в самих Правилах содержится норма, которая констатирует, что «невежество, пренебрежение, предрассудки и страх – это основные социальные факторы, которые на протяжении всего времени были и в настоящее время являются препятствиями для осуществления и развития инвалидами своих способностей, а также изолирующими их от общества» [3].

В целях поощрения, защиты и обеспечения равного осуществления инвалидами всех прав и свобод человека, а также в уважения их достоинства в 2006 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция о правах инвалидов (далее – Конвенция). Данный документ закрепляет общие принципы и обязательства, конкретные права инвалидов, а также необходимые меры, которые должны быть приняты государствами-участниками ООН в целях обеспечения полной реализации инвалидами свои прав наравне с другими членами общества. Следует отметить, что при этом данный документ не установил новых прав по сравнению с теми, что были закреплены иными международно-правовыми актами [4].

Данная Конвенция содержит нормы, которые имеют непосредственное отношение к правосудию и исправительной системе. Например, статья 12 Конвенции направлена на обеспечение равенства инвалидов перед законом, причем где бы он ни находился, имеет право на равную правовую защиту и признание за ним равной с иными членами общества правоспособности. Что касается доступа к правосудию, то данные положения содержатся в статье 13 Конвенции: государства-участники должны обеспечить инвалидам доступ к правосудию, а также предусмотреть процессуальные и соответствующие их возрасту коррективы, которые облегчают выполнение ими своей роли в качестве соответствующих участников во всех стадиях юридического процесса. Помимо вышеуказанного на государств-участников возлагается обязательство обеспечить надлежащее обучение субъектов по отправлению правосудия, в том числе и исправительной системы.

Также, немало важную роль для исправительной системы играют положения статей 14-16 настоящей Конвенции, поскольку предусматривают, во-первых, что инвалиды не должны незаконно лишаться свободы, причем любое лишение свободы должно соответствовать закону, а наличие инвалидности не является основанием для лишения свободы [4].

Во-вторых, в случае их лишения свободы, им наравне с другими полагаются гарантии прав человека, согласующиеся с международным правом, а также обращение, соответствующее целям и принципам Конвенции.

В-третьих, обеспечение в отношении инвалидов свободы от пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания.

В-четвертых, принятие государствами-участникам всех необходимых мер для защиты инвалидов от всех форм эксплуатации, насилия и надругательства над ними.

На сегодняшний момент на международном уровне получили широкое распространение среди источников, регламентирующих права человека в условиях исправительной системы, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. и Европейские пенитенциарные правила 2006 г. [6].

Данные документы содержат общепризнанные рекомендации по организации условий отбывания наказания и содержания заключённых на основе принципа гуманности, а также практической деятельности исполнительных учреждений.

Однако, хотим отметить, что ни в одном из вышеуказанных документов среди уязвимых категорий осужденных отсутствует какое-либо упоминание об инвалидах. В качестве исключения можно отметить, установленные Европейскими пенитенциарными правилами рекомендации, касающиеся оказания медицинской помощи осужденным [6]:

- больные заключенные, требующие специализированного лечения, переводятся в соответствующие учреждения или гражданские больницы, если такое лечение невозможно в пенитенциарном учреждении;
- в случае наличия в пенитенциарном учреждении собственной больницы, она должна быть в полном объеме укомплектована персоналом и оборудованием для надлежащего ухода и лечения заключенных и другие.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что на сегодняшний день существует множество международно-правовых актов, регламентирующих правовое положение инвалидов. Однако, как показал анализ основных положений международных документов в данной области, ни один из них не содержит каких-либо упоминаний об инвалидах как одной из категорий осужденных. В связи с чем, по нашему мнению, в настоящее время одной из главных проблем, требующих обсуждения и принятия решения на международном уровне, это разработка приемлемых и особых рекомендаций, касающихся создания для осужденных-инвалидов благоприятной среды и устранения имеющихся барьеров в период их содержания в пенитенциарных учреждениях государств. Также мы предлагаем, изложить норму Конвенции о правах инвалидов 2006 г., закрепляющую определение понятия «инвалидов» следующим образом: «К инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с его другими членами».

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация о правах инвалидов [Электронный ресурс] : [принята Резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН, 9 дек. 1975 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.
2. Всемирная программа действий в отношении инвалидов [Электронный ресурс] : [принята Резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи ООН, 3 дек. 1982 г]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog1.shtml. – Дата доступа: 01.10.2024.
3. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов [Электронный ресурс] : [приняты Резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи ООН, 20 дек. 1993 г]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled_intro.shtml. – Дата доступа: 01.10.2024.
4. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : [принята Резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН, 13 дек. 2006 г.]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. – Дата доступа: 01.02.2024.
5. Рыбак, С. В. Международно-правовое регулирование статуса инвалидов / С. В. Рыбак // Труд. Профсоюзы. Общество = Labour. Trade Unions. Society : ежеквартальный научно-практический журнал / Федерация профсоюзов Беларуси, Международный университет «МИТСО». – 2018. – № 1 (59). – С. 66–70.
6. Европейские пенитенциарные правила [Электронный ресурс] : рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета Министров Совета Европы : принята 11 янв. 2006 г. на 952 заседании представителей министров. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420361984>. – Дата доступа: 01.10.2024.

УДК 343.2 (476)

ИНСТИТУТ ПРОБАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

П. В. ШПАКОВА

(Представлено: В. А. КУКШТЕЛЬ)

В данной статье рассматривается институт пробации как важный элемент уголовно-правовой политики Республики Беларусь. Пробация представляет собой альтернативу лишению свободы, направленную на реабилитацию субъектов преступления и их интеграцию в общество. Автор анализирует уголовно-правовую базу Республики Беларусь, регламентирующую институт пробации. В публикации рассматриваются проблемы и перспективы развития института пробации в Республике Беларусь, а также его влияния на снижение уровня рецидивной преступности. Отдельное внимание уделяется международному опыту в области пробации.

Пробация – это комплекс мероприятий, включающий в себя широкий спектр социальных и правовых мер, применяемых со стороны соответствующего уполномоченного государственного органа, направленный на создание условий для исправления лиц, совершивших преступления и приспособления их к жизни в обществе, предупреждения совершения ими повторных преступлений. В большинстве стран Европы (Великобритания, Дания, Финляндия), Соединенных Штатах Америки.

Пробация является прогрессивным механизмом в сфере уголовного правосудия, который приобретает особую актуальность в современном мире по следующим причинам:

1. Исправление будет достигнуто более гуманным способом.

Пробация позволяет осужденным сохранить свои рабочие места и семейные связи. Способствует ресоциализации осужденного.

2. Альтернатива тюремному заключению:

Экономия бюджетных средств, высвобождение ресурсов для преступников, совершивших более общественно опасные деяния.

С учетом категории совершенного преступления и главные личности виновного принцип индивидуализации учитывая зачастую более эффективным для достижения целей уголовной ответственности назначение наказаний не связанных с изоляцией от общества.

Исправление лица может быть зачастую достигнуто посредством:

- имущественных ограничений: штрафа, исправительных работ, ограничений по военной службе.
- привлечения к общественно полезному труду: общественные работы
- ограничений времяпрепровождения и досуга: ограничения свободы.

Уголовная ответственность также предусматривает возможность исправления лица посредством предоставления осужденному времени в течение, которого он должен доказать, что исправился и готов вести законопослушный образ жизни – иные меры уголовной ответственности:

- отсрочка исполнения наказания;
- условное неприменение наказания
- без назначения наказания.

Суд при определении меры по средствам которой лицо должно исправиться должен руководствоваться принципами законности и индивидуализации (ч. 1 ст. 62 Уголовный кодекс Республики Беларусь – далее УК Республики Беларусь).

При назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, то есть учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, дохода, полученного преступным путем, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре [1].

Ч. 2 ст. 62 УК Республики Беларусь:

Наказание в виде лишения свободы может быть назначено лишь при условии, что цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты применением более мягкого наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

Законодатель осознает, что лишение свободы не всегда является эффективной мерой наказания, способной достичь целей уголовной ответственности, регламентированных в ч. 2 ст. 44 УК Республики Беларусь: исправление осужденного, а также частную и общую превенцию (предупреждение преступления). В связи с этим законодатель и предусмотрел различные формы реализации уголовной ответственности, выбор, которой должен основываться на принципе индивидуализации, поскольку ст. 12 УК Республики Беларусь категории преступлений, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 2-ух лет и за преступления не представляющее большой общественной опасности.

Пробация позволяет правонарушителям сохранить свои рабочие места и семейные связи. Это имеет решающее значение для их успешного повторного вхождения в общество и уменьшает негативное влияние на их семьи и общины [1].

Согласно части 1 статьи 48 УК Республики Беларусь:

К лицам, совершившим преступления, применяются следующие основные наказания:

- 1) общественные работы;
- 2) штраф;
- 3) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- 4) исправительные работы;
- 5) ограничение по военной службе;
- 6) арест;
- 7) ограничение свободы;
- 8) лишение свободы на определенный срок;
- 9) пожизненное лишение свободы;
- 10) смертная казнь (до ее отмены) [1].

Классификация института probation

Выделяют 3 основных вида probation:

1. Исполнительная probation

Исполнительная probation представляет собой меру наказания в возрасте от 16 до 65 лет, применяемую при условии, что осужденный не отправляется в место лишения свободы, а остается на свободе под строгим контролем.

Осужденный должен соблюдать определенный режим, при этом он может быть обязан выполнять общественные работы, учиться и обязательно являться в установленное время в учреждения, назначенные судом. К этому виду можно отнести: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исправительные работы; ограничение по военной службе

2. Пенитенциарная probation

Пенитенциарная probation – это следующий этап в системе probation и применяется к осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы. Суть заключается в том, что осужденный может быть выпущен на свободу условно после отбывания части рабочих дней и при условии, что он будет выполнять все требования, предъявленные к нему как к лицу, находящемуся под probation.

3. Постпенитенциарная probation

Постпенитенциарная probation – это мера поддержки для осужденного при его выходе на свободу после отбывания наказания. Имеется в виду оказание помощи и поддержки в социализации осужденных, трудоустройстве и прочих важных вопросах, связанных с возвращением общественного доверия.

1. Необходимо помнить, что система probation является мерой, которая всего лишь помогает осужденному вернуться в общество, поэтому фокусироваться стоит на социализации и реабилитации.

2. Одним из главных требований к осужденным при выполнении probationных условий является их уважительное отношение к социуму и соблюдение закона, таким образом, на первое место стоит грамотное и полное понимание своих прав и обязанностей перед обществом.

3. Успех в реализации системы probation во многом зависит от профессионализма и организованности соответствующих инспекторов, так что к людям, работающим в области probation, предъявляются высокие требования в плане профессионализма и компетенции.

Согласно статье 62 УК Республики Беларусь:

Общие начала назначения наказания должны исходить от принципа законности и индивидуализации. Оценивается общественная опасность совершенного преступления, личность субъекта преступления, жизнь до преступления и после, мотивы цели совершения преступления и т.п. Поэтому нельзя сказать, что лишение свободы не эффективный вид наказания. Бывают ситуации при которых (индивидуализация) не возможно достичь исправления более мягкими видами наказаний [1].

Стоит разобрать все виды исполнительной probation подробнее:

1. Штраф;

Согласно ч. 1 ст. 50 УК Республики Беларусь:

Штраф – денежное взыскание, назначаемое судом в случаях, установленных настоящим Кодексом [1].

В Республике Беларусь будет актуально чаще назначать судам, при условии допустимости по принципу индивидуализации, штраф вместо лишения свободы на определенный срок, за преступные посягательства на отношения имущественного характера, не представляющие большой общественной опасности. Это будет эффективнее, чем помещать осужденного в место лишения свободы, так как в тюрьмах и колониях содержатся разные категории преступников (но в зависимости от пола, субъективной стороны и совершенного преступления) и заключенный после выхода из места лишения свободы может возобновить свою деятельность. Штраф оказывает экономический эффект: штрафы за имущественные преступления могут ограничить финансовое положение осужденного. Это может воздействовать на преступника, заставляя

его понести финансовую ответственность за свои действия. Предотвращение будущих преступлений: угроза штрафа может служить действенным средством предотвращения преступлений, так как потенциальные преступники будут оценивать риски и последствия своих действий перед их совершением.

2. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве наказания имеет ряд преимуществ в сравнении с лишением свободы:

Сдерживание: Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может выступать в качестве сдерживающего фактора для совершения преступлений, поскольку субъекты преступления знают, что могут потерять возможность работать в определенных областях или заниматься определенными видами деятельности в случае совершения преступления. Для профессий, требующих высокого уровня доверия и ответственности, таких как правоохранительные органы, образование и здравоохранение, лишение права заниматься определенной деятельностью может помочь восстановить доверие общественности к этим профессиям.

Гибкость: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть адаптировано к конкретным обстоятельствам дела. Суды должны определить, на какие должности или виды деятельности будет распространяться лишение права, а также продолжительность такого лишения.

В целом, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть эффективным и целевым наказанием, которое защищает общество, сдерживает преступность, восстанавливает доверие и предоставляет альтернативу тюремному заключению в соответствующих случаях.

3. Исправительные работы – (ст. 52 УК Республики Беларусь) заключаются в том, что с осужденного производится принудительное удержание части его заработка в доход государства [1].

Исправительные работы как альтернатива лишению свободы имеют ряд преимуществ:

Исследования показали, что исправительные работы могут быть столь же эффективны, как и лишение свободы, в снижении рецидива. Они позволяют осужденным оставаться в своих сообществах, сохраняя связи с семьей, работой и другими источниками поддержки.

Исправительные работы предоставляют практическую возможность для реабилитации и ресоциализации. Они могут включать программы обучения, консультирования и общественных работ, которые помогают осужденным приобрести новые навыки, преодолеть криминальное поведение и reintegrироваться в общество.

Сокращение расходов: исправительные работы обычно обходятся дешевле, чем содержание в исправительных учреждениях. Это позволяет государству экономить средства, которые можно направить на другие важные сферы.

Исправительные работы позволяют осужденным поддерживать связи с семьей, друзьями и сообществом. Это помогает им избежать изоляции и стигматизации, которые могут возникать в результате тюремного заключения.

Исправительные работы могут позволить осужденным сохранить работу, что имеет решающее значение для их финансовой стабильности и самооценки. Это также помогает им избежать долгосрочных негативных последствий потери работы, таких как трудности с поиском жилья и трудоустройства после освобождения из исправительных учреждений.

4. Согласно ст.55 УК Республики Беларусь ограничение свободы состоит в наложении на осужденного обязанностей, ограничивающих его свободу, и нахождении его в условиях осуществления за ним надзора органами и учреждениями, ведающими исполнением наказания [1].

Сохранение трудоустройства: В некоторых случаях ограничение свободы позволяет субъекту преступления продолжать работать, что может способствовать его социальной интеграции.

Уменьшение психологического вреда: лишение свободы может иметь негативное влияние на психическое здоровье субъекта. Ограничение свободы может уменьшить этот вред, сохраняя связь с обществом.

5. Ограничение по военной службе – вид уголовного наказания, заключающийся в удержании из денежного довольствия военнослужащего, совершившего преступление, в доход государства и ограничении в повышении в воинском звании.

Согласно ч. 1 и 2 ст. 53 УК Республики Беларусь :

1. Ограничение по военной службе назначается офицерам и иным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса за совершение преступлений против воинской службы, а также вместо исправительных работ, предусмотренных за иные преступления.

2. Из денежного содержания осужденного к ограничению по военной службе производится удержание в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от десяти до двадцати пяти процентов [1].

Ограничение по военной службе предоставляют более гуманное и пропорциональное наказание, чем лишение свободы, особенно для лиц, которые совершили ненасильственные преступления или преступления, не связанные с серьезной угрозой общественной безопасности.

В целом, ограничения по военной службе в уголовном наказании вместо лишения свободы предлагают ряд преимуществ, включая гуманность, пропорциональность, возможность реабилитации, снижение рецидивизма, экономическую эффективность, уменьшение переполненности в исправительных учреждениях, соответствие международным стандартам и альтернативу для уязвимых групп населения.

Зарубежная практика в сфере пробации.

Зарубежная практика показывает положительные результаты введения данного института. Пробация – важный институт предупреждения преступлений. В разных государствах данная служба имеет отличие в выполняемой функции. Например, в Латвийской Республике Служба пробации – это государственное учреждение, заботящееся об общественной безопасности и работающее с лицами, отбывающими уголовное наказание в обществе (условные наказания, принудительные работы), т. е. пробация применяется как наказание. В Дании институт пробации – это иные меры уголовно-правового характера. Есть и государства, где данный институт связывают с освобождением от наказания, например в Эстонии. Можно сказать, что сущность пробации в установлении определенных ограничений и обязанностей, налагаемых на осужденного и осуществляемых под надзором службы пробации с целью его реабилитации. Кроме того, институт пробации предусматривает иные меры, рассчитанные на оказание помощи осужденному [2]. В Республике Казахстан служба пробации появилась три года назад, и уже отмечают ее положительное влияние: почти вдвое уменьшилось количество людей, ранее совершивших преступления небольшой тяжести и отбывающих наказание в колониях, и количество рецидивов снизилось почти в два раза. Задача службы пробации – уделить внимание осужденному, помочь в жизни и не допустить повторного совершения преступления [3].

Таким образом, пробация является эффективным инструментом реабилитации осужденных и предотвращения рецидива преступлений. Она направлена на индивидуальное восстановление обвиняемого, его социализацию и возвращение в общество. Пробация способствует сокращению количества заключенных в тюрьмах, что снижает нагрузку на систему уголовного правосудия и экономические затраты государства.

Тем не менее, пробация имеет свои недостатки и ограничения, такие как сложность контроля за осужденными и возможность нарушения условий наказания. Для эффективного применения пробации необходимо улучшить ее законодательную базу, обеспечить квалифицированный персонал и совершенствовать механизмы реабилитации осужденных.

В целом, пробация является важным элементом уголовно-исполнительной системы, который помогает решать проблемы рецидива преступлений и способствует развитию гуманного подхода к осужденным. Дальнейшие исследования и совершенствование пробации могут значительно повысить ее эффективность и результативность в борьбе с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.07.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Рахмаев, Э.С. Службе пробации быть / Э.С. Рахмаев // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 3. – С. 28–31.
3. Осокина, Н. В. Понятие института пробации и его функционирование / Н. В. Осокина // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции, Могилев, 265 марта 2016 г. / Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь; – Могилев, 2016. – С. 189–190.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

<i>Грецакая Т. А.</i> Исторические корни и современное понимание смертной казни как вида наказания	3
<i>Грецакая Т. А.</i> Особенности применения наказания в виде штрафа по законодательству ВКЛ	5
<i>Дубровский П. А.</i> Понятие и сущность конституционных ценностей в Республике Беларусь	7
<i>Дубровский П. А.</i> Направления внедрения искусственного интеллекта в избирательный процесс Республики Беларусь: идеолого-правовой аспект	9
<i>Дыев А. А.</i> Понятие и признаки соматических прав и свобод личности	11
<i>Дыев А. А.</i> Этапы становления и развития правового регулирования соматических прав в Республике Беларусь	13
<i>Зенович У. И.</i> Представительная функция парламента Республики Беларусь в контексте формирования государственной идеологии	16
<i>Зенович У. И.</i> Правовые аспекты реализации идеологической функции Национального собрания Республики Беларусь	19
<i>Клебанов А. В.</i> Правовой аспект цифровых следов как структурного элемента цифровой личности	22
<i>Клебанов А. В.</i> Правовой аспект цифрового образа личности	25
<i>Клебанов А. В.</i> К вопросу о понимании правоспособности цифровой личности как субъекта конституционно-правовых отношений	28
<i>Курто Я. А.</i> Правовое регулирование искусственного интеллекта в контексте защиты персональных данных	30
<i>Левко А. А.</i> Развитие избирательной системы БССР по положениям Конституций 1937 г. и 1978 г.	34
<i>Левко А. А.</i> Особенности избирательной системы БССР по Конституциям 1919 и 1927 гг.	36
<i>Овсянкина А. П.</i> Правовые аспекты обеспечения информационной безопасности ребенка в сети Интернет	38
<i>Овсянкина А. П.</i> Шерентинг как правовой феномен цифровой трансформации общества	41
<i>Осипова В. Ю.</i> Перспективные технологии для борьбы таможенных органов ЕАЭС с контрабандой культурных ценностей	44
<i>Осипова В. Ю.</i> Пути совершенствования законодательства в сфере перемещения культурных ценностей через таможенную границу в ЕАЭС	48
<i>Селедцова В. П.</i> Понятие искусственного интеллекта, его правовой статус, опыт правового регулирования в Китае, Российской Федерации и Республике Беларусь	52
<i>Селедцова В. П.</i> Правовой статус и возможные направления применения генеративного искусственного интеллекта в юриспруденции	56
<i>Твардовская А. В.</i> Генный допинг в спорте в контексте использования соматических прав и свобод личности	58
<i>Твардовская А. В.</i> Проблемы биоэтики в праве при трансплантации органов и тканей	60
<i>Фомин К. С.</i> Применение чат-ботов в государственном управлении	62
<i>Фомин К. С.</i> Перспектива внедрения чат-ботов на основе генеративного искусственного интеллекта (в т. ч. ChatGPT, Copilot и др.) в таможенном деле	65
<i>Шерюкова В. Н.</i> Перспективы взаимного признания уполномоченных экономических операторов в Республике Беларусь	68

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. ТРУДОВОЕ ПРАВО

<i>Барановская А. С.</i> Основные предпосылки формирования биоправовой культуры населения в Республике Беларусь	70
<i>Барановская А. С.</i> Право на биологическую безопасность в Республике Беларусь	72
<i>Бруева Е. Р., Журавлева М. В.</i> О некоторых вопросах правового регулирования дистанционной работы	74

<i>Будняк Д. С.</i> Использование технологий виртуальной и дополненной реальности в области физической культуры и спорта	77
<i>Будняк Д. С.</i> Правовое регулирование виртуальной и дополненной реальности в Республике Беларусь	81
<i>Волошко Д. С.</i> Проблематика внедрения в законодательство норм авторского права (на примере создания и использования музыкального произведения)	85
<i>Волошко Д. С.</i> Правовое регулирование отношений в сфере создания и использования музыкального произведения (сравнительно-правовое исследование).....	87
<i>Вольнец М. Д.</i> История развития технологии дипфейк	91
<i>Вольнец М. Д.</i> Правовое регулирование использования технологии дипфейк в сфере образования	93
<i>Гончарова А. А.</i> Актуальные проблемы в области правового регулирования онлайн-курсов.....	95
<i>Гончарова А. А.</i> Онлайн-курсы: история и правовое регулирование	99
<i>Горбачева О. Д.</i> Онлайн-образование: некоторые вопросы нормативно-правового регулирования	102
<i>Зенович У. И.</i> Понятие и практика использования технологии дипфейк	105
<i>Кулешова А. О.</i> Понятие и особенности обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности	108
<i>Мазаль А. А.</i> Особенности раздела аккаунта в социальных сетях при расторжении брака	111
<i>Мазаль А. А.</i> Наследование аккаунта в социальных сетях: зарубежный опыт	114
<i>Миронович Н. А.</i> Субъекты трудовых отношений в области профессионального спорта и их обязанности при заключении трудового договора	116
<i>Миронович Н. А.</i> Теоретические аспекты и особенности трудового договора в области профессионального спорта.....	119
<i>Нахимова Е. П.</i> Объективные признаки нарушения правил охраны труда	123
<i>Николайчик М. С.</i> Электротранспорт как инновационный вид транспорта	126
<i>Николайчик М. С.</i> Принципы «зеленой» экономики в сфере транспортной деятельности	130
<i>Овсяницкая П. Д.</i> Правовой статус искусственного интеллекта	133
<i>Овсяницкая П. Д.</i> Ответственность юнитов искусственного интеллекта	136
<i>Попова К. Р.</i> Реклама услуг пластической хирургии: особенности правового регулирования в Республике Беларусь и зарубежных странах.....	138
<i>Прокопенко А. Ю.</i> Функциональная и видовая классификация юридических лиц, принимающих участие при перемещении половых клеток и эмбрионов через границу	141
<i>Прокопенко А. Ю.</i> Общие положения помещения половых клеток и эмбрионов под таможенные процедуры в Евразийском экономическом союзе: правовой аспект.....	144
<i>Реут П. Г.</i> Актуальные проблемы в области защиты прав потребителей онлайн-курсов	147
<i>Реут П. Г.</i> Правовой режим онлайн-марафонов	150
<i>Трофимчук А. М.</i> Понятие цифровой таможни	152
<i>Чубакова К. С.</i> Правовое регулирование социальных сетей: вызовы и перспективы	154
<i>Чубакова К. С.</i> Аккаунт в социальных сетях с позиций наследственных правоотношений	156
<i>Шабович В. В.</i> Направления повышения эффективности принудительного исполнения в отношении цифровых активов в Республике Беларусь	158

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Арефкина К. В.</i> Уголовно-правовая компенсация: понятие, виды, роль в системе уголовного права.....	160
<i>Арефкина К. В.</i> Исторический аспект развития уголовно-правовой компенсации в уголовном законодательстве	164
<i>Дераж Е. А.</i> Применение процедуры медиации в уголовном процессе	168
<i>Дераж Е. А.</i> История возникновения института медиации в Республике Беларусь	170
<i>Емельянова Я. А.</i> Процессуальное значение стадии возбуждения уголовного дела	172
<i>Емельянова Я. А.</i> Становление института приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении.....	175
<i>Злобина Е. А.</i> Несоввершеннолетние в уголовном праве.....	179
<i>Лазарь Д. В.</i> Криминологический анализ женщин, совершивших преступления	181
<i>Лазарь Д. В.</i> Правовое положение осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет	184

<i>Литвинова А. В.</i> История становления уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности	187
<i>Литвинова А. В.</i> Понятие неосторожности в уголовном праве Республики Беларусь	190
<i>Пустошило Д. Д.</i> Проблематика проверки показаний на месте	193
<i>Пустошило Д. Д.</i> Особенности проведения следственного эксперимента	196
<i>Слиж П. И., Юнцевич Д. В.</i> Психологическая характеристика осужденных-инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы	199
<i>Слиж П. И., Юнцевич Д. В.</i> Материально-бытовое и трудовое обеспечение инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы.....	201
<i>Слиж П. И., Юнцевич Д. В.</i> Международные стандарты в области регламентации правового положения инвалидов	204
<i>Шпакова П. В.</i> Институт пробации в уголовном праве Республики Беларусь	207